

■ Джон Д. Грэйнджер ■

# ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Крушение великой державы

*«...я предвижу великую  
рознь над моим телом»*



Джон Д.  
Грэйнджер

Джон Д. Грэйнджер

ИМПЕРИЯ  
АЛЕКСАНДРА  
МАКЕДОНСКОГО

Крушение великой державы

  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
Астрель  
МОСКВА

УДК 94(3)  
ББК 63.3(0)3  
Г91



Данное издание представляет собой перевод с английского языка оригинального издания «Alexander the Great Failure/ The Collapse of the Macedonian Empire», впервые опубликованного издательством Hambledon Continuum, подразделением Continuum Books (Continuum UK, The Tower Building, 11 York Road, London SE1 7NX; Continuum US, 80 Maiden Lane, Suite 704, New York, NY 10038, www.continuumbooks.com).

**Грэйнджер, Джон Д.**

Г91 Империя Александра Македонского. Крушение великой державы / Джон Д. Грэйнджер; пер. с англ. яз. С.О. Махарадзе. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 351, [1] с.

ISBN: 978-5-271-25911-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN: 978-5-17-063297-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN: 978-1-84725-188-6 (англ.)

**УДК 94(3)  
ББК 63.3(0)3**

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, т. 2  
953000 — книги и брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение  
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

Подписано в печать 11.09.2009 г. Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 18,48.  
Тираж 2000 экз. Заказ № 3016

Все права на полный или частичный перевод, воспроизведение или адаптацию любыми средствами в любой стране защищены.

**Джон Д. Грэйнджер  
Империя Александра Македонского**

Перевод с английского *С.О. Махарадзе*

Зап. редакцией *О.В. Сухарева*

Ответственный редактор *О.В. Сухарева (мл.)*

Корректор *И.Н. Мокина*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Компьютерная верстка *И.Г. Денисовой*

ООО «Издательство Астрель» 129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3 а  
ООО «Издательство АСТ» 141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96  
Наши электронные адреса: [www.ast.ru](http://www.ast.ru) E-mail: [astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru)

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов  
в ОАО «ИПП «Правда Севера». 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.  
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52  
[www.ippps.ru](http://www.ippps.ru), e-mail: [zakaz@ippps.ru](mailto:zakaz@ippps.ru)

ISBN: 978-5-271-25911-1  
(ООО «Издательство Астрель»)  
ISBN: 978-5-17-063297-8  
(ООО «Издательство АСТ»)  
ISBN: 978-1-84725-188-6 (англ.)

© ООО «Издательство Астрель», 2009  
© John D. Grainger 2007  
© Hambledon 2009



## Содержание

Карты	9
Введение	17
1. Македония в 370–359 гг. до н.э.: слабеющее государство	21
Обзор мира I: 360 г. до н.э.	44
2. Безопасность Македонии, 359–354 гг. до н.э.	52
3. Защита царства, 354–346 гг. до н.э.	67
4. «Холодная война», 346–340 гг. до н.э.	87
5. Завоевание Греции, 340–334 гг. до н.э.	103
6. Великая кампания, 334–325 гг. до н.э.	125
7. Объединенная империя, 325–319 гг. до н.э. Обзор мира II: 319 г. до н.э.	141 159
8. Антигон Одноглазый, 319–311 гг. до н.э.	165
9. Новый царь, 311–306 гг. до н.э.	183
10. Поражение Антигона, 306–298 гг. до н.э.	199
11. Новые цари Македонии, 298–291 гг. до н.э.	213
12. Царь Деметрий и его враги, 291–285 гг. до н.э.	228
13. Последний шанс империи, 285–281 гг. до н.э.	242
14. Новые цари и катастрофа, 281–277 гг. до н.э.	254
15. Новый мир, 277–272 гг. до н.э. Обзор мира III: 272 г. до н.э.	268 281

Заключение	286
Примечания	295
Библиография	324
Указатель	336

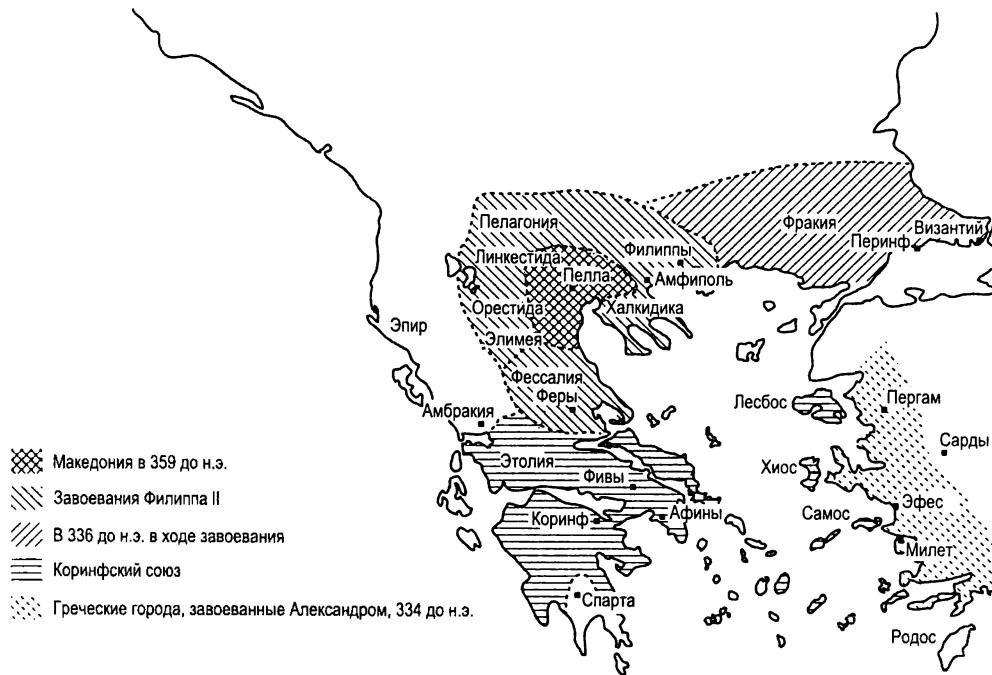
## *Карты*

<b>Рост Македонии</b>	9
<b>Стратегический кризис 331 г. до н.э.</b>	10
<b>Империя Александра</b>	11
<b>Кампания против Антигона, 302–301 гг. до н.э.</b>	12
<b>Царства – наследники империи Александра, 272 г. до н.э.</b>	13

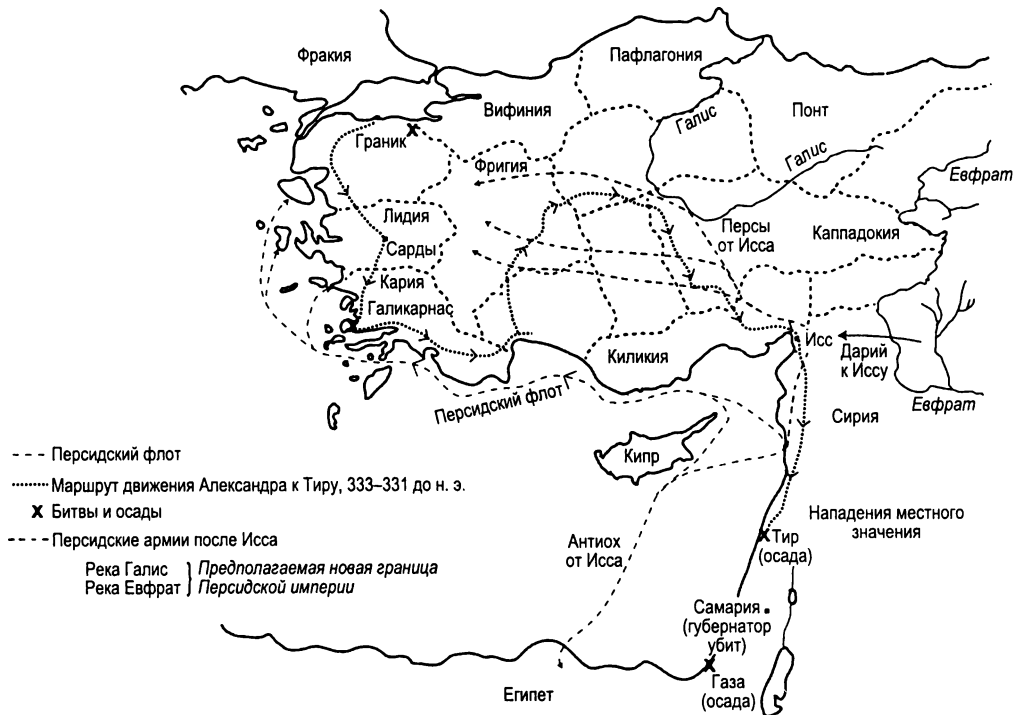
## *Схемы*

<b>Цари Македонии Династии Аргеадов</b>	14
<b>Династия Антипатра</b>	15
<b>Династия Антигона</b>	16

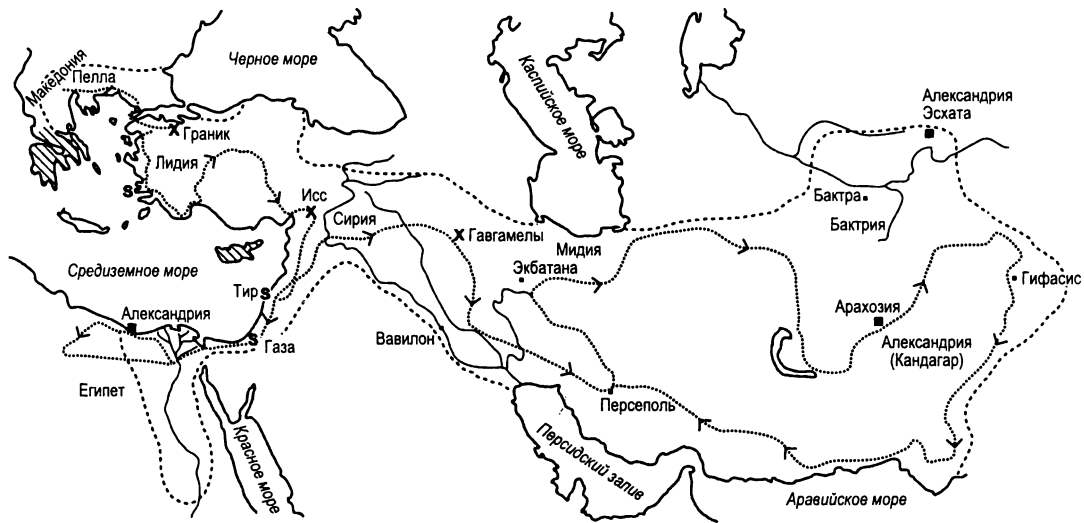
## Рост Македонии



## Стратегический кризис 331 г. до н.э.



# Империя Александра



..... Маршрут движения Александра

X Сражения

S Осады

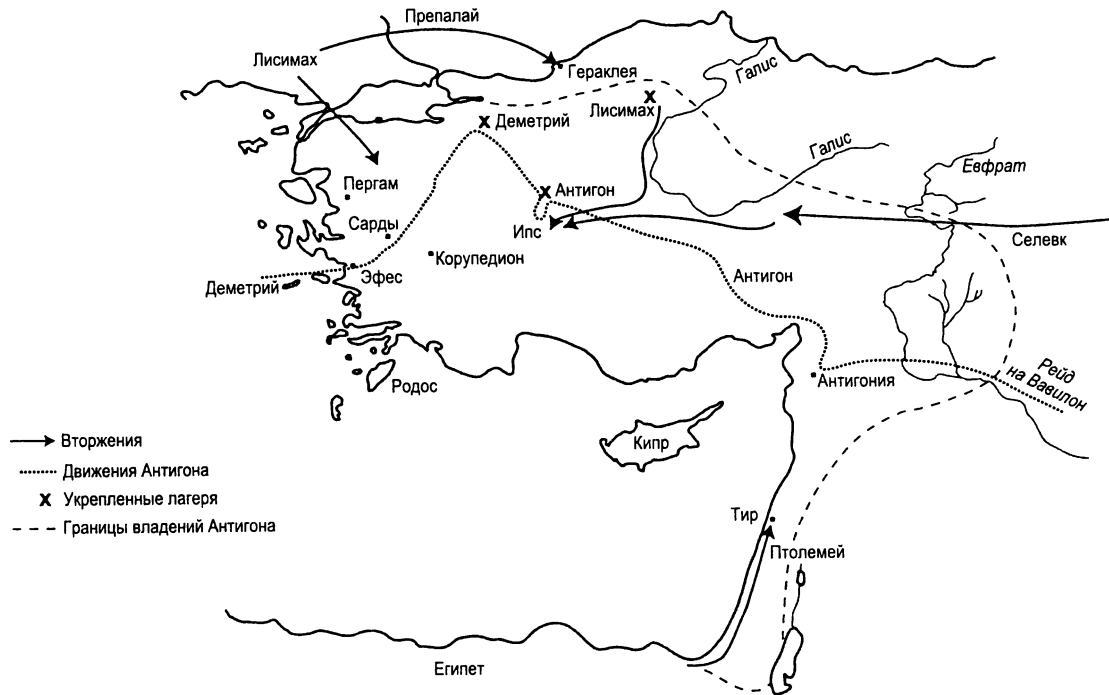
■ Города, основанные Александром

----- Внешние границы

/// Автономные греческие государства

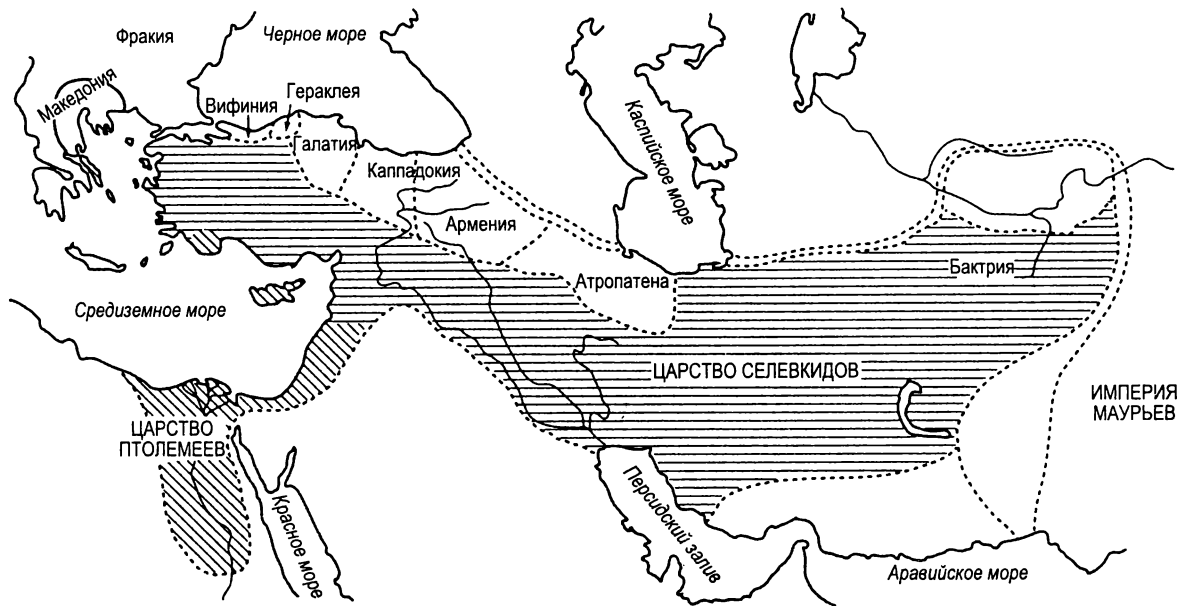
## Кампания против Антигона, 302–301 гг. до н.э.

12



КАРТЫ

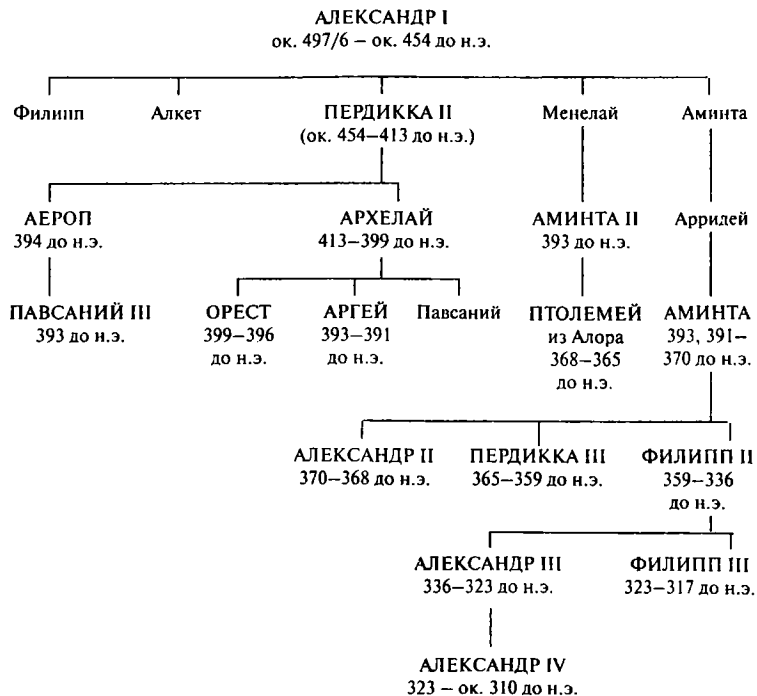
## Царства — наследники империи Александра, 272 г. до н.э.



----- Северная граница империи Ахеменидов

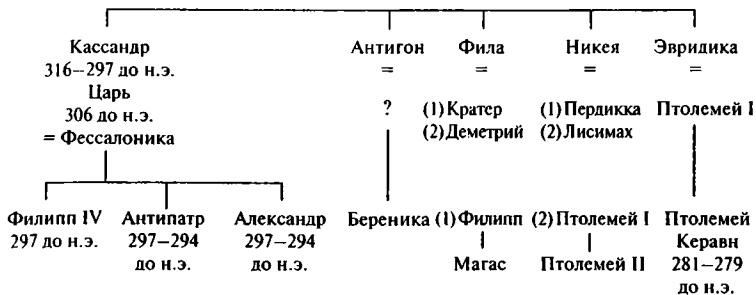


## ЦАРИ МАКЕДОНИИ ДИНАСТИИ АРГЕАДОВ



## ДИНАСТИЯ АНТИПАТРА

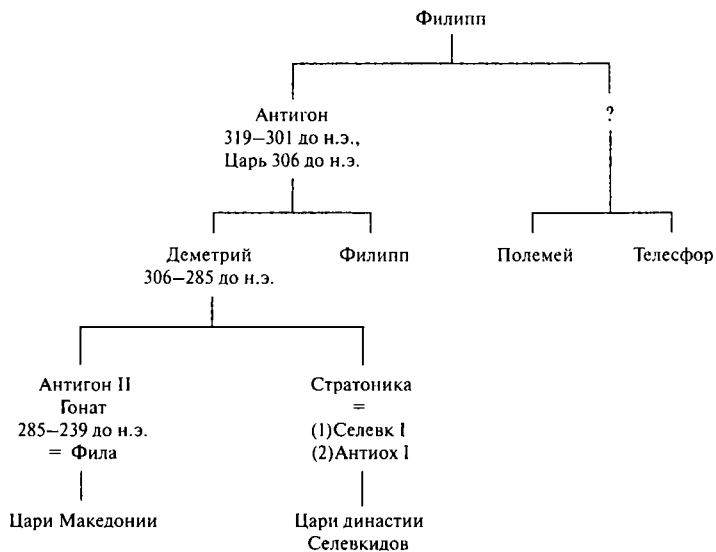
Антипатр, регент Македонии  
334–319 до н.э.



Указаны даты царствования в Македонии.

Примечание: у регента Антипатра было много других детей.

## ДИНАСТИЯ АНТИГОНА



## Введение

В течение почти ста лет, между 360 и 270 гг. до н.э., Македония была одним из наиболее динамичных государств мира. Под руководством царя Филиппа II ее могущество возросло настолько, что она стала доминировать над своими балканскими и греческими соседями. При его сыне Александре III власть Македонского государства распространилась на восток до самой Индии. Достижения Александра поражают и спустя более 2000 лет. Деятельность Филиппа стала фундаментом для деяний его сына, поэтому и рассматривать этих двух государей надо вместе.

Число написанных биографий Александра Македонского огромно, регулярно появляются все новые версии.<sup>1</sup> Это связано с теми тайнами, которые окутывают жизнь этого человека; это также результат поисков новых взглядов, новых объяснений его поступков, жизни и смерти; поисков, которые иногда приводят к абсурдным выводам.

Ранняя смерть Александра, его завоевания, чрезмерная страсть к алкоголю, болезни, убийства и заговоры его эпохи — все это крайне интересные темы для исследователей. Благодаря тому, что сохранилось целых пять связанных рассказов о правлении Александра, он является одним из немногих людей Античного мира, чьи биографии можно написать<sup>2</sup>, но мне всегда казалось, что хотя жизнеописание этого человека неизменно получаются интересными и увлекательными, — а завоевание мира вряд ли может быть иным, — это только часть истории. Подобно тому, как «Илиада», которая была своего рода образцом поведения для Александра, начинается с *in medias res* (деяния царей) в Троянскую войну в целом и не говорит об исходе войны, так и изложение жизни Александра, которое перескакивает через деятельность его отца и не уделяет внимания

событиям, последовавшим после его собственной смерти, не дает ни правильного анализа его достижений, ни объяснения того, что он в действительности совершил.

Краеугольные факты биографии этого человека — это то, что он был сыном Филиппа и был македонцем. Поэтому эти два момента необходимо довольно детально рассмотреть. Деятельность Филиппа по расширению и развитию Македонского царства была основой карьеры Александра-завоевателя, но у Филиппа были свои препоны, и Александр столкнулся с подобными же трудностями в последний год своей жизни. Александр умер в разгар двух проектов: первый — организация управления огромной империей, для которой система правления Филиппа оказалась непригодной, и второй — продолжение завоевания других регионов, для чего армия Филиппа показала себя весьма эффективной. Поэтому влияние смерти Александра на историю необходимо рассматривать в этом контексте. Простая биография не может этого сделать: необходимо рассмотреть его происхождение и все то, что случилось в процессе его необычной жизни.

Таким образом, цель данной книги — выяснить, как возникла империя Александра Великого. Это требует рассмотрения Македонского царства и деятельности Филиппа. Затем я намереваюсь исследовать причины распада империи, поскольку именно это наиболее значительный результат жизни и деятельности Александра: несмотря на всю его военную славу, он был одним из самых великих неудачников в истории, и его неудача принесла несчастье и смерть бесчисленному множеству людей. И не только это; она привела и к его собственному краху. Надменность македонского царя была в значительной степени ответственна за его собственную раннюю смерть; он также в ответе за крушение своей империи, поскольку он был царем в обществе, где сама личность правителя являлась основой благополучия всего общества в целом. Когда правитель терпел неудачу, это отражалось на всем Македонском царстве, и подобное случалось в большей или меньшей степени каждое поколение в течение двух столетий до него, и вновь произошло, когда он умер, и повторилось позже. Ради блага своего на-

рода Александру нужен был взрослый наследник, но детей у Александра не было, а соперников он устранял. Это была безответственность крайне интровертного человека, последствием ее стали 50 лет войн после смерти Александра и разрушение его империи.

Именно это я и пытаюсь объяснить здесь. Темой, таким образом, является создание и крушение империи Александра. В этой книге не дается детальный разбор материала источников, не ведется здесь и «диалог» со взглядами других историков. И то и другое стоит делать, и неоднократно делалось, но слишком часто они замыкались в себе, не приходя к окончательному результату и лишь затемняя предмет.

Книга охватывает период около столетия. Он разделен на части не столько в соответствии со смертью царей, но скорее чтобы подчеркнуть значительные события, особенно в истории империи. О смерти Филиппа и Александра, таким образом, рассказано внутри глав, а не как о конечных точках этапов.

А. Дж. Тойнби однажды написал два эссе, в которых пытался представить, что произошло бы, если бы Филипп или Александр продолжали жить.<sup>3</sup> Он привел один факт, который слишком часто игнорировали: современники Александра — Птолемей, Лисимах, Селевк — прожили по восемь десятков лет, как и современники Филиппа — Антипатр и Антигон. Это означает, что оба царя умерли еще молодыми и безвременно. Таким образом, то столетие, которое я рассматриваю здесь, начинается непосредственно перед рождением Александра и заканчивается только через несколько лет после смерти его современников. Были люди, которые могли прожить все это время, этот период лишь немногим длиннее человеческой жизни.

Имели место также и более масштабные последствия. В то же время, когда рухнула созданная им империя, состоящая из Македонии, Греции, Персидской империи и долины Инда, в других регионах выросли столь же могущественные державы, частично в результате угрозы, создаваемой империей Александра даже во времена неурядиц. В Индии была построена новая

империя, предположительно по образцу империи Александра; Римская республика объединила Италию отчасти благодаря реакции на нападения из Греции. Оба эти новые государства оказались способными противостоять нападениям преемников Александра. Чуть дальше находилась в стадии создания другая империя – в Китае, это происходило совершенно независимо от событий на Ближнем Востоке. Невозможно в одной книге рассмотреть все эти события достаточно детально, но я вставил в книгу три главы, дающие представления о них. Слишком часто истории этих стран рассматриваются в полной изоляции друг от друга.

*Македония в 370–359 гг. до н.э.:  
слабеющее государство*

За почти десятилетие, прошедшее между смертью царя Аминты III в 370 г. до н.э. и кончиной Пердикки III в 359 г. до н.э., на македонском престоле находились четыре человека, трое из которых быстро умерли. В это же время три внешних врага вторгались или готовились вторгнуться в пределы государства. Это говорит о том, что между 370 и 359 гг. до н.э. Македонское государство гибло и шел процесс его распада.

Каждый житель Македонии, имевший представление об истории своей страны, знал, что такое случалось и раньше. За четверть века до этого, в 390-х гг. до н.э., сложилась очень похожая ситуация, еще за полвека царство в течение двух десятилетий было разделено, а в промежутках в царской семье не прекращался разлад. Во время кризисных моментов — в 454–430, 413, 399–391 и 370–359 гг. до н.э. — престолонаследие становилось предметом споров, и в каждом случае гибло много людей. Кризис 360-х гг. до н.э. был таким образом лишь повторением старой «традиции».

Македонское царство существовало с VII в. Его ранняя история известна только из мифов и более позднего генеалогического самовозвеличивания правящей династии,<sup>1</sup> представители которой вели свое происхождение от греческой семьи из Аргоса и считали себя потомками Темена, родственника Геракла. По этой причине царская семья называлась или Темениды, или Аргеады. Эта ранняя «история» не доказана и маловероятна. Только с конца VI в. можно найти сколько-нибудь ясную информацию, в большей степени благодаря интересу к Македонии других государств, а не внутренним записям царства.

Важнейшим относительно Македонии является, во-первых, тот факт, что это было царство и что оно оставалось таковым даже после того, как большинство греческих государств



свергли своих царей, и во-вторых, что царство лежало на обширной, плодородной и хорошо обеспеченной водой равнине, окруженной горами и населенной не македонянами. Они были менее богаты и не столь многочисленны, как жители долины. Эти два фактора соединялись и усиливали друг друга, поэтому Македонии часто угрожали вторжения и был необходим постоянный военный лидер, который мог организовать военные силы равнины и руководить ими во время обороны или ответных нападений. Царь был главой Македонского государства, и проблемы в царской династии влияли на всю Македонию. Обширная равнина способствовала также существованию значительного числа землевладельческой знати, которая сражалась верхом и из-за постоянной потребности выступать на защиту царства все время находилась в состоянии боевой готовности.

«Сердце» царства находилось на равнинных землях к северу от горы Олимп и лежащих вокруг Термейского залива Пиерии, Эматии, Альмопии, Боттиэи, в области протяженностью около 100 км с юга на север и в два раза меньше с востока на запад — т.е. довольно обширной для Греции. Ее омывали несколько рек, которые стекали с гор на западе и на севере и, сливаясь, впадали в Термейский залив. Долины этих рек в свою очередь стали дорогами с равнины в горы, но по этим же дорогам жители гор могли совершать набеги на долину.

Между смыкающимися гребнями гор располагались несколько высокогорных областей — Тимфея, Элимея, Орестиды, Эордея, Линкестиды, Пелагония, каждая из которых имела своего царя. Этот регион обычно называется Верхней Македонией; при движении дальше от центра страны основным языком общения становился уже не греческий, а иллирийский или фракийский.<sup>2</sup>

Побережья царства были доступны мореплавателям, и здесь были расположены несколько греческих городов-государств — Дион, Метона, Пидна и др. На другом берегу Термейского залива множество городов было основано на полуострове Халкидика, называвшемся так, поскольку многие из городов были основаны выходцами из города Халкиды на о. Эвбея. В этой

области расположились до 30 городов, включая Терму, который и дал имя заливу. Большинство из них были небольшими, но помимо Термы заметными городами были Потидея и Олинф. Это была скорее греческая, чем македонская земля.<sup>3</sup>

В этих городах были образованы республики по греческому образцу; мужское население составляло часть пехоты. Македонцы, напротив, предпочитали действия кавалерии. Это ограничивало реальную силу, которую могли выставить цари; она формировалась только из достаточно богатых представителей знати. Македонская пехота была плохо обучена и состояла из народного ополчения — всего мужского населения, в основном плохо вооруженных крестьян, не обладавших достаточной дисциплиной и слаженностью действий.<sup>4</sup> Городские центры царства были относительно невелики, это были скорее локальные торговые центры, над которыми властвовала знать, а не развитые политические единицы.

Различие в военной организации давало преимущество греческим городам, по меньшей мере с точки зрения обороны, поскольку кавалерии было трудно бороться с ошестинившейся длинными копьями фалангой гоплитов. Горцы из удаленных от моря государств были организованы подобно македонцам, но менее многочисленны; их земли географически были меньше и не могли дать большое число воинов.<sup>5</sup> Поэтому войны Македонии против расположенных в глубине материка соседей были в основном успешны, а против греков — обычно нет. Весь регион находился в состоянии постоянного конфликта, в котором ни одна из сторон не могла добиться превосходства на длительное время. Здесь быстро возникали и так же быстро распадались краткосрочные союзы, основанные на внезапно осознанных общих интересах.

Теоретически преимущество было на стороне Македонского царства, благодаря самому его размеру и численности населения это было самое большое государство на Балканах к югу от Дуная. Греческие города были относительно небольшими и контролировали землю вокруг лишь на небольшом расстоянии — примерно в один день пути от своих стен. Племенные государства внутри материка занимали окруженные горами

узкие долины — в этой ситуации население и ресурсы были естественным образом ограничены. Но сила Македонии оставалась всего лишь потенциалом отчасти из-за недостаточного экономического развития и социальной организации, что ограничивало ее военную силу, а отчасти из-за династических проблем.

Первым царем, о котором многое известно, был Александр I, правивший Македонией в то время, когда Персидские войны охватили Грецию и Эгейское море. В течение 30 лет это было зависимое от Персии царство, и Александру и его отцу персы помогали расширять свои территории, частично на восток, но Александр также установил и определенный контроль над несколькими горными государствами вдоль своей западной границы.<sup>6</sup> Он был амбициозным, беспринципным, изощренным и хитрым, то есть обладал именно теми качествами, которые были необходимы, чтобы выживать и благоденствовать в опасные времена Персидских войн. Александр позволял персидским войскам проходить через свое царство — да и вряд ли мог поступить по-другому, но он также поддерживал и контакты с греками, действуя так эффективно, что ни одна из сторон не была обижена. Когда после 478 г. до н.э. Персия ослабела, он встал на сторону одержавших победу греков. Он подтвердил свои связи с эллинами, доказав с помощью рассказа о своих аргивских предках судьям на Олимпийских играх свое греческое происхождение. Судьи приняли его заявление, хотя оно явно было выдумкой.<sup>7</sup> Завоеванные Александром земли становились частью Македонии, а их жители — македонянами; так, например, жители Пелагонии и других районов, до македонского завоевания считавшиеся иллирийцами, после него стали македонянами и оставались ими в дальнейшем.<sup>8</sup>

В ходе экспансии Александр использовал традиционные методы македонских царей. Некоторые регионы он завоевывал и изгонял жителей, «заменяя» их македонцами. Это, видимо, был основной метод на раннем этапе расширения государства. Как он реализовывался, до конца не ясно. Изгнать целый народ было крайне трудно; более вероятно, что уходила некая правящая верхушка, может быть, со своим окружением,

но основная часть крестьян оставалась. Поэтому македонское завоевание было распространением власти правящей элиты Македонии на существующее на местах крестьянство. Результат заключался в росте земель и богатства знати и увеличении ее численности, когда младшие сыновья получали новые владения.<sup>9</sup>

Второй метод заключался в установлении господства. Несмотря на успехи Александра I, правящие династии западных горных государств сохраняли власть; они упоминаются Фукидидом в его изложении событий 429 г. до н.э. Вероятно, они были побеждены в войне, а последовавшее мирное соглашение гарантировало сохранение правления царского дома, и с царской семьей Македонии заключались подкрепленные браками союзы. Фукидид называет эти царства «союзники и подданные»<sup>10</sup> — двусмысленно и одновременно точно. Подчиненные царства должны были при необходимости оказывать военную помощь македонскому царю. Нет нужды говорить, что они стремились при первой же возможности отделиться.

В македонском обществе царь был, по сути, главой широкого слоя аристократии, которая управляла практически бесправными крестьянами. Аристократия всегда стремилась приобрести новые земли, любимым занятием ее была охота, а в войну она составляла кавалерию. Поддержку царю аристократы оказывали до определенной степени добровольно, соблазняемые его щедростью при раздаче земель и подарков. В такую политическую структуру легко входили и «подчиненные цари» горных царств. Ниже знати находились крестьяне, которые должны были производить продукты питания, но иногда вынужденные братья за оружие, чтобы отразить врага под руководством знати и царя. С культурной точки зрения знать была до определенной степени эллинизирована, а крестьяне в основном неграмотны; в экономическом плане уровень жизни большинства едва ли превышал минимальный.

Поэтому Македония в V в. до н.э. была большим, достаточно малонаселенным и нестабильным государством. Его эффективность зависела в значительной степени от энергичности и активности царя. Во внутренней политике царь вынужден был

держат знать на своей стороне и постоянно должен был успокаивать или подавлять правителей зависимых территорий на западных границах региона. Знать часто была недовольна почти по каждому реальному или вымышленному поводу, правители горных районов предпочли бы полную независимость. Границы не были четко определены и часто становились местом стычек. И во внутренних, и во внешних вопросах царям требовались хитрость и беспринципность, которые так успешно продемонстрировал Александр I.<sup>11</sup>

После Персидской войны основной противостоящей Александру силой были Афины, первоначально как лидер Делосского союза, а позже как гегемон своей империи. Они вступили в конфликт из-за контроля над устьем и нижней переправой через реку Стримон. Переправа была воротами Македонии на восток, река была входом на континент с моря для Афин. Еще больше обостряли ситуацию богатые залежи золота и серебра на горе Пангей к востоку от реки. Почти одновременно в 477 г. до н.э. Афины захватили персидскую базу Эйон на побережье, а Александр занял поселение Девять дорог.<sup>12</sup> Местные греческие города-колонии вдоль побережья Македонии, на Халкидике и на побережье Фракии в то же время вступили в Делосский союз.<sup>13</sup>

В течение столетия после ухода персов каждый царь Македонии сталкивался с сочетанием внешних угроз и нестабильности внутри страны. В этом и заключаются основные причины переменчивых успехов царей и их государств в это время. Преимущество политики нарушалось трудностями, возникшими при каждой смене правителя. Как правило, прежний царь выбирал наследника, но этот выбор не всегда принимали другие,<sup>14</sup> поэтому обычно за смертью царя следовала борьба за престол между теми, кто мог считаться его наследниками, т.е. мужчинами из династии Аргеадов. Это неизбежно поощряло вмешательство извне, попытки правителей подвластных территорий добиться независимости и возможное разделение государства между наследниками. Это также делало жизнь любого царя очень опасной: убийства были постоянным средством тех, кто был обманут в своих надеждах.

Александр I умер около 454 г. до н.э., оставив пятерых сыновей от двух жен. По-видимому, он поставил троих из них правителями над разными частями государства. Старший и самый энергичный сын, Пердикка II, стал царем Македонии; Филипп правил землями вдоль западной границы, возможно, Амфаксием – территорией между рекой Аксию и горами на востоке; Алкет также правил некоторыми территориями, но какими именно, точно неизвестно. Два других брата, Менелай и Аминта, не имели собственных земель, но определенно выжили и должны были получить владения. Данная ситуация не прояснена до сих пор и является предметом споров.<sup>15</sup>

Так же не ясно, было ли подобное разделение проведено самим Александром или же стало результатом соглашения между братьями. Его могло утвердить, в частности, т.н. Собрание македонцев, а может быть, оно утверждало только царя. По сохранившимся источникам сложно сделать вывод, что именно представляло собой Собрание той эпохи; по-видимому, оно состояло из богатых землевладельцев, знати, хотя там могли присутствовать и незнатные свободные граждане. Собрание, если оно следовало образцу других греческих государств, собиралось каждую весну и осень (в дни равноденствия), возможно, в Дионе, в Пиерии и в Эги. Когда царь умирал, его преемник представлялся Собранию, и его должны были признать приветственными криками. Нет никаких упоминаний о случаях, когда царь не был признан. Царь мог созвать специальное Собрание, в качестве которого могла рассматриваться любая достаточно большая группа македонцев.<sup>16</sup>

Из этого следует, что прежде всего наследника определял бывший царь, но его решение могло быть изменено. Престолонаследие ограничивалось членами царской династии Аргеадов, но это была достаточно большая группа лиц. Царь мог жениться больше одного раза, или последовательно, или вступая в полигамный брак; все это вносило в процесс значительную долю неопределенности. Убийства и гражданские войны также были частью этого процесса.

Раздел царства Александром I привел к периоду внутренних неурядиц. Филипп оспаривал царскую власть Пердикки I,

но в конце концов был изгнан и, возможно, убит. Когда около 413 г. до н.э. умер сам Пердикка, претензии на трон заявил Алкет, который, возможно, был назван в качестве преемника умершим царем. Тогда собственный сын Пердикки Архелай оспорил это, и именно он стал царем. Произошло ли это потому, что македонцы считали, будто царем должен непременно стать сын последнего царя, или же просто потому, что Алкет и его сыновья погибли в битвах, неизвестно.<sup>17</sup> Время раздробленности было периодом ослабления, и по меньшей мере две области — Бизалтия к востоку от Аксия и Эдония еще дальше на восток, стали независимыми под властью собственных царей. Западные регионы Верхней Македонии стали еще более самостоятельными, чем раньше. В этот период афиняне смогли основать колонию в Амфиполе у бывшего поселения Девять дорог с целью контролировать торговый маршрут по долине Стримона и минеральные ресурсы горы Пангей.<sup>18</sup>

Архелай пытался усилить свое царство, но результаты про-являлись очень медленно. Он вновь начал выгодную добычу серебра в Бизалтии, позволил Афинам строить суда на македонских верфях, продавал лес для этих работ и пытался создать более эффективную армию. После поражения Афин в Пелопоннесской войне он безропотно выполнял то, что диктовала Спарта. По сравнению с Афинами или Спартой Македония была недостаточно сильна, чтобы играть значительную роль в международных делах.<sup>19</sup>

Тем не менее внутри страны Архелай достиг определенных успехов. Он добился подчинения Элимеи и Орестиды на западе. С помощью Афин он завоевал греческий город Пидна на побережье и переселил его жителей на 3–4 км в глубь суши. Он расширил свою власть на восток до восточной части Халкидики. Он продвинулся на север вдоль долины Аксия и получил контроль над важным проходом Демир Капу, основав недалеко от него македонское поселение и закрыв доступ к нему с этого направления.<sup>20</sup> Это потребовало десятилетия усилий и войн и увеличения численности армии.

Он также перенес свою царскую резиденцию из Эги на реке Галиакмон в Пеллу на северных берегах Термейского залива.

Это знаменовало частичное отступление от традиций прошлого, хотя царей продолжали хоронить в Эги, и Собрания все еще проходили там же. Результатом такого шага могло стать укрепление внешних связей: Эги был расположен крайне неудобно в географическом плане, к тому же в глубине материка, в то время как Пелла была морским портом, располагалась в центральной части царства и резиденция здесь автоматически приближала правителя к проблемным границам на северо-западе и востоке.<sup>21</sup>

Архелай погиб в 399 г. до н.э. или при несчастном случае на охоте, или в результате заговора при дворе.<sup>22</sup> Между его смертью и восшествием на престол его двоюродного брата Аминты III в 391 г. до н.э. царями побывали четыре других человека: Орест, сын Архелая, умерший по естественным причинам или же убитый; Аероп, сводный брат Архелая, который был регентом при Оресте, наследовал ему и скончался после правления в течение всего двух или трех лет; Аминта II Малый, сын брата царя Пердикки Менелая, был убит одним из придворных по имени Дерда, которого он унизил; а затем Павсаний, сын царя Аеропа, который умер или, возможно, был убит после очень недолгого правления. Аминта III стал царем в 393 г. до н.э. Он был внучатым племянником Архелая и внуком пятого сына Александра I, поэтому принадлежал к линии, очень далекой от трона. Его вступление на престол было отступлением от прямой линии наследования. Единственными требованиями к претенденту было пусть и отдаленное родство с царской семьей и способность выжить. Нет никаких свидетельств, что Собрание играло во всем этом какую-либо роль, но оно предположительно признавало каждого нового царя.<sup>23</sup> (См. генеалогию на с. 14).

Неизбежным результатом долгого кризиса престолонаследия было новое ослабление государства. Борьба целиком происходила внутри царской династии, никто посторонний не оказывал значительного влияния на исход, может быть, только в качестве убийцы. Власть Аминты III серьезно уменьшилась, и в его царство почти сразу через северо-западную границу вторглись иллирийцы. Уже его предшественники утратили



контроль над пограничным царством Линкестиды, а Аминта был смещен захватчиками, посадившими на престол человека по имени Аргей. Считается, что он удержался у власти в течение двух лет, после чего Аминте удалось вернуться.<sup>24</sup> Таким образом к возвращению Аминты в 391 г. до н.э. в царстве за девять лет сменились восемь царей, включая второй раз воцарившегося Аминту.

Про Аргея нет достоверных сведений, вероятно, он был родным или сводным братом Ореста, то есть сыном царя Архелая. Орест, взойдя на престол, был еще совсем ребенком; Аргей также был очень юн — согласно источникам, в конце 390 г. до н.э. он находился в подростковом возрасте. В период неурядиц в царской семье у потерпевшего поражение или отвергнутого претендента на престол всегда существовал соблазн поискать поддержки за пределами царства, а соседи могли надеяться оказать влияние на марионеточного царя. Обычно в долгосрочной перспективе это не приносило результата, поскольку он по определению не находил поддержки внутри страны, зато захватчики обычно считали такой расклад очень выгодным для себя. Иллирийцы, фракийцы, афиняне и позже эпироты — все пытались оказать слияние на Македонию, но в конце концов терпели неудачу. Однако их вторжения, в общем, способствовали тому, что царство постоянно находилось в ослабленном состоянии, что, возможно, и было их вторичной целью.

Аминта обладал значительной поддержкой внутри страны и получил помощь от Фессалии. Он также договорился с Олифмом на Халкидике, которому он передал землю возле города в качестве дара за вооруженную помощь. Фессалийцам удалось вернуть Аминту на трон;<sup>25</sup> их должным образом поблагодарили, и они вернулись домой. (Это лишь предположительная реконструкция событий, возможны и другие варианты.)<sup>26</sup> Македония в то время была значительно ослаблена вследствие неопределенности в верхах. Каждому новому царю требовалось время, возможно до десятилетия, чтобы укрепиться самому и чтобы его достижения, если они будут, после его смерти не были моментально сведены на нет в результате борьбы за престол. После десяти лет беспорядков Аминте, чтобы обезо-

пасить свое положение и укрепить власть, требовалось еще больше времени, чем большинству из них.

Слабость Македонии совпала с ростом нового союза городов Халкидики под руководством Олинфа, и в 380-х гг. до н.э. в этот союз вошли и близлежащие македонские города, включая даже Пеллу,<sup>27</sup> что лишило Аминту царской резиденции. В течение V в. под влиянием расширяющейся торговли и следуя примеру расположенных рядом греческих колоний городские центры в Македонии множились и росли.<sup>28</sup> Немногие были по-настоящему крупными, большинство оставались по сути селами, но они создавали рынки для продуктов сельского производства, где были доступны также импортные товары и изделия местных ремесленников. Их население было также альтернативной опорой царей, чья зависимость от знатных землевладельцев и крестьян таким образом уменьшалась. В подобные центры перебирались иммигранты из Греции, такие как изгнанные из своего города аргивянами в 464 г. до н.э. жители Микен, которым Александр I предоставил убежище.<sup>29</sup> Пердикка повторил этот шаг по отношению к жителям Гестиеи с о. Эвбеи, изгнанным афинянами в 446 г. до н.э.<sup>30</sup> Именно такие люди и жители городов, подготовленные в качестве гоплитов фаланги, могли дать царям возможность бороться с греческими захватчиками, тогда как состоявшая из аристократов конница и крестьяне привыкли иметь дело только с иллирийцами и фракийцами.

Потеря контроля над несколькими из этих городских центров в пользу Халкидского союза означала, что цари теряют доступ к их финансовым ресурсам, использованию их воинов-гоплитов и власть над их землями. Аминта III был ограничен зависимостью от сельских регионов и поддержкой знати и воинов-крестьян, которые были бесполезны против конницы или пехотинцев-гоплитов. Наступление Халкидского союза на городские центры Македонии предвещало гибель царства.

Еще одно вторжение иллирийцев в 383 г. до н.э. могло второй раз привести к изгнанию Аминты из своего царства, хотя в этом случае он быстро возвратился бы, и неясно, было ли это чем-либо большим, чем еще одним кратким набегом.<sup>31</sup> Но к

этому времени он был настолько озабочен могуществом Халкидики, что обратился к доминирующей силе в Греции — Спарте, прося помощи. В то же время в Спарту поступили жалобы и от нескольких городов Халкидики — не членов Союза. Оценив, наконец, потенциал Союза к дальнейшему расширению, спартанцы вмешались.<sup>32</sup>

Это было время, когда имперское влияние Спарты являлось наибольшим. Когда дело представили на рассмотрение спартанцам, они посчитали Халкидский союз главной угрозой соседям и гегемонии Спарты в Греции. Спартанские войска выступили на север и в союзе с Аминтой осадили Олинф. Осада продолжалась три года, продемонстрировав спартанцам, насколько силен мог стать этот союз. Без сомнения, когда заключенный мир разрушил союз, Спарта могла поздравить себя, но больше всего выиграл Аминта, который возвратил свои утерянные земли, города и селения.<sup>33</sup>

Аминта III был почти настолько же беспринципным в своих международных отношениях, как и его прадед Александр I, и настолько же рассудительным и реалистичным. В разное время он вступал в союз с фессалийцами, афинянами, Халкидским союзом, иллирийцами и Спартой, и все это с целью приобретения, возвращения или возрождения своего царства. Развал Халкидского союза руками Спарты не побудил его сохранять дружбу с этим городом долгое время, и вскоре после этого он опять вступил в союз с Афинами, которые в достаточной степени восстановились после поражения и образовали новый собственный союз.<sup>34</sup> Это был противовес Спарте, и в 370-х гг. до н.э. гегемония Спарты ослабела. В конце концов фиванцы под командованием Эпаминонда и Пелопида уничтожили ее: сначала они разбили спартанцев при Левктрах в 371 г. до н.э., а затем перенесли войну на Пелопоннес. Таким образом было только-только положено начало определенному прогрессу, однако в 370 г. до н.э. по естественным причинам Аминта III скончался.

К этому моменту Македония была относительно стабильным государством, но она все еще была окружена врагами, и ее внутренняя структура оставалась очень непрочной. За пре-

делами царского двора инфраструктура государства находилась в зачаточном состоянии. Доход царя базировался в основном на его способности контролировать и распоряжаться природными ресурсами государства, в т.ч. драгоценными металлами и лесом, поэтому когда правитель терял контроль над шахтами, как Пердикка II утратил контроль над серебряной шахтой в Бизалтии, чеканка монет прекращалась. Продажа леса была частью внешней политики царства: ориентация на Афины была связана с постоянной потребностью этого города в лесе для строительства флота.<sup>35</sup>

Военная сила царства все еще заключалась во всадниках-аристократах. Крестьяне, составлявшие пехоту, не хотели отвлекаться от своего хозяйства без принуждения, платы или доли добычи, а правители были недостаточно богаты, чтобы платить. Поэтому только царь, обладавший реальной властью, означавшей возможность контроля над аристократией, мог добиться серьезного влияния в международных делах. Слишком часто один из врагов мог вывести Македонию из игры, вызвав вторжение того или другого из ее врагов или убедив претендента на трон поднять восстание.

Отсутствие правительственной инфраструктуры означало, что не существовало ни общей бюрократии, которая могла бы образовать административный «скелет» страны, ни профессиональной военной силы, чтобы контролировать внутреннее недовольство, дисциплинировать непокорных аристократов и сдерживать захватчиков. Халкидский союз в 383 г. до н.э. имел в своем распоряжении менее 10 000 воинов, тем не менее ему удалось без серьезных трудностей уничтожить близлежащие македонские поселения, и Аминта не смог этого предотвратить.<sup>36</sup>

Поэтому как государство Македония оставалась примитивным политическим образованием, слишком полагавшимся на силу, богатство и личную харизму отдельных правителей. Отсюда и повторяющаяся раз от раза нестабильность после смерти царя. Это отчетливо видно на протяжении полутора столетий до смерти Аминты. Можно даже, не слишком уклоняясь от реальности, предложить следующую таблицу, где сменяются периоды упадка и стабильности царской власти.

1. 497–454 гг. до н.э.: правление Александра I;
2. 454–430 гг. до н.э.: царство разваливается;
3. 430–413 гг. до н.э.: единоличное правление Пердикки II;
4. 413 гг. до н.э.: «кровавая баня» в царской семье;
5. 413–399 гг. до н.э.: правление Архелая;
6. 399–391 гг. до н.э.: конфликты по поводу престолонаследия;
7. 391–370 гг. до н.э.: правление Аминты III.

Чередующиеся хаос в царской семье и последующее возрождение царского правления под властью победившего кандидата сами по себе оказывали крайне негативное действие. Складывалось мнение, что ни один царь не может передать власть своему преемнику, который оставался слабым на еще более длительный период. Результатом этого стали беспорядки в период правления Аминты III – он определенно оказался менее грамотным правителем, чем его предшественники.

Цари понимали, что необходимо сделать. В качестве примера можно взять правление Архелая: он проложил дороги через леса; организовал профессиональную армию, хотя она никогда не была достаточно большой; он добился контроля над греческими городами на побережье, он перенес центр царской власти из традиционной Эги в прибрежную Пеллу.<sup>37</sup> Все это он совершил за полтора десятилетия своего правления, но успел так много лишь потому, что получил более или менее целостное государство. Его предшественник Пердикка вынужден был более 20 лет потратить на возвращение утерянных территорий, а борьба за престол в 413 г. до н.э. хотя и оказалась смертельной для нескольких членов царской семьи, была краткой и повлияла в основном только на саму же семью, а не на все царство. То, что греческие государства были связаны своей «Великой войной», также помогло избежать вмешательства извне. Но более крупный конфликт в борьбе за престолонаследие в 390-х гг. до н.э. быстро растратил достижения Архелая, и продолжающиеся беспорядки царствования Аминты III не позволили царству полностью восстановиться.

Только в 370-х гг. до н.э. Аминта вернул часть власти своих предшественников, но к этому времени он был уже пожилым

человеком, и когда он умер, вся структура вновь развалилась. Но к этому времени просто восстановить власть в традиционном понимании было уже недостаточно; необходима была более прочная структура управления. Македония в 370-х гг. до н.э. была слабее и внутренне, и в международных отношениях, чем когда-либо со времен персидского вторжения.

В этой ситуации не помогало и то, что у Аминты было шестеро сыновей от двух разных жен. Порядок их рождения неизвестен, и возможно, что браки Аминты были бигамными (не предмет для осуждения в Македонии). Старшей женой была Эвридика, принцесса из царской семьи Линкестиды, второй женой была Гигея, происхождение которой неизвестно; обе жены родили по три сына. Сын Эвридики Александр, по-видимому, при жизни Аминты был назван его преемником, поскольку в договоре с Афинами его имя стоит сразу после имени его отца,<sup>38</sup> возможно он был старшим сыном. Была также и дочь Эвриноя.

Александр II было около 20 лет, когда умер его отец. Его восшествие на престол было мирным и, насколько нам известно, не стало предметом споров. Он быстро договорился с иллирийцами, что для предотвращения вторжений он будет платить им дань.<sup>39</sup> Он был достаточно уверен в своих силах, чтобы на следующий год вмешаться в дела Фессалии и помочь правителям города Лариссы, старого союзника его отца, против местного тирана. Но его уверенность была необоснованной. Вмешательством в Фессалии он привлек внимание основной силы в Греции того времени — города Фивы. Он занял города Ларисса и Краннон и обещал предоставить им независимость после завершения кризиса, но затем передумал, и освобождение его союзника превратилось в оккупацию.<sup>40</sup>

В его отсутствие в Македонии началось восстание во главе с Птолемеем I Алоритом, возможно, сына Аминты II Малого (который недолго был царем в 393 до н.э.). Он женился на Эвриное, сестре Александра. Птолемей, по-видимому, не претендовал на трон, но он был близким советником Аминты III в 370-х гг. до н.э., обладал опытом в ведении дел и был одним из тех, кто мог считаться кандидатом на царствование. В Фессалии

фиванский полководец Пелопид вытеснил македонские войска из оккупированных ими городов, а затем двинулся в Македонию, где стал арбитром во внутреннем конфликте. Он примирил Птолемея с царем, а Александр стал союзником Фив. Но в качестве залога своего хорошего поведения Александру пришлось предоставить Фивам заложников. И Птолемей все еще находился поблизости. Александр был унижен и оскорблен. «Урегулирование» проблемы с Пелопидом гарантировало множество трудностей, причем надолго.<sup>41</sup>

Учитывая предшествующую историю царства, последующие события неудивительны. Вытесненный из Фессалии Александр находился в трудном положении и был унижен той легкостью, с которой он был поставлен на место Пелопидом. Птолемея I поддерживала вдова Аминты Эвридика, по мнению некоторых современников, находившаяся с ним в интимных отношениях. Весной 367 г. до н.э. Птолемей организовал убийство своего зятя Александра.<sup>42</sup> Такое развитие событий было очень вероятно еще с того времени, как он «примирился» с Александром после восстания за год до этого, но ему было позволено жить в царстве. Птолемей при поддержке Эвридики захватил власть. Фиванцы, которые были в союзе с Александром и выступили посредниками при примирении, не отреагировали.

Формально Птолемей было опекуном следующего сына Аминты, Пердикки III, и в течение следующих трех лет монеты чеканились от имени Пердикки.<sup>43</sup> Именно к Птолемею за принятием решений обращались иностранные представители, хотя мы не имеем информации о степени его власти над «товарищами»-аристократами — она была, возможно, еще меньше, чем у Аминты и Александра. Пердикка был, вероятно, всего на год или около того моложе своего погибшего брата. Когда самый младший из трех сыновей Аминты и Эвридики Филипп был в 368 г. до н.э. послан к фиванцам в качестве одного из заложников Пелопида, ему было 13 или 14 лет, значит, в 367 г. до н.э. Пердикке было около 16. Молодость Александра показала, что требуется более зрелый человек. По-видимому, Птолемей и Эвридика считали, что он как раз подходящий для это-

го кандидат. Соблазн избавиться от Пердикки и самому захватить царский трон должен был быть силен.

Если Птолемей смог подняться к власти с помощью нескольких местных сторонников и иностранной державы, значит, могли и другие. Претендент по имени Павсаний, возможно, младший сын царя Архелая и брат бывшего царя Аргея, двинулся со стороны Халкидики, предположительно получив поддержку от никуда не исчезнувшего Халкидского союза. Он набрал греческих наемников и захватил власть над районом Антем в северо-западной части Халкидики и несколькими небольшими близлежащими городами. Это дало ему удобную базу, возможно с центром в его собственных владениях (исходной базой Птолемея были его владения в Алоре). Птолемей был недостаточно силен, чтобы самому справиться с этой угрозой. Служившие у Павсания воины из Греции и из городов и селений под его контролем, по-видимому, давали ему преимущество. Поэтому Птолемей связался с афинским полководцем Ификратом, который находился в близлежащих водах с небольшим флотом, пытаясь добиться для Афин контроля над давно потерянной колонией — городом Амфиполем. Ификрат смог с легкостью отбросить Павсания, еще раз продемонстрировав таким образом слабость Птолемея.<sup>44</sup>

Через некоторое время Пелопид из Фив по просьбе некоторых македонцев, сторонников Александра, повел войска на север. Но они оказались разочарованы результатом: Птолемей лишь утвердился в своем положении. Это было унижение, но оно определенно удержало его соперников от восстания. Пелопид ушел с еще одной группой заложников, включая собственного сына Птолемея Филоксена. Цель фиванцев, совершенно очевидно, заключалась в том, чтобы обеспечить продолжение внутренних распрей в Македонии.<sup>45</sup>

Власть Птолемея уменьшилась до первоначального Македонского царства от северных склонов Олимпа до Альмопии и до долины Аксия на востоке. Восточный регион за Аксием был потерян; как показало выступление Павсания, большая часть Халкидики была враждебна; западные горные царства все стали независимыми или попали в орбиту влияния Иллирии.



Аминта III не смог восстановить контроль над этими царствами, и Линкестиды (родина Эвридики) перешла под власть царя Иллирии Бардалиса. Это придвинуло враждебную границу на расстояние 50 км от Пеллы и Эги. Элимея, самое южное из горных государств, находилась в конфликте со своим южным соседом, и Аминта выступил арбитром в споре, что он мог сделать, только если оба эти государства были независимы от его власти.<sup>46</sup> Находившаяся между Элимеей и Линкестидой Орестиды также, без сомнения, была вне досягаемости Аминты, хотя царь Дерда и был союзником Аминты в Халкидской войне. Весь запад находился под властью обширного царства, образованного Бардалисом еще при прошлом поколении.

В 365 г. до н.э. Птолемей был убит, как это случилось и с Александром II. Его убийцей стал его собственный подопечный Пердикка III, который тем самым показал, что уже достаточно вырос.<sup>47</sup> Пердикка был четвертым правителем за пять лет. Проблемы царства – убийства в царской семье, интервенция иностранных войск, внутренние восстания – вновь подчеркнули его слабость. Основной проблемой все еще оставалась структурная слабость царства, которая оставляла персону царя уязвимой, а военную мощь царства минимальной. Пердикка, хотя и столь же юный, каким был его брат Александр во время прихода к власти, был менее безрассуден, но ведь он был свидетелем неурядиц последних пяти лет, что сделало бы осторожным любого. То, как он организовал убийство Птолемея, по крайней мере, показывало его решительность.

В разраставшемся конфликте между Фивами и Афинами Пердикка выбрал Фивы, и в Македонию возвратились некоторые из заложников, которые были взяты, чтобы контролировать Птолемея. В их числе был и младший брат Пердикки Филипп, которому в то время было 16 или 17 лет. Союз Фив с Македонией был частью фиванской «программы» развития военно-морских сил, чтобы противостоять Афинам, но в этот момент они были еще недостаточно эффективны.<sup>48</sup>

Афинский полководец Тимофей двинулся на север с основными силами своего флота, чтобы противостоять этой угрозе. Он захватил контроль над городами Пидна и Метона на побе-

режье Македонии и Потидеей в Халкидике, установив таким образом контроль над большей частью приморской Македонии. Это не давало возможности строить корабли для Фив. Он вступил в дипломатические отношения с фракийцами и правителем Пелагонии на востоке и севере Македонии.<sup>49</sup> Царство Пердикки было таким образом фактически окружено афинянами и их союзниками, в то же время смерть Пелопида в 364 г. до н.э. устранила единственного фиванского политика, который серьезно интересовался севером. Нейтрализовав таким образом Македонию, Тимофей взялся за свои основные обязанности, которые заключались в осаде города Амфиполя. Все это убедило Пердикку подчиниться изменениям в политике, и он присоединился к осаде, которую вел Тимофей.<sup>50</sup> Этот политический курс вскоре также был изменен.

Пердикка показал себя таким же беспринципным и хитрым, как и любой из его царственных предков. Война в Греции достигла апогея в 362 г. до н.э., когда заключившие союз Афины и Спарта сразились с Фивами в битве при Мантинее. Фиванцы победили, но их предводитель Эпаминонд был убит, и Фивы после этого оказались совсем не такими уж несокрушимыми. В ходе войны с Афинами Пердикка потерпел крайне неприятное поражение в битве, но он добился и определенных успехов и в какой-то момент сумел поместить македонский гарнизон в Амфиполь, а значит, добился контроля над дорогой и окрестностями со стороны Бизалтии. Тимофей вынужден был прекратить осаду города в 360 г. до н.э.; произошло ли это до или после вступления македонских войск, точно неизвестно.<sup>51</sup> Маневры Пердикки, очевидно, отстранили его царство от Афин как раз в то время, когда, несмотря на поражение при Амфиполе, власть Афин над Эгейским морем вновь стала бесспорной.

Эти события показывают, что Пердикка имел в своем распоряжении достаточно эффективную военную силу. Частично это была кавалерия, традиционный род войск в Македонии, но он должен был иметь и пеших гоплитов, возможно, в относительно небольшом количестве, чтобы иметь возможность поставить гарнизон в Амфиполе. У Аминты III было не-

которое число войск такого типа, и Александр II унаследовал их. Предположительно, именно эти войска он использовал в Фессалии. Они служили, по-видимому, в качестве гарнизонных войск. Пердикка, конечно, должен был сохранять достаточно многочисленную кавалерию, поскольку именно этот род войск могли использовать его враги на севере и западе и именно таков был предпочтительный способ ведения боя македонской знати, по меньшей мере из соображений престижа. Его пехота частично набиралась из греческих городов в границах государства и из нескольких групп греческих поселенцев, привезенных или поселившихся в царстве в прошлом. Но возможно, что войска, размещенные в Амфиполе, были наемниками, поскольку эта служба совершенно определенно должна была продолжаться в течение длительного времени.

Пердикка правил около пяти лет. Он проявил гибкость в дипломатии в сочетании с настойчивым сопротивлением Афинам. Он взял на службу греческого специалиста Каллистрата, изгнанного афинского политика, чтобы реформировать финансовую систему. Это обеспечило ему увеличение таможенных сборов или, скорее, принесло ему большие доходы от тех, кто брал эту сферу на откуп.<sup>52</sup> Но сами результаты проведенных реформ подчеркивают недостаточное развитие царства: доход царя от таможенных сборов возрос с 20 до 40 талантов в год, незначительная сумма для государства размера Македонии. Это показывает, насколько слабо была развита торговля, с которой можно было собирать пошлины.

Царство по-прежнему оставалось слабым, начатые Пердиккой реформы были долгосрочными проектами. Только при наличии средств он мог укреплять армию, но, может быть, именно потому, что он достиг определенных успехов, на него напали иллирийцы. Бардалис всегда был агрессивным, и он напал на царство Пердикки уже на очень раннем этапе его правления, возможно, в 365 или 364 г. до н.э.<sup>53</sup> В 360 г. до н.э. он направил значительные силы в набег на Эпир, который был лишь частично успешен.<sup>54</sup> Требовался следующий более успешный набег, и новой целью стала Македония. Пердикка, оказавшись перед лицом самого крупного нападения с этого на-

правления за все поколение, повел все македонские войска навстречу врагу. Он был разбит, 4000 его воинов погибли, сам Пердикка также был убит.<sup>55</sup>

Новый царь должен был как можно быстрее взойти на престол. Существовал младший брат Пердикки (и Александра) Филипп. Он был лояльным сторонником Пердикки во время его правления; ему была, по-видимому, передана в управление часть царства, и он, без сомнения, знал многих македонцев, которые присутствовали на Собрании. Это были те воины армии Пердикки, которые уцелели в сражении. Он получил власть над царским двором и армией, которые и определяли управление Македонией. Он оказался человеком, что называется, «на своем месте», взрослым, опытным, способным и умным. Поскольку победоносная армия Бардалиса наступала, очень скоро должны были возникнуть и другие угрозы. Принятие Филиппом царской власти и подтверждение Собрания являлись очевидными шагами и должны были быть предприняты незамедлительно. Поэтому его очень быстро приняли в качестве царя.

Были и альтернативные кандидаты. Одним из них являлся сын Пердикки Аминта, но он был еще ребенком. Вновь появились два претендента, которые уже пытались захватить царскую власть: Павсаний, оппонент Птолея в 367 г. до н.э., которого поддерживал царь Фракии Котис; Аргей, соперник Аминты III в 390-х гг. до н.э., получивший поддержку афинян. Эти двое, возможно, были братьями, поэтому их нападения могли быть скоординированы, хотя более вероятно, что они были соперниками. Кроме них были также три сводных брата самого Филиппа, сыновья Аминты III и его младшей жены Гигеи: Архелай, Арридей и Менелай. Архелай предъявил некие претензии на трон в 359 г. до н.э., но они были отвергнуты из-за их иностранных покровителей. Филипп организовал убийство Архелая, и два других его сводных брата бежали.<sup>56</sup> Но мало того, что вторжение победоносных иллирийцев под командованием Бардалиса продолжалось, к ним собирались присоединиться жившие на севере за проходом Демир-Капу пеонийцы.<sup>57</sup>

Существует вероятность, что царем был признан Аминта, а Филипп стал его опекуном и регентом, по образцу Аеропа и Ореста, Птолемея и Пердикки. Но свидетельства в пользу такого варианта поздние, скудные и неубедительные: упоминание у Юстина, который кратко излагает Трога, чья работа была основана на других источниках, и надпись из Лебадеи в Беотии, ныне утерянная,<sup>58</sup> — все это очень далеко от Македонии 359 г. до н.э. Единственная причина предполагать, что это было регентство, — считать, что существовало твердое правило, в соответствии с которым отцу наследует старший сын. Это определено была обычная практика, хотя в пору кризиса, естественно, действовали другие факторы. Это могло быть, в частности, предпочтение покойного царя, но Пердикка, вероятно, не мог высказать подобного пожелания. Филипп безжалостно устранил внутреннюю конкуренцию, убивая всех появившихся претендентов, но Аминта спокойно жил при дворце.<sup>59</sup> Из этого следует, что Аминта не рассматривался как угроза царскому положению Филиппа. Поэтому мы должны заключить, что Филипп стал царем непосредственно после смерти Пердикки и был принят как таковой двором и Собранием.

Конечно, относительно него самого и правильности его восшествия на престол были сомнения. Он был ненамного старше, чем его братья, когда они становились царями, и оба они правили неудачно, да и его отец был не слишком успешен в качестве царя. Однако единственными альтернативными взрослыми претендентами были те, кого поддерживали иноземцы, а единственные внутренние претенденты были даже моложе, чем Филипп. Поэтому другой причиной признания царем именно его было отсутствие реальной альтернативы.

Филипп принял царство, которое потерпело крах второй раз за 40 лет. Каждый кризис после этого длился по несколько лет (399–391, 370–359 до н.э.). Логично было предположить, что Македония как политическое образование была нежизнеспособна. Если бы Филипп оказался столь же неудачлив, как и его братья, возродившийся Халкидский союз, вероятно, вторгся бы в страну. Города на побережье были потеряны. Гор-

ные царства были независимы или стали поданными Бардалиса. Если бы Филипп погиб в большом сражении, маловероятно, что Македония осталась бы чем-то большим, чем просто названием региона. Это была именно та ситуация, в которой необходимо было пробовать проводить новую политику. Филипп выжил, и у него были на этот счет свои идеи.

## *Обзор мира I: 360 г. до н.э.*

Предыдущая глава касалась только Македонии, до вступления на престол Филиппа II в 359 г. до н.э. малозначительного и небольшого государства, с которым редко когда считались или вообще принимали в расчет: войска другого государства могли пройти по его территории, когда им вздумается. Филипп II все это изменил, и почти сразу после его воцарения Македония стала значительным государством, а затем и великой державой. Об этом будет рассказано в следующих главах. А сейчас неплохо бы поподробнее рассмотреть ситуацию на политической арене мира, где будут действовать сначала Филипп, а затем Александр.

Когда Филипп II стал царем, он в отличие от большинства своих царственных предшественников уже обладал опытом общения с миром за пределами собственного царства, он был также первым правителем Македонии, который оставил значительный след в этом мире. Кризис унаследованного им царства, несомненно, не был сюрпризом для окружающих. Поэтому влияние Филиппа и Македонии в следующем поколении было и неожиданным и на удивление масштабным. Одной из причин этого были способности Филиппа, другой — положение в странах за пределами царства.

Греческие города-государства на юге после еще одной безрезультатной войны в 360 г. до н.э. заключили Всеобщий мир в основном вследствие взаимного истощения. Мирное соглашение не было сколько-нибудь серьезной попыткой урегулировать споры между городами, но оно содержало статью, по которой каждый город сохранял то, что имел. Это позволяло всем участвующим сторонам вновь начать восстанавливать свои силы, хотя вряд ли гарантировало продолжительный мир.<sup>1</sup>

Спарта отказалась участвовать, однако именно она понесла наибольшие потери в войне, была лишена своих старых

завоеваний в Аркадии и Мессении и гегемонии над остальной частью Греции. Состояние Греции при заключении мира было таково, что старые державы ослабели, а новые еще не образовались. Потеря империи Спартой совпала с трудностями Афин удержать другие города в составе нового союза, который они не считали необходимым сохранять теперь, когда Спарта была ослаблена. Фивы оказались меньшей угрозой для всех остальных после смерти двух ее политических лидеров, Эпаминонда и Пелопида. Краткий период единства Фессалии в 370-х гг. до н.э. под властью Ясона из Фер был прерван фиванцами. Всеобщий мир мог стать началом периода равновесия, поскольку опыт подсказывал, что новая имперская держава будет блокирована временным объединением тех, кто чувствовал угрозу с ее стороны. Но он не обещал продлиться долго, поскольку равновесие всегда могло быть легко нарушено, а единственным способом повторного его достижения была новая война.

За пределами Греции приоритетными были другие события. Греческие города Сицилии и Южной Италии решали проблемы междоусобных войн совершенно отличным от обеспечения баланса сил способом. Уже тремя десятилетиями ранее самый сильный из них, Сиракузы, смог привести все остальные к статусу провинциальных. Сама угроза быть завоеванными Карфагеном, богатым африканским городом, который контролировал западную часть Сицилии и побережье Северной Африки напротив нее, стимулировала это. Под руководством Дионисия жители Сиракуз отбросили армию Карфагена к его последнему оплоту на Сицилии, а остальная часть острова в результате была объединена под властью Дионисия. Затем он распространил свою власть на Южную Италию.

Дионисия оказалось не так-то просто свергнуть, и он сумел настолько грамотно оформить свою власть, что смог передать ее собственному сыну Дионисию II в 367 г. до н.э. Единственным греческим политическим термином, который казался подходящим к этой ситуации, была «тирания», но в действительности это была монархия. За последние 40 лет Греческая Сицилия образовала могущественное царство, доминировавшее



в Центральном Средиземноморье. Результатом стало заключение Всеобщего мира совсем иного типа.<sup>2</sup>

Карфаген в конце концов примирился с ситуацией и вновь сконцентрировался на торговле с остальной частью Средиземноморья и развитии собственных внутренних районов Африки. Он сохранял сильную оборону своих постов на западной оконечности Сицилии и имел другие посты в Сардинии, на Балеарских островах, вдоль побережья Северной Африки и на южном и восточном побережьях Испании, он доминировал во всем Западном Средиземноморье.<sup>3</sup>

Северное побережье Средиземного моря было сплошь усеяно греческими городами от Северной Италии до северо-восточной части Испании. Основной силой здесь была Массалия (современный Марсель), но по сравнению с Карфагеном или Сиракузами она находилась на втором или даже на третьем плане. Ее граждане вели торговлю с живущими в глубине материка галлами по долине Роны и по Атлантическому маршруту через Тулузу.<sup>4</sup> Большая часть Италии вдали от южных полуостровов находилась на стадии развития и шла по собственному пути. И Карфаген, и Сиракузы присматривались к ситуации в Центральной Италии с определенным интересом, если не сказать беспокойством, поскольку энергично развивался новый центр силы.

По всему Апеннинскому полуострову от долины По на юг за исключением горного хребта располагались города и государства. Греческие города доминировали в Кампании и на южных побережьях, латинские — к северу от них, а города этрусков — между Тибром и Арно. Этруски продвигались и на юг, и на северо-восток, поэтому в долине По и в Кампании также были основаны этрусские города. В других районах местные итальянские сообщества также строили свои города: борьба за землю и богатства стимулировала сооружение укреплений и рост городов. Весь процесс был неустойчивым и крайне беспорядочным и еще больше осложнялся насилием в результате вторжения галльских воинов, которые примерно за 30 лет до этого завоевали долину По и с тех пор часто совершали набеги на центральные и южные части полуострова.<sup>5</sup>

Около 360 г. до н.э. один из городов — Рим — начал особенно выделяться на фоне остальных. Он был крупнее, с большим числом населения, лучше организован и обладал более разумной «программой» создания империи, чем другие. Он развивался и под этрусским, и под греческим влиянием, хотя его жители и пользовались латинским языком, и теперь доминировал над группой более мелких латинских городов, которые уже давно образовали религиозный и оборонительный союз. Не так давно, в 367 г. до н.э., Рим уладил внутренние проблемы с помощью законов Лициния и Секстия и руководил борьбой с набегами галлов.<sup>6</sup> Карфаген в достаточной степени оценил это и заключил новое соглашение с Римом, которое признавало политическое главенство Рима в Центральной Италии.<sup>7</sup> Сиракузы направили корабли в набег на берега Лациума.<sup>8</sup> Эти известия достигли Греции. Те, кто обращал внимание на подобные вещи, в достаточной степени оценили это и решили, что такой значительный город должен быть греческим.<sup>9</sup>

Что из этого всего знал Филипп II, когда он стал царем, точно неизвестно, но положение в Греции было ему очень хорошо известно еще по годам, проведенным в Фивах. Жизнь в доме известного фиванского политика Паммена в 360-х гг. до н.э. была для него «школой» политических манипуляций, с которой могло сравниться мало какое другое место. Сила Сиракуз была известна, и Дионисий определенно распространял свою власть на материк, гордо демонстрируя свое богатство на Олимпийских играх, подобно тому, как предок Филиппа Александр I отстаивал свое право участвовать в соревнованиях столетием раньше и как сам Филипп сделает это позже. В Коринфе, метрополии Сиракуз, жил в изгнании дядя Дионисия II Дион. Он изучал и преподавал философию и лелеял собственные амбиции. Ситуация в Италии и Карфагене была несколько иной, но определенно Карфаген и его могущество, хотя бы просто из-за конфликта с Сиракузами, был известной политической силой.

На севере македонцы конфликтовали с иллирийцами. Царь последних, Бардалис, был постоянной угрозой для македонцев на протяжении жизни целого поколения. У фракийских царей на востоке были во многом такие же проблемы с влас-

тью, что и у македонских. Возможно, что кроме этих народов, иллирийцев и фракийцев, было известно что-то об экспансии кельтов, одна ветвь которых жила в Галлии, вторая в Северной Италии, а третья недавно достигла нижней части долины Дуная. Вероятно, на этом и ограничивались сведения македонцев, частично из-за того, что кельты пришли совсем недавно и их присутствие очень обеспокоило все местные народы.

Балканские народы были лишь частью «социальной смеси» материковой Европы, население которой и греки, и италики называли варварами. В этих регионах было мало городов, но во всем остальном люди жили в основном на том же уровне экономического развития, как и те, кто жил вокруг Средиземного моря. В большинстве своем они были фермерами, живущими в деревнях, но были также и ремесленники, торговцы и моряки, у них существовали царства и племенные сообщества, соперничающие, торгующие и заключающие союзы друг с другом. Разница между сообществами на берегах Средиземного моря и внутренней части европейского континента заключалась в первичных различиях политической организации и грамотности, а не в экономическом развитии. Македонцы принадлежали к обоим «типам»: основное население жило как варвары Европы, но культура элиты больше походила на греческие города, хотя и с заметным македонским «оттенком». Цари Македонии походили на царей Иллирии и Фракии, но в то же время их сильно притягивала греческая культура: царь Архелай принимал при своем дворе Еврипида, а царь Пердикка позволил греческому философу Евфраю организовать свой двор. Комбинация таких различных элементов могла создать опасное напряжение — некоторые из македонских аристократов ненавидели Евфрая, — но сочетание греческой культуры и административного опыта с агрессивностью и энергией македонской элиты имело удивительные последствия.

К востоку от Греции располагались несколько сообществ и политических образований, которые совершенно отличались и от тех, что были в Греции и Италии, и от сообществ материковой Европы. Эти земли были старыми, на них располага-

лись давно существующие цивилизации, и в 360 г. до н.э. они входили в состав величайшей империи — Персидской, которой правила династия Ахеменидов.<sup>10</sup> В течение двух столетий эта гигантская империя доминировала во всем мире от Индии и на запад до Греции. Во многих отношениях она была еще большей антитезой греческим городам, чем варварские племена и царства, но она была гораздо более гибкой и способной к адаптации, чем любые из них. В ее состав входили древние царства, греческие города, варварские племена, торговые города и племена кочевников.

Персидская империя была основным геополитическим фактором в жизни каждого человека и государства в мире между Восточной Индией и Гибралтарским проливом. Сам ее размер предполагал, что не было иного выбора кроме терпимости по отношению к завоеванным ею различным группам людей и сообществам, хотя некоторые в любом случае оставались недовольны. Египет успешно избавился от персидского правления, и в 360 г. до н.э. был независим уже в течение четырех десятилетий, власть Персии также отступила и от Долины Инда.<sup>11</sup> Но греческие города Малой Азии по Анталкидову, или «царскому», миру 387 г. до н.э. были возвращены и приняли эту ситуацию без особых возражений.<sup>12</sup> Правление Великого царя и его губернаторов-сатрапов не слишком значительно отражалось на его подданных.

Это ни в коей мере не делало персидское правление более привлекательным для других государств, чем власть египтян. Для Македонии Персидская империя была бывшим сюзереном и близким соседом, ее западные провинции располагались всего в одном дне плавания на восток через Эгейское море. От Черного моря до границ Египта империя контролировала все побережье Средиземного моря, а для греков она простиралась далеко на восток, через Анатолию и Сирию до Вавилона и Персии и дальше, видимо, до бесконечности, ни один из греков не знал ничего о землях за Сузами.<sup>13</sup>

В 360 г. до н.э. Персидская империя находилась далеко не в полном расцвете. Многолетние попытки царя Артаксеркса II

восстановить власть над Египтом заканчивались бесславными провалами. В конце 360-х гг. до н.э. среди сатрапов нескольких западных регионов разразилось крупное восстание. К 360 г. до н.э. оно закончилось неудачей, но стало яркой демонстрацией слабости империи. Подавление восстания тем не менее стало также и показателем гибкости империи.<sup>14</sup> Концепция «упадка» этой империи не слишком отражает реальность, будучи ретроспективным взглядом с точки зрения ее поражения от Александра. Рост трудностей империи в 360-х и 350-х гг. до н.э. означал ее силу, а не упадок.

Нет никаких указаний на подобные неурядицы в других частях империи к востоку от Сирии. Вавилония, Персия и Бактрия были спокойны и лояльны, и царь с 405 г. до н.э., Артаксеркс II, смог без помех сконцентрироваться на проблемах на западе. Он был жестким и упорным, но очень подозрительным. Неоднократно он отзывал своих полководцев, которые были на грани победы, возможно, потому что не мог поверить в их лояльность в случае победы. Ведь как только он унаследовал трон, против него выступил его собственный брат. Он умер в 359 г. до н.э., в тот год, когда Филипп стал царем Македонии, его преемником стал его сын Артаксеркс III Ох, более жестокий и решительный правитель.

За неопределенной восточной границей Персии Индия была смесью царств, племен, городов и республик, подобно Греции и Италии, хотя в долине Ганга одно государство разрасталось уже в течение нескольких десятилетий. Это была Магадха с центром в городе Паталипутра, где правила жестокая династия Нандов. Их сила росла, но росла также и неприязнь, которую испытывали по отношению к ним индийцы. Насилие и непостоянство политической жизни Индии вызвали появление в предыдущем столетии новой религии, буддизма, который неуклонно обретал все большее значение.<sup>15</sup>

Китай был отделен от остальной части цивилизованного мира огромными горами и населенными кочевниками степями Монголии и Центральной Азии. Он был подобно Индии на западе разделен и охвачен насилием и состоял из нескольких государств, протянувшихся вдоль долины Желтой реки,

которые постоянно боролись друг с другом с помощью дипломатических интриг и оружия.<sup>16</sup>

Удобно рассматривать Персеполь политическим центром мира, со стабильной и богатой империей Ахеменидов, вокруг которой группировались другие общества и государства — Китай, кочевые племена, Индия, Греция, Италия, Сицилия. Но нужно также отметить, что к 360 г. до н.э. во всех этих периферийных регионах происходили серьезные изменения. В Италии возвышался Рим; в Греции взаимное истощение городов было готово открыть дорогу Филиппу Македонскому; в Индии могущество Магадхи угрожало всем остальным государствам; в Китае количество соперничающих государств постоянно сокращалось. И все они стояли перед проблемой, которую пока смогли решить только Ахемениды: как править империей, не применяя постоянно силовые карательные меры против ее населения.

Проблемы Македонского царства во многих отношениях были сходными с его современниками. Сохранение целостности государства было сложной задачей и для империи Ахеменидов, и на Пелопоннесе, и в Македонии. Строительство государства было одинаково трудным делом в Италии и Индии, в Китае и в Афинах. Даже государства, долголетие которых, кажется, показывает, что они решили проблему стабильности, управлялись аристократами, от которых избавлялись, если или когда они становились неудобными. Но методы государственного строительства были известны и показали свою успешность в Персии, в греческих городах, на Сицилии, в Египте. Необходимые инструменты — честное правительство, эффективная бюрократия, профессиональные армии — уже были в наличии для создания стабильного государства в Македонии. Несколько ее царей предпринимали попытки использовать их, но только Филиппу удалось на некоторое время добиться этого.

## *Безопасность Македонии, 359–354 гг. до н.э.*

Филипп II стал ведущим государственным деятелем своего времени, созидательным политиком, чья деятельность превратила Македонию в великую державу на последующее столетие. Этот аспект его достижений проявился через несколько лет, поскольку в первый период своего царствования он был занят обеспечением безопасности своего положения и укрепления царства.

Филиппу приходилось грамотно сочетать хитрую и умелую дипломатию, вооруженные силы и внимательное отношение к развитию ресурсов царства. У него были примеры деятельности предшествующих царей Македонии, однако не каждый новоиспеченный царь, к тому же немногим старше двадцати лет от роду, поступал таким мудрым образом. Часть гения Филиппа и состоит в том, что он смог успешно использовать все нужные составляющие грамотной политики одновременно.

Когда Филипп стал царем, ему было около 23 лет, при вступлении на трон он был на несколько лет старше, чем его братья, и обладал совершенно отличным от них жизненным опытом. Он вырос при дворе своего отца Аминты III в то время, когда в Македонии царил относительный мир, поскольку он родился на следующий год после того, как в 383/382 г. до н.э. Аминта вернул свое царство. Он видел усилия, которые прилагал его отец для развития государства, но был и свидетелем угроз со стороны внешнего мира. В своей семье он был лишь одним из многих детей, со старшими братьями, старшей сестрой и младшими единокровными братьями. Привлечь к себе внимание было нелегко.<sup>1</sup>

В возрасте 12 лет он был послан в качестве заложника к иллирийцам, вероятно, к царю Бардалису, вместе с данью, которую платил Александр II (старший брат Филиппа и царь Македонии в 369–368 до н.э.), чтобы избежать вторжения.<sup>2</sup>

Вскоре после этого, примерно в возрасте 14 лет, он был послан в Фивы, вновь в качестве заложника. Это положение не было опасным или даже некомфортным. Заложник, особенно ребенок, попадал в семью значительного человека, с ним обращались как с членом семьи и давали образование. В Фивах Филипп жил в доме влиятельного политика Паммена<sup>3</sup> в те годы, когда Фивы были самым сильным государством Греции. Он отсутствовал в Македонии во время убийства его брата Александра и Птолемея Алорита и возвратился домой, когда в 365 г. до н.э. царем стал его другой брат, Пердикка. В течение последующих пяти или шести лет он был полностью лоялен к Пердикке, ему были доверены, возможно, через несколько лет собственные земли, на которых он должен был содержать собственную же армию, вероятнее всего численностью большей, чем просто отряд телохранителей.<sup>4</sup>

Поведение Филиппа в первый год царствования свидетельствует о его просчетах всего того, что необходимо было сделать. В его начинаниях Филиппу помогали два важных фактора: кризис в Македонии был настолько силен, что у царя были развязаны руки для его разрешения, а греческие государства игнорировали происходившее в Македонии. Не без оснований полагая, что продолжающийся политический кризис царства является лишь еще одним примером его хрупкости и нестабильности, они не торопились вмешиваться, да и делали это лишь в минимальной степени. Несмотря на Всеобщий мир 360 г. до н.э., международный кризис продолжался, в частности, в Афинах, союз которых в 357 г. до н.э. начал рушиться, когда Священная война охватила всю Центральную Грецию на последующие десять лет. Филипп получил передышку, во время которой главные враги Македонии или вовсе не испытывали интереса к ней, или были заняты в других местах. В это время он заложил основы своих более поздних достижений.

Основным приоритетом было внутреннее состояние царства. Филипп приказал убить своего единокровного брата Архелая, это обезопасило его трон, поскольку Архелай был следующим претендентом на трон из его семьи. Другой проблемой были «претенденты» извне. Так, при поддержке фракийцев, сна-



чала царя Котиса, а затем его преемника Берисада, добиться власти пытался Павсаний. Берисад сам лишь недавно пришел к власти и, возможно, поэтому согласился отступить, получив взятку. Здесь сработала способность Филиппа убеждать: Берисад был наследником Котиса вместе с двумя братьями, и они в это время воевали друг с другом. Теперь на некоторое время можно было не беспокоиться по поводу Фракии.<sup>5</sup>

Поддержка Аргея со стороны Афин была столь же нестабильной, как и поддержка Павсания Фракией. 3000 афинских гоплитов высадились с ним в Метоне, но предполагалось, что дальше Аргей сам проложит себе дорогу к трону. Это было разумно, поскольку претендент должен быть показать, что пользуется поддержкой местного населения, а без нее никто не стал бы помогать ему. Основной целью Афин на севере было получение контроля над Амфиполем, который теперь стал независимым городом, но с македонским гарнизоном. Филипп вывел эти войска. Несомненно, они требовались ему для более активного использования, но сам факт их отъезда должен был подействовать на Афины. Это, видимо, показало вновь открывшуюся уязвимость Амфиполя и молчаливое согласие Филиппа на повторный захват его Афинами. Афинские войска Аргея остались в Метоне, а сам Аргей направился в Эги с очень небольшим отрядом наемников и немногими македонскими изгнанниками и афинянами, которые поддерживали его предприятие.

Он подошел на 20 км к Эги, но не получил поддержки населения ни во время похода, ни в городе. Он повернул назад, намереваясь вернуться в Метону, возможно, надеясь убедить размещенные там войска афинян более активно выступить в поддержку его дела, но по пути его перехватил Филипп. Последний легко разбил войска Аргея, многие из наемников были убиты, македонские изгнанники, многие из которых были связаны с лояльными македонцами, были взяты в плен, афиняне были отпущены с дарами. Филипп не хотел создавать ситуацию, при которой Афины могли бы стремиться к мести. Афинские войска из Метоны отплыли домой, захватив и освобожденных. В Афинах перспектива возвращения Амфиполя в со-

четании с провалом интервенции в Македонии настроила Собрание в пользу мира. Арге́й исчез; вероятно, если он не пал в битве, то был казнен. Что произошло с изгнанниками, неизвестно, но скорее всего Филипп держал их в качестве заложников для обеспечения лояльного поведения их родственников или казнил их как предателей.<sup>6</sup>

С вторжениями по суше справлялись с подобной же смесью силы и дипломатии. Бардалис не продолжил свои успешные вторжения или вследствие понесенных в битве потерь, или из-за того, что Филиппу удалось договориться с ним о перемирии.<sup>7</sup> Филипп определенно откупился от угрозы вторжения пеонийцев с севера с помощью даров пеонийскому царю.<sup>8</sup> Ни одна из этих мер не могла быть решающей в долгосрочной перспективе; дары могли только возбудить аппетит пеонийцев, а победа Бардалиса могла только побуждать его к следующему вторжению.

Точная последовательность всех этих вторжений, дипломатических шагов и маневров неясна, но все это определенно имело место в 359 г. до н.э., на очень раннем этапе правления Филиппа. Большая часть маневров и переговоров, возможно, заняла очень короткое время, и, может быть, они проходили более или менее одновременно. Их успех должен был консолидировать поддержку царя со стороны македонцев. Показателем этого стало нежелание жителей Эги присоединиться к Аргею.

Филипп должен был заняться и внутренним управлением страной. Даже в первый год своего правления у него не было сложностей с тем, чтобы найти достаточно богатые дары, откупиться от царей Пеонии и Фракии и раздать подарки афинянам в войске Аргея; не отказывался он и от выкупа или продажи этих пленных — хотя неясно, где он нашел деньги.<sup>9</sup> Проведенная Каллистратом реформа таможи могла помочь, хотя и не очень значительно. Но основной внутренней проблемой, стоявшей перед Филиппом, было создание эффективной армии.

В 358 г. до н.э., спустя год после начала своего царствования, Филипп смог выставить 10 000 человек пехоты и 600 конницы для кампании, где ему нужны были все силы.<sup>10</sup> Пораже-

ние Пердикки стоило жизни 4000 македонцев. Сложив эти цифры, можно полагать, что максимально доступное македонским царям до Филиппа войско состояло примерно из 15 000 человек, из которых наиболее боеспособная часть — конница — составляла самое большое 1000 человек. Это очень маленькая армия для такого большого царства — Афины, например, могли выставить вдвое большее войско. Но даже с такими небольшими силами Филипп выигрывал битвы против более многочисленных армий. Частично это было связано с его полководческим даром, но он также ввел лучшую подготовку своих воинов, особенно пехоты. Он понял во время своей жизни в Фивах и Македонии в более ранний период, что пехота должна быть должным образом подготовлена, тренирована и экипирована, чтобы обладать достаточной эффективностью. Ему стоило только сравнить старую неэффективную пехоту Македонии с победоносной фиванской фалангой. Филипп был хорошо знаком с развитием военного дела, которое в последние годы проходило в Греции, включая использование сформированной афинскими полководцами легкой пехоты — пелтастов. И он добавил кое-что чисто македонское — использование внезапного удара тяжелой конницы.

Было бы неправильным рассматривать нововведения Филиппа, не учитывая тех последствий, которые они повлекли за собой. Македонские цари с давних пор имели собственные дружины из числа тяжеловооруженных всадников, которых называли гетайры (греч. «товарищи», «свита»). Последние обладали высоким социальным статусом и чаще всего были представителями знатных землевладельцев или их сыновьями. В армии Филиппа в 358 г. до н.э. гетайров было всего около 600, без сомнения, те, кто удержал свое положение после гибели Пердикки; были, возможно, и другие, которые не поддерживали нового царя. Число гетайров возросло в следующем поколении, когда греки получили земли на завоеванных территориях: к 334 г. до н.э. кавалерия насчитывала 3500 человек.<sup>11</sup> По мере роста ее численности Филипп проводил изменения в ее структуре. Одна группа была выделена в т.н. Царский эскадрон численностью 300 человек, остальные были организо-

ваны в обычные эскадроны — т.н. илы, набранные из нескольких регионов Македонии. Эти воины ездили без седел, носили металлические нагрудники и шлемы и были вооружены длинными пиками. Они относились к тяжелой кавалерии лишь условно, их ударная сила определялась только способностью атаковать строем, особенно в построении клином, когда узкий фронт обеспечивал прорыв вражеского строя и сохранение порядка в строю.

Это было наиболее значительным из военных нововведений Филиппа. К концу его царствования конных воинов, представлявших элиту, удалось-таки убедить отбросить в сторону внутренний индивидуализм и подчиниться дисциплине, совсем как гоплиты. Это требовало существенного изменения поведения со стороны знати, предпочтительным методом ведения боевых действий которой было свободное построение, оставлявшее пространство для индивидуальных действий и подвигов. Это можно считать одним из уроков, которые Филипп вынес из Греции. Балканские племена воевали «по старинке», разомкнутым строем, персы во время сражений с Александром были почти так же недисциплинированы. Созданная Филиппом строго подчинявшаяся приказам конница была способна победить любое число недисциплинированных врагов, подобно тому, как гоплиты могли разбить менее подконтрольную командиру легкую пехоту противника.<sup>12</sup>

В прежние времена пехота представляла собой, по сути, просто большую толпу, известную скорее быстротой отступления, чем стойкостью в битвах. Существовала более ранняя элитная группа, называвшаяся «пешие товарищи», или педзетайры; видимо, некоторое время подобные подразделения не применялись, однако Филипп вновь сформировал их.<sup>13</sup> Они были эквивалентом гетайров в кавалерии: хорошо вооруженные, храбрые, гордые и способные охранять царя во дворце. Остальная часть пехоты набиралась, как и конница, по регионам. Эта система была не новой, но Филипп добился улучшений: тренировка, дисциплина, одинаковое вооружение и, самое главное, подчинение приказам. Вероятнее всего, прежде пехота лишь сопровождала аристократов, когда призывалась

армия. Нововведение же Филиппа заключалось в том, что он отделил ее от господ-землевладельцев и организовал в дисциплинированные отряды. И конница, и пехота получали лучшую подготовку и использовались более компетентно. В первый год своего царствования Филипп провел много времени, встречаясь со своими воинами, консультируя их на собраниях, беседуя с ними, тренируя, знакомясь с ними лично и давая им узнать себя.<sup>14</sup> Пехота училась двигаться и маршировать подразделениями, из толпы она наконец превратилась в фалангу.

Именно в организации войск и заключается вклад Филиппа в военную силу Македонии. Ему также приписывается введение более длинного копья у пехотинцев — сарисы. Ее задача в сражении заключалась в том, чтобы удерживать врага на более дальней и, следовательно, более безопасной дистанции.<sup>15</sup> Более тяжелое оружие потребовало также и уменьшения защитного вооружения. Поэтому войска использовали щиты меньшего размера и не носили нагрудников. В результате пехота стала гораздо более мобильной и опасной для противника, хотя и более уязвимой. Филипп перенял силу более тяжелой фиванской фаланги и афинские нововведения в использовании пелтастов, а также общее значение тренировки, дисциплины и тщательной подготовки и добавил собственную длинную пику.

Он смог воплотить в жизнь многие из этих изменений уже за первый год правления. Это позволяет предполагать, что он обдумывал все эти реформы еще в те годы, когда был подданным своего брата, частично основываясь на приобретенном в Фивах опыте. Но обдумать все и применить идеи на практике — это две разные вещи, а чтобы ввести нужные ему изменения, необходимо было доказать их состоятельность в реальных сражениях. Пеонийцы и иллирийцы Бардалиса были для Филиппа проверкой. Несомненно, неудачи армии Пердикки подготовили македонцев к необходимости принять или, по меньшей мере, попробовать новые методы, но только победа могла быть действительно убедительным аргументом.<sup>16</sup>

Большая часть нововведений Филиппа в Македонии не была совсем уж новинкой. Возможно, только сариса, но знать

Македонии имела привычку пользоваться длинными копьями во время охоты. Пехота в фалангах, дисциплинированная конница, единое снаряжение, тренировка, подчинение подаваемым голосом приказам, гордость после победы были неотъемлемой частью военного дела в Греции. Он перенял использование осадных орудий, разработанных, в частности, Дионисием Сицилийским, и они были готовы к использованию уже к 357 г. до н.э.<sup>17</sup> Эта неоригинальность могла быть как раз тем аспектом изменений, которые и привели к их принятию: греческие приемы ведения войны были знакомы македонцам, которых в прошлом легко побеждали греческие войска меньшей численности. Более ранние цари до Александра I пытались ввести многие из этих новшеств, но Филипп был, видимо, первым, кто испробовал их все сразу на готовом к восприятию народе в начале своего правления. Но еще более важным, чем все эти реформы, было полководческое искусство Филиппа, которое в еще большей степени проявилось у его сына.

То, что он смог воплотить все это на таком раннем этапе царствования, и делает Филиппа столь значительным в македонской истории. Более ранние цари сначала утверждали свою власть, а затем проводили реформы, обычно в очень небольшом масштабе. Учитывая, что среднее царствование успешного македонского царя продолжалось только два десятилетия, ко времени его смерти эти реформы только начинали давать результаты и отмирали в ходе последующего кризиса престолонаследия. В результате всеобщего кризиса при его восшествии на престол Филипп оказался перед необходимостью перемен, и руки у него были относительно развязаны. Произошел кризис престолонаследия, за которым последовал военный кризис. С первым он справился с помощью дипломатии и убийств, и именно в военной сфере он проводил свои реформы. Другие проблемы управления страной не были затронуты или были отложены на более позднее время. Акцент на преодоление текущей кризисной ситуации неизбежно окрасил все будущее в военные тона. Раз Филиппу удалось выжить, любые другие нововведения, если они и имели место, могли вводиться в старом стиле — медленно и осторожно.

Благодаря дипломатии Филиппа несколько претендентов не представляли реальной угрозы. Северные и западные соседи Македонии были более опасны. Царь Пеонии умер вскоре после заключения соглашения с Филиппом, и соглашение стало недействительным. Филипп добился прогресса в создании своей новой армии, и весной 358 г. до н.э. он вторгся в Пеонию, одержал победу и заставил нового царя подписать договор, превращавший его в зависимого союзника.<sup>18</sup> Это была легкая победа; Филипп мог сам выбрать свою жертву, а собственной армии он этим шагом внушил уверенность в себе и своих силах — в этом она определенно нуждалась после провала Пердикки.

Иллирийцы были следующими. Бардалис, возможно, после предложенного ему Филиппом мира потребовал согласия последнего на то, чтобы он удержал уже оккупированные им части Верхней Македонии,<sup>19</sup> такие регионы, как Орестиды и Линкестиды. Требования иллирийцев продемонстрировали македонцам, что угроза с их стороны сохранилась, и это делало войну с Иллирией справедливой и как месть за погибших товарищей и убитого брата Филиппа, и как предварительная мера против будущих нападений иллирийцев. Филипп, естественно, отверг требования Бардалиса и двинул свою новую армию в оккупированную Иллирией Линкестиду.

Из всех врагов, окружавших Македонию в 359 г. до н.э., Бардалис был самым страшным, и, без сомнения, по этой причине Филипп оставил его напоследок. Как только Филипп стал царем, он согласился на перемирие, а может быть, даже сам предложил его, хотя это и оставляло во власти Бардалиса завоеванные земли. Филипп, по-видимому, взял в жены иллирийскую принцессу Аудату. Филипп всегда был готов жениться, но если Бардалис воображал, что Филипп теперь стал его союзником или даже подчиненным, то, когда он предложил свои условия мира, он убедился в обратном. Между смертью Пердикки и весной 358 г. до н.э. Филипп выживал, защищаясь от многих врагов и агрессоров, и тренировал свою армию. Он был царем в течение года, но очень мало вел реальных боевых действий, поскольку победы над Аргеом и пеонийцами

были не слишком масштабными войнами. Бардалис имел все основания пребывать в полной уверенности, что он опять сможет победить.

Две армии были приблизительно равны по численности, в каждой было по 10 000 пехоты, у Бардалиса 500 кавалеристов, у Филиппа — 600. Бардалис построил своих людей в каре, что само по себе интересно. По-видимому, он уже знал о новой македонской тактике. Филипп лично командовал педзетайрами, своими новыми «пешими компаньонами» (описанными Диадором как «лучшие из македонцев»). Они были вооружены новыми длинными сарисами и использовались для прорыва каре, без сомнения, с угла. Когда каре было прорвано, он послал кавалерию в беспощадное преследование. Армия Бардалиса была уничтожена, 7000 человек были убиты, и он сразу заключил мир. Условия предполагали возврат царств Верхней Македонии под власть Македонского царства.<sup>20</sup>

Битва достаточно полно описана Диодором, и мы можем оценить примененную тактику. Она продемонстрировала всем, кто хотел это заметить, что появился гениальный полководец. Филипп координировал действия своих воинов и нашел самое слабое место противника. Раньше ему не доводилось бороться с пехотным каре, не мог он и ожидать, что столкнется с ним сейчас; он лично возглавил атаку в решающий момент и понял, что победа в битве достигнута только тогда, когда закончено преследование. Он смог также вдохновить своих воинов на битву и вел битву так, как нужно было ему.

Помимо демонстрации полководческого таланта, Филипп в обращении со своими врагами показал, что он чрезвычайно хитрый и умелый дипломат, использовавший переговоры, чтобы сдерживать опасных врагов (Бардалиса, пеонийцев, Афины) до тех пор, пока он не будет готов противостоять им. А тогда он будет иметь с ними дело поодиночке и в то время, которое сам выберет для нанесения удара. Это сочетание военного гения и дипломатического мастерства стало ключевым в истории Греции на последующие четверть столетия.

Если Аудата не была отдана в жены Филиппу по перемирию 359 г. до н.э., то сейчас, по условиям договора, она нако-



нец стала его супругой. Это было одним из дипломатических нововведений Филиппа: вместо того, чтобы предлагать дочерей и сестер соседним царям в качестве жен и невесток, он сам женился на дочерях других царей. Эти браки преследовали различные дипломатические цели: Аудата стала своего рода символом мирных взаимоотношений и подчиненности врага, а вторая жена Филиппа, дочь Дерды из Орестиды, связывала с Македонией важный регион Элимея. Год спустя Филипп женился на Олимпии, племяннице царя Молоссии, земли которой так же были объектом набегов иллирийцев, как и Македония.<sup>21</sup> Браки связывали эти регионы политически, но ключевым для всей системы стало уничтожение армии Бардалиса. Эта дипломатическая конструкция была задумана, предположительно, чтобы блокировать иллирийскую экспансию на юг. Своими военными и дипломатическими победами Филипп возродил силу Македонии и добавил союз с Молоссией к и без того немалым препятствиям к могуществу Бардалиса.

У других государств не было особых причин обращать внимание на происходящее. Для греков на юге битва в Линкестиде была только сражением между царями варваров и не представляла настоящего интереса. Опасность еще таилась на юге в Фессалии и на востоке в Амфиполе, областях, которые могли быть возможными источниками враждебных действий по отношению к Македонии. Враждебность Афин не была чем-то, что можно было предотвратить простым устранением претендента, и возможность восстановления их контроля над Амфиполем была угрожающей. Фессалия за последние 20 лет неоднократно становилась источником проблем для Македонии, которые доставляли или сами фессалийцы, или проходившие через Фессалию фиванцы.

Существовали еще и ближе расположенные потенциальные «Троянские кони»: греческие города, располагавшиеся вдоль обоих берегов Термейского залива, — Пидна и Метона (база Афин во время похода Аргея) и возрождающийся союз городов Халкидики — старый, периодически дававший о себе знать враг. Союз вновь стремился к экспансии, и это неизбежно происходило бы за счет Македонии.

Победа над Бардалисом и умиротворение на западных границах делали эти государства менее опасными. Главной проблемой для Македонии была Фессалия, близкий сосед, который в случае объединения мог потенциально стать очень сильным. Филипп должен был обеспечить ее раздробленность, и в 358 г. до н.э. он помог Лариссе защититься против нападения Александра из Фер, который намеревался восстановить квазигосударство своего отца Ясона. Александру удалось помещать, и в итоге Филипп получил союз с Лариссой и еще одну жену — Филинну.<sup>22</sup> Вскоре после этого Александр был убит фессалийцами, и это еще в большей степени, чем действия Филиппа, обеспечило раздробленность Фессалии.

Филипп вплотную занялся Амфиполем. Возник спор, в результате которого он осадил город. Жители не доверяли Филиппу, поскольку, чтобы умиловить Афины, он вывел гарнизон Пердикки. Город запросил помощи у халкидийцев, а два жителя Амфиполя даже отправились в Афины, прося выслать «спасительную экспедицию». Занятые «восстанием» союзников, Афины не ответили. Сомнительно, чтобы два жителя Амфиполя говорили от лица более чем небольшой группы в городе, но, видимо, некоторые жители настолько отчаянно боялись попасть под власть Филиппа, что они предпочитали правление Афин.<sup>23</sup>

Филипп отвлек Афины переговорами, намекая, что когда он захватит город, то передаст его Афинам. Переговоры шли о том, как это будет осуществлено, и афиняне поверили. Халкидийцы хотели заключить союз с Афинами, а затем разобраться с Филиппом, но «предложение» Амфиполя убедило Афины отвергнуть этот вариант. Когда Филипп в результате штурма после осады захватил Амфиполь, Афины намекнули на обмен — Пидна за Амфиполь. Пидна была, следовательно, не тем городом, за которые Афины стали бы сражаться, поэтому Филипп взял его себе, и Афины не получили ни одного из городов. Рассерженные Афины объявили войну, но несколько островных союзников откололись от них, заставив Афины воевать со старыми союзниками, а не с новыми врагами. Тем не менее военное положение сохранялось.<sup>24</sup>

Халкидский союз под руководством Олинфа начал вновь расти. Он враждовал и с Македонией, и с Афинами, хотя последние, занятые развалом своего союза, ослабили давление. Халкидийцы вступили в союз с царем Иллирии Грабом, территория которого лежала к северу от Македонии, и в результате одного из своих дипломатических подвигов в год вступления на престол Филипп нейтрализовал этот союз, передав ему богатую долину Антем, бывшую предметом споров между ними в прошлом.<sup>25</sup> Затем он помог союзу захватить Потидею, недостающее звено в альянсе, которая одновременно была союзником Афин. Потидея была усилена отрядом афинских клерухов (поселенцев), и осада города, во время которой Филипп использовал эффективные осадные орудия, заняла большую часть 356 г. до н.э. Она велась совместно с халкидийцами. Во время осады Филипп получил призыв о помощи от Кренид, небольшого шахтерского городка примерно в 50 км к востоку от Амфиполя, которому угрожал царь Фракии Керсоблепт. Филипп повел часть своей армии туда и захватил город, возможно, даже без боя, еще до того, как это смог сделать Керсоблепт.<sup>26</sup>

Оставив в Кренидах гарнизон, Филипп возвратился закончить осаду Потидеи. Когда он захватил город даже без помощи халкидийцев, то разрушил его, передал территорию союзу, освободил афинских клерухов и продал остальных жителей в рабство.<sup>27</sup> Так он одновременно уничтожил врага, подкупил нового друга, пополнил свою сокровищницу и еще раз подтвердил свой авторитет перед собственной армией.

Захват Кренид продвинул власть Македонии гораздо дальше на восток, чем когда-либо ранее. Это и союз Халкидики с царем Иллирии Грабом затронули интересы самого Граба и царя фракийцев Кетрипора. Они объединились с пеонийским царем Липеем, которого Филипп победил в 359 г. до н.э. Афины присоединились, но ничего конкретного сделать не могли. Коалиция не представляла большой опасности для Македонии, Филипп мог справиться с ее участниками по очереди. Он послал своего полководца Пармениона, тот разбил Граба, которому пришлось сражаться одному.<sup>28</sup> Мы не знаем, что слу-

чилося с остальными, но, вероятно, союз распался после поражения Граба.<sup>29</sup> Угроза не могла быть слишком серьезной, поскольку в то же время большая часть армии Филиппа продолжала осаду Кренид и Потидеи. Липей, вероятно, возвратился к своему прежнему вассальному состоянию; Кетрипор, сосед Кренид, был вынужден заключить ставящий его в зависимость союз.<sup>30</sup>

Филипп завершил эту серию побед осадой Метоны. Легкость, с которой Аргей достиг оттуда Эги, была пугающей; город был союзником Афин, а значит, находился в состоянии войны с Филиппом. Это был небольшой, но хорошо укрепленный город, и его жители стойко оборонялись. Филипп был тяжело ранен стрелой, но продолжал осаду и добился сдачи на условиях, что жители уйдут, взяв все, что смогут унести. Афины снова не смогли помочь союзнику, даже несмотря на то, что к концу осады они уже закончили войну против своих бывших союзников.<sup>31</sup>

Последние три года война велась с ближайшими врагами Македонии. Бардалис, Халкидский союз, Кетрипор, Липей, афинские базы в Пидне, Метоне и Потидее – все были приведены к статусу подданных или союзников, часто после сокрушительных военных поражений. Несмотря на приобретение территорий и обеспечение безопасности, проблемы Фессалии и Афин сохранялись. Филиппу, возможно, пришлось вновь помогать Лариссе в 355 и 354 гг. до н.э., примерно в то же самое время, когда он осаждал Метону. Результатом было сохранение независимости Лариссы перед лицом амбициозных устремлений правителей Фер править всей Фессалией – амбиций, которые не угасли после неудач Ясона и Александра. Отряды воинов, видимо, оказалось достаточно, подобно тому, как отряд воинов Пердикки в Амфиполе остановил Афины за десятилетие до этого.<sup>32</sup>

Завоевание Кренид создало новые проблемы. Город был основан несколько лет назад жителями Тасоса по предложению Каллистрата, который помогал Пердикке управлять финансами. Без сомнения, одной из причин того, что город нуждался в помощи, была сама его новизна. Он был основан, что-

бы обеспечивать доступ к богатым залежам металлов расположенной рядом горы Пангей, чем и был привлекателен для всех соседей. Филипп подкрепил свои завоевания македонскими поселенцами, укрепил город и переименовал его в Филиппы. Он также собрал в него жителей нескольких близлежащих деревень и поселений. Захват уже частично колонизованного македонцами к этому времени Амфиполя и Филиппов означало, что весь район становится македонским, лояльным лично Филиппу и источником огромных доходов для его царства.<sup>33</sup>

Филиппы располагались близко к союзнику Афин, портовому городу Неаполю, а между Неаполем и Амфиполем располагались три небольших прибрежных города — Аполлония, Галепс и Ойсиме. Позже они были или заселены македонянами, или покинуты.<sup>34</sup> Можно сказать, что это явилось еще одним результатом операции Филиппа в Кренидах. Неаполь был обеспокоен, и двое его граждан посетили Афины примерно в то время, когда Филипп вел действия там. Точное содержание их послания неизвестно, но вероятнее всего это было предупреждение о действиях Филиппа и призыв о помощи к Афинам.<sup>35</sup> Никакой помощи предоставлено не было, по крайней мере сразу, скорее всего потому, что Филипп открыто не угрожал этой территории.

Колонизация Амфиполя и Филипп создала важную и прочную опору на востоке царства, которая могла использоваться или как защита против нападений, или как база для дальнейшего продвижения. Устранение Афин из Пидны и Метоны ликвидировало постоянную угрозу сердцу царства, иллирийцы и пеонийцы были разбиты и отброшены на север и северо-восток. К 354 г. до н.э. Филипп мог заявить, что его царство защищено от любой непосредственной опасности. Старые враги были разбиты, Фессалия была нейтрализована. Но он должен был также хорошо понимать, что, занимаясь этими близлежащими врагами, он не мог уделять должного внимания самому серьезному противнику из всех — Афинам.

## *Защита царства, 354–346 гг. до н.э.*

К 354 г. до н.э. Филипп увеличил унаследованное им царство до максимальных размеров по сравнению с предшествовавшими царствованиями, добавил Амфиполь и Филиппы, а его войско стало многочисленнее и обладало большей эффективностью. Во внутренней политике Филипп использовал существовавшие местные институты, одновременно усиливая свою власть в целом. В большинстве местных сообществ сохранялось самоуправление посредством собраний. Во время правления Филиппа продолжался рост городов и селений в результате естественной экспансии благодаря миру и возрастающему благосостоянию или новым поселениям, основанным царем. Все царство было сложной смесью административно-территориальных единиц, не все из которых обладали одинаковыми правами. С точки зрения Макиавелли, можно рассматривать это как сознательный процесс управления страной по принципу «разделяй и властвуй», но в действительности это было скорее результатом естественного скачкообразного развития государства. Филипп, по-видимому, и не пытался добиться единообразия.

Царства в Верхней Македонии – Элимея, Линкестиды, Орестида и т.д. – были упразднены, местная аристократия включена в состав македонского двора, царские семьи стали придворными и «компаньонами». Районам предоставили возможность вести свои дела посредством местных собраний и аристократии без попыток создать единообразие; они давали людей в армию и деньги для казны. То есть из состояния хрупкой независимости они были переведены в надежный статус провинций.<sup>1</sup>

В некоторых особенно чувствительных регионах, в частности в недавно завоеванных и пограничных районах, Филипп назначил губернаторов. Приграничные районы, такие как

Филиппы и Амфиполь и область вокруг Дамастиона на северо-западе, были стратегически важными пунктами, поскольку могли стать объектами нападения врагов. Предположительно там стояли македонские гарнизоны и для защиты, и для контроля ситуации. Губернатор мог называться *стратегом*, что указывало на военную функцию, или *эпистатом*, как это определено имело место в Амфиполе в 350-х гг. до н.э. Обязанности занимавшего эту должность менялись в зависимости от времени и места, но обычно означали назначение царем в качестве своего представителя в определенном месте.<sup>2</sup> И Амфиполь, и Дамасион обладали принадлежавшими царю минеральными ресурсами; несомненно, одной из обязанностей этих чиновников было проконтролировать, чтобы доля царя от разработки рудников доходила до него.

Большие части царства принадлежали непосредственно царю, его владениями управляли *эпимелеты*. Леса были царскими заповедниками, необходимы были смотрители этих лесов, в частности, потому, что продажа древесины была одним из основных источников доходов царя.<sup>3</sup> Налоги и таможенные пошлины, которые собирались в городах и портах, отдавали на откуп: нужны были финансовые чиновники для реализации этого процесса.<sup>4</sup>

Ничто из этого не было необычным или новым: фактически эту же систему можно видеть в Римской империи и империи Ахеменидов. Филипп просто применил нормальную для Античного мира систему, но экспансия его царства требовала и увеличения административного аппарата, поэтому в определенных регионах назначались губернаторы. Обычные различия в эффективности, явления коррупции и злоупотребления бюрократии, конечно, существовали, одной из обязанностей Филиппа как царя было осаживать управляющих, когда подобные проблемы становились слишком заметными. Бюрократия оставалась неразвитой, хотя *эпимелеты* назначались и для выполнения других задач, а не только для надзора за царскими владениями. Это было начало, но не это являлось приоритетом для Филиппа, поскольку он сумел выжить в ранних кризисах путем создания новой армии. Для

населения в целом первой обязанностью Филиппа, помимо обеспечения безопасности, была организация судопроизводства. Филипп был верховным судьей и высшей апелляционной инстанцией царства, но повседневное правосудие отправлялось магистратами в городах и поселениях или назначенными царем судьями.<sup>5</sup>

Судьи и *эпимелеты* назначались из числа приближенных царя, людей, которые жили при дворе, сопровождали его, служили его телохранителями, сражались вместе с ним, пили и ели за его столом. Это были аристократы из сельских районов, представители бывших царских семей из горных государств, греки из городов или из-за границы. Всех их Филипп знал лично, это были люди, способности которых он внимательно оценивал. Они могли быть назначены для выполнения любой или всех задач, которые Филипп возлагал на них: телохранители, судьи, дипломаты, адмиралы, администраторы, губернаторы, *эпимелеты*. Он также собрал вместе младших сыновей аристократов и сделал их царскими «пажами». Это был другой существовавший ранее институт, который Филипп расширил и значение которого увеличил: именно из «пажей» набирались будущие приближенные. Цари государств, образовавшихся после смерти Александра, в юности все были «пажами».

При всех дополнениях и нововведениях царь лично принимал участие в управлении на всех уровнях. Число приближенных для административных и руководящих должностей составляло всего несколько сотен. Администрация была в значительной степени неформальной, велось очень немного детальных записей: на камнях выбито довольно мало записей того периода; например, Афины с меньшей численностью населения использовали больше бюрократов, чем вся Македония Филиппа. Это одна из причин, почему Афины и Фивы были столь же могущественны, как и гораздо более крупное царство. То есть у Македонии не было системы управления выше местного уровня. Обладавший неистощимой энергией Филипп делал все сам. Результатом этого недостаточного развития было то, что когда Александру понадобилось организовать систему управления империей, ему это не удалось.



Границы были укреплены колониями македонян в стратегически важных пунктах: примерами служат Крениды/Филиппы и Амфиполь, а также Дамастион. Жители Баллы в Пиерии были переселены в место, называвшееся Питеон в Перебии.<sup>6</sup> В Линкестиде Гераклея контролировала верхнюю часть долины реки Эригон и маршрут, которым пользовались для вторжения иллирийцы.<sup>7</sup> Филиппополь был расположен так, чтобы господствовать над средней частью долины Стримона.<sup>8</sup> Пелла в центральной части страны в результате работы Филиппа была расширена, становилась богаче и люди часто приезжали туда.<sup>9</sup> Филипп перемещал «людей и города ... подобно тому, как пастухи перегоняют свои стада», поэтому «из многих племен и народов он образовал одно царство и один народ».<sup>10</sup>

С помощью этих колоний и развития городов Филипп создавал, возможно ненамеренно, новый тип города. Нормальный греческий город был независимым или подчинялся на основе некоего соглашения другому. В македонском варианте города никогда потенциально не были независимыми, хотя в них существовали обычные институты самоуправления, магистраты, жрецы, собрания и т.д.<sup>11</sup> Эти города были подданными непосредственно царя и часто подчинялись назначенному им губернатору. Такой вариант стал обычным способом, применявшимся в более поздних царствах по отношению к огромному числу новых городов, основанных и развивавшихся там.

Центральным фактором действий Филиппа между 354 и 346 гг. до н.э. была война с Афинами. Ни одна из сторон не могла непосредственно осуществить серьезное нападение на другую, только через союзников. Афины теперь лишились основных союзников по Второму союзу и не обладали военной силой для борьбы с обретшей новую мощь македонской армией. Господствовавший на северных землях Филипп никогда не стремился строить корабли, чтобы противостоять Афинам на море. Поэтому политика Афин заключалась в том, чтобы угрожать Филиппу посредством образования союзов во Фракии или на Халкидике, а Филипп расширял дипломатические контакты в Греции, чтобы угрожать Афинам. Каждая сторона обвиняла другую в нечестных приемах, и обе использовали их.

Афины, в общем, могли удерживать Филиппа на расстоянии, но Филипп постепенно устранял союзников Афин, расположенных вблизи его царства. Непосредственные враждебные действия были редки почти до самого конца.

Соперничество осложнялось одновременной войной в центральной части Греции. Начавшись с конфликта между Фивами, которые претендовали на власть над Беотией, и Фокидой, расположенной возле соседней с ней области на севере, эта война стала приобретать международный характер, когда фокейцы захватили контроль над Дельфами и использовали их сокровища, чтобы набрать наемную армию. Дельфийская Амфиктиония, управлявший святилищем орган местных сообществ, обратилась за помощью, чтобы вернуть утраченные богатства и наказать святотатца; это затронуло всю Грецию, вызвав Священную войну. В соответствии с политической ситуацией в Греции война сделала не испытывавших энтузиазма Афины и Спарту союзниками фокейцев, а Фивы противостояли им. В Фессалии тираны Фер стремились использовать кризис, чтобы расширить свою власть на другие части Фессалии. Жители Фер вступили в союз с Фокидой, находившиеся под угрозой города Фессалии обратились за помощью к Филиппу.<sup>12</sup> Всего через четыре года после Всеобщего мира 360 г. до н.э. вся Греция вновь была втянута в войну.

Македонские цари неоднократно вмешивались во внутренние дела Фессалии, всегда с целью блокировать рост могущества Фер. Не в интересах Македонии было позволить Фессалии объединиться под властью одного правителя, поскольку это создавало серьезную угрозу, а Феры через Фокиду были в союзе с Афинами, с которыми Филипп уже находился в состоянии войны. Македония поэтому выступила на стороне Фив, и в начале 353 г. до н.э. после победы фиванцев их армия прошла через Македонию, чтобы помочь восставшему персидскому сатрапу Фригии на Дарданеллах Артабазу. Командиром фиванцев был Паммен, старый союзник Филиппа, и Филипп привел македонские войска, чтобы сопроводить фиванцев через Фракию.<sup>13</sup>

Филипп использовал эту экспедицию, чтобы утвердить свои позиции во Фракии, хотя в результате он вызвал беспокойство

царей Фракии, дав им представление об угрозе с его стороны. Он уже сталкивался с несколькими царями — Кетрипором, Керсоблептом, даже с Амадоком на востоке. Теперь они приняли дипломатические действия. Филипп договорился с ними о безопасном переходе Паммена и его войска до Геллеспонта, одновременно он, очевидно, договорился с Керсоблептом совместно выступить против Амадока. Армия Филиппа также разграбила территории двух союзников Афин — Абдеры и Маронеи, но серьезных нападений на города не совершала.

Филиппа сопровождал флот из судов снабжения под конвоем кораблей небольшого македонского военного флота. На обратном пути его судам угрожал афинский флот под командой Хареса. Теперь Афины хотели уделить внимание проблемам своих северных союзников. Амфиполь, Метона, Пидна и небольшие города к западу от Неаполя были потеряны для Македонии, а те, что остались, стали еще более ценными. Поскольку совместный поход фиванцев и македонцев происходил весной, Харес, по-видимому, был отправлен на север, чтобы перехватить флот Филиппа и, может быть, помочь защитить Неаполь, Абдеру и Маронею. Филипп обнаружил поджидающие его афинские корабли, направил четыре самых быстрых своих военных корабля отвлечь их и без происшествий провел мимо Неаполя свои грузовые суда.<sup>14</sup>

Этот поход во Фракию, как и многие другие действия Филиппа, имел несколько аспектов: война с Афинами, текущее положение во Фракии, отношения с Фивами и Священная война. Поход Паммена привел Фивы и Македонию к активному союзу, позже в том же году это окажет влияние на действия Филиппа в Фессалии.

Это было также первым признаком интереса Филиппа к персидским делам. Великий царь мог обратить внимание, что и Фивы, и Македония поддержали взбунтовавшегося сатрапа. Когда примерно через год Артабаз был в конце концов разбит, он бежал и укрылся в Пелле у Филиппа, приведя с собой несколько сторонников. В их числе был и его зять, командир наемников Мемнон с Родоса. Так Персия попала в поле внимания Филиппа, а Македония — Артаксеркса. Присутствие бежен-

цев при дворе Филиппа было постоянным напоминанием о возможностях, открывавшихся в Азии. Но чтобы действовать там, потребовалось бы больше, чем 5000 воинов Паммена.

Филипп отправился в Фессалию, чтобы помочь своим друзьям там. Полководец фокейцев Ономарх собрал новую армию, и это возродило надежды тиранов Фер. Филипп взял с собой лишь часть македонской армии, намереваясь только поддержать равновесие в конфликте, в котором обе стороны были примерно равны. В ответ Ликофрон, один из тиранов Фер, обратился к Ономарху, который направил фокейские войска на север под командой своего брата Фаила. Они были разбиты Филиппом.<sup>15</sup> Эскалация конфликта продолжалась: Ономарх повел главную фокейскую армию на север, а Филипп свои главные силы — на юг. Войска Филиппа несколько уступали противнику в численности, и в двух крупных битвах он потерпел поражение. Филипп отступил в Македонию, оставив гарнизоны в нескольких городах, и Ономарх начал осаждать и захватывать их. Филипп был полон решимости вернуться в следующем году.<sup>16</sup>

Поражение Филиппа было первым за шесть лет сражений и кампаний. Это было первое столкновение его новой армии с большой и находящейся под умелым командованием армией греческих гоплитов. До этого враги были гораздо хуже организованы и менее дисциплинированы и во многих случаях уступали в численности. Некоторые из македонцев дезертировали, упрекая Филиппа, многие погибли. Филипп говорил, что он отступил, чтобы ударить еще сильнее, но армия могла опасаться дальнейших сражений подобного рода. Приходится сделать вывод, что Филипп провел зиму, пытаясь убедить своих людей, что они могут победить.

Проблема Фессалии была унаследована от его предшественников. Эта страна во многих отношениях была похожа на Македонию. Ею правила аристократия, но было и значительное городское население. Страна была богата ресурсами, и размер ее был равен старой Македонии без горных царств. Под властью одного человека она была потенциально опасна для всех соседей, а вмешательство Ономарха установило союз между

Фокидой, обогатившейся сокровищами Дельф, и Ферами и ее тиранами. Этот союз врагов был слишком большой угрозой, которую нельзя было игнорировать. Ради своей армии Филипп должен был снова сражаться, ради своего царства он должен был разрушить вражеский союз.

Союзниками Филиппа в Фессалии были города Фессалийского союза, которым угрожали амбиции Фер. Будучи более или менее одинаково сильными, две группы фессалийцев могли выставить значительную армию, а Фессалия была страной хорошей кавалерии. В 352 г. до н.э. Филипп возвратился на юг со всей своей армией, собрал силы своих союзников и стал отвоевывать города, которые Ономарх захватил за год до этого: в частности, он атаковал Пагасы всего в 10 км от Фер. Афинский флот под командованием Хареса также был направлен сюда в качестве поддержки с моря Ликофрона и Фер.

Ономарх двинулся на север со всеми войсками. Последующее сражение произошло на юге Фессалии, поэтому у Ономарха было мало фессалийских войск, и битва на Крокусовом поле возле южных границ Фессалии проходила на условиях Филиппа. Его конница превосходила конницу Ономарха в шесть раз и действовала чрезвычайно эффективно. Когда фокейская армия была разбита, 6000 человек были убиты и 3000 попали в плен. Ономарх был убит во время бегства или казнен, пленные были утоплены — таково было наказание для грабителей храмов.<sup>17</sup>

Филипп еще некоторое время оставался в Фессалии. Ликофрон и его брат Пифолай отказались от тирании в Ферах в обмен на безопасный выход из Фессалии для них и их сторонников. Другие города, находившиеся под их властью, быстро перешли к Филиппу. Была создана новая политическая конструкция: Филипп был избран *архонтом* Фессалийского союза. Это положение было ниже царского, но оно было не просто почетным — оно давало ему значительное влияние на дела Фессалии. Возможно, именно в силу этого он сохранил контроль над захваченной его войсками Пагасой и Магнесией, областью на севере вдоль побережья, оккупированной его армией во время осады Пагасы. Он мог заявлять, что эта земля «завоевана копьем».

Фессалийцы формально просили его вернуть эти земли Фессалии, но он проигнорировал их просьбу. Филипп взял также еще одну жену — Никесиполиду, племянницу тирана Фер Ясона и двоюродную сестру изгнанных тиранов, вероятно, в качестве примирительного жеста по отношению к этому городу.<sup>18</sup>

Управлять всей или частью Перебии, соседствующей с Македонией и Элимеей, северной частью Фессалии,<sup>19</sup> был в качестве *эпимелета* поставлен Агафокл. Этот регион был передовым оборонительным рубежом Филиппа, если бы дела в Фессалии опять пошли плохо. Несколько городов были, возможно, изъяты из сферы компетенции Агафокла; он, таким образом, отвечал за сельские районы, обладая возможностью заранее предупредить Македонию об опасности и, вероятно, собирая налоги. Отметим, что Агафокл был фессалийцем, но был назначен Филиппом.

Закончив все это, Филипп двинулся на юг, предположительно намереваясь соединиться с беотийцами. При Фермопилах он обнаружил, что проход перекрыт фокейцами, контингентами из Афин, Спарты и других союзников фокейцев, включая бывших тиранов Фер. Осмотревшись, он повернул назад и ушел домой.<sup>20</sup> У Филиппа, очевидно, были свои приоритеты, хотя он и сражался с Ономархом во имя Аполлона Дельфийского. Его не интересовала сама по себе Священная война, в основном он стремился к контролю над Фессалией, чтобы предотвратить использование ее врагами. Аналогично Афины участвовали в перекрытии Фермопил не потому, что город стремился поддержать Фокиду, а потому, что вел войну с Филиппом и Фивами, союз которых создавал огромную опасность. Обе стороны уклонились от прямого столкновения.

Афинский флот под командованием Хареса, который ранее угрожал судам Филиппа в Неаполе, вновь начал активные действия. Харес захватил и колонизировал Сест на Геллеспонте со стороны Херсонеса и подстрекал фракийских царей, из которых Керсоблепт уже вступил в союз с Афинами.<sup>21</sup> Это и вызвало отход Филиппа от Фермопил.

Ситуация во Фракии была сложной. Керсоблепт угрожал Амадоку, который примкнул к Филиппу; Византий и Перинф

также были вовлечены в конфликт. Прибытие Филиппа с войсками разрешило сложный конфликт, он сразу нанес поражение Керсobleпту и вынудил его принять условия мира со строгими ограничениями. Позже он осадил Герайон-Тихос, небольшой город вблизи Перинфа, который, казалось, находился в руках афинян. Афиняне энергично отреагировали – проголосовали за отправку на спасение города 40 трирем.

Но Филипп заболел, афиняне отказались от посылки экспедиции, и город оставили в покое.<sup>22</sup> В результате Филипп установил еще больший контроль над отдельными частями Фракии, чем раньше, но не нанес поражения своему главному противнику – Афинам. Филипп был полностью занят борьбой с союзниками Афин в течение последних двух лет. Сами Афины посылали только очень небольшие экспедиции, которые обычно проходили успешно, как это было в Неаполе, при Фермопилах и Херсонесе. Главная проблема заключалась в том, что Филипп продолжал одерживать победы, и со временем союзников могло не остаться. Тогда Афинам пришлось бы сделать нечто большее, чем просто направить флот или занять оборонительные посты. Менее очевидным было другое: Филипп постоянно укреплял свою власть в Македонии и окружающих ее землях. Когда только началась война с Афинами, Македония находилась в своих традиционных границах – от горы Олимп до реки Стримон, теперь южная граница государства проходила до моря напротив Эвбеи, а восточная приближалась к Пропонтиде. Эти приобретения отодвинули возможных врагов очень далеко от Македонии, но оставался еще один союзник Афин совсем рядом. Пока Филипп был занят во Фракии и Фессалии, ведущий город Халкидского союза Олинф начал переговоры с Афинами и объявил о дружбе между ними. Это было нарушением договора о союзе, который Олинф заключил с Филиппом в 355 г. до н.э., и, вероятно, было вызвано растущим могуществом Филиппа и его поражением в первой войне в Фессалии в 353 г. до н.э.<sup>23</sup>

Филипп выразил протест и попытался вступить в переговоры, сопровождая свои действия угрозами. Это произвело обратный эффект. Халкидский союз заключил союз с Афина-

ми и стал прямой угрозой лично Филиппу – Олинф предоставил убежище двум выжившим единокровным братьям Филиппа, Арридею и Менелаю. Болезнь Филиппа во время фракийской кампании в 352 г. до н.э. могла напомнить всем, что он смертен и не незаменим. Оставался лишь один шаг до мысли, что, заменив его, можно устранить угрозу Олинфу, особенно если новый царь Македонии будет иметь причины быть благодарным этому городу. Очевидно, если бы Филипп был внезапно устранен, возник бы новый кризис престолонаследия (его собственные сыновья были еще малолетними детьми), Фессалия занялась бы своими делами сама, цари Фракии освободились бы, а иллирийцы были бы не так опасны. Появление единокровных братьев в Олинфе после десятилетия их отсутствия означало новую фазу войны.<sup>24</sup>

Филипп очень неохотно воевал с Афинами. Он избегал прямого конфликта настолько часто, что, очень вероятно, центральной линией его политики было *не* воевать с Афинами. Он великодушно отпустил афинян, которых взял в плен во время битвы с Аргеом в Потидее, он уклонился от встречи с афинской экспедицией возле Неаполя, в Фессалии, у Фермопил и при Херсонесе. Освобождение афинских пленных должно было означать, что он надеялся на мир. Ему не понравилось, что Олинф заключил мир с Афинами, но он не реагировал, пока город не стал покровительствовать его единокровным братьям.

Чтобы понять намерения Филиппа, необходимо более внимательно рассмотреть его общие устремления и цели. Это трудно. Мы не имеем никаких сведений на эту тему от самого Филиппа, ничего от его античных биографов (от чьих работ сохранились только фрагменты), а его подлинные намерения могут быть скрыты тем, чего он реально добился, и тем, что довершил его сын.<sup>25</sup> Основной вопрос касается его целей в отношении Греции и Персии. В 346 г. до н.э. афинский памфлетист Исократ призывал его двинуться на Персию.<sup>26</sup> Это было, вероятно, первым публичным высказыванием на данную тему, но в течение предшествующего полувека греки неоднократно нападали на Персию: Ксенофонт в 401 г. до н.э., спартанский



царь Агесилай в 390 г. до н.э., Паммен в 355 г. до н.э., это же планировал и Ясон из Фер в 370-х гг. до н.э. То есть почти каждый успешный греческий правитель ставил целью напасть на Персию, поэтому, вероятно, было распространено мнение, что Филипп также сделает это. Он помогал Паммену в 355 г. до н.э. и предоставил убежище персидским мятежникам год спустя. Груз публичных ожиданий вполне мог побудить его двинуться против Персии, когда он был бы способен это сделать.

Военная сила персов заключалась в их коннице, боевых кораблях и богатстве. Кавалерия сражалась традиционным способом, с которым Филипп мог справиться мощью своей новой дисциплинированной конницы. Богатство империи позволяло ей брать на службу бесчисленных греческих наемников, и Филипп знал, что может победить. Но морские силы были вне пределов его досягаемости. Даже расширившая свою территорию Македония была просто недостаточно велика и богата, чтобы содержать и полномасштабную армию, и военно-морской флот, способный противостоять персидскому флоту из 400 боевых кораблей. Но афинский флот был достаточно велик и обладал соответствующими навыками, чтобы быть в состоянии победить персов. Если он намеревался напасть на Персию, афинский флот должен был быть на его стороне.

На первом плане стояло внимание к Греции, более ранние нападения на Персию регулярно терпели неудачи из-за беспорядков в Греции. Если Филипп намеревался напасть на Персию, прежде всего необходимо было добиться того, чтобы Греция была на его стороне (как намекал Исократ) или чтобы Греция сохраняла твердый и надежный нейтралитет. Самым сильным греческим государством были Афины. Все говорило о том, что нужно стремиться к союзу с Афинами.

Афины не хотели сотрудничества, считая Македонию своим закоренелым врагом, но Филипп совершенно определенно стремился по возможности избегать полномасштабного сражения и пытался сделать Афины своим союзником. Союз с Афинами дал бы ему две вещи: вместе они доминировали бы в Греции, а афинский флот защитил бы его коммуникации и морской фланг Греции при любом вторжении в Персию. Это

лучшее объяснение его действий. Если он хотел просто добиться доминирования в Греции, Фивы были столь же хорошим союзником, и он уже был в союзе с этим городом, но афинский флот был уникален в Греции, и это был тот самый военный актив, которого не было у Филиппа. Поэтому я делаю вывод, что примерно с 350-х гг. до н.э. конечной целью Филиппа было нападение на Персидскую империю, предпочтительно в союзе с Афинами.<sup>27</sup> (Предположение, что Филипп в какой-то момент был в союзе с империей следует исключить, как и историю о персидских послах при дворе Филиппа.)<sup>28</sup>

В 350 г. до н.э. Филипп вел кампанию в Эпире, победил царя Молоссии Арибба, дядю своей жены Олимпии, и, возможно, захватил Паравею возле границы Эпира. Брат Олимпии Александр был взят в Пеллу или в качестве заложника, или чтобы обезопасить его жизнь от гнева Ариббы. Александр имел право претендовать на престол Молоссии, а Арибба наследовал отцу Александра. Филипп уже держал в качестве заложника при своем дворе сына Керсоблепта; это была не столько угроза, сколько залог хорошего поведения его отца.

Именно во время его пребывания в Эпире Олинф принял единокровных братьев Филиппа.<sup>29</sup> Они не представляли реальной угрозы для него, поскольку к этому времени у него было два сына, Арридей, матерью которого была Филлина из Лариссы, и Александр, сын Олимпии. Первому в 350 г. до н.э. было около семи лет, второму — шесть. Было также две дочери. Вдобавок при его дворе находился Аминта, сын Пердикки, который имел права на престол и был уже взрослым. Престолонаследие таким образом было обеспечено, но сводные братья определенно были раздражающим фактором. Возвратившись из экспедиции в Эпир, Филипп смог заняться отношениями с Олинфом.

Угрозы в адрес Олинфа не возымели действия. Олинф был наиболее значительным городом Халкидского союза и обладал примерно половиной его полной военной силы, остальная часть союза состояла примерно из 30 городов, большинство из которых были маленькими и слабыми. В 349 г. до н.э. Филипп атаковал, сначала игнорируя Олинф и стремясь раз-

рушить союз, победив других его членов. Большинство из них не могли сопротивляться и сдались или без боя, или после очень краткого сопротивления.<sup>30</sup>

Олинфяне не устрашились. Поддержать оборону города прибыл афинский контингент под командованием Хареса.<sup>31</sup> Зима прошла в дипломатических переговорах и интригах с обеих сторон. Филипп скорее всего нес частичную ответственность за восстание Эвбеи против Афин;<sup>32</sup> вполне возможно, что афиняне были связаны с восстанием против Филиппа в Феррах, которое организовал бывший тиран Пифолай.<sup>33</sup> Свидетельств и того, и другого мало или совсем нет, но оба восстания были настолько своевременны для обеих сторон, что трудно поверить, что это просто совпадения. По меньшей мере, можно полагать, что инициаторы этих событий воспользовались занятостью Афин и Филиппа в Олинфе.

У Филиппа не возникло реальных проблем с Феррами, но потребовались время и усилия, чтобы удалить Пифолая и вновь уладить дела в Фессалии. Афины столкнулись с большими трудностями на Эвбее, где тиран Халкиды Каллий набрал наемников и разбил посланные против него афинские войска. Афины вынуждены были принять соглашение, по которому города Эвбеи выходили из Афинского союза и образовывали собственный союз. Тем временем командующий афинскими войсками на Халкидике Харидем смог провести собственную кампанию против городов, перешедших или попавших под власть Филиппа годом раньше.<sup>34</sup>

Филипп отказался от захвата малых городов с целью оказания давления на Олинф. Это могло быть средством показать, что он был готов согласиться с существованием союза, если тот мог заключить и сохранить мир с ним. Теперь он игнорировал малые города и сконцентрировался на самом Олинфе. Для этого ему пришлось разбить армию союза в двух битвах, а затем осадить город. Это позволило ему принять капитуляцию других городов, которые не могли получать помощь из Олинфа, и он пришел к заключению, что только полное уничтожение Олинфа может закончить войну. Когда олинфяне запросили условия мира, он не предложил никаких. Афиняне, за-

нятые Эвбейей, направили в начале кампании в 348 г. до н.э. небольшой отряд во главе с Харидемом, но этого было недостаточно. Конница Олинфа сдалась; она располагалась вне города, сражалась против численно превосходящего противника и была, видимо, разбита. Командовали конницей противники войны, так что велик шанс измены. Осада стала более плотной, и когда была захвачена Мекиберна, порт Олинфа, афинские корабли и воины не могли более прибывать в город. После ожесточенной борьбы Олинф пал, был разграблен и разрушен, а его жители проданы в рабство.<sup>35</sup>

Методы Филиппа в этой войне отражают общий подход, который он использовал в борьбе с Афинами. В обоих случаях он использовал сочетание дипломатии и силы и продемонстрировал нерасположенность вступать в столкновение с основным противником, предпочитая сначала разобраться с подчиненными или союзниками, и только потом при наступлении абсолютной необходимости атаковать главного врага. Война с Олинфом была копией войны с Афинами, только меньшего масштаба.

К этому времени Филипп уже устранил большинство опор Афинского союза. Вся Северная Греция перешла под его прямой контроль или оказалась под косвенным влиянием от Пропонтиды до Ионического моря, от Иллирии до южных границ Фессалии. Единственным союзником Афин, который мог предоставить им значительную помощь и заблокировать движение на юг, оставалась Фокида, а ее решимость убывала по мере того, как улетучивались похищенные сокровища Дельф.

Филипп сначала использовал дипломатию. В Афины были направлены письма с предложениями мирных переговоров, хотя осада Олинфа еще продолжалась. Одно было передано через эвбейцев, прибывших во время подготовки третьей экспедиции Афин на помощь Олинфу.<sup>36</sup> Афинянин, приехавший в Македонию по личному делу, возвратился с письмом от Филиппа, в котором тот просил мира. Это стало серьезным делом в Афинах, где предложивший переговоры человек по имени Филократ был за это казнен. Его казнь была знаком того, что переговоры теперь невозможны.<sup>37</sup> Мнение Афин еще не пол-

ностью сформировалось; многие афиняне считали, что есть возможности достижения мира.<sup>38</sup>

Попытки продолжались и в течение 347 г. до н.э. В Херсонес была направлена экспедиция, вступившая в контакт с Керсоблептом и построившая несколько фортов на Пропонтиде и в глубине суши.<sup>39</sup> Филиппа вновь отвлекли события в Фессалии, где Галос восстал против власти Фарсала. Филипп направил Пармениона осаждать его.<sup>40</sup> Власть македонского царя над Фессалией была, очевидно, далеко полной, и эта страна отнимала у него много времени. Нет никаких признаков того, что восстание Галоса было делом рук афинян, но это был прибрежный город, доступный с контролируемого афинянами моря. Тот факт, что Филипп находился в состоянии войны с Афинами, мог учитываться в расчетах жителей Галоса.

В течение 347 г. до н.э. дела союзника Филиппа Фив в войне против Фокиды шли плохо. Филипп послал небольшой отряд на помощь беотийцам. Вместе они нанесли поражение фокейцам в небольшом сражении.<sup>41</sup> Афины предпринимали попытки побудить других греков противостоять тому, что некоторые рассматривали как опасность со стороны Филиппа, но это в основном оканчивалось неудачей. Спарта была заинтересована, но Аркадия — нет.<sup>42</sup> У этих городов не было причин играть в игру афинян. При желании они могли напомнить, что Афины были союзником проклятой стороны во время Священной войны и что Филипп был единственным правителем, который нанес серьезный удар по силам фокейцев за Дельфийский храм Аполлона. В действительности основной проблемой городов Аркадии была Спарта, чьи амбиции восстановить свое прежнее положение на Пелопоннесе было угрозой всем ее соседям. Поэтому, если Спарта была союзником Афин, политика Афин автоматически становилась подозрительной.

Неудача в привлечении союзников усугублялась новостями, что решимость фокейцев убывает. Их главнокомандующий Фалек был смещен в пользу совета из трех полководцев, которые после первоначальных успехов были разбиты соединенными македонско-беотийскими войсками. Фалек вновь стал командующим. Было предложено, чтобы фокейцы передали

форты у Фермопил афинским гарнизонам, но Фалек отказался. Предложение спартанского царя Архидама установить там спартанский гарнизон тоже получило отказ. Не только жители Аркадии с подозрением относились к Спарте и Афинам.<sup>43</sup>

Различные хитрости афинян к началу 346 г. до н.э. все окончились неудачей — союза эллинов против варварской Македонии не будет; Керсоблепт захватил форты во Фракии, но больше ничего не делал, понимая, что вновь попал в поле зрения Филиппа. Фокейцы были истощены, и настойчивость Фалека, который сам удерживал Фермопилы, показывала совершенно отчетливо недостаточное его доверие по отношению к своим дальним и очень мало активным союзникам. В марте 346 г. до н.э. афиняне на собрании проголосовали за назначение десяти послов для отправки в Македонию на переговоры о мире.<sup>44</sup>

Получив эти известия, Фалек был напуган. Если Афины заключат мир, он, фокейцы и его наемная армия останутся одни перед лицом беотийцев, фессалийцев и македонян Филиппа, а деньги из Дельф уже почти закончились. В Пелле афиняне застали послов из Фокиды, Фив и Спарты. Филипп держал в руках все нити, необходимые для заключения соглашения по поводу обеих войн. Переговоры заняли значительное время в немалой степени потому, что все десять афинян хотели обратиться с длинными речами к Филиппу, который затем отвечал столь же долго. Затем послы должны были ездить в Афины и обратно, чтобы согласовать условия.

Пока они делали это, Филипп отправился во Фракию сдерживать Керсоблепта. Во время экспедиции он захватил построенные афинянами в прошлом году форты возле Херсонеса, которые находились под контролем Керсоблепта.<sup>45</sup> Когда он возвратился в Македонию, афинские послы ждали его в Пелле. Афинянам потребовался месяц, чтобы решиться принять более или менее согласованные условия мира, и они принесли подтверждающие их клятвы.<sup>46</sup> Но фокейцы были исключены из условий мира, как и Галос, и Керсоблепт.

Афины таким образом предали своих друзей и союзников, а Филипп в свою очередь предал своего союзника — Фивы. Их

отношения основывались на связывавшей их враждебности к фокейцам, но других общих интересов не было. Филипп помог Паммену с его отрядом добраться до Азии, но это было личное дело, и, несомненно, он был рад видеть, как фиванцы уведут подальше 5000 своих воинов. Политика Фив по отношению к Фокиде была совершенно разрушительной; если бы Фивы следовали своему курсу, война закончилась бы полным уничтожением фокейцев. Это лишь заставляло фокейцев сражаться еще более отчаянно, а также давало Филиппу нужную ему возможность предложить более мягкие условия. Подписанный в 346 г. до н.э. мир между Филиппом и Афинами был первым в серии соглашений между различными группировками, которые ослабили и разрушили существующие союзы. Фивы совершенно отчетливо осознали происходящее: когда Филипп двинулся на юг, фиванцы полностью мобилизовали свою армию.<sup>47</sup>

Составной частью соглашения, которое афиняне называли Филократовым миром,<sup>48</sup> был союз между Македонией и Афинами. Филипп, видимо, надеялся, что это соглашение сгладит все остальные вопросы. Объединенная мощь самых сильных морской и сухопутной держав в Греции, несомненно, могла эффективно доминировать в Греции и решать вопросы в других местах. Это не нравилось многим в Афинах, в частности оратору Демосфену, но это было частью цены мира. С точки зрения Афин война была проиграна, их союзник Фокида потеряна. Мир был необходим, и Филипп настаивал на союзе как на одном из условий мира.<sup>49</sup> Филипп мог стремиться к этому, но афиняне — нет. Пока Афины размышляли, Филипп занялся Керсobleптом и, по-видимому, достиг окончательного соглашения с Фалеком.

Когда афиняне возвращались домой после того, как Филипп ратифицировал договор, его армия двигалась через Фессалию, чтобы захватить контроль над Фокидой и Фермопилами.<sup>50</sup> Он должен был сделать это для своих союзников фессалийцев, беотийцев и Дельфийской Амфикистии. Они должны были увидеть, что Фокида наказана, но по возможности так, чтобы Фалек и его армия не дошли до крайностей. Он

должен был также предотвратить вмешательство Афин на стороне их союзников, не раздражая их до такой степени, чтобы они разорвали мир. Он уравнивал все эти конфликтующие интересы, и самым существенным во всем этом было то, что он сделал это очень аккуратно, в то время как было бы слишком легко довести дело до военного конфликта.

Фалек с гарнизоном занимал Фермопилы, под его командованием было 8000 наемников. Эти люди понимали, что они могут быть разбиты македонской армией, которая была усилена фессалийским отрядом, а если они отобьются, то присоединятся беотийцы. Они понимали также, что могут подвергнуться наказанию за святотатство в Дельфах, поэтому для них были приемлемы любые позволявшие им свободно уйти условия, о которых договорился бы Фалек. То, что это оставит Фокиду беззащитной перед ее врагами, было не их делом.

По условиям соглашения воины могли свободно разойтись, забрав только то, что могли унести с собой, без оружия и лошадей. Так их могли убить как бродяг, но это были опытные воины, и, без сомнения, они быстро могли вновь вооружиться; воины приняли эти условия. Фокейцы, без сомнения, по предварительной договоренности, достигнутой при посредничестве Фалека, затем сдались Филиппу, который теперь занял Фермопилы.<sup>51</sup>

Филипп передал принятие решения о наказании Фокиды своему союзнику Амфиктионии, которая была пострадавшей стороной в конфликте в Дельфах. Беотийцы выступили против трех городов из их союза, которые перешли к фокейцам, и добились успеха: Охромент, Короней и Корсея были разрушены, их население продано в рабство.<sup>52</sup> Амфиктиония проголосовала за изгнание фокейцев из их организации, предоставив вакантные места Филиппу. Затем она проголосовала за уничтожение всех городов Фокиды и наложение огромного штрафа.<sup>53</sup> Афиняне не послали представителей на встречу, но Филипп, видимо, выступал за снисходительность. Принятое наказание было очень суровым, но первоначальное предложение заключалось в том, что все мужчины Фокиды должны быть убиты. Давление со стороны Филиппа оказалось эффектив-



ным, но в любом случае он на этом собрании мог вести себя так, как хотел.<sup>54</sup> Осенью он председательствовал на Пифийском празднике, первом в новую эру свободы Дельф, а затем возвратился домой. Он добился выдающегося дипломатического триумфа, завершив разорявшую всю Центральную Грецию десятилетнюю войну, и одновременно закончил еще более масштабную войну с Афинами. Афиняне были не слишком довольны судьбой Фокиды, но им пришлось смириться с этим. Они согласились на продолжение союза с Филиппом, хотя и без энтузиазма.

К этому времени Филипп был царем Македонии уже 13 лет. Его достижения были значительны, но не следует преувеличивать их. Первые шесть лет он провел, возвращая то, что было потеряно Македонией за предшествующее поколение. Помимо этого, он совершил три крупных завоевания: Фессалия, Халкидика и район Амфиполь—Филиппы.

Царство все еще находилось на стадии развития. Несколько предпринятых Филиппом мер еще не консолидировались полностью в развитую систему государственного управления. Одним из главных его институциональных нововведений была армия, необходимый инструмент обороны, а затем и агрессии. Но он был осторожен. Бросается в глаза, что его долгая война с Афинами велась без серьезных боевых действий, и одной из причин его осторожности было понимание слабости собственного царства. Он очень аккуратно выбирал противников и не вступал пока в борьбу с действительно серьезными врагами. После необходимой победы над Бардалисом и иллирийцами в 358 г. до н.э. Филипп дал только одно крупное сражение — на Крокусовом поле, а в остальном концентрировался на осадах, захватах и хорошо рассчитанных маршах, все это в сочетании с продуманной и изобретательной дипломатией. Он превратил Македонию в одну из великих держав Греции, вместе с традиционными великими державами Афинами, Фивами и Спартой, но только в одну среди прочих.

*«Холодная война», 346–340 гг. до н.э.*

Возвысив себя и свое царство до положения великой державы в греческом мире, Филипп обнаружил, что в регионе нет проблем, которые не касались бы его. Афины были единственным греческим государством в подобном положении. Ни одно из других греческих государств не могло равняться с этими двумя: Спарта была ослаблена победой фиванцев в 362 г. до н.э., Фивы пострадали от Фокейской войны. Заключение мира в 346 г. до н.э. не решило проблем в отношениях между Македонией и Афинами – не больше, чем Всеобщий мир 360 г. до н.э. решил проблемы Греции, – и союз между ними не скрыл этого напряжения. Шесть лет после заключения мира были периодом дипломатического соревнования и маневрирования для достижения преимуществ, это было подобно ситуации, которую мы называем «холодной войной».

Противостояние возобновилось еще тогда, когда Филипп собирался ратифицировать мирное соглашение, поскольку афиняне отказались помогать Филиппу в его действиях против фокейцев.<sup>1</sup> Это развязало Филиппу руки, а афиняне, несомненно, отказались по очень веской причине: они и так предали своего союзника и не хотели участвовать в его уничтожении. Это показало, что союз двух держав существовал только на бумаге. Кроме того, Афины предоставили убежище беженцам из разрушенных фокейских и беотийских городов.

Филиппа не было в Македонии большую часть 346 г. до н.э. Сначала он был во Фракии, а затем в Фессалии и Греции, возвратился он только осенью. Без сомнения, за это время дома накопилось множество требовавших решения местных проблем, может быть, также, что в его отсутствие зашевелились враги на Балканах, почуявшие возможную добычу. На следующий год по неизвестной причине Филипп отправился в кампанию в Иллирии, возможно, против ардеев и дарданов. По-

видимому, они были союзниками, и внимание Филиппа привлекла потенциальная сила этих племен. До этих пор он сражался с иллирийцами, только когда нападали они, теперь он нанес упреждающий удар. Кампания имела большой успех: оба царства были побеждены, и дарданы попали в зависимость от Македонии. Ардеи были разбиты в битве, но, по-видимому, не были превращены в подданных.<sup>2</sup>

Устранение угрозы вторжения фокейцев тем временем оказало воздействие на Фессалию. Правители Фер пытались в течение трех десятилетий стать владыками всей Фессалии, и городом все еще правили люди, которые отвергали ограничения, налагаемые властью Филиппа. Город дважды отказывался направить войска своему архонту — Филиппу — сначала для кампании в Фокиде, затем в Иллирии. В первом случае они, как и афиняне, воевали бы против своих друзей и союзников, возможно, поэтому были прощены. Во втором случае они могли утверждать, что война в Иллирии не имеет никакого отношения к Ферам. Были также проблемы в Лариссе, где тиран захватил власть и чеканил собственную монету — символ независимости.<sup>3</sup> Основная причина этих проблем заключалась в отрицании власти Филиппа и желании быть независимым от него сейчас, когда его защита больше не была нужна.

Филипп вторгся в Фессалию, чтобы ее не могли использовать как источник нападений на Македонию. Он пытался нанести поражение ее властителям, затем разбил ее врагов, потом сам занял положение архонта, но каждый шаг вперед не приносил желаемой безопасности. Пришло время испробовать другие средства. В 344 г. до н.э. он провел кампанию в Фессалии, в ходе которой он напал на Феры и захватил их. В других местах «тираны и представители династий» были устранены; возможно, впервые были размещены гарнизоны из македонских воинов, по меньшей мере, в Ферах и Лариссе, а может быть, и в других пунктах; Пагасы и Магнесия уже принадлежали Македонии.<sup>4</sup>

Но этого было все еще недостаточно. Через два года, в 342 г. до н.э., после еще больших серьезных размышлений и дискуссий он возродил старое деление земель на «четверти» (*тетра-*

ды) и поставил своих людей тетрархами. Возможно, эти же люди должны были командовать контингентами при сборе армии. Это не позволяло местным правителям городов просто не подчиняться призывам. Устранение тиранов, вероятно, успокоило борьбу партий, а демонстрация Филиппом «железного кулака» и присутствие гарнизонов оказали нужное воздействие. Он вмешивался в события здесь уже 15 лет, и теперь его решимость добиться продолжительного умиротворения привела к желанным результатам. Фессалия оставалась отдельным государством. Она не была объединена с Македонией, и Фессалийский союз продолжал существовать с Филиппом в качестве *архонта*. В конце концов это, по-видимому, возымело действие — крупные проблемы с Фессалией прекратились.<sup>5</sup>

Стоит отметить, что тетрархи Фессалии, назначенные Филиппом-*архонтом*, были во многом похожи на *эпимелетов*, которых он назначал на разные должности в Македонии. Мы никого из них не знаем по имени, но назначение македонцев только привлекало бы внимание к его верховной власти, поэтому можно предполагать, что тетрархами были фессалийцы (как это имело место в Перебии). Фессалийские города сохранили самоуправление, как это было и в Македонии. Фессалия была к 340 г. до н.э. на пути к тому, чтобы создать структуру, подобную македонской; обе территории приближались к интеграции в единое государство.

Зимой 343/342 г. до н.э. Филипп вновь вмешался в дела Эпира. Он сместил царя Арриба и на его место поставил своего зятя Александра, которого он вывел из пределов досягаемости Арриба в 350 г. до н.э.<sup>6</sup> Затем он повернул на юг и разделался с несколькими небольшими греческими городами на юге от Молоссии, которую он отдал Александру. Его действия обеспокоили Амбракию, самый значительный город в этом районе, который начал войну ради сохранения своих позиций.<sup>7</sup>

Амбракия была не одинока. К югу акарнанцы, еще один союз городов, были также обеспокоены внезапным появлением Филиппа в такой близости от них. Обе страны обратились за помощью, и афиняне направили войска в Акарнанию. Возможно, Амбракия также получила подкрепления — город имел

прочные связи с Коринфом.<sup>8</sup> Филипп обнаружил, что даже его очень мягкие, «пробные» действия взбудоражили огромное количество врагов. И Акарнания, и Амбракия были сильными противниками, а помощь Афин подошла настораживающе быстро. Филипп отошел, но не оставил захваченные города и заключил соглашение с нарождающимся Этолийским союзом, обещав передать союзу город Навпракос, когда захватит его. Этолийцы были врагами акарнанцев, и это обещание будущего благоволения очень послужило нейтрализации Акарнании и Амбракии.<sup>9</sup>

Появление афинских войск на пути Филиппа в Акарнанию и Амбракию не было неожиданностью. Мир 346 г. до н.э. никогда не был удовлетворительным с точки зрения Афин. Общественное мнение в Афинах было против него, любое действие Филиппа рассматривалось как угроза. Союз с Филиппом воспринимался только как средство заключить мирный договор. Интересы Афин простирались на все части Греции, и куда бы ни направлялся Филипп, он всегда затрагивал их интересы. Те афиняне, которым не нравился мир, успешно вели пропаганду, утверждая, что Филипп является угрозой всей Греции.

На Пелопоннесе в 344 г. до н.э. разразился новый конфликт между Спартой и Мессенией. Аргос тоже был вовлечен в конфликт — он был традиционным противником Спарты и он же был традиционным местом происхождения династии Филиппа. Он вмешивался, чтобы предупредить Спарту, и мог посылать деньги и наемников тем, на кого она нападала. Он мог также делать приготовления, без сомнения, очень скрытно, намереваясь сам направиться на Пелопоннес с Македонской армией.<sup>10</sup>

Спартанцы отступили, а получившие поддержку Филиппа города имели все основания быть благодарными. Это был пример расширения его влияния, но именно это его противники в Афинах и могли использовать, чтобы повернуть общественное мнение против него. Незадолго до вмешательства Филиппа афинский политик Демосфен посетил Мессению, которая просила помощи Афин против Спарты. Демосфен процитировал сказанное им мессенцам в своей речи в Афинах, известной как «Вторая филиппика». Берегитесь тиранических дру-

зей, говорил он, они могут стать только вашими хозяевами. Филипп, говорил он мессенцам, гораздо большая опасность, даже чем Спарта. В Афинах это могло прозвучать правильно, а в Мессении, рядом со Спартой, это не произвело эффекта. Демосфен в это время в действительности обращался не к мессенцам, и жители Амбракии, Акарнании и Коринфа хорошо поняли его.

На эти словесные атаки Филипп ответил протестом, к которому он добавил, что при необходимости может пересмотреть условия мирного соглашения. Афиняне тогда услышали новое выступление Демосфена против Филиппа. Он говорил, что единственная причина, по которой Филипп может изменить условия договора, — это стремление подчинить Афины. Его поддержал Гегесипп, который заявил, что единственным нужным изменением договора должна быть передача Амфиполя «назад» Афинам.<sup>11</sup>

Никто в Афинах не мог искренне поверить в такое развитие событий, но это вызывало раздражение Филиппа, что и было нужно антимакедонской коалиции, поскольку Филипп разгневанный — это Филипп угрожающий. Это соответствовало их цели, которой, как они должны были понимать, была еще одна война. Филипп проигнорировал предложение или, возможно, ответил холодным отказом — с его точки зрения, это был не тот вопрос, который стоил обсуждения. В сочетании с быстрой реакцией Афин (и Коринфа) на его пробные действия против Амбракии это говорило о том, что его политика мира и союза с Афинами не работает.

Проводить ведущую к войне с Филиппом политику его афинским противникам мешала география. Под непосредственным контролем Филиппа находились территории до южных границ Фессалии, к югу от нее находилась Фокида, города которой были разрушены, а население разоружено и рассеяно по деревням, через которые Филипп мог беспрепятственно пройти. За Фокидой начиналась Беотия, технически еще бывшая союзником Филиппа, но уже потерявшая энтузиазм по этому поводу, хотя и не ставшая другом Афин. Если бы Филипп двинулся на Аттику, на его пути почти не было бы

препятствий. Поэтому в поисках союзников Афинам пришлось обратиться к Пелопоннесу, что сделало вмешательство Филиппа с целью сдерживать Спарту еще более опасным.

Филипп, конечно, понимал все это, и в его интересах было попытаться предотвратить приобретение там Афинами каких-либо союзников. Он мог быть совершенно уверен в Мессении, может быть, в Аргосе и в некоторых районах Аркадии. Он мог быть полностью уверен, что Спарта останется нейтральной, уравновешенная Мессенией. Поэтому Афинам придется искать союзников на севере Пелопоннеса. Именно там в 343 г. до н.э. разразились два кризиса. В Элиде олигархическая контрреволюция свергла демократию. Очень быстро стало известно, что захватившие власть олигархи финансировались Македонией. В непосредственном соседе Афин Мегаре внутренние раздоры привели к тому, что соперники обратились к Филиппу (вновь за деньгами), к Беотии и к Афинам. На этот раз быстрее всего отреагировали Афины, и их сторонники пришли к власти.<sup>12</sup>

Остров Эвбея по другую сторону пролива от Аттики еще несколько лет назад входил в состав Афинского союза, там располагались несколько городов с нестабильными политическими системами, некоторые из них были настроены в пользу Афин, другие — нет. Филипп мог поощрять, а мог и не поощрять революционные процессы в этих городах, но он определенно был готов помогать, если бы одна из партий проявила себя как его сторонник. В основном, как и в Элиде, он поддерживал олигархов, поэтому демократы обращали свои взоры на Афины. В 343 г. до н.э. он вмешался в события в Эретрии, чтобы покончить с олигархическим переворотом. Выжившие представители свергнутого режима нашли убежище в укрепленном селении Портмос, и Филипп направил 1000 воинов захватить его.<sup>13</sup> Эретрия лежала вблизи Аттики, и даже те афиняне, которых до сих пор не убедил Демосфен, были обеспокоены появлением значительного отряда македонцев всего в нескольких милях от их собственных земель.

Помимо собственной территории, самым чувствительным местом Афин были проливы от Черного моря до Эгейского,

через которые Афины получали большую часть своего продовольствия — Геллеспонт, Пропонтида, Босфор. В 343 г. до н.э. новая группа поселенцев была направлена в Херсонес Фракийский, где уже было несколько афинских владений,<sup>14</sup> включая Сест. Но здесь неизбежно вступал в действие третий участник, поскольку азиатская сторона этих вод была частью Персидской империи.

Со времени восшествия на престол царя Артаксеркса III Оха в 359 г. до н.э. великая империя добилась значительного прогресса на пути возвращения своих потерянных или переставших подчиняться территорий и провинций. Ох подавил восстание сатрапов, а затем занялся серьезным вопросом — независимостью Египта. Он подошел к проблеме системно, прежде всего занявшись передовыми оборонительными рубежами Египта. Был отвоеван Кипр, Сидон захвачен и сожжен. К 343 г. до н.э. Артаксеркс смог наступать через Синайскую пустыню и в конце концов дошел до Нила. Фараон Египта бежал вверх по реке, а его армии разбежались. Чтобы избежать судьбы Сидона, египетские города быстро сдались.<sup>15</sup>

Сатрап Геллеспонтской Фригии Артабаз жил при дворе Филиппа уже десять лет и мог дать обширную информацию об империи. Поэтому Филипп обладал надежными знаниями и мог оценивать развивающиеся события. Шаткое состояние империи было, без сомнения, интересно, но Филипп видел и ее способность восстановить силы. Он все время должен был анализировать, следует ли ему опасаться Персидской империи, поскольку завоевание Египта освобождало Великого царя и его силы. Без сомнения, Артаксеркс, в общем, был в курсе событий в Греции, а Артабаз возвратился в Персию в 342 г. до н.э. В 346 г. до н.э. Исократ опубликовал свой памфлет, призывающий Македонию к завоеванию Персии; Артабаз должен был знать об этом.

Артаксеркс направил послов в Грецию в 344 г. до н.э., намереваясь набрать войска для запланированного нападения на Египет. Они прибыли в Афины и Спарту, но и те, и другие отказали, затем в Фивы и Аргос, которые дали соответственно 1000 и 3000 человек. Отказ Афин был сформулирован очень



грубо, что могло на короткое время вселить в Филиппа надежду, что союз все еще в силе,<sup>16</sup> но вскоре последовало предложение афинян об изменении условий мирного договора. Пославшие войска в Азию города были союзниками Филиппа, и Афинам было приятно видеть, что эти воины уходят.

В данных обстоятельствах Филипп не мог строить серьезных планов нападения на Персию, несмотря на привлекательность ситуации в период, когда Персия была занята Египтом. После Египта Артаксеркс направил своего греческого полководца Ментора установить полный контроль над «старой сатрапией» Артабаза<sup>17</sup>, именно тогда Филипп решил, что он должен установить твердую власть во Фракии. Теперь именно проливы, чувствительное место Афин, разделяли войска Персии и Македонии.

В 342 г. до н.э. Филипп начал прилагать усилия, чтобы устранить двух фракийских царей Керсоблепта и Тереса (сына Амадока), которые так часто доставляли ему неприятности. Это потребовало долгой и трудной кампании во внутренних районах Фракии, в то время как раньше он держался ближе к побережью. Чтобы добиться своей цели, ему потребовался весь остаток 342 г. и весь 341 г. до н.э. Фракийские цари были затем изгнаны, никто не знает куда. Филипп начал кампанию в Гемусе (Балканских горах) и вступил во враждебный контакт с трибалами – племенем, жившим между горами и Дунаем. С другой стороны, был заключен мир с агрианами – племенем, живущим в стратегически важной области возле верховий Стримона между трибалами и пеонийцами. Детали этой кампании сейчас малоизвестны, но результатом стало значительное расширение территории Македонии. Завоеванные земли были закреплены созданием нескольких городков с македонскими гарнизонами: Филиппополя, Александрополя, Кабилы и других, населенных различными иммигрантами из Македонии и других мест. Обширные владения были щедро розданы приближенным и тем, кто теперь мог войти в их число. Земли должны были платить регулярный налог царю, что добавило работы для *эпимелетов*. Управление было частично отдано фракийцам, частично представителям городов, которым были

переданы значительные территории, частично македонским *эпимелетам*.

Одной из причин столь насильственного вмешательства Филиппа в дела Фракии было то, что Керсоблепт оказывал давление на греческие города в районе Геллеспонта. Филипп вступил также в контакт с греческими городами на черноморском побережье – Одессосом, Истросом, Аполлонией и Месембрией, с которыми он заключил союзы.<sup>18</sup> Он взял еще двух жен, дочерей царей различных частей континента, с которыми он заключил мир и союз.<sup>19</sup> Степень его контроля над завоеванными землями трудно оценить. Фракийцы были определено побеждены в битве, а их цари были изгнаны, но это не означало полную власть Македонии и того, что фракийцы были удовлетворены этим.

Филипп был сейчас богаче, чем когда-либо. Добыча из Фракии дополнялась новыми налогами, которые он мог собрать. Его контроль над серебряными и золотыми шахтами в Македонии уже давал ему больше этих металлов, чем было у кого-либо другого в Греции или даже у всех греков вместе взятых – считается, что шахты в Филиппах давали 1000 талантов серебра ежегодно<sup>20</sup> (но доход Афин в этот период был больше: возможно, 1100 талантов в год в период, когда финансами управляли Эвбул и Ликург<sup>21</sup>). Филипп использовал свое богатство на подарки для достижения своих политических целей, которые его враги, естественно, называли взятками. Он нанимал войска среди своих союзников и обладал армией, которая, как докажет будущее, была теперь столь же велика, как та, которую могло выставить любое объединение греческих городов, и была лучше дисциплинирована, чем их армии. Завоевание Фракии было заметным достижением, но она могла стать и обузой, если бы фракийцы не приняли его правления. Фессалийцы неоднократно требовали к себе внимания в течение полутора десятилетий, пока не успокоились; иллирийцы также неоднократно воевали, так и не будучи завоеванными. Чтобы Фракия стала постоянной частью царства, Филиппу пришлось бы уделить ей особое внимание в течение, по меньшей мере, десяти следующих лет.

Война во Фракии неизбежно затрагивала интересы Афин. Афинские поселенцы в Херсонесе находились под командой Диопейта, который оставался на своем месте в течение двух следующих лет и должен был найти деньги, чтобы заплатить своим войскам. Он сделал это, совершая набеги на окружающие территории, которые сначала были фракийскими, но через год после его прибытия стали македонскими. Его присутствие также возродило старый спор между независимым городом Кардия и Афинами относительно границ между их территориями. Это была негостеприимная маленькая спорная область, мало касающаяся Филиппа (по просьбе города он разместил в Кардии гарнизон для ее защиты), но сильно волнующая Афины.<sup>22</sup> Контроль над Херсонесом был необходим для процветания Афин, частично из-за направленных сюда поселенцев, но в основном потому, что из базы в Херсонесе афинский флот мог доминировать над всеми Проливами и отслеживать ежегодные конвои с зерном.

Этот небольшой спор мог быть легко улажен, если бы обе стороны хотели этого. Группа пиратов захватила остров Галонес в Эгейском море. Остров технически принадлежал Афинам, которые не делали ничего в отношении пиратов, возможно, потому что те были очень разборчивы в выборе своих жертв. Но они нападали на македонские суда, поэтому Филипп направил отряд с целью их уничтожить, после чего македонцы остались на острове.<sup>23</sup>

Это, вероятно, произошло в 342 г. до н.э., в то же год, когда Афины продолжали блокировать продвижение Филиппа в Акарнании, и в тот же год, когда Диопейт и его клерухи возродили старый спор с Кардией и совершали набеги на новые завоевания Филиппа во Фракии. Это был также тот же год, когда Филипп вел кампании по завоеванию Фракии, а его агенты и войска приводили к власти в городах Эвбеи его сторонников. Таким образом, Филипп и Афины столкнулись во многих регионах — Акарнании, Элиде, Мегаре, на Эвбее, в Галонесе, Херсонесе. Все споры были разрешимы, если бы обе стороны стремились к этому. Проблема заключалась в том, что постоянная серия конфликтов убедила обе стороны, будто общее реше-

ние невозможно и каждая проблема усугубляет другие. Демосфен и его сторонники считали теперь конечной целью войну с Филиппом и разрушение созданной им Македонской державы. Мы не знаем, какова была позиция Филиппа, хотя он и отказался уступить в каком-либо из спорных вопросов. Особенно острым был его протест по поводу действий Диопейта.

События в Галонесе и Херсонесе убедили Филиппа направить новые предложения Афинам. Он претендовал на Галонес по праву завоевателя, но предлагал его Афинам как дар. Он предлагал договор о компенсациях лишившимся имущества афинским клерухам из Потидеи, он предлагал объединиться с Афинами в борьбе против пиратов, он предлагал расширить «Мир» и включить в него другие греческие города. Он предлагал возродить союз с Афинами, который мог, как он полагал, принести огромную выгоду городу, и он предлагал переговоры с целью уладить и другие спорные вопросы.<sup>24</sup>

Мало что из этого могло убедить афинян в серьезности намерений Филиппа: его предложения относительно Галонеса и Потидеи предполагали признание Афинами его владения ими; предложение о совместных патрулях против пиратов по понятным причинам рассматривалось как оскорбление, в частности, потому, что флот Филиппа был невелик, и поэтому именно Афинам досталось бы решение этой задачи; предложение о переговорах означало, что дело Афин, особенно в вопросе о Херсонесе, не правое. Единственным вселявшим надежду предложением было расширение мирного договора, но это могло быть сделано только в атмосфере взаимного доверия, которого не было. Филипп вряд ли ожидал, что Афины примут эти предложения, и афиняне не воспринимали их всерьез, по крайней мере не более, чем Филипп воспринимал предложение афинян «вернуть» Амфиполь. Действия Филиппа выглядели так, как будто он демонстрирует нейтральным сторонам свое стремление к миру, в то время как непринятие предложений Афинами могло изображаться как упрямство. Было много возможностей для переговоров, если бы афиняне хотели их, но они с легкостью отвергали каждую идею, как только она предлагалась. В то же время обе стороны активно укреп-

ляли свои основные позиции: Филипп во Фракии, Афины в Греции.

Афины уже помешали Филиппу в Акарнании и Мегаре; Коринф, вероятно, склонялся к Афинам в результате очевидной угрозы Амбракии со стороны Филиппа. Афины твердо владели Херсонесом, благодаря Диопейту. Все эти районы были густо населены и обладали военной силой, и союз или дружба с ними определенно помогли бы Афинам против Филиппа. Более важным с точки зрения Афин была Эвбея. Целью тех, кто руководил выходом из Афинского союза в 348 г. до н.э., было собрать в союз все города острова; эта цель была недостижима, если Эретрия и Орей были в близких отношениях с Филиппом. Лидер движения за создание союза Каллий из Халкиды надеялся на поддержку Филиппа, но интервенция македонских войск в 343 г. до н.э. означала, что он ее не получит: раздробленная Эвбея была более привлекательна для Филиппа, чем сильный союз. Каллий добился не большего успеха и с Фивами, также более заинтересованными в разделении и владении над своими соседями.

Каллий, без сомнения неохотно, обратился к Афинам. Он был, очевидно, обеспокоен влиянием Македонии на острове, а этим в равной степени были озабочены и Афины. Каллий стал объектом демонстрации афинской государственной мудрости, которая делает честь городу. Были собраны войска из воинов Афин и Мегары, они соединились с силами Халкиды для «освобождения» Орея. Этот город находился непосредственно через пролив от Фессалии Филиппа и был очевидным местом высадки для македонских войск. По-видимому, в этом же году такая же поддержка была оказана Эретрии. Каллий смог затем создать свой Эвбейский союз, а Афины отказались от каких-либо угрожающих действий, предназначенных для восстановления своей власти над островом. Взамен Каллий привел Халкиду и союз к альянсу с Афинами.<sup>25</sup> Каллий своим политическим весом поддержал также политику Демосфена во имя свободы греческих городов от македонского доминирования. В этой роли он был более убедителен, поскольку мог утверждать, что только что сам спасся от подобного.

Каллий и Демосфен совершили дипломатическую поездку по северной части Пелопоннеса и в Акарнанию, возвратившись в Афины с обещаниями войск и денег из Мегары, Ахайи и Акарнании в дополнение к тому, что могли собрать Афины и Эвбея.<sup>26</sup> Демосфен созвал собрание антимакедонской коалиции в Афинах весной 340 г. до н.э. и убедил афинское Собрание, сейчас уже в значительной степени поверившее в его правоту и в то, что его политика приносит плоды, направить послов в поисках аналогичных союзов и взносов на Родос и Хиос в восточной части Эгейского моря, в Перинф, Селимбрию и Византий на Пропонтиде и к Великому царю в Персеполь.<sup>27</sup>

Если и были какие-либо сомнения, что Демосфен уже управляет Собранием, принятые меры давали этому окончательное подтверждение. Он посетил именно те греческие города, восстание которых в 357 г. до н.э. разрушило Второй Афинский морской союз. Чтобы обратиться к Хиосу и Родосу, была необходима настоящая государственная мудрость. Призыв к Великому царю был еще одним примером, поскольку Афины гордились своим долгим противостоянием могуществу и претензиям Персии и грубо ответили на ее просьбу о военной помощи всего пару лет назад. Успешная кампания Филиппа во Фракии обеспокоила Афины. Византий уже вступил в противоречия с Филиппом, а Перинф располагался близко к Герайон-Тихосу, который подвергся нападению Филиппа несколько лет назад. Даже если Великий царь и не хотел непосредственно быть вовлеченным в конфликт, он уже оказал финансовую поддержку Диопейту<sup>28</sup>, а союзники больше всего нуждались именно в деньгах.

Византий принимал самое непосредственное участие в происходящих событиях. Он осуществлял некую гегемонию над водами Черного моря и имел выгодные связи с одним из смещенных Филиппом фракийских царей, поэтому действия Филиппа повлияли на него крайне негативно. Демосфен посетил город осенью 341 г. до н.э. и призывал его к союзу с Афинами, но Византий еще не находился в состоянии открытой войны с Филиппом, хотя уже случались инциденты, которые при желании могли дать любой стороне предлог для начала войны.<sup>29</sup>

Филипп направил посланника с протестом против действий Диопейта, но военачальник взял его под стражу, пытал, а затем потребовал 9 талантов в качестве выкупа. Был также похищен македонский герольд, а его письма прочитаны на афинском Собрании.<sup>30</sup> Налет Диопейта на македонский гарнизон в Кардии подвел конфликт на Херсонесе максимально близко к открытой войне. Не хватало только ее объявления. Ни одна из сторон не была к этому готова: союзы Афин были еще недостаточно прочными, а Филипп был занят во Фракии.

Весной 340 г. до н.э. обе стороны усилили напряжение. Афинский посланник отправился в долгое путешествие в Персеполь или Сузы. Встреча афинских союзников, на которую надеялся Демосфен, вероятно, не состоялась, но союзы сохранились. Вышедшие из старого Афинского союза члены были определенно обеспокоены действиями Филиппа, информировать их мог Византий. Во Фракии Филипп решил, что, если он хочет оказывать реальное давление на города, он должен использовать флот в Пропонтиде. Проблема заключалась в том, что афинский флот, превышавший по численности его собственный, уже находился в афинских гаванях в Херсонесе. Филипп воспользовался шансом направить ясное послание Афинам: он повел свою армию в афинский сектор Херсонеса по западному побережью и вышел вдоль восточного побережья, сопровождая свой флот через Геллеспонт в Пропонтиду. Сухопутные силы Афин, которым теперь командовал компетентный, но менее склонный к провокациям Харес, не двинулись с места, так же как и афинский флот.<sup>31</sup> Афиняне очень хорошо понимали, что их флот блокирует выход в море: они были уверены, что флот Филиппа теперь оказался в ловушке.

Филипп хотел добиться того, чтобы греческие города не вмешивались в его контроль над Фракией. Для этого необходимо было убедить Византий и Перинф оставаться нейтральными или признать его власть, возможно, с помощью более обязывающего союза, чем уже существующий. Ободренные визитом Демосфена осенью и присутствием в регионе Хареса, а более всего под угрозой со стороны сил Филиппа, Перинф и

Византий также отказались подчиниться македонскому царю. Возникла необходимость применить силу.

Филипп снова написал в Афины, оправдывая свои действия у Херсонеса, перечисляя случаи, когда, по его мнению, Афины нарушали «Мир», и предлагая разрешить разногласия между ними с помощью арбитра. Он также направил дерзкий вызов, заявляя, что ораторы Афин не отстаивают подлинные интересы города. Он не надеялся, что это окажет сейчас какое-либо действие, да и не было возможного арбитра. Письмо (которое, по-видимому, более или менее подлинно) было предназначено в основном для общественного мнения за пределами Афин, как и предложение предшествующего года обозначить и разрешить разногласия. Филипп пытался показать, что спор идет только между Афинами и Македонией, а не между Македонией и Афинами и их союзниками. Это не имело заметного эффекта.<sup>32</sup>

Серьезные последствия имели трудности, с которыми Филипп столкнулся во время своей кампании в 340 г. до н.э. От Херсонеса он двинулся к Перинфу и осадил город. Горожане защищались энергично и изобретательно; даже когда тараны Филиппа пробили городскую стену, они бились за каждый дом. Афины непосредственно не вмешивались, но флот Филиппа не мог блокировать гавань Перинфа, поэтому возможно, что морские силы Афин использовались как угроза более слабому флоту. Жителей Перинфа активно поддерживали войсками и припасами и Византий, и Персия по морю, помощь посылал и сатрап Геллеспонтской Фригии Арсит, также по морю.

Великий царь наконец решил вмешаться. Успехи оружия и власти Филиппа и существовавший в Греции настрой на кампанию «отмщения» за давние персидские вторжения, были очевидной угрозой. Это был первый случай, когда Филиппу серьезно помешало вмешательство Персии.

Филипп перед лицом поражения упрекал кого угодно, только не себя. Он взял половину своей армии, чтобы напасть на Византий, считая, что сейчас город слабо защищен. Он обнаружил, что ему придется осадить также и Селимбрию. Ни одна из осад не была удачной, в ходе их Филипп умышленно спро-



воцировал Афины объявить открытую войну, захватив флот, перевозивший экспортное зерно из Черного моря. Флот собрался у Босфора, ожидая конвойный афинский флот.<sup>33</sup>

Когда новости достигли Афин, Собрание приняло решение, что город находится в состоянии войны.<sup>34</sup> Это ничего не меняло. Осады не прекращались, а афиняне продолжали поиск союзников. «Военная партия» в Афинах добилась своей цели, результатом станет нечто большее, чем война между Македонским царством и городом Афины.

## *Завоевание Греции, 340–334 гг. до н.э.*

До 340 г. до н.э. деятельность Филиппа Македонского заключалась исключительно в сохранении и расширении царства его предков. Он в три или четыре раза увеличил территорию, которой непосредственно правил, и создал обширный регион из зависимых государств вокруг нее. Вполне допустимо рассматривать его действия как защиту Македонии. Но со времени осад Перинфа и Византия в 340 г. до н.э. и после этого ситуация изменилась. Филипп начал более широкую программу завоеваний, и его конечной целью стало завоевание Персии.

Завоевание Фракии превратило Македонию в самое большое государство во всем Средиземноморском регионе, не считая Персидской империи, которая стала теперь ее соседом, отделенным только Проливами. Нападения на города в районе Проливов привели к заключению неформального союза между Персией и Афинами и этими городами. Эта комбинация оказалась слишком сильной даже для него, а открытое противостояние с Персией было опасно. Но прежде всего необходимо было разобраться с Афинами.

Нет ни малейшего намека на то, что Филипп собирался «разрушить» Афины, в каком бы смысле ни употреблялось это слово, но все, что он мог в будущем намереваться предпринять на Балканах, против Персии или где бы то ни было еще, требовало по меньшей мере нейтралитета Афин. Нет причин сомневаться, что Филипп хотел союза с Афинами, как несомненно и то, что значительное число афинян стали рассматривать его и его политику как главную угрозу независимости и процветанию города. Когда наконец началась война, стоявшая перед Филиппом задача заключалась в том, чтобы избежать войны с Персией и бороться с Афинами таким образом, чтобы при последующем заключении мира убедить афинян, будто он все еще заинтересован в дружбе и союзе с их городом. Это был

огромный вызов политическому мастерству Филиппа, больший, чем что-либо из того, что он делал до сих пор.

Новая война между Афинами и Македонией была, в сущности, продолжением их прежней конфронтации и, как и прежде, в течение некоторого времени продолжалась без ведения боевых действий. Зимой, возможно в январе, Филипп снял осады, оставив все три города не взятыми. Его небольшой флот проскользнул из Пропонтиды мимо афинских кораблей и через Геллеспонт, а его армия, по сообщениям, вышла с помощью письма с ложной информацией, которое, как и было задумано, перехватил противник.<sup>1</sup> Кажется вероятным, что после этого он уменьшил число своих врагов, заключив мир с Византием, после чего последовал и мир с его союзниками, по крайней мере с Хиосом и Родосом. Следует отдать дань дипломатическому мастерству Филиппа, поскольку осады были не самым неприятным делом.<sup>2</sup> Он отвел свою армию домой по не завоеванной территории между горами Гемус и Дунаем, сначала разбив скифов в районе Добруджи, а затем напав на трибалов. Последняя война почти закончилась катастрофой. Филипп был тяжело ранен, а его армия потеряла свою добычу.<sup>3</sup>

Уход от Проливов смягчил Персию, и когда Филипп вернулся, ему необходимо было организовывать войну в Греции. Его путь на юг был чист до Фокиды, а там он стремился способствовать восстановлению, а не оставлять страну сельской и политически незначимой. Первоначальная выплата репараций Фокидой была задержана, затем после пары полных платежей в 60 талантов сумма была снижена. Один из городов Элатьея был восстановлен. Это было сделано с разрешения Амфиктионии и Филиппа, и свидетельства говорят, что фокейцы были благодарны Филиппу за это. Так последний превратил Фокиду в союзника.<sup>4</sup>

Следующей страной к югу от Фокиды (отделенной от Фессалии только Локридой и Малидой) была Беотия. Город Ницею, господствовавший над северным входом в Фермопилы, в течение некоторого времени удерживал македонский гарнизон, но уменьшение враждебности фокейцев привело к тому, что гарнизон был уменьшен. Беотийцы были обеспокоены, и,

когда весной 339 г. до н.э. Филипп возвращался в Македонию, фиванцы захватили контроль над Никеей, изгнав оставшихся македонцев. Основной путь из Фессалии к Аттике вновь был блокирован.<sup>5</sup>

Между городом Амфиса и Дельфийской Амфикиктией возник конфликт – на город был наложен штраф, который тот отказался платить.<sup>6</sup> Афиняне поддержали Амфикиктию, а беотийцы – Амфису. Диспут продолжился во время весенней встречи Амфикиктии в 339 г. до н.э. К этому времени в умах греков преобладала война, и когда греческие города выбирали стороны, стало очевидно, что ключевой является позиция Фив. Если Фивы и Беотийский союз оставались верными союзу с Филиппом, это гарантировало свободный проход до границ Аттики, если Фивы оставались нейтральными, поход становился гораздо более трудным, даже невозможным, но если Фивы присоединялись к Афинам и их союзникам против Филиппа, то дорога к победе союзников была открыта.

Фиванские лидеры так же хорошо понимали эти варианты, как и Филипп, и любой из афинских политиков. Захват Никее не был обязательно направлен против Македонии, но он открывал Беотии возможность оставаться нейтральной. Если фиванцы могли блокировать Фермопилы, то были открыты все варианты. Это также позволяло Фивам защитить Амфису от армии, которую Амфикиктия намеревалась направить против города.

Амфикиктия должна была более серьезно задуматься, как заставить Амфису выполнить свою волю. Война с фиванцами при тех незначительных силах, которыми она обладала, была невозможна, поэтому она обратилась к своему самому значительному члену и избрала Филиппа *гегемоном*.<sup>7</sup> Сделать это только по инициативе Амфикиктии было невозможно, сначала она должна была договориться с Филиппом. Это давало ему прикрытие – ореол святости в его войне, хотя немногие греки восприняли ее. Его нападения на греческие города Перинф и Византий были неожиданной удачей для греческой пропаганды, твердившей о защите свобод Греции. Борьба от имени Аполлона должна была в некоторой степени уравновесить это.

Однако в этом случае война за Дельфы могла толкнуть фиванцев в объятия Афин. Филипп в конце 339 г. до н.э. быстро и неожиданно двинулся на юг, и только в последний день или два его похода стало очевидно, что он в действительности нацеливается не на Амфису. Игнорируя и Nikeю, и Фермопилы он двинулся в Фокиду и расположился лагерем у Элатеи на дороге в Беотию.<sup>8</sup>

Там он остановился. Фивы все еще были его союзником, хотя сейчас и не очень были этому рады. Афиняне считали, что этот союз в силе и что армия Филиппа будет на их границах через два или три дня — описание реакции Афин Демосфеном принадлежит к числу его шедевров. Остановившись в Элатее Филипп дал беотийцам время обдумать ситуацию и свой ответ, но этим же он дал афинянам время отстаивать свои интересы в Фивах. Обе стороны направили посланников, чтобы постараться убедить беотийских лидеров. Филипп послал двух македонян, нескольких фессалийцев, нескольких этолийцев и других из Амфикионии — т.е. целую коалицию посланников. Афины прислали Демосфена, который говорил как лидер союза, включавшего Эвбею, Мегару, Акарнанию, Ахайю и другие города.

Представители Филиппа говорили о действующем союзе, призывая беотийцев принять участие в деле или освободить проход. Демосфен выступал за свободу и независимость, и он был более убедителен: Фивы проголосовали за войну.<sup>9</sup> Уже мобилизованная афинская армия сразу прошла через Беотию, чтобы занять блокирующую позицию перед армией Филиппа.<sup>10</sup>

Политика Филиппа и его планы проведения кампании таким образом потерпели неудачу. Он не смог проникнуть через защитный экран, установленный афинскими силами, к которым вскоре присоединились войска Беотии. Зима была неудачным временем для ведения кампании, а учет расклада сил говорил, что численное преимущество не на его стороне. Он послал сообщения своим союзникам на Пелопоннесе — Аркадии, Мессении, Аргосу, но они соглашались заключить пакт, только чтобы защититься от Спарты, у них было не больше жела-

ния видеть его властителем всего греческого полуострова, чем у Афин или Фив. Они ответили только добрыми пожеланиями,<sup>11</sup> но не позволили спартамцам вступить в конфликт. Это должна была быть война между Афинами и Фивами и их греческими союзниками, с одной стороны, и Македонским царством и его союзниками, с другой.

Это была также борьба между группой греческих полководцев и одним человеком, который доказал, что за последние 20 лет он был одним из величайших полководцев. Филипп ждал всю зиму, преодолевая неизвестные нам трудности со снабжением, и весной 338 г. до н.э. повел вперед всю свою армию — македонцев, фессалийцев, царей зависимых территорий, покоренные племена, 30 000 пехоты и более 2000 кавалерии. Союзники собрали ополчения Афин и Беотии, получили подкрепления от Мегары, Коринфа, Ахайи и Акарнании и набрали еще наемников, поэтому у них, вероятно, было больше пехоты, но меньше кавалерии, чем у Филиппа. В общем, обе стороны были примерно равны по численности, результат должен был определиться подготовкой и полководческим искусством.

Филипп застал охранявших проход у Амфисы наемников врасплох с помощью ночного марша и обманувшего их ложного послания.<sup>12</sup> Это нарушило линию союзников, и они отошли на новые позиции внутри Беотии, между рекой Кефис справа и укрепленным городом Херонея слева. Армия Филиппа подошла и встала напротив них. Пространства для маневра не было, не было и возможности обхода с фланга. Не таков был любимый Филиппом способ ведения войны. Хотя он и раньше давал сражения, он больше отдавал предпочтение маневрированию, так же как он предпочитал дипломатию войне. Битва между двумя армиями одинаковой величины была слишком рискованной для умного полководца, чтобы воспринимать ее спокойно. Эта ситуация была создана его врагами, у него была лучшая армия, более боеспособная и подготовленная, в отличие от разнородных войск и в основном непрофессиональных воинов, противостоящих ему, но простое столкновение копейщиков был не тем видом боя, где профессионализм мно-

го значил. Таким образом, битва произошла по решению Филиппа, хотя и в выбранном союзниками месте. Греки занимали оборонительную позицию, атаковать предстояло ему. Он строил планы, чего, видимо, не делали союзники. Союзники ожидали сражения копейщиков до тех пор, пока одна из сторон не уступит, Филипп намеревался использовать военные хитрости, но прежде всего свою кавалерию. Потому что решающий момент в битве копьями наступал, когда нарушалась линия одной из сторон, позволяя противнику проникнуть внутрь строя воинов, чье основное оружие, длинное копьё, было бесполезно в ближнем бою.

Когда битва началась, македонская и фессалийская конница оставались позади. Филипп лично командовал своим правым флангом и со своей частью фаланги медленно отступил, заставив стоявших напротив него афинян наступать. В линии союзников в результате образовалась брешь. Отступление Филиппа прекратилось, и он приказал перейти в атаку; в брешь ворвалась македонская и фессалийская конница во главе с сыном царя Александром. Войска союзников не смогли устоять, и основная часть армии бежала. Элитные фиванские войска, Священный отряд, остались на месте, и их пришлось уничтожить всех до одного. Потери с обеих сторон были очень тяжелыми, но союзная армия была разбита полностью. Бегущие не останавливались до тех пор, пока не оказались в Лебадее, в 10 км от места боя. Македонцы, может быть, потому, что Александр и конница были заняты Священным отрядом, не преследовали их.<sup>13</sup>

Даже победив, Филипп вел переговоры. Альтернативой могла быть серия осад хорошо укрепленных городов, потери, затраты, возможная интервенция со стороны его северных врагов или даже Персидской империи. Лишь недавно объединившиеся союзники разделились. С Афинами и Фивами он вел себя по-разному, создав ситуацию, при которой им было очень трудно сотрудничать вновь. Фивы вынуждены были принять македонский гарнизон, разрушенные Фивами беотийские города были восстановлены, и управление Беотийским союзом было передано олигархическому совету.<sup>14</sup> Влияние Фив, таким

образом, было резко ограничено. Афины потеряли свою империю-конфедерацию, включая контроль над Херсонесом Фракийским.<sup>15</sup> Другие союзные города также были, без сомнения, наказаны, но мало известно о принятых условиях, хотя в Амбракии и Коринфе были размещены гарнизоны, как и в Фивах.<sup>16</sup>

Не только условия мирного договора разделяли Фивы и Афины. Армия Филиппа вела кампанию в Беотии в течение нескольких недель, но Аттика не была затронута. Беотийских пленных пришлось выкупать, афинские были освобождены. Другими словами, Филипп обращался с Афинами скорее как с равным, чем с побежденным врагом. Афинский союз и колонии могли быть ликвидированы, но афинский флот был сохранен, и экономическое положение города осталось нетронутым. Собрание оценило этот факт, к чему его призвал один из освобожденных пленных оратор Демад. Ослабление Фив, македонский гарнизон в Кадмее и захват Македонией Херсонеса Фракийского означали, что Аттика была открыта вторжению Македонии, а линия снабжения города продовольствием находилась под контролем Македонии. С Афинами могли обойтись снисходительно, но они больше не были «Великой державой». Теперь в Греции оставалась только одна такая.

От пелопоннесских союзников Филиппа во время последнего кризиса было немного пользы. Он повел свою армию к Пелопоннесу и двинулся на Спарту, враждебность которой была причиной неспособности его союзников присоединиться к нему. Он лишил город географических оборонительных рубежей и передал часть из них своим союзникам. Таким образом, они получили вескую причину продолжать поддерживать его: Аргос, Аркадия и Мессения — все выиграли и, видимо, поддержали македонское вторжение своими войсками, как и Элида, которая не получила территорий.<sup>17</sup> Уменьшив возможности Спарты доставлять неприятности, Филипп освободил своих союзников, и в дальнейшем они могли оказывать ему военную поддержку.

Позже, в 338 г. до н.э., после того как все это было сделано, Филипп созвал собрание греческих городов в Коринфе. Он



предложил Всеобщий мир и тот механизм, с помощью которого такой мир мог поддерживаться. Все более ранние мирные соглашения, восходящие к Царскому миру 387 г. до н.э., оказались неудачными, поскольку не было возможности предотвращать их нарушения. Если один город нападал на другой, не было способа остановить этот процесс. Теперь такой способ был найден в лице македонской армии. Этот Всеобщий мир был принудительным и в то же время узаконивал победу Македонии.

В начале 337 г. до н.э. был образован Коринфский, или Эллинский, союз. Не в характере Филиппа было диктовать свои условия, но делегаты, естественно, внимательно прислушались к его рекомендациям. Были учреждены постоянно действующий совет и *гегемон*, которому совет передавал свои решения для исполнения. Первым *гегемоном*, естественно, был избран Филипп, члены союза были обязаны при необходимости предоставлять войска по требованию *гегемона*. Один из источников указывает, что общее количество войск, которые могли быть собраны, достигало 200 000 пехоты и 15 000 конницы, не считая македонской армии — невероятно высокая цифра (хотя в битве при Херонее участвовали 60 000 пехоты и 5000 конницы).<sup>18</sup>

Явно выраженной целью этого союза было поддержание в Греции мира, который был установлен Филиппом после его побед над Фивами и Афинами и Спартой. Филипп таким образом использовал заглушенные повторяющимися войнами в Греции панэллинские чувства. Ему это должно было быть хорошо известно, и, без сомнения, он и сам разделял их. Но первым действием совета после избрания Филиппа *гегемоном* было назначение его главнокомандующим объединенной армии Македонско-эллинского союза, предназначенной для завоевания Персии.<sup>19</sup> Такова, вероятно, и была цель с самого начала, но только после Хероней Филипп обладал силой и властью для вторжения в империю, его намерения сделать это просматриваются в его обращении с Афинами при заключении мира.

Союз мог быть лишь кратковременным решением. Он заморозил ситуацию в Греции по состоянию на 338/337 гг. до н.э.

Возможности политических изменений в Греции были сведены к минимуму, но обеспечение соблюдения правил могло потребовать неоднократного применения мандата совета на применение силы. Филипп силой поддерживал свою верховную власть в Фессалии в течение 15 лет, а во Фракии он только начал делать это. Не было причин считать, что гордые греческие города с историей независимости и имперских побед подобно Фивам и Афинам будут принимать такую ситуацию в течение долгого времени, а Спарта отказалась иметь с союзом что-либо общее. Филиппу предстояли еще многие годы, в которые ему внимательно пришлось бы наблюдать за продолжающимися спорами, ссорами, аргументами и восстаниями во всех завоеванных им землях.

Его намерения были другими, и маловероятно, что он был сильно озабочен контролем над союзом. Нет никаких указаний в его карьере, что он думал о таких долгосрочных путях развития. Союз был всего лишь временным решением политических проблем Греции. Вместо этого он намеревался отправиться воевать с Персией. Это могло быть одним из способов дать выход неумеренной энергии греков. Это был тот случай, когда нужно было быстро бежать, чтобы хотя бы оставаться на месте. Тем временем Греция, Фракия и Балканы требовали «правильного» обращения с собой.

Беспокойство Персии по поводу развития событий в Греции было очевидно. Ее вероятная реакция должна была быть понятной — интриги в Греции, субсидии греческим городам, наем греческих воинов, военные приготовления в западных провинциях. Вмешательство Персии в Перинфе и, возможно, в Византие, обращения афинян за помощью к Персии, персидские субсидии Диопейту показывали, что Великий царь был в курсе проблемы. Однако подготовка к отражению готовящегося вторжения была прервана. В 338 г. до н.э. Артаксеркс III был убит по приказу своего визиря Багой, который был одним из командующих во время вторжения в Египет. Багой убил также всех сыновей Артаксеркса, кроме Арсеса, который стал новым Великим царем под именем Артаксеркс IV. Неудивительно, что Арсес и Багой не могли ужиться вместе, и вскоре Арсес

и все его сыновья также были убиты. На трон под именем Дария III был посажен дальний родственник царской семьи. Хорошо понимавший ситуацию Дарий убил Багоя.<sup>20</sup>

Этот династический кризис занял два года, во время которых Филипп завоевывал Грецию. Его результаты дали Филиппу золотую возможность начать вторжение, в то время пока Персия была дезорганизована. Поэтому возвращение Филиппа в Македонию летом 337 г. до н.э. было лишь подготовкой к другой войне. Он отпраздновал свою победу, как обычно, женившись. В первый раз он выбрал македонскую девушку, Клеопатру, дочь одного из своих аристократов. В результате во время празднований возникла семейная ссора, сочетавшая пьяную заварушку, публичные оскорбления, изгнание наследника Филиппа Александра и его царицы Олимпии, а позже публичное примирение. Главный злодей Аттал, дядя Клеопатры, был удален от двора: все это оставило неприятный осадок, который отравил атмосферу двора.<sup>21</sup>

Под этой «пенной» придворной жизни продолжалась подготовка Филиппа к походу. В какой-то момент Филипп провел еще одно вторжение в Иллирию против царя по имени Плеврий — быстрое напоминание о его силе и урок не предпринимать ничего необдуманного во время его персидской кампании.<sup>22</sup> Это не помешало подготовке к персидскому походу, напротив, участвовавшие войска могли набраться боевого опыта, и, что еще более важно, показывало, что Македония способна одновременно провести две экспедиции — Филипп оставит надежные оборонительные силы, когда отправится в Азию.

Передовой отряд переправился в Азию весной 336 г. до н.э. — 10 000 человек под командованием Пармениона, к которому присоединился Аттал, неуклюжий дядя царя. В сопровождении следовавшего вдоль берега флота это войско, состоявшее в основном из македонцев, но включавшее некоторое число наемников, продвинулось на юг до Эфеса. Прибрежные города захватывал флот, города в глубине суши — армия, их освобождали от посаженных персами тиранов и устанавливали демократию. В Эфесе проперсидские правители были свер-

гнуты при приближении Пармениона, то же случилось на Лесбосе и, возможно, Эритрее. Недалеко от Эфеса у Магнесии армия Пармениона встретила войско под командованием Мемнона Родосского, которое были слишком сильным, чтобы вступать с ним в бой. Возможно, инструкции Пармениона предписывали совсем не вступать в бой. Это была, прежде всего, разведка боем, и армия Пармениона была недостаточно сильна, чтобы начинать серьезное завоевание. Дойти до Эфеса было хорошим началом, и он выбил вражеские войска.<sup>23</sup>

Освобожденные благодарили Филиппа, устанавливая посвященные ему алтари — Зевс Филиппиос в Эресе на Лесбосе, алтарь в храме Артемиды в Эфесе;<sup>24</sup> еще не поклонение как божеству, но близко к этому. Филипп построил круглое здание для празднеств в Олимпии, где выставил свою статую и статуи членов своей семьи;<sup>25</sup> может быть, еще одной амбицией Филиппа было, чтобы ему поклонялись. Высказывалось мнение, что это и было целью его вторжения в Персию, где он стал бы новым Великим царем, абсолютным правителем, чья система правления затем была бы внедрена в Македонии<sup>26</sup> и, вероятно, в Греции. Все кажется достаточно надуманным; это могло стать результатом завоевания, но вряд ли было его целью. Расчет ввести абсолютизм в Македонии или Греции означал бы, что Филипп не понимал ответной реакции, а это маловероятно. Поклонение живым не было в греческих городах чем-то удивительным и непривычным (в соответствии с более поздними источниками существовал культ Филиппа в Амфиполе),<sup>27</sup> но греки не воспринимали его серьезно, и он был совершенно неизвестен в Персии.

На время похода необходимо было также подготовить управление Македонией. То, как Филипп вел кампании в прошлом, указывают, что он намеревался регулярно возвращаться в свое царство, возможно, каждую зиму. Еще одной проблемой была западная граница. Во время семейного конфликта из-за последней женитьбы Филиппа Олимпия бежала к своему брату Александру, теперь царю Молоссии. Их сын Александр также уезжал, но его убедили вернуться. Олимпия была слишком опасна, чтобы оставить ее замышлять заговоры в

Эпире, но Филипп не мог вернуть ее назад, пока он был женат на своей новой супруге (которая в начале 336 до н.э. родила дочь). Вместо этого он нейтрализовал Олимпию, дав в жены царю Эпира Александру свою собственную дочь Клеопатру (сестру Александра). Клеопатра обладала столь же сильной волей, как и все в этой необычной семье, и можно было рассчитывать, что она не позволит своей матери командовать своим мужем.

Свадьба была намечена на лето в Эги, старой столице царства. Филипп готовил грандиозные празднества по случаю брака своей дочери, одновременно отмечая и свои достижения. Во время процессии Двенадцати богов тринадцатой была его статуя. Это был также и намек на то, чего он достигнет в Азии. Это объединение прошлых, нынешних и будущих событий типично для политики Филиппа, который был мастером одновременно решать несколько вопросов. Но одновременно, как отметил не один древний и современный историк, это демонстрирует его необычайное высокомерие.

Во время свадебных торжеств Филипп был убит. Его убийцей был Павсаний, обращавшийся к Филиппу с жалобами на дядю новой царицы Филиппа Аттала, но получивший отказ. Это был еще один аспект событий в Эги в тот день, который Филипп не принял в расчет, в результате чего и погиб. Павсаний бежал, но был выслежен и убит телохранителями Филиппа.<sup>28</sup>

Сразу возникает подозрение в заговоре, возможно и безосновательное. Почти все сколько-нибудь известные члены семьи и придворные Филиппа попадают под подозрение, но основными обвиняемыми были Александр, Олимпия, Антипатр и, возможно, Парменион, и против всех них могут быть выдвинуты внешне вероятные обвинения. Есть даже одна теория, которая видит заговор среди представителей Верхней Македонии против власти царства.<sup>29</sup> Ни одна из теорий не убедительна в достаточной степени, но с уверенностью можно сказать, что никто не проливал слез по поводу убийства царя. Александр и Антипатр отреагировали очень быстро и провозгласили первого царем, но Антипатр понимал опасности меж-

душарствия, а Александр вскоре показал, что и он это хорошо осознает.

Фактом является то, что убийцей был Павсаний, человек, который в течение года таил обиды и не мог получить компенсации. Его обидчиком был Аттал, который находился далеко в Азии и был дядей новой жены Филиппа. Аттал был также заклятым врагом Александра. В пораженном обидой сознании Павсания единственным доступным человеком, на которого он мог направить свою месть, был Филипп, который отказался предпринять какие-либо действия. Павсаний не мог не понимать, что, убив Филиппа, он окажет услугу Александру; возможно, он надеялся на этом основании спастись. Вопрос «кому выгодно», который используется, чтобы обвинять Александра, учитывая состояние психики Павсания, неуместен.<sup>30</sup>

Частная жизнь Филиппа, если этот термин может использоваться по отношению к публичному человеку, была достаточно спорной, поэтому его смерть в результате внутренних проблем вряд ли может считаться удивительной. Александр сразу же твердо взял в свои руки власть в царстве. Его поддерживали самые выдающиеся командиры его отца Антипатр и Парменион, хотя он отчетливо понимал, что может столкнуться с оппозицией. Антипатр встал перед толпой в театре в Эги, которая только что была свидетелем убийства Филиппа, восхваляя Александра. Отчасти эта речь привела к тому, что Александр был провозглашен царем сразу же, присутствующие в театре сыграли роль Собрания Македонии.<sup>31</sup> Это был первый случай бесспорной передачи власти в Македонии на протяжении столетия.

Александр воспитывался при македонском дворе. Он наблюдал за своим отцом и учился у него, командовал частью армии во Фракийской и Херонейской кампаниях и неоднократно замещал отца за последние несколько лет. С самого детства Филипп рассматривал его как своего преемника, и поддержка Антипатра и Пармениона была вполне достаточна для македонцев. Но Александру пришлось много сделать, чтобы быть уверенным, что его не сместят. Его восхождение на трон могло быть мгновенным, но проблемы оставались.

Когда распространились новости о смерти победоносного царя, мучительно построенная империя Филиппа начала распадаться. Ее личностная основа стала слишком очевидной; восхождение на трон 20-летнего юноши считалось приходом неопытного и некомпетентного правителя, а история македонской царской семьи давала основания предполагать, что будут беспорядки. В действительности Македонское царство оставалось целым и функционировало. Если Александр оставался в живых, он наследовал политическую базу своего отца в целостности и сохранности. Волнения начались в окружающих подчиненных землях.

Александр провел несколько месяцев в Македонии, чтобы обеспечить правильное функционирование царства и убедиться, что никто не пытается противостоять его положению царя. Во время похорон Филиппа за участие в убийстве были казнены два члена царской семьи Линкестиды, казнены были и два «пажа». Поскольку еще один брат из царской семьи Линкестиды не был казнен, значит, было проведено расследование и были выявлены причастные к убийству. Это, по крайней мере официально, было пределом заговора.<sup>32</sup>

Олимпия теперь могла вернуться из Эпира и вскоре устроила убийство вытеснившей ее Клеопатры и ее маленькой дочери.<sup>33</sup> Это вызвало необходимость устранить Аттала, ее громкоголосого дядю, и в расположенную в Азии армию был послан агент, специально чтобы исполнить данную миссию: Парменион не возражал, даже хотя Аттал был его зятем, ведь именно грубость Аттала вызвала беспорядок в царской семье и нанесла обиды Павсанию.<sup>34</sup> Эти убийства были понятны, но Александр проявил внезапную паранойю, которая впоследствии только возрастала, когда приказал также убить Аминту, сына Пердикки III. Аминта жил при дворе Филиппа, служил ему агентом в некоторых дипломатических делах и был женат на Кинане, одной из дочерей Филиппа. Когда Александр уезжал в Иллирию, он мог рассматриваться как преемник Филиппа. Александр определенно рассматривал его как соперника в период начальной неопределенности. Его убийство было профилактическим жестом царя

в рамках долгой традиции подобных убийств в царской семье Македонии.<sup>35</sup>

Эта небольшая резня расчистила обстановку в Македонии, и Александр ощутил себя в достаточной безопасности, чтобы заняться делами за рубежом, где набирали ход призывы к восстанию ради независимости от Македонии. Греция была потенциально самой сильной из беспокойных регионов. И необходимо было обезопасить Фессалию, поскольку должность *архонта*, которую занимал его отец, была теперь свободна. Осенью Александр двинулся на юг. Отряд фессалийцев занял ведущий из Македонии проход, объясняя, что вопрос о том, допускать ли его, обсуждается, поскольку выборы *архонта* — дело самих фессалийцев. Александр продемонстрировал, что он обладает военным талантом своего отца, избежав блокирования и появившись с армией в Фессалии. Прежде всего он вступил в контакт с Лариссой, старой опорой его отца в Фессалии, а затем без сложностей был избран *архонтом*. С точки зрения фессалийцев, это был государственный переворот.<sup>36</sup>

Из Фессалии он двинулся к Фермопилам, где ему было быстро передано председательство в Совете Амфиктионии, а затем появился перед Фивами, когда город еще раздумывал, нужно ли ему восставать или нет. Таким образом, гарнизон Филиппа в Кадмее сделал свое дело. Все прочие попытки восстать увяли сами собой, и в Коринфе Александр был избран *гегемоном* союза вместо своего отца и назначен главнокомандующим экспедиционных сил против Персии: еще один государственный переворот.<sup>37</sup> Греки были приведены в трепет его быстротой, но не были убеждены в постоянстве его власти. Александру пришлось вернуться на север, чтобы отразить другие угрозы, и его отсутствие дало грекам время обдумать свое положение.

Северная граница Македонии требовала особого внимания. Постоянно беспокоили трибалы, зашевелились и другие племена Фракии. Александр провел здесь кампанию весной 335 г. до н.э., продемонстрировав быстроту и способности, которые он уже показал в Греции. Когда трибалы были разбиты и сдались, подчинились и другие.<sup>38</sup> Власть Македонии вновь была



утверждена во Фракии, но и на этот раз это вряд ли было решающее завоевание. Новости о «восстании» одного из царей Иллирии привели Александра на Адриатическую сторону гор, и еще одна демонстрация военного искусства закончилась новой победой.<sup>39</sup> Эти ранние кампании Александра показали не только его прирожденный полководческий талант, но также и профессионализм и гибкость унаследованной им армии. Проход через защищенные перевалы, победы в двух битвах, ночная переправа через реку, быстрота передвижения – все показывало, что почти любые военные маневры и боевые действия были в их силах.<sup>40</sup>

Александр провел большую часть 335 г. до н.э. на севере, и некоторые города в Греции попытались вернуть независимость. Великий царь, воины которого успешно блокировали дальнейшее продвижение армии Пармениона в Азии, посылал деньги, убеждая греков восстать.<sup>41</sup> Афины официально отказались от денег, контроль над ними получил Демосфен и часть их передал фиванцам. Он побуждал Афины к восстанию, даже объявил фактом слух о том, что Александр погиб во время войны с трибалами.<sup>42</sup> Фиванцы были единственными, кто предпринял реальные шаги, и город восстал против македонского гарнизона, хотя некоторые части Греции – Аркадия, Этолия и другие – провели мобилизацию.<sup>43</sup> Александр узнал об этом после победы над Клейтом в Иллирии, совершил один из своих знаменитых быстрых маршей и прибыл в Беотию раньше слухов о его приходе.<sup>44</sup>

Он пришел как *гегемон* союза и потребовал от Фив подчиниться ему именно в этом качестве. К нему присоединились войска из других городов Беотии, которые сохранили неприятные воспоминания о доминировании Фив. Он дал фиванцам шанс попросить прощения, которое он обещал, но в спорах внутри города преобладали те, кто стоял за независимость и свободу. Затем они проиграли битву, войска Александра ворвались и захватили город.<sup>45</sup>

Новости о приходе Александра удержали других, которые намеревались присоединиться к фиванцам. Афиняне обещали, но не сдержали слова, аркадцы выступили, но повернули

обратно, другие провели подготовку, но теперь направили извинения или, как в случае с Афинами, поздравили Александра. Александр в качестве *гегемона* созвал Собрание союза, чтобы решить, каково должно быть наказание Фив. На встрече преобладали города, которые пострадали от рук фиванцев за последние 40 лет, и они, что неудивительно, проголосовали за разрушение города, как Фивы разрушали их.<sup>46</sup>

Образовавшаяся вокруг Фив и вскоре развалившаяся в результате быстрого марша и внезапного появления Александра коалиция была фактически очень похожа на Коринфский союз без участия Македонии. Этолия, Беотия, Афины, Элида, Аргонида и Аркадия в союзе охватывали большую часть Греции к югу от Фессалии. Если бы такой союз оказался прочным, мог установиться настоящий Всеобщий мир, но его прочность могла сохраняться только за счет состояния постоянной вражды с Македонией. Подобная группировка не смогла бы продержаться больше года, но это вполне устроило бы Персию. Эти кампании на Балканах и в Греции обычно рассматриваются как блестящее вступление к карьере Александра в Азии. Сердце Македонской империи и старые горные царства сохраняли лояльность. За пределами этих земель Фракия, Греция, Иллирия и Фессалия хотели освободиться от власти Македонии. Только быстрота и решительность Александра и его армии удержали их. Это общее антимакедонское настроение вряд ли можно считать неожиданным. Когда умер Филипп, заключенные им политические соглашения автоматически потеряли силу. Александру пришлось заключать новые. В то же время вероятно, что если бы Филипп остался в живых, ему пришлось бы продолжать вести кампании для закрепления своей власти.

Победы Александра означали, что нападение на Персию определено произойдет, и он показал себя сыном своего отца, проявив решимость отправиться на войну на востоке как можно быстрее. Филипп уже провел смотр военных ресурсов союза, и теперь Александр указывал, кто и что должен предоставить. Города на материке поставляли гоплитов и легковооруженных воинов — в общей сложности всего

7000 человек вместе с 600 конниками. Были собраны, экипированы и укомплектованы командами 160 судов, что означало еще 32 000 человек, в основном из Афин и с островов Эгейского моря. Это была большая сила, общая численность которой была примерно равна численности македонского контингента (который включал отряды из окружающих зависимых государств).<sup>47</sup>

Ни один из греческих городов не был оставлен без средств самообороны, а соседей Спарты вовсе не призвали участвовать – Спарта оставалась угрозой всем окружающим ее государствам и вскоре вступила в контакт с Великим царем. В самой Македонии было также оставлено достаточно войск, чтобы отразить любое серьезное нападение или со стороны Балкан, или со стороны Греции. Она была оставлена под руководством «вице-царя» Антипатра, которому больше неприятностей доставляла Олимпия, чем соседи. Александр взял с собой в персидский поход более 80 000 человек конницы, пехоты и моряков.

В Македонии были определенные дискуссии на тему, что царь совершает глупость, отправляясь на войну и не оставив преемника, который должен наследовать ему в случае, если он погибнет.<sup>48</sup> Говорили, что Парменион, который возвратился из Азии во время конфликта с Фивами, советовал царю жениться и обзавестись сыном до отбытия (но Парменион упоминается древними историками в этой роли так часто, что это вызывает подозрения). В действительности у Александра было время жениться и успеть отплыть в 334 г. до н.э. Он не сделал этого и мог иметь вполне понятные причины. Его выбор жены мог быть спорным, каким стал брак его отца с Клеопатрой. Македонские мужчины обычно не женились в столь раннем возрасте. Кроме того, он, возможно, и не хотел этого делать. Супружеская жизнь его отца и беспорядок, которую она определенно вызывала в царской семье, отвратила бы любого от брака. Но возможно также, что его не очень волновали события в Македонии в случае собственной кончины. Он определенно никогда не проявлял желания вернуться туда и не интересовался ею даже перед смертью.

Вторжение в Азию произошло весной 334 г. до н.э., на два года позже первоначально намеченного срока. Кризис престолонаследия в Персеполе не позволил Великому царю воспрепятствовать Филиппу и Александру, но персидские военачальники в Малой Азии сумели подготовиться. Вторжение ни в коем случае не было сюрпризом — несколько групп греческих посланников из Фив, Афин и Спарты находились при царском дворе, и интенсивно продолжался набор греческих наемников. На персидской службе было гораздо больше греков, чем у Александра. Восстание в Египте 337–336 гг. до н.э. не помогло, оно было достаточно быстро подавлено. Передовые войска Филиппа были отброшены назад к Геллеспонт, они удерживали только Абидос и Ретион. Парменион в 335 г. до н.э. был в Македонии и мог увести часть людей, но командир греческих наемников Мемнон был умелым и талантливым полководцем. Персидской обороной должны были руководить сатрапы находившихся под угрозой провинций, и они собрали значительную армию из 20 000 конных воинов, 6000 греческих наемников и большого числа местного пешего ополчения, от которого, правда, было мало пользы.<sup>49</sup>

Александр отправил свою армию высадиться в Абидосе, а сам переправился возле Трои, принес жертвы богам до, во время и после переправы и бросил копье в берег в качестве символического завоевания.<sup>50</sup> Его первой целью были греческие города на побережье Эгейского моря, где уже побывал Парменион двумя годами раньше, но сначала он должен был устранить угрозу со стороны армии сатрапов, которая собралась к востоку от места высадки. Как минимум три сатрапа — Арсит из Фригии на Геллеспонте, Спитридат из Лидии-Ионии и Арсам из Киликии — привели свои войска. Мемнон Родосский командовал греческими наемниками. По сообщениям, он выступал за отступление и уничтожение по пути местных ресурсов, что впоследствии было признано наиболее правильной в данной ситуации стратегией. Но она была отвергнута сатрапами, поскольку могла настроить местное население в пользу Александра. Их задача была защищать свои провинции и управлять ими, а не разрушать их.<sup>51</sup>

Если бы Александр двинулся на юг, эта армия могла бы последовать за ним и отрезать его от Геллеспонта и его коммуникаций. Он мог предполагать, что ему придется осаждать один или несколько городов, а персидский флот уже шел в Эгейское море. В результате он рисковал оказаться атакованным двумя сухопутными армиями и флотом одновременно.

Поэтому первой целью Александра была армия сатрапов. Он двинулся навстречу ей на восток и наголову разбил ее в сражении на реке Граник. Персидские командиры поставили греческую фалангу позади кавалерии, поэтому битва шла между конными подразделениями. Македонцы и фессалийцы оказались более боеспособными, чем персы, прежде всего в силу своей дисциплины. Когда остатки персидской конницы были разбиты и бежали, Александр занялся наемной греческой пехотой. Она сражалась стойко, хотя и уступала в численности, по меньшей мере, в два раза и была окружена. Только 2000 из них остались в живых, они сдались и были в цепях отправлены на работы в Македонию. Александр мог считать их предателями своего дела, но он также очень хорошо знал, что только греческие воины могут быть пехотной основой греческой армии. Их необходимо было устранять, где бы они ни встретились.<sup>52</sup>

Уцелевшие персы разбежались. Большинство их командиров были убиты, а Арсит совершил самоубийство. Как знак своей победы Александр послал добычу в Грецию. Отряд македонцев захватил административный центр Арсита город Даскилей, и сатрапом был назначен македонец из Элимеи Калас.<sup>53</sup> Это могло означать, что план Александра заключался в захвате продолжающей функционировать империи, но более вероятно, что это была временная мера для обеспечения стабильного правления в тылу во время его дальнейшего продвижения. Каков бы ни был его план относительно будущего империи, очевидно, что было рано реализовывать его, когда он победил только местную группировку персидских войск на самом краю государства. Он восстановил Илион как греческий город и снял с него налоги, в то же время сохранил персидскую администрацию в Даскилее, обращаясь таким обра-

зом к живущим в Азии грекам. То есть проблема управления завоеванными территориями уже возникла.

Основная армия двигалась на юг вдоль побережья. Парменион два года назад быстро добился подчинения жителей, то же повторилось и сейчас. Александр беспрепятственно достиг Сард, основного персидского административного центра в западной части Малой Азии. Сатрап погиб при Гранике, и командир сдал цитадель и сокровищницу. Александр назначил управлять Лидией другого сатрапа — брата Пармениона Асандра и оставил контингент аргивян в качестве нового гарнизона. Греки из войск союза использовались мало, в основном только как вспомогательные войска.<sup>54</sup> Эфес сдался Пармениону два года назад, но был вновь взят Мемноном. В результате произошло восстание внутри города. Всплеск убийств ради мести достиг такого масштаба, что Александру пришлось вмешаться и навести порядок.<sup>55</sup> Посланные отряды приняли капитуляцию других городов.

Только Милет оказал некоторое сопротивление благодаря близости персидского флота. Греческий флот блокировал узкий вход в гавань, изолировав город, который затем был взят приступом.<sup>56</sup> Это был единственный случай, когда Александр смог использовать свой флот для ведения боевых действий, а захватив контроль над западным побережьем Малой Азии, он не нуждался в снабжении из Греции. Но ему нужны были деньги, поскольку его сухопутная армия обходилась очень дорого, поэтому он в целях экономии распустил флот.<sup>57</sup> Это было довольно преждевременно, поскольку он мог использовать его при следующих захватах. Двигаясь на юг, он столкнулся еще с одним оказавшим сопротивление городом — Галикарнасом, который он довольно неактивно осаждал летом и осенью 334 г. до н.э. Когда город наконец пал, он очистил побережье Эгейского моря.<sup>58</sup>

Маршрут, по которому продвигался Александр, был довольно странным. Частично, конечно, это было запланировано, как и его движение против армии сатрапов, чтобы устранить врагов в тылу, хотя присутствие персидского флота в Эгейском море противоречит этому, и Галикарнас можно было блокиро-

вать с суши. Маршрут завоевания, таким образом, был выбран с целью освободить греческие города. После победы на реке Граник он послал трофеи в Афины с сообщением, что это была победа Александра и греков, и определенно греки были очень заинтересованы в его дальнейших успехах.

Антиперсидская пропаганда утверждала, что греческие города Азии стонут под властью Персии. Если Александр вел таким образом кампанию с целью освобождения их от угнетения и мести за прошлые нападения персов на Грецию, он должен был взять эти города, включая Галикарнас, и установить там демократию, поскольку персы поддерживали тиранов или олигархов. Неизвестно, включались ли затем эти города в Коринфский союз. Подтверждающих это свидетельств нет, но было бы неудивительно, если бы так и происходило. Некоторые островные государства – Митилены, Самос, Хиос и другие – определенно были включены в состав союза.<sup>59</sup> Во всяком случае впервые все греческие города в Греции, Азии и на островах (за исключение Спарты и Крита) были объединены под единым правлением.

Убийство Филиппа только задержало завоевание всей Греции примерно на год. Основная работа по пропаганде войны уже была выполнена. Война с Персией началась с кампании завоеваний вдоль азиатского побережья. Теперь, конечно, остановиться было невозможно уже потому, что любой ответ Персии оставлял города Александра уязвимыми для атак со стороны суши. Но теперь пропаганда «освобождения» уже не имела смысла, и мотивом стала месть. Если до этого македонцы (которым персидские вторжения не принесли никакого вреда) и верили в оба мотива, теперь им на смену пришла жажда завоеваний и обогащения. Исократ выделял три возможных объекта завоеваний: греческие города, Малую Азию «от Киликии до Галиса» и всю империю. Первое было завершено, необходимо было перейти ко второму. Но с настоящего момента это была уже другая война.

*Великая кампания, 334—325 гг. до н.э.*

В течение девяти лет после захвата Галикарнаса Александр продвигался по Персидской империи и соседним странам, полностью занятый военными делами. Административное управление завоеванными территориями было предоставлено назначенным им сатрапам, одни из которых были некомпетентными или продажными, а другие погибли в результате заговоров и восстаний. Это была только временная мера.

Александр назначил сатрапов в Геллеспонтскую Фригию и Лидию, но в Карии он оставил бывшего персидского сатрапа, местную царицу Аду.<sup>1</sup> Он столкнулся с проблемой, что империя, в которую он вторгся, требует большого числа администраторов. Он назначил также командиров гарнизонов и финансовых чиновников в Сардах,<sup>2</sup> а до сих пор ему пришлось иметь дело только с окраиной империи. У Александра не было достаточно квалифицированных и надежных людей, чтобы оставить их на роли администраторов в таком масштабе по всей империи.

Он не мог игнорировать тот факт, что, пока был жив и правил Великий царь, это была вражеская территория. Необходимы были гарнизоны для контроля над завоеванными территориями и отряды для отражения угроз со стороны соседей. Немногим командирам могла быть поручена подобная задача. В Даскилее и Ионии Александр в этой роли использовал Пармениона. Прежние завоеванные земли были в значительной степени дружественными территориями, где можно было ожидать сотрудничества от греческих городов, но даже там он на всякий случай должен был оставить гарнизоны.

Он, конечно, с самого начала понимал, что имеет дело с такой территорией, с которой ни грек, ни македонец никогда не имели дела, и никто даже не имел представления об ее размере.<sup>3</sup> Этот размер начал становиться понятен его армии зи-



мой 334/333 гг. до н.э. Александр направил полностью оснащенный отряд под командованием Пармениона вглубь во Фригию. Сам он повел другую часть армии через Ликию в Памфилию, в одну из своих не столь успешных кампаний. В Памфилии ему пришлось бороться с тремя отдельными городами, и только один из них ему удалось победить. Он оставил некоторое количество воинов в качестве гарнизона (в Сиде) и назначил одного из своих ближайших друзей, Неарха с Крита, сатрапом и Ликии, и Памфилии.<sup>4</sup>

В этом случае он объединил две области под властью одного человека, и вновь в большом масштабе во внутренней части Анатолии. Оставив войска осаждать Келены, центр Фригийской сатрапии, он разбил лагерь в Гордионе, где к нему присоединился Парменион. Он поставил одного из соратников своего отца, Антигона Одноглазого, сатрапом Фригии, огромной области с неопределенными границами. У него было очень мало воинов, и его первой задачей было добиться сдачи персидских войск, удерживавших Келены, которые стали его административным центром. Сдавшиеся карийские и греческие наемники были приняты на его службу, других набирали из местного населения.<sup>5</sup> Александр принял формальную капитуляцию пафлагонцев на северном побережье и каппадокийцев дальше на востоке, в глубине материка. Калас, сатрап Геллеспонтской Фригии, был назначен в Пафлагонию;<sup>6</sup> сообщается, что человек по имени Сабикта стал сатрапом Каппадокии — о нем больше ничего не известно, и может быть, он и вовсе не существовал.<sup>7</sup>

После поражения при Гранике Великий царь назначил Мемнона главнокомандующим на западе. Теперь он использовал персидский флот, чтобы начать процесс разрушения завоеваний Александра на азиатском побережье. Он захватил контроль над Косом, Хиосом и Самосом, возможно, также и над Милетом и осадил Митилены на Лесбосе. Его агенты активно действовали в Греции, встретив благосклонное, но осторожное отношение. Мемнон умер в Митилене, а преемником стал его племянник Фарнабаз, но ему было приказано направить своих наемников к царю. Александр назвал дей-

ствия Дария «эгейским блефом» и двинулся на восток, а не повернул на запад, чтобы бороться с Мемноном, — Дария перехитрили.<sup>8</sup>

От Гордиона Александр быстро двинулся в Киликию и повернул на юг к Сирии, но внезапно столкнулся со всей персидской царской армией во главе с самим Дарием. Он шел из Вавилона, чтобы перерезать тыловые коммуникации Александра, перейдя горы Аманус. Стратегически персы поймали Александра в ловушку, ему пришлось повернуть назад, развернуть армию на узкой равнине и придумать способ, как ему использовать победную комбинацию пехоты гоплитов и дисциплинированной кавалерии на поле боя, протянувшимся по склону горы. Он направил фалангу на греческих наемников, но сконцентрировал большую часть кавалерии на склоне холма. Со стороны моря только фессалийская кавалерия противостояла основным силам персидской конницы. Александр командовал острием атаки, направленной на Дария. Фессалийцы были отброшены, фаланга почти потеряла слаженность при переходе через реку между армиями, но атака Александра прорвала левый фланг персов, Дарий бежал, чтобы избежать плена. Александр сохранил контроль над своими людьми и повернул их в сторону моря, чтобы помочь фаланге. Именно это, а не бегство Дария, решило исход сражения — поскольку атакованная во фланг фаланга персидских наемников распалась. Началось общее бегство, во время которого многие были убиты.<sup>9</sup>

Дарий отошел к своей основной базе в Вавилоне. Большинство оставшихся в живых персов отошли на восток вместе с ним, но некоторые двинулись на север, а еще часть — на юг. Аминта, сын Антиоха, македонский враг Александра, взял 4000 наемников в Триполи, а затем отправился на Кипр, где он собрал еще войска, и отправился в Египет. Он заявлял, что является сатрапом по поручению Дария, но вскоре слишком злоупотребил гостеприимством и был вместе с большей частью своих людей убит персидским губернатором Мазакком.<sup>10</sup>

С поля боя Александр двинулся на юг, принял сдачу финикийских городов Арада и Сидона, но был задержан решитель-

ным сопротивлением Тира. В это время значительное подразделение уцелевших персов вступило в Анатолию, набирая пафлагонцев и каппадокийцев, и направилось к Сардам. Это был политический центр, из которого западная часть Малой Азии управлялась в течение трех веков, основная точка пересечения дорог и место хранения сокровищницы. Их захват разрушил бы всю македонскую систему управления в Анатолии, а контакт с Фарнабазом и персидским флотом и, возможно, со Спартой и Грецией поставил бы греческие города на побережье Эгейского моря под непосредственную угрозу. Это была серьезная опасность.<sup>11</sup>

Стратегия персов была, очевидно, нацелена то, чтобы изолировать его около Тира, а в это время отвоевать Малую Азию. Они владели Египтом и Южной Палестиной и подстрекали население Палестины и Ливанских гор нападать на его осаждающие Тир войска. Дарий собирал новую армию против него, а флот действовал в Эгейском бассейне и Греции.

Координация всех этих действий представляла собой настоящую проблему. Захват финикийских городов привел к развалу флота, который в основном состоял из финикийских кораблей. Корабли захваченных городов присоединились к Александру, как и корабли с Кипра.<sup>12</sup> В Малой Азии сатрап Антигон оказался стратегом уровня Филиппа. Он и Калас объединили силы, а сатрап Балакр подошел из Киликии, без сомнения, по указанию Александра. Продвижение персов шло по трем отдельным дорогам — Царской дороге в центре и параллельным ей дорогам на севере и юге. Антигон использовал внутренние коммуникационные линии, чтобы по отдельности отразить персидские атаки.<sup>13</sup>

Осада Тира была центральным элементом в общем стратегическом ходе войны. Это была также и главная проверка македонской армии и ее командования. Осада острова, не владея морем, была трудным делом. Нельзя было оставить город позади, не взяв его, пока исход войны был еще неясен. Решающим стало прибытие судов, перешедших из персидского флота. Александр смог вести правильную осаду, соорудил огромный мол, чтобы добраться до города. Это заняло шесть меся-

цев или даже больше, но когда он взял город, что сопровождалось ужасной резней и разрушением, кризис в Малой Азии и на Эгейском море был завершен.<sup>14</sup>

Все это сопровождалось дипломатическими действиями: сначала после Иссы стороны обменялись письмами, затем Дарий предложил уступить часть империи, возможно, от Евфрата до Эгейского моря, и 10 000 талантов — выкуп за семью Дария, захваченную после Иссы. Александр был теперь вынужден открыть свои конечные цели, поскольку Парменион (а может быть, и другие приближенные) склонялся к тому, чтобы принять это предложение. Александр ответил, потребовав власть над всей империей. Это могло быть просто вызовом перед лицом множества опасностей, с которыми столкнулись македонцы в это время, но аппетит Александра рос по мере того, как он продолжал побеждать.<sup>15</sup>

К середине лета 332 г. до н.э. стратегия Дария потерпела поражение, но еще одна длительная осада в Газе задержала Александра на западе. Большая часть 332 г. до н.э. была занята завоеванием Сирии и Палестины. В Газе Александр разграбил город и очень жестоко расправился с населением.<sup>16</sup> В конце 332 г. до н.э. он наконец достиг Египта. В Северной Сирии и Киликии (в Солах и близлежащем Иссе)<sup>17</sup>, а также, конечно, в Тире и Газе были оставлены гарнизоны. Сатрапом в Сирию был назначен Менон, после того как правитель Палестины был убит во время местного восстания, его область была расширена.<sup>18</sup>

Эти контингенты и потери, понесенные армией при Иссе, Тире и Газе, плюс необычайная усталость и спешка во время маршей угрожали резко уменьшить размер армии. Уже из Гордиона Александр приказал прислать еще 4000 македонцев, которые догнали его в Сидоне, еще 4000 прибыли во время осады Тира.<sup>19</sup> Большая часть этих подкреплений прибыла из Македонии, другие — из Греции. Теперь он перестал убивать греческих наемников, предпочитая брать их на службу. Он оставил в Египте гарнизон в 4000 человек, поэтому, когда он выступил из Египта, его армия была примерно такого же размера, как когда он впервые встретился с персидской армией при Гранике.

Армия провела зиму 332—331 гг. до н.э. в Египте. Александр организовал его правительство, сначала короновавшись как фараон. Египтяне всегда отвергали персидское правление и приветствовали македонского царя; то же самое сделал и персидский губернатор, у которого было недостаточно сил для сопротивления. Власть в известном своим богатством Египте была тщательно разделена (как и в Сардах) между губернатором, финансовым чиновником и несколькими военными и морскими командирами. Это разделение ответственности на практике не сработало, поскольку сборщик налогов Клеомен из Навкратиса смог за счет своего контроля над финансами захватить всю власть. Он также оказался достаточно умным, чтобы всегда быть на стороне Александра частично потому, что он хотел только стать богатым, а не приобрести политическую власть. Он реализовывал проект царя по строительству нового города в устье Нила, контуры которого указал сам Александр, хотя реально Клеомен делал не столько, сколько заявлял. Александр также совершил визит в храм Амона в Сиве в пустыне; это событие очень сильно повлияло на него, усилив веру в собственные возможности.<sup>20</sup>

Дарий провел год после битвы при Иссе, собирая еще большую армию, чем раньше, и готовя поле битвы. Разбить армию Александра означало выиграть войну, поэтому он ждал нападения македонцев. Он послал еще денег в Грецию, пытаясь организовать восстание в тылу Александра. Это была та же стратегия, что и раньше, и, как и раньше, Александр проигнорировал ее.

Восстание в Греции было весьма вероятно. Антипатр в течение 332 г. до н.э. направил Александру по меньшей мере 12 000 человек подкреплений и определенно находился в сложном положении. Правитель Фракии Мемнон подстрекал к восстанию с неизвестной целью. Антипатр со всеми силами двинулся во Фракию, чтобы подавить его, поскольку, если бы возникла полномасштабная война, Македония оказалась бы в опасности. Он успокоил Мемнона обещаниями, что тот останется губернатором.<sup>21</sup> Данный факт указывает на то, что это было не восстанием фракийцев, а внутренними раздорами македонцев.

Поход Антипатра во Фракию побудил Спарту объявить войну. Царь Агис III вступил в предварительные дипломатические контакты и набирал войска, получая деньги от Фарнабаза. Он нанял 10 000 наемников, некоторые из них были оставшимися в живых при Иссе, мобилизовал спартанскую армию и нанес поражение македонским войскам на Пелопоннесе. Последовало восстание в Элиде, Ахайе и части Аркадии. Эти регионы пытались поддержать Фивы в 335 г. до н.э. Все это происходило примерно в то самое время, когда Александр должен был встретиться с Дарием в битве; это совпадение было определено намеренным.

Александр сообщил об этой войне намного позже его победы над Дарием при Гавгамелах в октябре 331 г. до н.э., поэтому координация оказалась безуспешной, поскольку главной задачей было отвлечь его именно во время битвы. С точки зрения Дария, Агис должен был вести войну до того, как он сразится с Александром; без сомнения, Агис подходил к этому по-другому. Антипатр был, очевидно, недостаточно силен, чтобы сразу нанести ответный удар по Агису; он был еще занят событиями во Фракии, но успех Агиса даже с учетом этого был ограниченным. Мессения и Аргос были против него, Афины оставались лояльными, и Агису пришлось осадить город Мегалополь в Аркадии.<sup>22</sup> Это могло быть ошибкой, но было бы еще большим просчетом оставить вооруженное враждебное государство в тылу. Антипатр поэтому мог дожидаться своего часа.

Александр двинулся на восток из Сирии в сентябре и встретил армию Дария в начале октября. Греко-македонская армия уступала в численности, возможно, в пять раз, но вновь дисциплинированные войска Александра были более чем ровней многочисленным, но действовавшим индивидуально персидским конным воинам и недисциплинированным крестьянским рекрутам. Он развернул свои силы для обороны, но использовал своих кавалеристов для прямой атаки на Дария и его колесницу. Произошла очень ожесточенная схватка, македонские оборонительные порядки были прорваны, даже несмотря на то, что атака Александра имела успех. Личное пора-

жение Дария вновь привело к разгрому его армии, и на этот раз вся персидская армия прекратила сопротивление. Александр совершил это с удивительно малыми потерями в своей армии.<sup>23</sup>

Александр находился теперь на территории в основном неизвестной грекам и большей частью враждебной, как никакое из его прежних завоеваний. Его приветствовали в Вавилоне, но там нужен был гарнизон, затем были заняты центры Персидской империи Персеполь и Сузы. Часть дворца в Персеполе была сожжена во время бурного празднования, но гарнизон все равно пришлось оставить и там, и в Сузах. Эти территории забрали 10 000 воинов, одну пятую всей армии Александра. Он получил достаточные подкрепления, чтобы поддержать силу своей армии, но с Дарием еще не было покончено, не достиг он еще и настоящего центра силы империи — Мидии.<sup>24</sup> Захватив Сузы и Персеполь, Александр овладел сокровищами империи: золотом, серебром, дорогими тканями, посудой из драгоценных металлов — награбленными империей богатствами. В Сузах он захватил более 50 000 талантов золота и серебра, в Персеполе — вдвое больше.<sup>25</sup> Александр щедро раздавал дары, как и должен был поступать царь Македонии.

Когда Александр наконец узнал о проблеме с Агисом, он отправил Антипатру денег, чтобы оплатить наемников в дополнение к македонским войскам.<sup>26</sup> Весной 330 г. до н.э., когда Александр был в Персеполе и намного позже решающей битвы в Месопотамии, Антипатр двинулся на юг в Грецию с войсками численностью, по сообщениям, в 40 000 воинов. Он активно набирал воинов в соседних балканских странах и на рынках греческих наемников и имел контингенты из городов союза.<sup>27</sup> Флот Александра, в который теперь входили 600 финикийских и кипрских кораблей — в основном это были те же суда, которые воевали раньше на стороне Персии, — позволил ему блокировать берега Спарты и перерезать коммуникации с Критом, основным источником наемников для Агиса.<sup>28</sup>

Таким образом, две в основном состоявшие из греков армии сошлись в битве возле Мегалополя. У Антипатра были

также и его македонцы, которым обычно и приписывается победа, хотя без каких-либо деталей. Битва представляла собой сражение в старом стиле греческих гоплитов, страшной и кровавой. Почти 10 000 человек были убиты, включая Агиса. Этот результат стал косвенной данью военному искусству Филиппа и Александра, ни одна из битв которых даже близко не была столь кровопролитной.<sup>29</sup>

Александр предстояли еще две крайне дорогостоящих кампании в Бактрии и Индии. Летом 330 г. до н.э. он двинулся на Экбатану, столицу Мидии, и получил здесь подкрепление из 6000 греческих воинов, посланных сюда после победы над Агисом. Он воспользовался возможностью реорганизовать свою армию. Контингенты греческих городов – силы союза – были теперь отпущены с благодарностями и хорошими «премиальными», а затем были приглашены поступить на службу в качестве наемников с высокой оплатой. Многие предпочли отправиться домой, их плата и так, без сомнения, дополнялась огромной добычей.<sup>30</sup>

Обладавший теперь необычайным богатством, Александр мог позволить себе нанять всех наемников, которых смог бы найти, но именно известия о том, что Антипатр победил Агиса, позволили ему отпустить греков домой. Это был приятный способ поблагодарить греческие города за их лояльность союзу. Он уже освободил некоторое число афинцев, которых держал в качестве пленников. Совет союза встретился, чтобы обсудить наказание тех членов союза, которые присоединились к Агису, и передал это дело на рассмотрение Александра, но тот оказался снисходительным. Спарта должна была распустить своих наемников и дать 50 заложников, ее потери во время битвы означали, что теперь она уже может не рассматриваться в качестве военной силы в обозримом будущем, поэтому большая суровость ничего бы не дала. Формально действия Спарты не были восстанием, она никогда не присоединялась к союзу. Система союза работала и в Греции, и в Азии.<sup>31</sup>

После поражения при Гавгамелах Дарий отступил к Экбатане. Он собрал значительные силы, но они были недостаточны, чтобы противостоять македонской армии, и ожидалось мало



подкреплений. Когда Александр приблизился, он отступил на восток, и Александр начал преследовать его через Северную Персию. Оставшиеся войска, за исключением греческих наемников, покинули Дария, и он был убит Бессом, сатрапом Бактрии, и *хилиархом* (высшим чиновником) Набарзаном.<sup>32</sup>

Армия Александра поэтапно продвигалась вперед в Восточную Персию, но после смерти Дария между македонскими офицерами возникли напряженные отношения. У некоторых из них возникали серьезные сомнения относительно его целей. После Вавилона он начал носить персидское платье, назначал персов сатрапами и привлекал персидских советников. Их опыт администраторов и их семейные связи делали их полезными.<sup>33</sup> Беспоконство македонцев росло и выливалось в заговоры, пьяные стычки и философские диспуты. В один из заговоров был косвенно вовлечен Филота, сын великого полководца Пармениона. И он, и его отец были убиты. Во время пьяной ссоры Александр убил Черного Клита, который спас ему жизнь при Гранике. Придворный историк Каллисфен оскорбил царя и был наказан.<sup>34</sup>

Эти заговоры были частью атмосферы двора Александра, само его восшествие на престол сопровождалось убийством «сомнительных» личностей, родственников и соперников, других устраняли по подозрению во время кампании.<sup>35</sup> Александр всегда был готов к возможным заговорам и всегда предпочитал убить первым: мертвые не строят заговоров. Но в Восточной Персии возникла большая и куда худшая угроза.

Лежавшая в основе настроений македонцев неопределенность была связана с намерениями Александра, эта неопределенность присутствовала, вероятно, и в голове царя. Те, кто отправился из Македонии в 334 г. до н.э., вряд ли ожидали, что четыре года спустя они окажутся в Восточной Персии. Александр не имел тщательно обдуманых планов для завоеванных им на каком-либо этапе земель примерно до последнего года своей жизни. Как и его отец, он был всего лишь крупным оппортунистом. Назначение македонцев или персов сатрапами в старые персидские административные регионы было временной мерой.

Он, возможно, просто намеревался стать «македонским вариантом» Великого царя, именно им он и попытался со временем стать, но империей от Адриатики до Инда невозможно было править из одного угла — Македонии. Персы удерживали империю, используя помощь мидян, бактрийцев, арахозийцев, которые помогали им в управлении и умиротворяли крупные подчиненные народы — финикийцев, вавилонян, греков, оставляя их в покое, если те платили налоги. Македонцы не могли править империей сами, даже с помощью греков. Их страна была слишком далеко от крупных населенных центров Вавилонии, Мидии, Египта и Бактрии, а их царство было в административном отношении недостаточно развито, чтобы решить такую задачу. В нем не было нужного числа бюрократических кадров, люди не имели достаточного умения или склада ума, чтобы обеспечить управление империей.

Счастливые македонские захватчики радовались своему новому богатству, а Александр крайне щедро распоряжался им. Прежде всего, Александр был слишком поглощен своей жизнью в качестве завоевателя, чтобы быть способным отвлекаться на такие мирские и повседневные вопросы, как администрирование и управление. Кажется, что иногда он отправлялся в кампании, чтобы избежать подобных проблем. Он покинул Македонию, не оставив наследника, и истощил ее людские ресурсы для завоевания Персии. В империи он переходил от проблемы к проблеме, не создавая настоящего правительства, а лишь временное продолжение старой системы. Он даже придумывал новые авантюры; неоднократно случалось так, что он поступал так, а не иначе, просто потому, что сильно этого хотел.<sup>36</sup> Его беззаботность, стремление жить сегодняшним днем беспокоили воинов. Когда его вызывали на философские диспуты на темы управления, он злился, поскольку у его действий не было реальной философской основы.

Альтернативы были безрадостны. Теоретически Александр мог увести свою армию со всеми богатствами домой, оставив Азию в хаосе, или он мог присоединить только часть империи, до реки Галис или до Евфрата — такие предложения были, или же он мог стать Великим царем. Первое было невысказано,

второе маловероятно, поскольку Александр был уже в Восточной Персии, третье требовало сохранить армию, нанять азиатов вместо своих или сделать и то, и другое. Македонские аристократы, без сомнения, предпочитали последнее, но простые воины, которые оставили дома семьи и были привлечены пропагандой, что война является местью персам за нападения на Грецию, не видели причин не отправиться домой.

Временно от этих проблем Александра спас Бесс, который провозгласил себя царем после Дария.<sup>37</sup> Война превратилась в долгую серию крайне трудных кампаний. Бесс и его сторонники намеревались восстановить всю Персидскую империю, он набрал огромную армию. Его быстро перехитрили, схватили и убили, но война продолжалась под руководством Спитамена, крупного аристократа из Согдианы, к северу от Бактрии. Он привлек на помощь кочевников из-за северной границы и успешно продлил войну еще на один год. Он был самым искусным противником Александра, и только его смерть закончила войну. Затем последовала серия малых кампаний, в частности, захват несколько крепостей на скалах. Женитьба Александра на Роксане, дочери Оксиарта, господина одной из этих крепостей, была, очевидно, умиротворяющим жестом.<sup>38</sup>

Эта война стоила жизни множеству людей. Александр потерял по меньшей мере 7000 своих воинов, жителей Бактрии и Согдианы погибло в десять, а может быть, и в двадцать раз больше.<sup>39</sup> Завоеванные земли необходимо было удержать, поскольку они были столь беспокойными, а раз Александр намеревался двигаться еще дальше на восток, то не мог позволить им взорваться у себя в тылу. Для усиления его армии было набрано огромное количество бактрийских и согдийских воинов. Таким образом, больше 30 000 человек были выведены из своих земель и вряд ли стали бы восставать. Затем Александр оставил позади большой гарнизон — 10 000 пехоты и 3500 конницы в Согдиане. Эти цифры подозрительно круглые, но 10 000 указывает на большое число воинов.<sup>40</sup>

Осталось значительное число «поселенцев», часть из которых образовали города. В более поздних источниках количество основанных Александром городов очень преувеличено, в

следующие века было предметом гордости городов заявлять, что их основателем был Александр. Из тех, которые действительно основал он, кроме Александрии Египетской и Букефалии в Индии все остальные находились в Восточной Персии. Их основной целью было служить местом размещения крупных гарнизонов и укрепленными центрами управления, увеличивая действенность завоевания.<sup>41</sup> Эти основания городов, укрепления, перемещение населения, убийства и наборы в армию, смерть Дария и Бесса убедили большинство людей, что Персидская империя не может возродиться. С другой стороны, есть очень много свидетельств, что существовали местные движения, стремившиеся избавиться от македонского правления.

Александр отправился в новую кампанию в Индию. Это можно воспринять только как стремление уйти от действительности. Трудность кампании в Бактрии и заговоры и споры в высшем командовании были признаками того, что для организации новой империи была необходима серьезная работа. Невозможно утверждать, что завоевание Индии было необходимо. Долина Инда определенно была частью Персидской империи задолго до этого, но в течение уже некоторого времени стала независимой, и единственными индийскими войсками, с которыми до сих пор сталкивался Александр, были наемники.<sup>42</sup> Некоторые упорствующие персы, в их числе Барсаент, бывший сатрап Арахозии, бежали в Индию, но это не оказало серьезного влияния. Мотивы Александра для этого вторжения были патетическими – увидеть место и повторить мифическое путешествие бога Диониса, который, как было «открыто», совершил туда путешествие, и завоевать последние следы погибшей империи Ахеменидов.

Это была столь же трудная кампания, как и в Бактрии, гораздо менее необходимая и еще более грязная. Воины, теперь уже не только македонцы и греки, но и персы, и бактрийцы, столкнулись с упорным и решительным сопротивлением нескольких воинственных государств и народов. Он воевали против бойцов, вооруженных пугающим новым оружием и использовавших никогда прежде не виданных боевых слонов.

В сезон муссонов войны Александра болели, их оружие ржавело, а их одежда и снаряжение сгнивали. Полное отсутствие признаков власти Персии уничтожало саму идею о завершении завоевания империи. В конце концов на реке Гифас перед лицом еще одного длительного похода и нападения на новую империю (Магадха) даже Александр не мог заставить армию идти дальше. Он в течение нескольких дней злился в своей палатке, эта тактика срабатывала с армией раньше, но на этот раз не подействовала. Спасти лицо в тупиковом положении ему помог предсказатель, и армия повернула на юг.<sup>43</sup>

Здесь «армия» означает македонцев. К этому времени воины других народов численно намного превосходили их, но всегда царь вел переговоры именно с македонцами, со старшими командирами или обычными солдатами на общих встречах. Это был военный вариант македонского общества, который завоевывал Персидскую империю, и воины верили, что кампания ведется в основном в пользу Македонии. То, что после восьми лет походов, сражений и завоеваний, воины все еще верили в это, показывает, насколько Александру так и не удалось убедить армию в реальности создания империи. Для них это все еще был долгий набег за добычей, после чего они вернуться домой богатыми. Но если Александр ставил своей задачей создать империю, он не мог отпустить их домой.

Александр направил армию вниз по долине Инда к океану, хотя он и согласился отпустить на родину своих воинов. Он мог возвратиться через перевал Хайбер, как и пришел, или по одному из других проходов в Афганистан — один контингент под командованием Кратера был послан в Арахозию, чтобы подавить там всплеск недовольства.<sup>44</sup> Но повести по этому пути всю армию могло означать поражение, которое, как он чувствовал, он потерпел от собственной армии. В результате люди, которые теперь, когда он согласился вернуться, были более или менее готовы простить его, поверили, что идут домой. Они совершенно не знали о тех расстояниях, которые им предстоит преодолеть, и совершенно не были расположены больше сражаться. Александр настаивал: он получил еще одну рану во время поспешной атаки на город, нападать на который его

войска не хотели.<sup>45</sup> Армия, а может быть, и сам Александр озверели, и кампания в долине Инда превратилась в мрачную серию убийств и разрушений.<sup>46</sup>

Александр оставил гарнизоны по всей протяженности долины Инда под надзором двух сатрапов и нескольких индийских царей, которых он победил и превратил в подчиненных союзников. Он построил корабли, чтобы плыть вниз по реке, и другие корабли, чтобы плыть по океану, когда дойдет до него. Часть войск двинулась по морю на запад под командованием Нearchа, Александр повел остальных вдоль побережья Гедрозии, вероятно, не зная, что это пустыня. Третий отряд под командованием Леонната пошел по маршруту внутри континента.<sup>47</sup>

Войска Кратера и Нearchа совершили поход относительно без трудностей, но войска Александра сталкивались с одной проблемой за другой, многие из воинов и маркитантов умерли от жажды, голода, жары и плохой пищи, как будто Александр мстил своей армии за свое поражение. Двигавшиеся по суше части соединились в городе, позже названном Александрия в Кармании (современный Гулушкерт), где, как сообщается, шедший с Александром отряд плясал и пьянствовал во время продвижения по богатой местности, празднуя возвращение. Александр так же, как и большинство из них, предавался пьянству и, сравнивая себя с богами, не возражал против радостей Диониса.<sup>48</sup>

Полученный от армии в Индии удар мучил его. Он все больше понимал, что он смертен, особенно после полученной в Индии тяжелой раны, которая определенно способствовала его ранней кончине. В результате заговоров при дворе он в это время стал очень подозрителен. Он обнаружил, что ни один из сатрапов Южной Персии не подумал направить припасы в ожидании его прибытия. Это могло не быть их виной, хотя он, возможно, и посылал им приказы на эту тему, но Александр не был настроен что-либо слушать, когда вышел из пустыни. Он возвратился в центр своей империи, подозревая всех и вся и намереваясь отыгаться на ком-либо.

То, что сатрапы не прислали припасов, было в такой же степени виной системы управления Александра, как и самих сат-

рапов. Александр постоянно избегал таких неприятных решений, как организация правительства; это было достаточно разумно, пока завоевание империи было еще не закончено. Но затем он ушел в Индию, откуда, без сомнения, поступали преувеличенные истории об убийстве, восстании в армии, резне и угрожающих жизни ранах, полученных царем. Некоторые из его сатрапов явно полагали, что он мертв или никогда не вернется.

Это было следствием того факта, что он был царем Македонии. Наследием Филиппа в наибольшей степени была его армия, великолепная боевая сила, способная победить любую другую армию в мире того времени. Но правительство Македонии не было развито до такого же уровня. Македонским правительством в основном являлся царь, на которого лишь немного влияла выступавшая в качестве Собрании армия.<sup>49</sup> Александр считал, что он может просто отобрать Персидскую империю у Дария, как он взял Македонию у Филиппа, и нужно будет только заменить несколько сатрапов. Македония была собственным государством, полностью зависимым от контролировавшего все царя, который решал все споры, наблюдал за сбором налогов и т.д. Царство имело как раз такой размер, что им подобным образом мог управлять энергичный царь, и Филипп не делегировал никому части своей военной или гражданской власти. Не делал этого и Александр, но это происходило потому, что он никому не доверял. Раз или два, как в случае с Парменионом и Кратером, он посылал кого-либо с частью своей армии, но никогда не мог доверить кому-либо административное управление империей. Невозможно управлять империей в одиночку, Александру нужна была система, бюрократия и зависимые чиновники.

## *Объединенная империя, 325–319 гг. до н.э.*

По возвращении из Индии Александр столкнулся с теми же проблемами, с которыми сталкивается любой завоеватель: как контролировать завоеванное население, как вознаградить свою армию, как обеспечить справедливое управление, как создать работающую администрацию, как не позволить врагам использовать его трудности. Он также оказался перед лицом нескольких исключительно личных проблем: как остаться в живых и обеспечить престолонаследие, что было более чем срочным делом. Но словно этого было недостаточно, он планировал серию новых завоеваний, которые были бы больше похожи на кампании в Восточной Персии и Индии и не отличались бы относительной легкостью, с которой были завоеваны западные провинции.

Ко времени возвращения из Индии он отсутствовал в центральной части империи уже пять лет. В Бактрии он был еще досягаем, но во время пребывания в Индии от него не поступали никакие указания, при этом он в силу своего характера никому не мог делегировать полномочий. До него доходили некоторые новости из Персии, и Кратер был направлен разобраться с проблемами в Арахозии, но гораздо большие тревожные известия ожидали его, когда он приехал в Карманию. Первой его заботой было снабжение: припасы доставлялись слишком медленно; до него начали доходить слухи о плохом управлении и вымогательстве его сатрапов и т.д.

Его отсутствие и невнимание к внутренним делам привели к постепенному распаду Персидской империи на составляющие ее провинции. Сатрапы остались без контроля и управляли в соответствии с собственными потребностями и задачами. Больше они ничего и не могли сделать. Персидские сатрапы использовали методы старой империи, но македонцы и греки



не имели подобной традиции или подготовки. Неизбежным был, по меньшей мере, беспорядок.

Греки и македонцы были внезапно окружены большим богатством и властью, чем они когда-либо мечтали. Они стали богатыми и, как это было принято в их сообществе, они щедро раздавали подарки друзьям и подчиненным, крайне расточительная привычка в сложившихся обстоятельствах. Они не имели философии общественной службы и внутреннего уважения и связей с людьми, которыми они правили, поэтому расцветали коррупция и злоупотребления. Их сатрапии были размером с Македонию, они стали равны царям. А как ведут себя правители, так ведут себя и подданные.

Сразу по прибытии в Карманию Александр узнал о злоупотреблениях властью местным сатрапом Астаспом.

Он делал вид, что не замечает этого до тех пор, пока его воины не оправились, а затем казнил Астаспа за «мятеж».<sup>1</sup> На самом деле Астасп просто правил своей сатрапией, не имея вышестоящего правителя, все остальные сатрапы находились в таком же положении.

Из Экбатан прибыло подкрепление 6000 человек под командованием группы офицеров, некоторые из которых участвовали в убийстве Пармениона и были очень непопулярны. Офицеры и их люди были обвинены во множестве преступлений представителями армии и мидянами, которые сопровождали поход. Двое из офицеров Клеандр и Ситалк были казнены, может быть, был казнен и третий — Агатон; четвертый — Геракон был оправдан, но позже совершил аналогичные преступления в Сузиане и был казнен там. Их войска также были наказаны путем децимации.<sup>2</sup>

Сатрап Сузианы Абулит был обвинен в том, что не посылал Александру припасов. Он сохранил свой пост, сдавшись Александру, его сын Оксатр был сатрапом соседней Паретакены, и Абулит распространил свою власть на племя уксиев, другого соседа. Фактически происходило сосредоточение власти в руках одной семьи: и отец и сын были казнены, по сообщениям, Оксарта Александр казнил лично.<sup>3</sup> В Персии были назначены и другие персидские сатрапы, некоторые, как Абулит и Астасп,

в те сатрапии, которыми они правили и раньше. Это, вероятно, была первоначально временная мера, чтобы сохранить спокойствие в регионе до завершения завоевания. Возвращение Александра означало пересмотр политики.<sup>4</sup>

При персидских сатрапах состояли македонские и греческие чиновники, один из них командовал гарнизоном, а другой занимался финансами. Сатрапам не нравилась эта система, что отражалось на их лояльности и честности. Некоторые принимали это как плату за завоевание и соблюдали лояльность: Фратаферн в Парфии был одним из них и вскоре после прибытия Александра направил в Карманию припасы в сопровождении своего сына Фарисмена.<sup>5</sup> Атропату из Мидии было доверено убрать прежнего сатрапа, который был нелоялен.<sup>6</sup> В Персии, одном из самых чувствительных мест, сатрап Фрасаорт умер в то время, когда Александр был в Индии. Должность без разрешения занял высокопоставленный персидский аристократ Орксин: Александр был недосыгаем и не было альтернативного представителя власти, но он был казнен за самоуправство.<sup>7</sup> Это было совершенно несправедливо: обязанностью Александра было дать указания на случай внезапной смерти сатрапа, а Орксин мог просто поступить в соответствии с системой Ахеменидов. Орксин был врагом фаворита Александра, евнуха Багоя, чьи интриги определенно способствовали подозрениям Александра.<sup>8</sup>

Отстраненные персидские сатрапы были заменены македонцами. Этот процесс и казни персидских аристократов были ударом по надеждам Александра общего персидско-македонского правительства. Но не только персы не выполняли своих обязанностей, македонцы также были склонны к неподчинению и нелояльности. Друг детства Александра Гарпал, его казначей, бежал в Грецию с доверенной ему большой суммой денег.<sup>9</sup> В Египте Клеомен из Навкратиса использовал свое положение, чтобы установить контроль над всем правительственным аппаратом, и необычайно разбогател. Александр, возможно, не мог убрать его на расстоянии, и удовлетворенный тем, что тот продолжал строительство Александрии, поддержал его, сделав сатрапом.<sup>10</sup> Орксин был казнен

за то, что принял на себя контроль над жизненно важной провинцией в чрезвычайных обстоятельствах, Клеомен за узурпацию власти получил повышение — это была пародия на правительство.

Александр приказал своим сатрапам распустить собственные наемные войска.<sup>11</sup> Это должно было разоружить потенциальных оппонентов и уменьшить нагрузку на население. Но некоторые из уволенных воинов стали бандитами, другие возвратились в Грецию, где они собирались на огромном рынке наемников на мысе Тенарон в Спарте, ожидая возможности быть нанятыми. Последствия приказа Александра были недостаточно обдуманы.

Одной из причин для такого приказа могло быть восстание в Бактрии группы греческих наемников, которые поверили слухам о смерти Александра в Индии. Они захватили Бактру, столицу сатрапии, и выбрали царем одного из своих офицеров, афинянина по имени Афинодор. Вскоре они разделились на соперничающие группы: одни хотели вернуться в Грецию, но выборы царя указывают, что другие хотели создать независимое государство.<sup>12</sup> К югу от Бактрии в Арахозии Кратер во время возвращения из Индии со слонами и частью македонских войск встретил несколько взбунтовавшихся персидских чиновников, Ордана (или Озина) и Зариаспа. Он арестовал их. Он привел их к Александру в Карманию в цепях, и они были казнены.<sup>13</sup>

Установление контроля над губернаторами было довольно просто, казнь нескольких быстро разделила остальных на тех, кто всегда был лоялен, и тех, кто бежал и стал таким образом нелояльным. Другой проблемой была армия. Александру нужна была большая профессиональная и эффективная армия для поддержания порядка, устрашения и наказания бунтовщиков и потенциальных бунтовщиков и дальнейших завоеваний. Его войска теперь были смесью греческих наемников, персов, индийцев и его собственных македонцев. Именно македонцев он и должен был контролировать или успокаивать. Они хотели идти домой, показывать свое богатство и свои шрамы и хвастаться своими подвигами. Александр не мог этого допустить,

поскольку, если все они ушли бы домой, он остался бы только со своими бывшими врагами с оружием в руках. Решением проблемы было соблюдение равновесия между обеими этими группами. Была набрана группа персов, некоторые были приняты в царский отряд.<sup>14</sup>

Церемониал и придворные процедуры стали более утонченными, и Александр стал чаще носить мидийское платье. За всем эти стояла необходимость создания более продуманной системы управления, чем существовавшая в Македонии, но его обвиняли в том, что он склоняется к персидской культуре.<sup>15</sup> Он организовал грандиозную свадебную церемонию, в ходе которой около 100 старших македонских офицеров женились на представительницах персидской аристократии — очевидная попытка объединить две военные и правящие элиты. Предположительно 10 000 человек из его людей женились на наложницах и любовницах, которых они приобрели во время своих путешествий. Это была попытка убедить людей не возвращаться назад в Македонию. Сам он взял еще двух жен (помимо Роксаны) — дочерей Дария III и Артаксеркса III.<sup>16</sup>

Частично это была осознанная политика создания источника военной поддержки, альтернативной македонцам, Александр называл ее противовес фаланге.<sup>17</sup> Македонские воины, по меньшей мере рядовые, отвергали это, ясно выражая свои чувства.<sup>18</sup> Их приходилось успокаивать, поскольку пока он не мог обойтись без них, но это было нелегко. Александр выплатил воинам все долги, что стоило его сокровищнице по меньшей мере 10 000 талантов.<sup>19</sup> Он также нанял 30 000 персидских юношей и натренировал их по македонскому образцу.<sup>20</sup> Он провел смотр македонцев, собираясь отправить в отставку тех из них, кто был слишком слабым или неспособным к дальнейшей службе, но они взбунтовались, полагая, что он все еще нуждается в них. Он не поддался на провокацию и велел им уходить. Последовало примирение, но он уволил половину из них, отправив их домой под командованием Кратера — человека, которому он доверял.

Другой задачей Кратера было заменить Антипатра в качестве регента Македонии. Антипатр должен был присоединить-

ся к Александру в Вавилонии и дать отчет о своей службе в качестве вице-царя, приведя с собой еще македонцев. Часто считается, что Антипатр посчитал это угрозой своему положению и даже жизни.<sup>21</sup> Подтверждение этого ищут в основном в том, что Антипатр не отправился в это путешествие, но ему пришлось ждать Кратера, который двигался очень медленно.

Другой проблемой была Греция. Скопление наемников на мысе Тенарон было потенциальной угрозой, их присутствие было веской причиной отправить Кратера и его закаленных ветеранов домой, в Македонию, где они будут постоянным сдерживающим фактором для врагов Македонии на некоторое время. Наемниками часто были политические изгнанники из своих городов, другие становились изгоями в результате гражданских переворотов, некоторые попали сюда в результате македонских завоеваний. Идея Исократу решить эту проблему заключалась в том, чтобы расселить этих людей на завоеванных землях в Азии. Подобные поселения должен был кто-то организовать, а именно царь, подобно тому, как Филипп основал поселения Филиппы и Филиппополь или Афины основали поселение в Херсонесе. Похоже, это не подходило Александру. Основав несколько городов, в основном на востоке, он не предпринимал попыток основывать и другие города.<sup>22</sup>

Вместо этого он приказал, чтобы всем изгнанникам было разрешено вернуться в родные города, и объявил об этом на Олимпийских играх 324 г. до н.э., на которых присутствовали представители всех греческих государств. Это вовлекло почти всех в Греции в непрерывный диспут об обозримом будущем. Некоторые города согласились с этим, но большинство отказались или избежали согласия, цель этого определенно заключалась в том, чтобы отвлечь и ослабить членов союза. Это была антитеза хорошему правлению. Антипатру в Македонии было поручено обеспечить выполнение приказа, продолжить выполнение этой задачи должен был Кратер, когда он добрался бы до Македонии. Ни один из них не был дипломатом, вероятно, им пришлось бы прибегнуть к силе: две основные силы в Греции — Афины и Этолия категорически отказались подчиниться.<sup>23</sup>

В то же время было объявлено также о том, что Александр как *гегемон* союза требует, чтобы города признали его богом. Вероятно, Александр таким образом хотел, чтобы города признали его достижения, а это был единственный способ, как это можно было сделать. Это было на один шаг дальше Филиппа. Александр воспринимал это серьезно, но в Греции это вызвало определенные насмешки, по меньшей мере среди врагов, но многие города, включая Афины, сделали, как он хотел.<sup>24</sup>

Как будто чтобы подчеркнуть деликатность всей ситуации в Греции, Гарпал со своим украденным богатством объявился в Афинах. Он обладал хорошими связями, был другом Александра и происходил из старой царской семьи Элимеи. Один из его братьев Филипп был сатрапом в Индии. Его двоюродный брат Калас был первым назначенным Александром сатрапом — в Геллеспонтской Фригии.<sup>25</sup> Измена Гарпала поэтому была серьезным делом, угрожавшим проблемами в Македонии, а теперь и в Афинах. Он сбежал от суда Александра с 5000 талантов из казны и с ним было 6000 наемников. Афины отказались выполнить приказ Александра позволить изгнанникам вернуться на Самос, поэтому городу грозило наказание со стороны Антипатра. В результате Гарпал стал центром целой группы антимакедонских элементов — наемников, Афин, бывших горных царств Верхней Македонии. Афиняне опасались еще больше впутываться во внутренние дела Македонии, и Гарпал забрал свои деньги и наемников на Тенарон. Он оставил наемников там и вернулся с деньгами в Афины, на этот раз он был принят как проситель. С цинизмом, вполне соответствующим их недавней истории, афиняне конфисковали деньги, а затем позволили Гарпалу бежать из тюрьмы.<sup>26</sup> Совершенно ясно, что это был неподходящий момент для Антипатра оставить Македонию без правителя.

Эти меры Александра, предпринятые в течение короткого периода — немного меньше года, были предназначены, чтобы устранить различные укоренившиеся интересы. Возвращение изгнанников, отставка ветеранов, наем персидских войск, замена персидских сатрапов македонянами, обожествление воздействовали на администрацию его империи во всех отноше-

ниях и угрожали власти людей, которые блокировали его намерения. Проблема заключалась в том, что подобные люди обладали значительной властью на местах и очень не хотели быть отстраненными, их сторонники также не хотели, чтобы они ушли. Это касается Антипатра, демократического режима в Афинах, Клеомена в Египте. Все это выглядит как альтернатива всеобъемлющему обновлению административной системы империи, которая могла занять длительное время. А Александр снова хотел отправиться в кампанию.

Смерть подошла вплотную, когда осенью 324 г. до н.э. умер Гефестион, его самый близкий друг. Он был назначен *хилиархом* (высшим чиновником) империи, хотя его способности не соответствовали поставленной задаче, по меньшей мере так говорили его враги. Александр продемонстрировал крайнее горе: теперь все, что он делал, было экстравагантным, и отправился в кампанию против непокорного горного племени в качестве посмертного жертвоприношения.<sup>27</sup> Весной он провел подготовку к кампании против независимых и более богатых частей Аравии,<sup>28</sup> после этого он намеревался прибыть в Египет, где провел бы по меньшей мере расследование деятельности Клеомена.

Кампания была стандартным ответом Александра на трудности, но это было вряд ли конструктивно. Империя уже была слишком большой, и прежде, чем предпринимать дальнейшее расширение, нужно было решить множество проблем. Для царя отправиться в длительное путешествие (он намеревался обогнуть всю Аравию, что могло занять месяцы) посреди этих проблем означало, что, когда или если он вернется, проблемы станут еще острее.

Такая манера поведения была заметна с самого начала его царствования, в 336 г. до н.э., когда он отказывался жениться и родить наследника в течение двух лет перед началом кампании. Он хорошо умел воевать и, очевидно, наслаждался войной больше, чем чем-либо другим, но он использовал ее, чтобы избежать ответственных решений. Это значит, что он так и не повзрослел. Во многих отношениях он оставался вечным подростком, его предрассудки, импульсивность, беззаботность по

отношению к деньгам, экстравагантное горе по поводу смерти Гепфестиона, нежелание видеть, что необходимо делать и другие дела, любовь к сражениям — все показывает это. Неясно, вырос ли бы он когда-либо, чтобы направлять и вести его, нужен был человек с авторитетом отца. Поставив такую задачу, Антипатр мог бы стать таким человеком, если бы Александр слушал его. Но ни тому, ни другому не представился случай.

В самый разгар подготовки к Аравийской экспедиции Александр заболел и 10 июня 323 г. до н.э. он умер.<sup>29</sup> Это событие окружают теории заговоров: одна из них утверждает, что Антипатр организовал убийство из Македонии и вовлек половину администрации империи в заговор. Это можно сразу отвергнуть как выдумку кабинетных историков и обладающих излишним воображением романистов.<sup>30</sup> За время своей жизни Александр получил множество ран, и не одна из них ставила его на грань жизни и смерти, он слишком много пил,<sup>31</sup> у него была лихорадка, во время которой он продолжал неумеренно пить, он верил, что он бог, Вавилон в разгар лета вряд ли был самым здоровым местом на земле, он не слушал советы врача, человека, которому за десять лет до этого он полностью доверял; перед ним стояли огромные проблемы, от которых он намеревался уклониться, отправившись в кампанию; все окружающие постоянно требовали его времени и энергии. Неудивительно, что он умер. Заключительным актом безответственности явилось то, что, когда его спросили, кому он оставляет свое царство, он ответил: «Сильнейшему», а затем: «Я предвижу великую распрю на моих похоронах».<sup>32</sup>

Эти высказывания вполне могут быть удачной выдумкой, сообщается также, что к этому времени Александр уже ничего не говорил, но они хорошо подходят к жизни этого человека, и он определенно никогда не назначал преемника. Он был великолепным военачальником, мастером во всем, что касалось военного дела — логистики, планирования, подготовки, ведения боевых действий, и был способен приспособить свои военные методы к самым неожиданным ситуациям. Он успешно вел осады, большие сражения, кампании в горах, переправы, преодолевая сопротивление противника, и даже побеждал ко-



чевников в степи на их территории. Он был безжалостен и стал причиной смерти тысяч людей.

Но это было только частью его обязанностей. Как царь он должен был также быть политиком и администратором. В первом он был и умным и решительным и хитрым, столь же безжалостным как и во время войны, но имел склонность скорее создавать неприятности, чем решать проблемы. Вопреки своим способностям к военной логистике и планированию, он был не способен к административной работе, слишком полагаясь на собственную убедительность и силу. Это был метод его отца, но требовалось нечто большее. Его наследием, таким образом, стали исключительно слава и армия, соблазнительные приманки для его последователей, многим из которых потребовалось долгое время, чтобы понять, чего именно не хватает.

Но в то время основным объектом беспокойства для его людей было отсутствие наследника. Единственным оставшимся у него родственником мужского рода был его сводный брат Арридей, который из-за слабоумия был не способен править. У Александра был, по меньшей мере, один сын, Геракл, от связи с вдовой его старого врага Мемнона с Родоса (и дочерью Артабаза) Барсиной. В 323 г. до н.э.<sup>33</sup> мальчику было всего два или три года. Его официальная жена Роксана после выкидыша пару лет назад была вновь беременна.<sup>34</sup> Недавно он взял еще двух жен, подражая своему отцу: дочь Дария III Статиру и дочь Артаксеркса III Оха Парисат, связав себя таким образом с двумя последними персидскими династиями. О них больше никто ничего не слышал: говорили, что Роксана приказала убить Статиру и, вероятно, Парисат.<sup>35</sup>

Помимо сводного брата, у Александра было мало родственников. У него была сестра Клеопатра, вдова царя Эпира Александра и мать сына и дочери, а также две незамужних сводных сестры: дочь Никесиполиды Фессалоника и дочь Аудаты Кинана. Поэтому для тех, кто хотел, чтобы Македонией продолжали править цари из династии Аргеадов, был только один представитель мужского пола — Арридей, хотя он считался слабоумным. Или оставался сын Роксаны, который, по меньшей

мере, должен был быть сыном Александра. Этот вариант можно было бы рассматривать, если бы родился мальчик. Подходящего взрослого претендента не было.

Было, очевидно, необходимо, чтобы кто-либо обеспечил контроль над администрацией и армией как можно быстрее. Распад империи в то время, когда Александр был в Индии, был напоминанием о проблемах, через которые Македония приходила до Филиппа, а на этот раз ситуация имела место в масштабе целого континента. Решением был, очевидно, некий вариант регентства. Малочисленность наличествующих членов царского рода должна была подсказать не одному представителю македонской знати, что царство доступно любому, кто обладает достаточной поддержкой — как сказал Александр «сильнейшему», но каждый, кто предпринял бы попытку предъявить претензии на престол, немедленно становился врагом всех остальных. Никто и не пытался, по крайней мере сразу.

Пердикка был *хилиархом* и владел кольцом Александра с печатью. Это давало ему в настоящий момент контроль над Вавилоном и после некоторых беспорядков и переговоров он смог стать регентом. Арридей, переименованный теперь в Филиппа, и ребенок Роксаны, если бы он оказался мальчиком, вместе стали бы царями.<sup>36</sup> Процесс в основном заключался в переговорах Пердикки с Кратером и Антипатром, но в какой-то момент армия в Вавилоне почти оказалась в состоянии гражданской войны. В результате решение вопроса о царствовании было отложено на многие годы: сын Роксаны (а у нее родился сын) не мог править по меньшей мере еще 16 лет, а Арридей — вообще никогда.

Пока что контролируя ставшего царем Филиппом III Арридея, Пердикка был более или менее уверен в своем положении. Он устранил пехотного военачальника Мелеагра, который руководил попыткой переворота, и распределил должности среди ведущих македонцев. Большинству из них были даны сатрапии. Это обеспечивало контроль над провинциями, и одновременно удаляло их из Вавилона, оставляя Пердикку одного продолжать контролировать царей и администрацию.

Он оставил при себе нескольких верных македонцев, сделал своим заместителем Селевка.<sup>37</sup>

Армия внезапно прекратила требовать возвращения домой, поскольку одним из нововведений нового режима было прекращение политики Александра брать на службу персов и назначать персидских аристократов на высокие посты. Армии был предоставлен решающий голос относительно планов Александра, и, не желая больше отправляться в кампанию, воины проголосовали за их отмену. Македонцы вновь были выше всех. Атропат продолжал быть сатрапом только части Мидии, Фратаферн также, возможно, потерял часть своей парфянской сатрапии, отец Роксаны Оксиарт сохранил свою сатрапию Паропамисады, расположенную на безопасном расстоянии. Администрация Александра в долине Инда практически не пережила его ухода, и Индия была фактически оставлена. Все это было сделано с одобрения македонской армии в Вавилоне. Если бы подобные решения принял царь, подобное одобрение не потребовалось бы, но для регента оно было безусловно необходимо, даже если присутствовала только треть армии. Прекращение планов Александра также предполагало отмену решения о замене Антипатра Кратером, что было, вероятно, частью договора между ними тремя. Все офицеры, кроме одного, женившиеся на персидских женщинах в Сузе год назад, отказались от своих жен, многие из женившихся к тому времени солдат могли сделать то же.

Новости о смерти Александра и суматоха по поводу престолонаследия вызвали две войны — в Бактрии и Греции. В Бактрии большое число греков были оставлены в качестве поселенцев или в гарнизонах, и они решили, что смерть Александра — подходящий момент вернуть их домой. Некоторые участвовали в восстании два года назад, но это было гораздо более крупное выступление. На этот раз они были вновь побеждены. Новый сатрап Мидии Пейтон и македонские войска захватили в плен многих из них, Пердикка приказал убить их, чтобы не позволить Пейтону взять их себе на службу,<sup>38</sup> но часть из них осталась в живых и возвратилась в Бактрию. Филипп, сатрап Бактрии, назначенный Александром и повторно

назначенный Пердиккой, по-видимому, остался в живых.<sup>39</sup> Большинство недовольных на востоке были теперь тем или иным способом устранены, и Бактрия стала теперь основной областью колониального расселения греков (в отличие от македонцев). В регионе уже было несколько основанных Александром городов, поселенцы основали еще и другие.

Смерть Александра была также и смертью *гегемона* Эллинского союза. Теоретически мог быть избран кто-нибудь другой, например Антипатр, но события развивались слишком быстро. Афины предоставили золото Гарпала, и афинский полководец Леосфен, который уже поддерживал активные контакты с лагерем наемников на мысе Тенарон, использовал эти деньги, чтобы нанять армию из наемников. Многие из собравшихся на Тенароне были с Александром, многие другие противостояли ему. Набор среди безработных не мог быть трудным и определенно прошел быстро. И Афины и Этолия возражали против возвращения изгнанных и заключили союз.<sup>40</sup> К ним присоединились другие, но не беотийцы, все еще удовлетворенные разрушением Фив. Спарта осталась вне союза, Аркадия и Мессения сохранили нейтралитет. Этолийцы захватили контроль над Фермопилами, к ним присоединились афиняне, которые мобилизовали свой флот. Антипатр двинулся на юг, но при первом же столкновении из его армии дезертировали фессалийцы, и он отступил, чтобы выдержать осаду в Ламии. В этот момент он предложил сдаться на определенных условиях, но Леосфен настаивал на безоговорочной капитуляции, что означало рабство или казнь. Антипатр отказался.<sup>41</sup> Фактически европейская Македонская империя распалась.

Антипатр направил призывы о помощи к ближайшим македонским силам в Азии. Сатрап Геллеспонтской Фригии Леоннат пересек Геллеспонт со своими войсками, Кратер в Киликии не сдвинулся с места, пока не получил известий, что Пердикка движется на север из Вавилона. Кратер, по-видимому, был озабочен сохранением контроля над Киликией, ключевым узловым пунктом империи. Цель движения Пердикки на север заключалась в установлении контроля над Каппадо-

кий, что обеспечило бы лучшие коммуникации. Кратер не был против того, чтобы поддержать Антипатра, он делал свою работу. Леоннат тем временем соединился с Антипатром и заблокировал Ламию, но погиб в бою. Леосфен также был убит. Антипатр отошел через Фессалию в Македонию. Казалось, что греки выиграли войну.<sup>42</sup>

Македонские командиры одним глазом следили за тем, что делают греки, а другим за ситуацией внутри руководства Македонии. Македонские аристократы начали вести себя как почти независимые правители, образуя союзы между собой. Антипатр предложил одну дочь Пердикке, а другую – Кратеру. Это второе предложение должно было побудить Кратера помочь ему, но также означало и образование союза в македонской политике. В сложившихся обстоятельствах он мог быть направлен только против Пердикки. Леоннат получил еще более соблазнительное предложение от Олимпии – руки сестры Александра Клеопатры, он принял его, но был убит вскоре после этого.<sup>43</sup> Кратер согласился на предложение Антипатра и двинулся на запад, оставив крупное подразделение пехоты Аргираспидов (Серебряные щиты) в Киликии. Он направил флот под командованием Клейта в Эгейское море и повел свою армию к Геллеспонту. Флот Клейта нанес поражение афинскому при Аморгосе в июне, а затем соединился с македонским флотом Антипатра. Вместе два флота вновь встретились с афинским и победили его.<sup>44</sup> Кратер пересек Геллеспонт, чтобы соединиться с Антипатром и получить свою невесту, вместе они повели свои армии на юг в Фессалию. При Кранноне македонская армия встретилась в битве с союзной греческой армией и нанесла ей поражение. Поражения греков в Бактрии и в Европе отстояли друг от друга не более чем на три месяца.<sup>45</sup>

Антипатр отдельно разбирался с побежденными городами. Быстрее всего сдавшиеся Афины подверглись оккупации македонскими военными, был установлен олигархический режим, лидеры демократов были убиты, клерухи изгнаны с Самоса, а остатки флота конфискованы.<sup>46</sup> Этолия, союз горных кантонов, который только недавно превратился в значимое

государство, оказалась более упрямой. Этолийцы увели свое население в горы и противостояли македонскому вторжению. Антипатр и Кратер строили планы борьбы с помощью сочетания грабежа, истребления населения и депортации, но события в других регионах прервали этот процесс. В любом случае они захватили немного этолийцев. Македонцы ушли.<sup>47</sup> Коринфский союз не был восстановлен, а был заменен доминированием Македонии, подкрепленным гарнизонами в Пирее, Коринфе и других пунктах.

К середине 322 г. до н.э. империя Александра таким образом была восстановлена. Македоняне доминировали в Греции, а македонская армия доминировала в Азии. Система управления сохранялась в том же виде, как и раньше: назначались и переназначались сатрапы, а два царя находились под надзором регента. Два возможных соперника Пердикки в борьбе за власть — Антипатр и Кратер были полностью заняты в Греции, сначала улаживая дела после битвы при Кранноне, а затем продолжающимся сопротивлением этолийцев.

Пердикка двинулся из Вавилона на север, чтобы поставить своего протеже Эвмена, бывшего секретаря Александра, сатрапом Каппадокии. Леоннат в Геллеспонтской Фригии и Антигон Одноглазый во Фригии получили приказ завоевать эту землю для Эвмена, у которого было мало войск, но ни один из них не стал заниматься этим. Леоннат был вскоре отвлечен Ламийской войной. Пердикке пришлось самому выполнять эту задачу, для чего пришлось дать крупное сражение,<sup>48</sup> и он намеревался наказать Антигона за халатность. Антигон, вызванный Пердиккой, чтобы объясниться, бежал к Антипатру и Кратеру и объяснил, что Пердикка строит грандиозные планы подчинить и всех остальных. Он не мог знать планов Пердикки, но он говорил с людьми, уже с подозрением относившимися к регенту. Кратер и Антипатр восприняли обвинение как подтверждение своих собственных политических взглядов.<sup>49</sup>

Пердикка был плохим политиком, создавшим слишком много врагов одновременно. Его власть сделала его врагом каждого македонского аристократа, при этом он вел себя неуклюже. К собравшимся в Греции присоединился сатрап Егип-

та Птолемей, который бросил вызов Пердикке, захватив тело Александра, чтобы похоронить его в Александрии, а не в Эги, как намеревался сделать Пердикка. Пердикка ясно продемонстрировал свои амбиции, отвергнув дочь Антипатра Никею и женившись на сестре Александра Клеопатре. Он поставил себя в очень сильное династическое положение, сходное с тем, из которого Птолемей из Алора сделал себя царем. Он начал действия против Птолемея, который оказался в военном отношении равным ему. В лагере в Пелузии после катастрофы, в которой 2000 воинов Пердикки утонули во время разлива Нила, группа его офицеров под руководством его заместителя Селевка решила убить его.<sup>50</sup>

Кратер и Антипатр переправились в Малую Азию, как это отдельно от них сделал и Антигон. Первым двум противостоял Эвмен, оказавшийся умелым командиром, он встретился с Кратером в битве, в которой Кратер был убит.<sup>51</sup> Смерть и Кратера и Пердикки упростила ситуацию, и теперь македонцем с самым большим престижем стал Антипатр. На встрече верхушки в Трипарадизе в Сирии Антипатр был сделан регентом, а Антигону была поручена забота о царях с сыном Антипатра Кассандра в качестве его *хилиарха*. Это решение действовало недолго, так как Кассандр не доверял Антигону и убедил своего отца взять царей под свой собственный контроль. Антипатр был очевидной кандидатурой на место регента с учетом его ранга и опыта, и, возвращаясь в Македонию, он взял царей с собой. Сейчас ему было около 80 лет, он был последним из представителей поколения Филиппа у власти, что, как и его контроль над царями, давало ему определенный моральный авторитет.

Оставался еще Эвмен и его армия. Антипатр, вместо того, чтобы самому выступить против Эвмена и, используя свой престиж и авторитет, договориться с ним, что как регент он определенно бы сделал, поручил Антигону как «*стратегу царских войск*» или, возможно, как «*стратегу Азии*» заняться этим с бывшей армией Пердикки.<sup>52</sup> Это была политика, которую всегда использовал Антипатр: прежде всего сила и никакой дипломатии. С Эвменом, возможно, можно было бы догово-

риться с помощью дипломатии, поскольку самым сильным политическим верованием его была лояльность Филиппу II и его семье, но реальных попыток убедить его не было сделано.

После нескольких смертей было необходимо перераспределение сатрапий. Убийцы Пердикки были награждены Вавилоном (Селевк) и Сузианой (Антиген). Антигон был утверждён во Фригии и других его землях в Малой Азии, как и Птолемей в Египте.<sup>53</sup> Антипатр не был очень заинтересован всем этим. Он контролировал царей, большую часть македонской армии и само царство. Это он определенно считал важнейшими элементами власти, но, не побывав в великих кампаниях Александра, он не имел реального представления о том, что такое Азия, и это сказывалось на оценках других. Наследием Александра был также и общий опыт его анабасиса.

С самого начала регентства Пердикка был окружен подозрениями и амбициями своих товарищей македонцев. Он был совсем не тем человеком, который мог внушать лояльность, и большая часть людей, которым он покровительствовал, предали его тем или иным образом: Пейтон, Селевк, Антиген. Но он выполнил главную стоявшую перед ним задачу: приняв регентство, он сохранил единство империи. И все же первые трещины в этом единстве появились именно вследствие его политики, когда он не смог наказать Птолемея в Египте. Под властью Антипатра империя Александра все еще была единой, но игнорировалась основная проблема – растущая автономия сатрапов. Александр пытался наказывать их, но умер раньше, чем сумел этого добиться: теперь они убивали друг друга. Это вовсе не было необычным для периода начала царствования нового царя в Македонии. Убийство Филиппа II сопровождалось такими же событиями, а смерть Александра вызвала обычный набор убийств, которые следовали за смертью каждого македонского царя. Устранение некоторых командиров расчистило поле, оставив во главе одного старика. По крайней мере, так казалось.

Договор в Трипарадизе привел Антипатра к власти, но он больше не был готов к этой миссии. Его поведение во время Ламийской войны вряд ли было компетентным, его легкове-



рие, когда Антигон обвинил Пердикку в заговоре, заслуживало порицания, а его уступчивость в Трипарадизе была слабостью ленивого пожилого человека, которого нельзя больше беспокоить. Как регент он мог обладать авторитетом, но он сразу вернулся в Македонию. Было просто невозможно управлять империей оттуда, это понимал даже Александр. Назначив Антигона управлять в Азии, Антипатр отрекся от ответственности за основную часть империи и возвысил самого амбициозного человека в своем окружении на пост с наибольшими возможностями. Антипатр знал о чрезмерных амбициях Антигона и отказался отдать ему царей, но не сделал очевидных логических выводов из этого. Когда в 319 г. до н.э. он умер всего через несколько месяцев после Трипарадиза,<sup>54</sup> не осталось никого из македонцев с его личным авторитетом и в этот год единство империи было окончательно нарушено.

## *Обзор мира II: 319 г. до н.э.*

Между 325 и 319 гг. до н.э. большая часть земель между Адриатическим морем и рекой Инд находилась под властью одного человека: сначала Александра, затем Пердикки, затем Антипатра. За этот краткий период Греция, Македония, Персидская империя и долина Инда теоретически были едины. Конец этого периода — хорошая отправная точка, чтобы взглянуть на другие регионы. Последние планы Александра включали завоевание Аравии и, возможно, нападение на Карфаген. В последний год его жизни в Вавилоне находилось посольство из Рима, предположительно для того, чтобы выяснить, что он намеревался делать в Италии. Безусловно, он как-либо попытался бы компенсировать неудачу вторжения в Индию.

Аравия, Карфаген, Италия и долина Ганга — вот те области все еще вне империи, где, как было известно, функционировали признанные государства. Если аппетит растет по мере еды, то Александр, начав с поисков отмщения за персидское вторжение в Грецию, закончил тем, что вознамерился завоевать весь мир. Его окончательные планы были нацелены поэтому на реализацию этих амбиций.<sup>1</sup>

После его смерти воины быстро оставили эти планы, когда Пердикка спросил их об этом.<sup>2</sup> Это был один из ключевых моментов распада империи. Амбиции великих людей теперь были направлены друг против друга. Только активный царь мог контролировать таких людей, предпочтительно посылая их завоевывать все больше земель. Были регионы, которые формально составляли часть империи, но фактически уже вышли из нее. Пердикка определил два из них: Каппадокию и Пафлагонию в Малой Азии, оба выразили покорность Александру в 334 г. до н.э., но в 322 г. до н.э. они были независимы. Потребовалось полномасштабное сражение и потери в несколько тысяч человек, чтобы вернуть Каппадокию в состав

империи.<sup>3</sup> Империя Александра была очень неоднородным образованием, гораздо больше, чем ее персидский предшественник.

Посольство Рима к Александру – не вполне доказанное событие, но Рим по меньшей мере очень интересовался происходящим.<sup>4</sup> За сорок лет после восшествия на престол Филиппа II могущество города значительно выросло. В результате войны с партнерами по Латинскому союзу образовался реорганизованный союз, который гарантировал четкие права городам союза, а также освободил значительные военные силы под командованием Рима. Как и система Александра, это была политика, которая была или агрессивна или страдала от внутренних разногласий, в результате начался процесс экспансии, который ко времени смерти Александра привел Рим очень близко к положению великой державы в Италии. Правда, через два года в 321 г. до н.э. Рим потерпел поражение в войне против горной конфедерации самнитов, но все еще сохранял контроль над городами Кампании, которым самниты угрожали не меньше, чем самому Риму. Контролируя и Лациум, и Кампанию, Рим владел самыми богатыми и наиболее населенными районами полуостровной Италии: значительной географической базой для роста города.<sup>5</sup>

Греческие города в Южной Италии также находились под угрозой расположенных в глубине суши италийских городов и обращались за помощью к своим родным городам в старой Греции. Таренту помогали дважды: сначала царь Спарты Архидам в 342 г. до н.э., а затем царь Молоссии Александр в 333 г. до н.э. Оба добивались определенных успехов, пока не погибли в боях.<sup>6</sup> Основной причиной проблем в Южной Италии был медленный коллапс монархии в Сиракузах. Дионисий II был не таким безжалостным, как его отец, и в 357 г. до н.э. его дядя Дион возвратился из изгнания и сверг его. Дион после этого был убит, и тирания рухнула. В 347 г. до н.э. Дионисий II возвратился в Сиракузы, но к этому времени оппозиция окрепла, и он смог восстановить свою власть только в самих Сиракузах. Оппозиция обратилась за помощью в Коринфу, метрополию сиракузян.

Вместо того чтобы прислать царя и армию, Коринф направил только одного человека – Тимолеона, который оказался государственным деятелем необыкновенных способностей. Он отстранил Дионисия, перестроил Сиракузское царство, отрадил вторжение Карфагена, предоставил греческим государствам на Сицилии локальную независимость, а затем удалился, чтобы жить в качестве обычного гражданина, и умер в 337 или 336 г. до н.э.<sup>7</sup> Эти необычайные события происходили в то же самое время, когда Филипп объединял Грецию, только время могло сказать, будет ли этот успех долговременным. Сицилия была склонна к таким крупным переменам: амбиции к завоеванию со стороны Карфагена или стремление к монархическому правлению некоторых из греков совершенно не исчезли. В 325 г. до н.э. один из таких амбициозных людей, Агафокл, был отправлен в изгнание. Интригами он добивался возвращения и в 319 г. до н.э. сумел это сделать. Сиракузы всегда были центром силы греческой империи на Сицилии и монархией, а Агафокл был еще более амбициозным человеком, чем Дионисий, и столь же жестоким.<sup>8</sup>

Такой была часть фона, на котором разворачивались планы Филиппа и Александра. Они определенно принимали в расчет экспедиции Архидама и Тимолеона в 340 гг. до н.э., поскольку тираны Сиракуз всегда были склонны вмешиваться в события в старой Греции, а Спарта была самым закоренелым врагом Македонии. Когда оба города были чем-то отвлечены, а царь Эпира Александр также принял участие в этих событиях – он отправился в Италию в 334 г. до н.э., македонские цари могли не беспокоиться относительно вторжения с запада во время завоевания востока. С учетом всей этой политической активности соседей римляне вполне могли направить посольство, чтобы определить намерения Александра. Действия Рима в Кампании, действия Агафокла в Сиракузах и царя Эпира Александра в Южной Италии могли стать основанием македонского вторжения во имя освобождения греческих городов или даже как месть за смерть мужа сестры Александра.

Жестокая компания Александра в Индии вполне могла стоять перед глазами его солдат, когда они отвергли его планы,

поскольку кампания на западе была бы столь же неприятной и трудной. Завоевание большей части Персидской империи потребовало трех битв (Граник, Исс, Гавгамелы), трех серьезных осад (Галикарнас, Тир, Газа) и кампании в Бактрии. Необходимо было только нанести поражение армии персидского царя, чтобы захватить власть над всей империей от Геллеспонта до Восточной Персии. Сопротивление Бактрии и Согдианы было или могло казаться в ретроспективе предупреждением о том, что будет в Индии. На западе все было по-другому. Кампании велись бы против отдельных городов или племен, каждое из которых сопротивлялось бы совершенно так же, как в Индии, а возможно, и еще более ожесточенно. Александра могли радостно встретить в Южной Италии, но не в Сиракузах, не говоря уже о том, что ни Карфаген, ни Рим не были бы легкой добычей. Можно было ожидать, что Карфаген организует примерно такое же сопротивление, как его метрополия Тир, а каждый город или племя Центральной Италии сражались бы с Александром так же, как некоторые из них сопротивлялись его зятю. Самниты также не сдались бы без борьбы. В результате кампании в Индию погибло очень много македонян и даже еще больше индийцев. Была разрушена сложившаяся политическая система общества. Кампания Македонии на западе могла быть столь же неприятной и разрушительной.

Долина Инда после ухода Александра переживала период беспорядков. Двое из его сатрапов были убиты еще в то время, пока он шел через пустыню в Гедрозии, и при распределении постов в Вавилоне Индию в основном игнорировали. В Трипарадизе Паропамисады остались за Оксиартом, отцом Роксаны, но сама Индия была передана индийским царям Пору и Таксилу, поскольку устранить их было невозможно, по крайней мере для Антипатра.<sup>9</sup> Порядок предстояло установить человеку, которого, как считали греки, вдохновил Александр. Согласно более поздней легенде Чандрагупта Маурья мог встречаться с Александром в Пенджабе.<sup>10</sup> Более важно, что он был политическим противником династии Нандов в Магадхе, которая в значительной степени объединила долину Ганга под своей властью. Она могла быть следующей жертвой Алексан-

дра, если бы он смог убедить свою армию двинуться на восток. Положение Нандов было неустойчивым, и оказалось столь же уязвимым, как и персов. В 321 г. до н.э. после падения Пердикки Чандрагупта сверг царя Нандов в результате государственного переворота и в 317 г. до н.э. отобрал контроль над Пенджабом у Пора и Таксила. Всего через шесть лет после смерти Александра Северная Индия от перевала Хайбер до Дельты Ганга была объединена в единую империю.<sup>11</sup> Если бы Александр начал реализовывать какой-либо из своих предполагаемых планов в Индии, то именно в это время ему пришлось бы иметь дело с Чандрагуптой. Вполне возможно, что его воинов не радовала такая перспектива. Влияние действий Александра таким образом распространялось далеко за пределы его формальных границ на запад до Атлантики и на восток до долины Ганга. Его карьера вдохновила Чандрагупту на великие дела, и вскоре Агафокл на Сицилии будет подражать ему. Это было одним из побудительных мотивов экспансии Рима в следующем поколении хотя бы для того, чтобы предотвратить возможное македонское вторжение. Когда Октавиан достиг Александрии три столетия спустя, он приказал открыть саркофаг Александра, чтобы посмотреть на его предполагаемое тело.<sup>12</sup> Влияние Александра прошло через время и через пространство; его достижения с тех пор были образцом для каждого завоевателя.

В совершенно отдельной политической системе Китая, где Александр был неизвестен, прошли предварительные стадии процесса, который в следующем столетии приведет к появлению другой объединенной империи. Начало расширяться приграничное государство Цинь – самое западное из комплекса образований вдоль Желтой реки. Его воины были закалены постоянными пограничными войнами. Два очень способных правителя князя Сянь и Сяо правили с 385 по 338 гг. до н.э. и провели реформы, которые увеличили военные силы и повысили эффективность системы управления. Их ближайший сосед царство Вэй серьезно пострадало в результате войны с Ци на востоке в 340 -х гг. до н.э., и Цинь и Ци в последующие десятилетия совместными действиями разделили земли Вэй. Го-

сударство Цинь начало направлять свои закаленные войска против городов внутри страны, так же как Македония, воины которой закалялись в битвах с иллирийцами и фракийцами, а затем обратились против греческих городов. Этот период не зря называется в Китае Эпохой воюющих государств. Цинь стало одной из трех или четырех великих держав Китая, подобно Риму на западе, и сходными средствами: дисциплинированная военная машина и внутренняя потребность продолжать завоевания. По сравнению с Македонской империей, однако, государство Цинь построило эффективную и хорошо отлаженную систему управления.<sup>13</sup>

*Антигон Одноглазый, 319–311 гг. до н.э.*

Смерть Антипатра устранила единственного человека, который мог претендовать на то, чтобы быть правителем всей македонской империи, сколь бы слабо он ни осуществлял это правление. В качестве своего преемника и регента он назвал Полиперхона,<sup>1</sup> человека мало уважаемого, и назначил Антигона на опасно неопределенную должность полководца Азии. Оба назначения были сразу проигнорированы и отвергнуты другими. Полиперхон был свергнут сыном Антипатра Кассандром, который в завещании Антипатра был назван *хилиархом*, но ожидал получить самый высший пост. Эта пустота в центре и амбиции Антигона означали, что многие сатрапы будут делать то, что захотят, никто из высших сатрапов не имел власти или силы контролировать их. Некоторые уже с самого начала вполне могли действовать исключительно в своих интересах, очевидно в этом можно подозревать Антигона, Птолея, Пейтона. Они могли намереваться отрезать себе кусок империи и добиться независимости, или могли нацеливаться на всю империю. Одни при изменении условий переходили от одного варианта к другому. Другие восприняли урок впечатляющей карьеры Александра, что достаточно иметь армию и выигрывать сражения. До тех пор, пока мелкие споры не закончились, это был самый запутанный период.<sup>2</sup> Первоначальной задачей Антигона было уничтожить последних сторонников Пердикки, включая его брата Алкета и сатрапа Каппадокии Эвмена. Оба действовали в Малой Азии, хотя Алкет был быстро разбит и совершил самоубийство в Термессосе.<sup>3</sup> Антигон изгнал также других местных сатрапов Арридея из Геллеспонтской Фригии и Клейта из Лидии. Они были поставлены Антипатром, чтобы ограничить влияние Антигона.<sup>4</sup> Это были выдающиеся люди. Арридей некоторое время до встречи в Трипарадизе был регентом,



а Клейт был командующим победоносным флотом в Ламийской войне. Клейт соперничал с Антигоном и бежал к регенту. Антигон теперь отказался признать назначение Полиперхона, трактуя свое положение в качестве *стратега* Азии в самых широких пределах. Он стал фактическим правителем всей западной и центральной части Малой Азии вскоре после смерти Антипатра. Получив бывшую армию Пердикки и набирая и включая в нее войска своих бывших врагов, он стал командующим самой большой армией к востоку от Геллеспонта.

Полиперхону противостоял Кассандр, который захватил контроль над македонскими гарнизонами в Греции. Кассандр никогда не выказывал стремления править всей империей, но он настаивал на том, что он должен иметь что-то наподобие власти Антипатра по праву наследования. Таким образом стало ясно, что один человек претендует за часть империи — историческую Македонию, — основывая свои претензии на том факте, что его отец правил ей. Длительное пребывание Антипатра вице-царем Македонии (334—319) определенно расположило часть населения в пользу претензий Кассандра. Антигон, в интересах которого было ослабить власть Полиперхона, специально направил Кассандру некоторое количество войск. Кассандр также вступил в контакт с Птолемеем, который был женат на его сестре Эвридике.<sup>5</sup> Кассандр и Полиперхон нейтрализовали друг друга, и Антигон мог двинуться на восток против Эвмена.

Полиперхон отправил новую комиссию к Эвмену, чтобы набрать войска от имени царей. Эвмен убеждал оставленных Кратером в Киликии аргираспидов присоединиться к нему во имя регента и царей. Эти «Серебряные щиты» были наводящим ужас отрядом старых солдат, которые, без сомнения, понимали, что Эвмен играет на их эмоциях и их лояльности царской семье Македонии. Он приказал поставить пустую палатку, в которой он общался с духом Александра, чей пустой трон был объектом поклонения и возжигания фимиама перед встречей. Старые солдаты принимали это. Эвмен в конце концов имел права на своей стороне, и демонстрация царских одея-

ний и символов была напоминанием о законности его командования.<sup>6</sup> Становилось все более очевидно, что его оппоненты Антигон, Кассандр, Птолемей намеревались или устранить царей, к которым эти люди были лояльны, или отрезать себе куски империи, в завоевании которой они участвовали. Аргираспиды были одновременно и мощным боевым подразделением и могущественным символом единства империи.

Птолемей в качестве сатрапа Египта начал действовать как лояльный подданный. Он быстро устранил Клеомена, который помог ему обрести популярность в Египте. Он расширил империю с помощью умелого сочетания убеждения и устрашения в Киренаике, осуществив таким образом часть планов Александра на западе.<sup>7</sup> Он утверждал, что желанием Александра было быть похороненным в Египте, и это надо уважать, вопреки намерениям Пердикки похоронить его на традиционном царском кладбище в Эги. Оба использовали этот вопрос в своих собственных политических целях, но Птолемей действовал в соответствии с желаниями Александра, убедив Арридея направиться в Египет, а не в Македонию.<sup>8</sup> Ничто из этого не было признаком стремления к независимому правлению.

Птолемей окончательно перестал быть лояльным после убийства Пердикки. Он считал, что на него несправедливо напали, и он защищался, а смерть Пердикки могла рассматриваться как казнь человека, чьи намерения вознеслись слишком высоко, приведя к смерти македонских солдат. Во время встречи полководцев после убийства Птолемею предложили стать регентом. Если бы он принял это предложение, ему пришлось бы оставить Египет кому-либо еще, он вступил бы в политическое противостояние с приближающимся Антипатром, и ему пришлось бы попытаться поставить под контроль этих непокорных македонцев. Он отказался от должности, оставшись вместо этого сатрапом Египта. Это было негласное объявление независимости.<sup>9</sup>

Птолемей был одним из самых успешных политических деятелей того времени. Его власть над Египтом, страной, склонной принимать иностранных правителей, была полнос-

тью воспринята самими египтянами. Он был умелым администратором, его дипломатия почти всегда была умной и гибкой. Он не обладал выдающимися военными способностями, но его политический расчет обычно был верным и понимание геополитики всегда было правильным. Его ошибки и поражения никогда не угрожали его основной базе. Эти качества, по-видимому, могли бы помочь ему в качестве регента по меньшей мере задержать распад империи Александра. Вместо этого он стал одним из ее первых разрушителей.

Решение Птолемея удерживать Египет, не считаясь с остальной империей, сделало необходимым для него прежде всего защитить свою сатрапию. Египет был уязвим для атак прежде всего со стороны Сирии, его трижды завоевывали в недавнем прошлом с этого направления, и ему угрожал Пердикка. Персидское завоевание было задержано тем, что Египет контролировал Финикию и Кипр. Решение Птолемея было таким же: двинуть свои оборонительные заслоны вперед. В 319 г. до н.э. после смерти Антипатра, но до побед Антигона над Алкетом и Арридеем, Птолемей двинулся в Сирию и захватил контроль над ней до Финикии. Он изгнал сатрапа Лаомедона из Митилены, который укрылся с Алкетом в Малой Азии — плохой выбор.<sup>10</sup> Птолемей вступил в контакт с царями нескольких кипрских городов. Финикия и Кипр были традиционными источниками дерева для египетского кораблестроения. Птолемей таким образом восстановил Египетское царство в том виде, каким оно было при последних независимых фараонах. В споре между распадом и единством Кассандр и Птолемей выступили против Эвмена и Полиперхона. Антигон склонялся к первым, хотя действовал только в интересах собственных амбиций. Помогая Кассандру, он подрывал имперскую идею, персонафицированную Полиперхоном, главенство которого над собой он отказывался признать. Изгоняя других сатрапов из их владений в Малой Азии, он строил собственную державу, сначала возвращаясь к положению, сходному с тем, которое он занимал при Александре. В этом ему противостоял Эвмен, полученная которым у Полиперхона должность была похожа на ту, которую Антигон получил от Антипатра. Действуя в ин-

тересах сохранения империи, Эвмен поставил себя против и Антигона и сторонников раздела. Когда Лаомедон бежал к Алкету, он утверждал, что и Птолемей и Антигон действуют против единства империи.

Антигон выступил вслед за Эвменом, который отступил в Сирию, и это заставило Птолемея вернуться в Египет. Птолемей обратился к «Серебряным щитам», но они оставались лояльными царям и Эвмену.<sup>11</sup> Эвмен двинулся на восток, вынудив Селевка в Вавилоне принять ту или другую сторону. Он выступил против Эвмена, хотя, возможно, он в такой же степени без энтузиазма относился и к Антигону.<sup>12</sup> Эвмен пошел еще дальше на восток и в Сузах соединился с группой восточных сатрапов, которых ему удалось объединить. Они только что сумели блокировать локальные амбиции Пейтона из Мидии.

Мидия была наиболее важной сатрапией на востоке, и Пейтон стремился сам стать правителем на востоке. Это заставило других восточных сатрапов в Бактрии, Арахозии, Кармании, Персии и других оказать ему сопротивление.<sup>13</sup> Для этих людей сохранение единой империи было предпочтительнее намерений и Пейтона и Антигона. Палатка Александра пригодилась: Эвмен установил хрупкое главенство над востоком. В их конфедерацию он внес свои войска, возможно гораздо более убедительный аргумент, чем воображаемый Александр. В ответ Пейтон, Селевк и Антигон объединили свои силы.<sup>14</sup> К этому времени борьба шла за контроль над всей империей.

Армии Антигона и Эвмена сражались друг с другом в Персии в течение 317 и 316 гг. до н.э., то есть кампания продолжалась целых два года, начавшись в 318 г. до н.э. Они сталкивались в крупных сражениях и вели изобретательные кампании, наконец весной 316 г. до н.э. Антигон добился преимущества. Один из многих союзников Эвмена предал его; в битве при Габиене обоз аргираспидов (включая их семьи) был захвачен конницей Антигона. В качестве выкупа они выдали Эвмена. Он был казнен.<sup>15</sup>

На западе объединители терпели постоянные поражения. Полиперхон обратился за помощью к грекам, выпустив про-

кламацию, в которой он обещал вернуть грекам свободу, вернувшись к системе Филиппа и Александра вместо военной оккупации Антипатра;<sup>16</sup> это должно было выбить почву из-под ног Кассандра. Но флот Полиперхона был уничтожен флотом Антигона, а Кассандр переиграл его в борьбе за поддержку греков, убрав гарнизон из Афин и установив в городе симпатизирующий ему режим под руководством философа Деметрия Фалерского.<sup>17</sup>

Со своей базы в Афинах Кассандр двинулся в Македонию, захватил контроль над царем Филиппом III и был приветливо встречен македонцами.<sup>18</sup> Обладание этой базой позволяло ему вернуться и восстановить доминирование в Греции. Полиперхон с царем Александром IV (которому в это время было шесть лет) и Роксаной двинулся на Пелопоннес. Филипп III был женат на Эвридике, внучке Филиппа II (своей собственной племяннице), и находился полностью под контролем своей энергичной жены. Она встала на сторону Кассандра и организовала провозглашение Кассандра регентом при своем муже.<sup>19</sup> Полиперхон вступил в контакт с находившейся в Эпире Олимпией и передал юного Александра ей; она вторглась в Македонию. Собранная Эвридикой, чтобы противостоять старой Олимпии, армия не хотела воевать в такой войне и сразу перешла на другую сторону.<sup>20</sup>

Таким образом Олимпия получила контроль над Филиппом III и Эвридикой, которых она убила. Затем она начала убивать сторонников Кассандра, уничтожив добрую сотню македонских аристократов.<sup>21</sup> Общественное мнение в Македонии, которое в целом приветствовало ее возвращение, быстро изменилось. Кассандр вытеснил ее в город Пидна и осадил его. В 316 г. до н.э. она сдалась, и Кассандр предоставил решение ее судьбы македонской армии на Собрании; вскоре после этого она была казнена.<sup>22</sup> Роскане и Александру сохранили жизнь, но они были строго изолированы в Амфиполе.<sup>23</sup> Кассандр женился на другой дочери Филиппа II Фессалонике, дочери фессалийки Никесиполиды и сводной сестре царя Александра.<sup>24</sup> Это был нарочито амбициозный жест, или как защита для Александра (и Роксаны) или чтобы войти в царскую семью

Македонии в качестве претендента в случае смерти мальчика. Это определенно помогло его отношениям с македонцами и фессалийцами, и в конце 316 г. до н.э. Кассандр стал хозяином Македонии и Греции. Полиперхон уцелел, но без какого-либо из царей у него было мало сил.

Антигон показал себя смертельно опасным для сатрапов, назначенных в Трипарадизе. Помимо тех, за кого он несет ответственность в Малой Азии, теперь он устранил и некоторых на востоке: сместил в Персии предавшего Эвмена Певкеста, а возвращаясь на запад, Антигон изгнал Селевка из Вавилона. Командир «Серебряных щитов Антиген», один из убийц Пердикки и сатрап Сузианы, теперь сам был убит.<sup>25</sup> Пейтон, самый опасный на востоке, был уличен или просто обвинен в стремлении увеличить свою власть и был казнен.<sup>26</sup>

Подобно Антипатру Антигон не имел опыта великих сражений в Бактрии и Индии; он не знал Востока, большая часть оставшихся в живых сатрапов были восстановлены, некоторые из аргираспидов отправлены на восток, чтобы убрать их с дороги.<sup>27</sup> Антигон снова вернулся на запад, и теперь его действия демонстрировали масштаб его амбиций. В Вавилоне он потребовал, чтобы Селевк предоставил отчеты об управлении сатрапией, подобная инспекция гарантированно должна была обнаружить или изобрести злоупотребления. Не существовало определенного набора правил ведения финансовой деятельности в сатрапиях, поэтому обнаружить несоответствия было очень легко. Аудит был преддверием ареста и казни Селевка. Не имея сил для сопротивления, Селевк бежал. Он сумел взять свою семью и эскорт из 50 воинов; по-видимому, поездка была подготовлена заранее. Поведение Антигона в Персии было достаточным предупреждением.<sup>28</sup>

Только царь или его регент имели право потребовать от сатрапа дать отчет о своем управлении провинцией, поэтому требование Антигона означало, что он ставит себя именно в такое положение. Он все еще оставался «стратегом Азии», и, без сомнения, это было формальным основанием действовать против Селевка, но его власть теперь простиралась от восточных сатрапий до Геллеспонта и до границы

Египта. Он должен был попытаться подчинить остающихся независимыми сатрапов.

Селевк бежал к Птолемею в Египет и объяснил ему, что делает Антигон.<sup>29</sup> Для обоих было ясно, что Антигон намеревается восстановить империю Александра под своей собственной властью. Птолемею должно было стать понятно, что несмотря на его молчаливый союз с Антигоном против Эвмена двумя годами раньше, теперь сам Птолемей подлежал устранению.

Рассказ Селевка и его толкование событий на востоке убедили Птолемея. Селевк направил послов объяснить ситуацию Кассандру и Лисимаху во Фракии, единственным сатрапам на западе, все еще остававшимся неподконтрольными Антигону,<sup>30</sup> таким образом поступая по отношению к Антигону так же, как тот сделал это с Пердиккой. Кассандра вскоре удалось убедить, присоединился и Лисимах, который вполне мог стать мишенью раньше Кассандра. Одной из новостей, которые мог сообщить Селевк, была величина богатства, которое теперь контролировал Антигон: военная добыча в 25 000 талантов, полученная при захвате сокровищ империи в Экбатане, Сузах и Персеполе, и ежегодный доход 11 000 талантов.<sup>31</sup> Он также завербовал значительную часть бывшей армии Эвмена. Ни один из союзников не мог соперничать с таким богатством или людскими ресурсами, даже Птолемей с резервами Египта, а Кассандр и Лисимах по сравнению с этим были просто бедными, Селевк же был совсем разорен.

Но все они были сатрапами, законно назначенными на встрече в Трипарадизе, которая произошла до назначения Антигона *стратегом*. Они выпустили совместный ультиматум, основанный на законных правах, которые Антигон не мог отрицать. Таким образом люди, стремившиеся развалить империю, провозглашали свою лояльность ей в противовес человеку, который стремился восстановить ее единство. Их требования заключались в том, что Антигон должен распределить полученные им сокровища более равномерно, и поскольку так много сатрапий были вакантны, он должен был согласиться на их дальнейшее перераспределение. Подразумевалось, что

сторонники и клиенты Антигона не получают преимуществ и что Селевк должен возвратиться в Вавилон. Ответом Антигона было альтернативное предложение, что переговоры должны вестись исходя из того, кто чем владеет в настоящий момент. Предложения переговоров с обеих сторон были фактическим объявлением войны.<sup>32</sup>

Действия Антигона на востоке полностью игнорировали это: большая часть сатрапов, которые присоединились к Эвмену, были оставлены на месте. В Вавилонии Селевк был заменен Пейтоном, сыном Агенора, который был сатрапом части Индии, пока не был изгнан. Новый сатрап Мидии Никанор заменил казненного Пейтона, и ему была дана неопределенная роль вице-царя, чтобы присматривать за Востоком. Это было именно то, против чего восточные сатрапы возражали раньше. Антигон нашел бы очень слабую поддержку к востоку от Мидии, и если бы обстоятельства складывались не в его пользу, восточные сатрапы, вероятно, выступили бы против него. Это было одной из причин, которые привели в конце концов к его поражению.

Восточных сатрапий было много – Арея, Парфия, Арахозия, Сузиана, Персида, Бактрия, Согдиана, Паропамисады, – и по отдельности они не имели особого значения в смысле военной или политической силы. Большая часть занимавших должности людей не играли значительной роли в войнах Александра, но к тому времени, когда Антигон победил Эвмена, некоторые из них находились на своем месте уже до десяти лет. Их не очень беспокоили власти центрального правительства, и они обрели сильные местные корни. Они стали успешными администраторами, то есть они действовали во многом подобно Филиппу II в Македонии, или как это делали персидские сатрапы. Посягательство на власть сатрапов со стороны Антигона или Пейтона встретило бы сопротивление. Даже хотя в распоряжении этих людей было небольшое количество воинов, объединившись, эти силы были значительны, а мидийская и бактрийская конница была очень сильна.

Антигон возвращался на запад очень медленно. Совместный ультиматум был доставлен зимой 316/315 г. до н.э., и вес-



ной он достиг Сирии. Когда Антигон и Эвмен продвинулись на запад, Птолемей вновь занял Южную Сирию.<sup>33</sup> Антигон избрал ее в качестве своей следующей цели и двинулся туда. Птолемей сделал основным оборонительным пунктом Тир. Антигону потребовался год, чтобы захватить город, в то время как в другом месте в Финикии он строил новый флот. Его следующей целью, вероятно, должны были стать Египет или Греция, а возможно и обе страны.<sup>34</sup>

Антигон также выпустил прокламацию, по которой греческие города должны были быть освобождены от оккупировавших их гарнизонов, и направил агентов по всей Греции, чтобы распространить это известие и набирать наемников. Он повторял действия Полиперхона, но в их реализации оказался намного эффективнее.<sup>35</sup> Это было серьезной угрозой положению Кассандра в Греции. Антигон пытался подорвать власть Кассандра изнутри самой Македонии, предлагая предать его суду за его обращение с Роксаной и царем Александром, и обвинял Кассандра в том, что тот незаконно основывал города.

Обоснованием всех этих действий Антигона был заключенный им договор с Полиперхоном, который согласился передать регентство Антигону в обмен на то, что Антигон назначил его командующим на Пелопоннесе. Это могло быть цинично, но соответствовало новому положению Антигона во власти. Обе стороны в этом конфликте использовали концепцию единства империи для того, чтобы получить поддержку, это показывает, что общественное мнение поддерживало это единство. Антигон использовал свою армию в качестве Собрания Македонии, чтобы ратифицировать свои действия.<sup>36</sup> Определенная законность была важна даже для Антигона.

Селевк с предоставленным им Птолемеем флотом плыл вдоль берегов Финикии, бросая вызов Антигону. Возможно, он вступил в контакт с настроенными против Антигона сатрапами на собственной территории Антигона в Анатолии и в качестве базы избрал Кипр и убедил сатрапа Карики Асандра присоединиться к коалиции. Асандр, должно быть, уже задумывался над этим. В Лидии находились значительные силы Антигона под командованием его племянника Полемея, воз-

можно в качестве оборонительных сил, но они, очевидно, угрожали и настроенному на независимость сатрапу региона, а Асандр был как раз таким. Кассандр направил армию в Анатолию через черноморский порт Амис под командованием полководца Асклепиодора, который двинулся на юг в Каппадокию. Его задачей было предположительно отвлечение, но Каппадокия была одной из сатрапий, которую ультиматум союзников требовал отдать.<sup>37</sup>

Точная хронология событий этой войны затруднительна, но похоже, что большая часть ее прошла, когда Антигон был занят в Финикии.<sup>38</sup> Когда у него появились корабли, осада быстро завершилась, и летом 314 г. до н.э. его флот отплыл в Эгейское море. В стратегическом смысле Антигон занимал центральное положение и мог выбрать нападение в любом направлении. Самыми сильными из его противников были Птолемей и Кассандр, и он решил сначала заняться Кассандром. В случае победы он будет контролировать царя Александра IV (если тот останется в живых) плюс Македонию и Грецию. Это все еще был основной источник людских ресурсов для армии, и это соответствовало принятию регентства и его открытой враждебности к Кассандру. Такое решение требовало сначала прояснить ситуацию в Анатолии. Оно вполне могло оказаться стратегической ошибкой; если бы он сначала устранил Птолея, у него в тылу не было бы проблем, поражение Птолея убрало бы Селевка из Египта, а именно Селевк, несмотря на отсутствие у него очевидной силы, был его главным врагом. Антигон вполне понимал эту проблему и встретился с Птолемеем в египетском местечке Экрегма для переговоров. Они провалились. Антигон не был готов согласиться на условия Птолея.<sup>39</sup>

Антигон двинулся из Сирии в свою старую сатрапию Фригию и в свою бывшую столицу Келены весной 313 г. до н.э. Его племянник Полемей отбросил Асклепиодора из Анатолии и был послан против Асандра в Карию, куда Кассандр направил свои войска на помощь союзнику. Войска Кассандра были разбиты, а Антигон подошел со своей основной армией и закрепил завоевание всего региона. Это потребовало некоторого

времени, поскольку включало интриги, аресты, побег и предательства, но к концу 313 г. до н.э. Антигон навел порядок. Птолемей направил войска на помощь Асандру, сделав контроль над регионом еще более важным для Антигона.<sup>40</sup>

Флот Антигона взял под контроль острова в центре Эгейского моря. Они были объединены в Союз островов, с Антигоном в качестве патрона.<sup>41</sup> Это было первой проверкой провозглашенной Антигоном «свободы» греков. Ее применение было хорошим предзнаменованием для греческих городов; Антигон не размещал гарнизоны на островах, если его не просили об этом. Одной из причин поражения Асандра в Карии также было то, что греческие города на побережье предпочли ему Антигона.

Антигон послал другого племянника Телесфора на Пелопоннес, где позиции Кассандра были потеряны,<sup>42</sup> хотя Афины твердо стояли за дело Кассандра под управлением философа-тирана Деметрия Фалерского. Полемей был направлен с другим контингентом на Эвбею и в Беотию.<sup>43</sup> Кассандр недавно восстановил Фивы, этот шаг не мог завоевать ему поддержки остальных городов Беотии; Антигон сделал это одной из своих главных претензий к Кассандру.

К концу 313 г. до н.э. Антигон добился прогресса в возвращении власти над Анатолией и обретении власти в Греции. К югу от Фессалии Кассандр удерживал только крепость Мунихию в Афинах. Но политика Антигона не размещать гарнизоны в городах, которые он отобрал у Кассандра, делала его положение в Греции непрочным и не повлияла на базы Кассандра в Македонии или Лисимаха во Фракии. Тем временем Птолемей, который в течение 313 г. до н.э. перенес свою столицу Египта из Мемфиса в Александрию, использовал свой флот, чтобы подавить восстание в Кирене, завоевал Кипр и напал на Киликию, где Антигон хранил значительную часть своей казны.<sup>44</sup>

Антигон расположил свою армию на зиму на Геллеспонте, где он мог угрожать через проливы Лисимаху, хотя Византий и отказался присоединиться к его союзу.<sup>45</sup> Подвергаясь угрозам и с этого направления и от Полемей с юга и с учетом того, что

флот Антигона доминировал в Эгейском море, Кассандр предложил вступить в переговоры, но Антигон с презрением отверг их, еще не будучи достаточно сильным, чтобы продиктовать свои условия.<sup>46</sup> Его воодушевляло это появление трещин в доспехах союзников. Полемей зимой продвинулся на север в Фокиду, но ни там, ни на Проливах пробить оборону союзников не удалось.

Армией Антигона в Сирии номинально командовал его подросток-сын Деметрий, которому помогали несколько опытных македонских военачальников. Птолемей, одним из военачальников которого выступал Селевк, угрожал полномасштабным вторжением в Сирию. Это должно было привести к достижению нескольких целей. Птолемей должен был вернуть себе южную часть Сирии и отвлечь армию Деметрия из Северной Сирии, его основной базы, а во-вторых, позволить Селевку добраться до Вавилона. Птолемей также надеялся, что сражение нанесет серьезный урон войскам Антигона. Кажется маловероятным, что они рассчитывали на что-либо большее, чем нанести серьезное поражение Деметрию, но даже это уменьшило бы давление на Кассандра. Последовавшая битва при Газе оказалась решающим сражением войны с непропорциональными результатами. Деметрий командовал только частью армии своего отца, около 18 000 человек, армия Птолемея состояла примерно из 20 000. Он постоянно вербовал воинов в течение нескольких лет, в большинстве македонских и греческих наемников, но он также выставил и несколько подразделений египтян — единственный случай за столетие, когда его семья сделала это. Деметрию и его советникам противостояли два старых воина Александра, гораздо более искушенные, чем они. У Деметрия было 43 слона, которые должны были стать решающим оружием. Эта угроза заставила его оппонентов вести оборонительное сражение.

Две фаланги стояли друг против друга, и обе стороны сосредоточили большую часть своей конницы на восточном фланге. Слоны Деметрия противостояли плотной фаланге пехоты и лучникам, защищенным ковром из шипов и цепей. Битва поэтому стала боем конницы. Конница Деметрия атаковала и смешалась

с всадниками Птолемея и Селевка. Слоны атаковали, но были остановлены шипами и цепями, через которые они не могли пройти. Лучники перестреляли погонщиков слонов и старались попасть в глаза слонам, приведя животных в бешенство и заставив их побежать в сторону армии Антигона, которая распалась и бежала, в той же степени от собственных обезумевших слонов, как и от преследования Птолемея.<sup>47</sup>

После того как его армия была разбита и Птолемей захватил город Газа, Деметрий признал поражение. Только отступив в Северную Сирию, он сумел восстановить контроль над сколько-нибудь значительным числом воинов.<sup>48</sup> Птолемей, понимая, что он разбил только часть армии Антигона, осторожно двинул свою армию на север. Тир оказал сопротивление Птолемею, но лишь на короткое время, гарнизон не хотел выдерживать осаду и заставил город сдаться.<sup>49</sup>

Птолемей приобрел больше, чем территорию. Он захватил большую часть гоплитов Деметрия, греческих наемников, которые не собирались сражаться насмерть. Они были отправлены в Египет в качестве колонистов — очень важное усиление греко-македонского элемента среди подданных Птолемея.<sup>50</sup> Птолемею больше не нужно было вербовать египтян. Следующим результатом было то, что союзники открыли новый фронт. С поля боя — это было явно заранее запланировано и произошло бы, даже если бы Деметрий победил — Селевк взял небольшой отряд и проскакал мимо рассыпавшейся армии Деметрия через Сирию и Месопотамию (где он собрал еще войска из гарнизонов Антигона в Каррах) в Вавилонию, чтобы вернуть свою сатрапию. Сатрап Антигона Пейтон, сын Агенора, был убит при Газе, что должно было ослабить местную власть. Он достиг Вавилона примерно с 3000 воинов, в три раза больше, чем было у него вначале. Его экспедиция была, без сомнения, собственной идеей Селевка; Птолемей никогда не был столь предприимчивым и даже не рискнул никакими из своих войск — все это были люди Селевка (или первоначально Антигона).<sup>51</sup>

Селевк был центром оппозиции Антигону. До своего изгнания он, безусловно, был удовлетворен своим положением сат-

рапа Вавилонии и, без сомнения, считал изгнание несправедливым и стремился отомстить. Его первой целью было вернуть свою сатрапию, но этого ему будет недостаточно. Он оставался самым непримиримым врагом Антигона, но в Вавилоне он был наиболее уязвимым из участников коалиции.

Должно быть совершенно ясно, что даже в это время в результате Газы и возвращения Селевка в Вавилон власть Антигона над империей Александра была утеряна. Он вернул себе Сирию в 311 г. до н.э.<sup>52</sup>, но не мог продвинуться в Египет. Он мог угрожать Кассандру и Лисимаху, но не мог проникнуть в их твердыни, теперь он потерял Вавилонию. Затем из Греции пришли новости, что его племянник Телесфор, который был сделан подчиненным Полемея, восстал, финансируя свое выступление награбленными сокровищами из святилища в Олимпии. Этот бунт продолжался недолго, но он на некоторое время не позволил Полемею вести какие-либо операции в Греции. Антигон оказался в положении защищающегося.

Из Мидии вице-царь Антигона Никанор прошел через горы с армией из 10 000 человек пехоты и 7000 конницы, чтобы изгнать Селевка. В болотах в долине Тигра он был пойман в засаду гораздо более малочисленной армией Селевка, Селевк пленил, а затем взял на службу большую часть его армии.<sup>54</sup> Внезапно у Селевка оказались огромные силы: армия из 20 000 человек и надежная поддержка местного населения в Вавилонии, где режим Антигона не любили. Методы управления Антигона не способствовали его популярности, и заметно, что его воины очень охотно присоединялись к его врагам: он потерял намного больше 20 000 человек, перешедших к Птолемию и Селевку.

Антигон сражался на четырех фронтах — в Сирии, Вавилонии, Греции и на Проливах. Деметрий был отправлен в набег против города Вавилона, часть которого он захватил, но столкнулся с упорной обороной под командой полководца Селевка Патрокла. Антигон дал ему строгие временные рамки, он должен был отступить, если не добивался быстрого успеха.<sup>55</sup> Антигон мог наносить удары во всех направлениях, но результат был нулевым. Попав в тупик, он заключил мир со своими

западными противниками. Кассандр и Лисимах воспользовались для переговоров возможностью, созданной кратким восстанием Телесфора. Было быстро достигнуто соглашение, к которому поспешно присоединился Птолемей. По условиям все сохраняли то, что имели, и провозглашенная в Тире Антигоном свобода греков должна быть принята как общая политика.<sup>56</sup> Это был мир, но никто не рассчитывал, что он продлится долго. Антигон не отказался от своих амбиций. А главное, не был включен Селевк, или поскольку он отказался участвовать, или потому, что Антигон отказался включить его.

Никто из участников не был удовлетворен, но сам факт перемирия означал взаимное истощение. Планы Антигона были сорваны, Кассандр и Птолемей потеряли территории, Лисимах был очень уязвим. Некоторые греческие города вернули определенную степень автономии, но начали понимать, что это предполагает установление с кем-либо из лидеров отношений, очень сходных с подчинением. Некоторые из более крупных городов были еще далеки от автономии: в Афинах все еще стоял македонский гарнизон, поддерживавший диктаторское правление Деметрия Фалерского, в акрополе Коринфа стоял македонский гарнизон под командованием Полиперхона. Все еще сохранялись фактические ограничения свободы греческих городов.

Города на восточном побережье Эгейского моря хорошо приспособились к этому режиму, поскольку это было значительное улучшение в политическом смысле по сравнению с методами, которые по отношению к ним применяла Персидская империя. Некоторые из более крупных городов — в числе других Эфес, Милет, Родос — в это время вступили в период грандиозного экономического процветания. В значительной степени это было результатом взвешенного и последовательного подхода Антигона, основанного на провозглашении гражданских свобод греков, чего он умышленно придерживался, показав тем самым пример всем остальным.<sup>57</sup> Занятость великих борьбой друг с другом позволила греческим городам добиться менее обременительного надзора и предотвратила их борьбу друг с другом. В некоторых случаях государства пошли

еще дальше. Этолийский союз, возникший в Греции как государство местного значения, смог существовать рядом или скорее вопреки Македонии. Подвергшийся нападению объединенных сил Антипатра и Кратера в 322 г. до н.э., а позже вновь войск Кассандра, союз стал еще более прочным, чем прежде, и стремился к расширению.

Основной силой на греческом полуострове тем не менее по-прежнему оставалась Македония. Частично лишенная пригодных к военной службе мужчин, взятых Александром для его великой кампании,<sup>58</sup> она все еще была способна выставить сильные армии под командованием Антипатра и его сына. Кассандр смог распространить свою власть на Грецию и через западные горы на Эпир, и похоже, что у него не было больших проблем на северной границе. Фракия, теперь отдельная сатрапия, была и защитой и меньшей потенциальной проблемой, чем прежде, а Фессалия была почти неразрывно объединена с Македонией.

У соглашения 311 г. до н.э. было еще одно условие. Кассандру был дан титул «*стратег* Европы», несуществующая должность, имитация той, которую занимал Антигон в Азии. Полиперхон таким образом был еще больше понижен и стал подчиненным Кассандра, нет никаких указаний на то, что его мнение спросили. Новый титул Кассандра мало значил, но был очевидным признанием претензий Антигона на регентство, и что все эти сражающиеся сатрапы реально делали все это только от имени своего царя Александра IV. Сейчас мальчику было 12 лет, и самое большее через шесть лет он достигнет совершеннолетия. В это время он сможет претендовать на власть. Поэтому миссия Кассандра в качестве «*стратега* Европы» должна закончиться к 305 г. до н.э.

Карьера Антигона была связана с использованием возникавших возможностей: сначала его способность к управлению и командованию была продемонстрирована после Исса, затем способность к интриге привела его на полезно неопределенное положение «*стратега* Азии». Он использовал это для борьбы против Эвмена, получив в результате Азию. Но обретение огромной военной и финансовой власти испугало его совре-



менников, объединившихся в коалицию. Поражение при Газе начало медленное разрушение его власти, хотя он все еще контролировал огромные территории. Это не уменьшило его контроль над сокровищами Персии и империей Александра от Вавилонии до Эгейского моря, и его враги не достигли большого прогресса в борьбе с ним, но это означало, что восстановление империи Александра усилиями одного человека становилось невозможным.

*Новый царь, 311–306 гг. до н.э.*

Мир 311 г. до н.э. был непродолжителен. Вероятно, никто на это и не рассчитывал, а Селевк был исключен с самого начала, поэтому война не прекращалась. Война на востоке продолжалась несколько лет, закончившись формальным миром в 308 г. до н.э. Если бы победил Антигон, он мог бы с еще большей силой обрушиться на своих врагов на западе, и они совершенно определенно понимали это. Поэтому перемирие на западе было прервано достаточно быстро. Антигон не мог полностью сконцентрироваться на восточной войне, и его центральное положение превратилось в фактор перенапряжения, ведь его враги могли неожиданно атаковать в том месте, где он был слабее. Его племянник Полемей в прошлом был продвинут Антигоном и добился успеха в Кари и в Греции в ходе последней войны, но сейчас собственные сыновья Антигона, особенно Деметрий, обходили его, и он намеревался создать в Греции собственное независимое государство. Он вступил в контакт с Кассандром, который, естественно, одобрил и поддержал его, и сверг губернатора Антигона в Геллеспонтской Фригии.<sup>1</sup> Для Антигона это было более важным, чем война с Селевком, и он воспользовался возможностью двинуться против передовых постов Птолемея в Киликии. Война на западе началась снова, всего через год, но поначалу боевые действия велись не слишком активно. Сын Антигона Филипп быстро справился с Геллеспонтской Фригией.<sup>2</sup> Антигон вступил в контакт с Полиперхоном, который все еще находился в Греции со своей армией и контролировал Коринф и Сикион, пытаясь отвлечь и, может быть, устранить Кассандра. Сыну Александра от Барсины Гераклу было сейчас семнадцать лет. Он был доставлен к Полиперхону с деньгами, некоторым количеством войск и союзом с этолийцами. Он использовал мальчика как подстав-

ную фигуру, пытаясь отобрать Македонию у Кассандра. После жестоких военных столкновений Кассандр убедил Полиперхона убить его протеже и самому стать местным тираном в качестве представителя Кассандра на Пелопоннесе. Это стало концом влияния Полиперхона.<sup>3</sup>

В это время Птолемей отреагировал на нападение на его киликийские посты полномасштабной морской экспедицией. Сначала он укрепил свой контроль на Кипре, устранив последнего из царей местных городов, и поставил своего брата Менелая в качестве вице-царя.<sup>4</sup> Он курсировал вдоль побережья южной части Малой Азии, захватив власть над цепочкой городов, фортов и поселений: Коракесионом, Фазелисом, Ксантосом, Патарой, Кауносом, Миндосом, что обеспечивало полный его контроль над Восточным Средиземноморьем от Киренаики до Эгейского моря кроме Финикии. Через эти города на службу к Птолемею должно было прийти большое число воинов из Памфилии и Писидии.<sup>5</sup> Коракесион был сильно укреплен и стал базой его власти в регионе.

В регионе Эгейского моря Птолемей базировался на Косе и вступил в контакт с Полемеем, который довольно доверчиво посетил его. Птолемей решил, что он не будет полезен, и убил его.<sup>6</sup> Он захватил стратегический пост в Итаносе на восточной оконечности Крита, укрепил его и двинулся к Пелопоннесу. В противовес прокламации Антигона за много лет до этого, он выпустил прокламацию об «освобождении», но греческие города отнеслись к нему с подозрением. Он захватил контроль над Коринфом и Сикионом, а затем потребовал их участия в его расходах. Это подтвердило все подозрения греков; они вежливо выражали свои чувства, но его поддержка постепенно ослабела.<sup>7</sup>

Самые большие потери в этом конфликте понесла царская семья Македонии. Мир 311 г. до н.э. был фактически замаскированным предложением тюремщикам уничтожить всех членов семьи, которые находились в их власти. Никто из тех, кто в течение десятилетия был независимым правителем, не был готов снова подчиняться. Назначение Кассандра стратегом Европы было действительно только до тех пор, пока Алек-

сандр IV не достигнет совершеннолетия. В течение года он организовал убийство и Александра и его матери. (Точная дата не ясна, поскольку он вряд ли мог сразу объявить об этом, но наиболее вероятным кажется 310 или 309 до н.э.) Только Полиперхон воспринимал серьезно Геракла в качестве кандидата. Во время своей кампании на море Птолемей вступил в контакт с Клеопатрой (находившейся под контролем Антигона в Сардах), предложив ей выйти замуж. Ей удалось спастись, но затем она была захвачена и убита по приказу Антигона. К 308 г. до н.э. в живых не осталось никого из членов старой царской семьи Аргеадов,<sup>8</sup> но широкие массы населения считали, что царем все еще является Александр IV.<sup>9</sup>

Война между Антигоном и Селевком закончилась в 308 г. до н.э. Селевк захватил контроль над Сузианой до того, как Деметрий напал на Вавилон в 311 г. до н.э., а после этого ему удалось провести быструю кампанию в Мидии, где был быстро устранен Никанор, губернатор Антигона.<sup>10</sup> Селевк вступил в контакт с восточными сатрапами, которые противостояли амбициям Пейтона захватить власть над ними и точно так же относились к Никанору. Селевк в отличие от Антигона был с Александром в течение всех его кампаний и смог убедить их. Один из источников указывает, что Селевк проехал на восток до Паропамисад, но это кажется маловероятным, так как Селевк подвергался нападениям на западе, где Антигон освободился от своих врагов.<sup>11</sup>

Ход борьбы между ними в 310–308 гг. до н.э. в основном не известен, но она развернулась в Вавилонии и Месопотамии. С помощью быстрых экспедиций на восток Селевк устранил возможность нападения со стороны Персии и смог также привлечь персидские людские ресурсы. Решающая битва, единственная описанная с какими-либо деталями, продолжалась два дня. В первый день она закончилась ничьей, после чего обе армии разошлись на ночь. Армия Антигона расположилась на отдых, но Селевк оставил своих людей при оружии и атаковал прежде, чем другая армия смогла подготовиться.<sup>12</sup> Селевк смог отбросить силы Антигона из Вавилонии и из большей части Месопотамии, и Антигон был вынужден согласиться

на мирное соглашение, условия его неизвестны, но их можно предполагать.

Месопотамия была разделена между ними, они укрепили свои владения. Антигон построил линию городков — Эдесса, Карры, Ихны — в качестве передовых укреплений на жизненно важной переправе через Евфрат у Тапсака, который теперь стали называть просто Зегма — «Мост». Поселения Селевка находились дальше на восток, блокируя пути вдоль Евфрата и через Месопотамскую степь у Нисибиса и Дура-Европоса. Между ними была оставлена обширная область ничьей земли.<sup>13</sup>

К концу 308 г. до н.э. положение Антигона ухудшилось, но стало и более определенным. Он контролировал Малую Азию и Сирию, а также часть Месопотамии. Селевк к этому времени оказался в тупике и снова повернул на восток. Авантюра Птолемея в Греции была успешной только частично: он удерживал Коринф и Сикион, Кипр и несколько пунктов в Малой Азии, но был выбит из Сирии. Кассандр отразил попытку устранил его из Македонии без особых трудностей, с Полиперхоном было покончено.<sup>14</sup>

Селевк вернулся на восток в 307 г. до н.э. и оставался в восточных сатрапиях и Индии следующие четыре года, уверенный, что Антигон будет хранить мир. В результате поражения в двухдневной битве и укреплений, которые они оба построили в Месопотамии, создалось состояние равновесия, и Антигон больше никогда по-настоящему не интересовался этим направлением. Селевку удалось установить свою власть над восточными территориями. Один из сатрапов Сибиртий продержался в Арахозии с 324 г. до н.э. до кампании Селевка.<sup>15</sup> Стасанор из Бактрии и Согдианы, очевидно, имел собственные территориальные амбиции;<sup>16</sup> Селевк, возможно, устранил его. Назначенные им новые сатрапы неизвестны. Известно, что один из полководцев Селевка Демодам вел кампанию вдоль берегов Яксарта;<sup>17</sup> возможно, он был сатрапом Согдианы. Селевк не вызывал такого возмущения, как Антигон, возможно, потому, что вел себя более тактично и умело. Он провел три года или около того, занимаясь организацией и ведением кампаний на востоке, а затем направился в Индию. Предстояло

сделать очень много, а бывшие там сатрапы не были способны к этому, очевидно, требовалось определенное руководство из центра вопреки стремлению сатрапов к независимости. Присутствие большой победоносной армии Селевка, несомненно, оказалось решающим фактором.<sup>18</sup>

Птолемей назначил губернатором Киренаики на длительное время македонца по имени Офелл. Тот захотел добиться независимости и вступил в союз с Агафоклом из Сиракуз в ходе кампании против Карфагена. Агафокл был больше чем ровня ему в интригах и предательстве и захватил его армию, в основном состоящую из греческих наемников, в частности афинян.<sup>19</sup> Возможно, Птолемей не пожалел, когда Офелл исчез, но то, что Менелай на Крите и Офелл в Киренаике были назначены на длительное время, говорит о его методах управления.

Основной проблемой Птолемея был недостаток греческих и македонских воинов. Он похитил военно-морской флот империи в 315 г. до н.э., захватил или набрал 8000 из воинов Деметрия после Газы и энергично набирал воинов в основных областях поставки наемников — в старой Греции и Анатолии. Эти люди стоили дорого, но он контролировал одну из богатейших стран мира, а импортируя греков для службы в местной административной системе Египта, он мог установить бюрократический режим, который позволял ему систематически облагать большими налогами египетское население. Он делал жесты в сторону египетских политических и религиозных ожиданий, почитая местных жрецов, раздавая дары на строительство и ремонт храмов, но его внимание было сфокусировано почти постоянно на внешних угрозах и на потребности быть готовым ответить на эти угрозы. Он всегда должен был балансировать потребности страны с необходимостью сильной обороны, потребность в людских ресурсах греков для гражданской и военной службы с наследием индивидуального македонского правления, которое он принес с собой, и с благополучием египетского населения, чей труд поддерживал всю структуру. Для вербовки в основном в наличии были греки, а также представители таких народов, как карийцы и писидийцы, которые были эллинизированы этой службой, но его столицей был ма-

кедонский город Александрия. Город всегда назывался Александрия Египетская — македонское творение рядом с Египтом, но не часть его.<sup>20</sup>

Птолемей оказался осторожным и умным человеком, который медленно и осознанно укреплял свою власть над Египтом посредством разработанной системы управления и создавал передовые оборонительные позиции для его защиты. Эта политика сделала почти невозможным для кого бы то ни было восстановить единство империи Александра. Он не собирался обнародовать решения, означающие разрушение империи Александра, но его действия приводят к заключению, что он намеревался установить независимое правление по меньшей мере с 320 г. до н.э. Он был одной из тех скал, о которые разбились попытки Антигона возродить объединенную империю.

Другим основным препятствием к восстановлению единства империи был Кассандр. Как и Птолемей, он ставил собственные амбиции выше имперского наследия Александра и собственного отца Антипатра. Правление его отца настроило македонцев принять Кассандра, хотя в действительности они хотели, чтобы правила старая царская семья. Кассандр годами сохранял жизнь Александру IV, но в конце концов приказал тайно убить его и его мать. Устранение царской семьи оставило македонцев с Кассандром, пусть даже и без энтузиазма, но по меньшей мере он хотя бы был женат на последней представительнице старой семьи, дочери Филиппа Фессалонике, и поэтому Аргеады продолжились бы в их детях.

Кассандр правил как традиционный царь Македонии, перемещаясь по царству, отправляя правосудие и во время войны лично командуя македонским ополчением. Его политика по необходимости была оборонительной, поскольку внутренние силы Македонии были серьезно уменьшены в результате наборов Александра, и у Кассандра не было доступа к районам вербовки, доступным его врагам, не было у него также и денег на армию большего размера. Его политика в Греции была аналогична политике его отца и в большей степени опиралась на военную силу, чем это считали необходимым Филипп или

Александр. Нет признаков серьезного расширения Македонского государства, нет и улучшения системы управления. Фесалия и старые внутренние царства были интегрированы с самой Македонией.<sup>21</sup>

Таким образом, и Птолемей и Кассандр оба основывались на доставшемся им от прошлого наследстве, организуя и управляя своими землями. У Птолемея была страна с древними традициями царской власти, которая отправлялась посредством бюрократической системы, предназначенной для взимания налогов. Птолемей воспринял эту систему и приспособил к своим потребностям, заполнил ее привезенными греками, и все это находилось под защитой дорогостоящей греко-македонской армии. Птолемей, что кажется свойственным его осторожной, прагматичной политике, взял систему, которая уже существовала, повысил ее эффективность и наполнил ее людьми, которым он мог доверять. При всем внешнем умиротворении местного египетского населения, он совершенно очевидно чувствовал, что не может полагаться на местных жителей или доверять им.<sup>22</sup> Аналогично Кассандр, возможно не принимая осознанного решения, воспринял старую Македонскую систему. В конце концов никаких серьезных причин менять ее не было, поскольку старая система со всей очевидностью работала.

Это Антигону приходилось разрабатывать новую административную систему. Он был единственным из троих, кто правил географически протяженными территориями без установившейся традиционной или единой системы управления, за исключением того, что до сих пор они были частями нежестко управлявшейся Персидской империи. Антигон стремился расширить свою территорию и в то же время вынужден был постоянно остерегаться нападений, поэтому ему приходилось править в гораздо более регламентированной, возможно более деспотичной манере. Такой огромной территорией невозможно было управлять методами Македонского царства. Его земли были очень большими и значительно различались и географически и по составу населения, поэтому не подходили и бюрократические методы Египта.



Юридически Антигон был регентом царя. На практике он выполнял функции царя: управлял царскими землями, назначал должностных лиц, командовал армиями. Его земли были завоеваны или, как объявил Александр после первой переправы через Геллеспонт, «захвачены копьем». Это означало, что царь имеет неограниченную власть над землями и всеми людьми. Теоретически он мог ввести любую административную систему. Возможно, немногие из его подданных задумывались о теоретическом правовом и фактическом положении Антигона: у него была власть, и это было главным.

Таким образом, источником установленной им административной системы частично была Македония и частично Персия. Сначала это были теория и практика царствования, какими он видел их в Македонии. Антигону было почти 50, когда Александр поставил его управлять Фригией — первый раз когда он управлял чем-либо большим, чем сельское имение. Он знал только административную систему Филиппа: группа людей, которым по мере необходимости ставятся различные задачи — дипломатические, военные, судебные и административные. Это было также сутью центральной административной системы Антигона. Ее формировала группа его *филоу* «друзей», что стало формальным рангом при более поздних царях.

Вторым источником была империя Ахеменидов, которая правила его землями в течение двух веков. Когда он принял Фригию, на его службе в администрации сатрапии оставались некоторые прежние чиновники, и все, что ему требовалось, — вновь дать им работу. По мере того как регион его власти рос, он назначал сатрапов на завоеванные земли. Кажется вероятным, что старые сатрапии сохранялись, но похоже также, что сатрапов стали называть *стратегами*, этот титул предполагает чисто военные обязанности. Александр назначал разных людей для выполнения военных и финансовых функций в каждой сатрапии, и, может быть, Антигон делал то же, за исключением того, что сатрап и *стратег* стали единым военным и административным чиновником. Отдельно назначался финансовый чиновник, несомненно поставленный самим Антигоном и ответственный непосредственно перед ним.

Антигон был достаточно долго у власти, чтобы установить четкую административную систему, но, по-видимому, преобладала гибкость неформальной системы Филиппа. Система Ахеменидов также была весьма неформальна на уровне обычных сельских и городских жителей. Поэтому их соединение было нетрудным.

Помимо завоеванных персидских земель под властью Антигона, пусть и не совсем непосредственно, находилось больше число греческих, финикийских, карийских и ликийских городов. Они привыкли к значительной автономии, даже при прежнем персидском режиме, и нет указаний, что Антигон хотел изменить это. Он на самом деле сделал лозунгом своего правления уважение их «свободы», хотя при этом он фактически ограничил эту свободу. У городов существовали органы самоуправления, поэтому он в качестве образца имел и третью систему управления.

Антигон был занятым человеком, у которого не было времени на размышления. Он не создал новой системы управления для своего царства, но со временем образовалась администрация, которая была достаточно компетентной и обеспечивала определенный уровень безопасности населения. Она также обеспечивала достаточный и надежный доход Антигону. Прежде всего он должен был заниматься существующей системой, изменять ее можно было только медленно и мирно, иначе она могла полностью разрушиться.

Как и в случае Кассандра и Птолемея, административная система Антигона выросла из предшествующей ситуации. У нее был более выраженный военный акцент, чем у других, с сильными македонскими элементами, были и элементы Ахеменидов.<sup>23</sup> Общим для всех этих правителей были их отношения с городами, часто населенными греками, на их или соседних территориях. Некоторые из царей определенно считали, что лучший способ обращения с этими городами — подавлять их, и некоторые из них в течение предшествующего столетия были захвачены и разрушены, в частности Филиппом II на Халкидике. Сами города обычно не хотели подчиняться царям, но цари обычно оказывались слишком сильны для них.

В то же время Филипп и Александр основывали новые города как средство укрепления контроля над новыми регионами. Александр оставлял группы воинов в различных местах в качестве гарнизонов или колонистов, или, возможно, гарнизоны со временем перерастали в колонии. Для военных правителей размещение гарнизонов было очевидной тактикой, и часто они были лишь временными, но требовались значительные усилия и расходы, чтобы основать город, который должен был стать постоянным. Более поздняя репутация Александра как создателя городов была преувеличена за счет ретроспективного приписывания ему множества поселений, которые на самом деле были гарнизонами. Создание нового города давало его основателю огромную известность, это было мощным политическим фактором, но требовало времени, внимания и денег.

Все македонские правители после Александра основывали города. Начало положил Птолемей, поскольку ему досталась ответственность за новый город Александрию, основанный за десять лет до его назначения сатрапом Египта. Некоторого прогресса в его строительстве добился Клеомен, но Птолею предстояло сделать еще очень много, включая строительство гробницы Александра. К 313 г. до н.э. город был построен в достаточной степени, чтобы стать местом пребывания его двора — период строительства занял около 20 лет. Птолемей правил плотно населенной страной. Занимавшие посты в военной и гражданской администрации греки должны были быть рассеяны по ней, но Птолемей не хотел, чтобы они образовывали отдельные города, сам он основал только один город на юге, назвав его Птолемаидой.<sup>24</sup>

По землям Селевка были разбросаны группы греков и македонцев, обычно это были бывшие воины, поселенные в старых персидских центрах или новых македонских гарнизонах. Он организовал несколько таких центров в городах, каждый с определенной территорией, набором общественных зданий, включая городские стены. В каждом городе в расположенной рядом цитадели был также размещен гарнизон. Он создавал города, но и обеспечивал контроль над ними. Некоторые из

поселений были организованы во время его восточной кампании в Бактрии и Индии, он унаследовал также и основанные Александром: Александрию в Кандагаре, Александрию Эсхату и Мерв в Маргиане.<sup>25</sup>

В более поздние годы развились города в Мидии. На западном конце царской дороги находились Экбатаны, старая столица Мидии, Лаодикея в современном Нехавенде, Конкобар (сейчас – Кандагар) и четвертый город в современном Хурре, а вдоль великой дороги располагались города в Раги (возле Тегерана) и Гекатомпил.<sup>26</sup> Мидия была ключевой сатрапией для всего востока, региона, называвшегося «Верхние сатрапии», но города были отдельными от них единицами в административной системе. Сходная ситуация лучше всего видна в Сирии, где четыре крупных города Антиохия, Селевкия, Апамея и Лаодикея и несколько других городов между побережьем и Евфратом делили всю Сирию между собой. В царстве Селевкидов никогда не было сатрапа Сирии, поскольку управление ей осуществлялось через города. Эти городские регионы назывались по имени города с добавлением окончания «ена», например, Апамена.

Эта система управления была со временем построена Селевком, после него работу продолжил Антиох I. Существовало два основных элемента – городские регионы и сатрапии, но каждый был непосредственно связан с царем: сатрапы своим назначением, а города через *эпистатов*, *филои* царя, назначенных для его связи с конкретным городом. Обязанности обоих были, естественно, различны; сатрапы в основном были военными с административными обязанностями в сельских регионах, города управлялись сами, но обязанностью обоих было собирать и доставлять царские налоги.

Контраст с персональной монархией в Македонии очевиден; с того момента, как Селевк объединил Мидию, Сузиану, Персию и Вавилонию после поражения Никанора, то есть в течение нескольких месяцев, государство Селевкидов было слишком большим, чтобы царь управлял им лично, отсюда возникала потребность в сатрапах. Это также отличалось от системы Птолемея в Египте. Вавилония могла быть подходя-

шим местом для отлаженного бюрократического режима, но она была разделена между самоуправляющимися городами.<sup>27</sup> Таким образом Селевк решил проблему администрирования, решил он также и другую проблему — сокращение числа квалифицированных греко-македонских кадров. Основанные им города были предназначены для поддержания греко-македонского землевладельческого класса, обязанностью которого было поставлять воинов в царскую армию и администраторов для царского двора и бюрократии, а также управлять своими городами. Именно они расселялись в городах царства.

Чтобы придумать эту систему и основать греческие и македонские города по всему царству, потребовалось время. Селевк до 300 г. до н.э. или около того не имел достаточных людских ресурсов, чтобы создать много городов. Не имел он и доступа к Средиземному морю, нужного для привлечения людей из Греции, но он начал со своих персидских городов, новой столицы империи Селевкии в Вавилонии и с пограничных городов в Месопотамии. Со временем он перенял систему, развитую Антигоном, а затем смог организовать первое по-настоящему эллинистическое царство, которое позже стало образцом для остальных, включая Македонию и в конце концов Рим.

Селевкия на Тигре в Вавилонии была одним из серии новых великих городов, основанных преемниками Александра по модели Александрии Египетской. Все эти великие власти копировали один великий город Александра и добавляли другие более мелкие города. Кассандр отремонтировал часть разрушений, произведенных в Греции, он заново основал Фивы, собрав оставшихся в живых жителей в 316 г. до н.э., хотя, как обычно, остальные беотийцы неодобрительно отнеслись к этому. В Македонии он основал Кассандрию вместо разрушенной Потидеи на западном пальце Халкидики и Фессалоники (названные в честь его жены) в верховьях Термейского залива.<sup>28</sup> Оба города были населены собранными из близлежащих городков и городов жителями, этот процесс был назван синойкизмом, и он избавлял основателя от необходимости искать колонистов. Результатом стали значительные города, которые быстро развились в важные финансовые и военные

активы. Эта работа имела и очевидное политическое значение: Фивы были жертвой Александра, Потидея — Филиппа II, для Касандрии были собраны оставшиеся в живых олинфяне. Кассандр демонстрировал свои претензии на то, что он является альтернативой династии Аргеадов, в то время как женившись на Фессалонике, он связал себя с ними. (Неудивительно, что Антигон, имевший сходные, но еще большие амбиции, предъявлял претензии, что Кассандр строит города.) Брат Кассандра Алексарх был захвачен новыми идеями о совершенном обществе; ему позволили основать собственный город Уранополис — «небесный город» — на полуострове Атос, вблизи от того места, где находился разрушенный Филиппом II во время войны с Халкидским союзом Акантос.<sup>29</sup>

Лисимах стремился сделать сатрапию во Фракии очень значимой. Завоеванные Филиппом II фракийцы не хотели оставаться подданными Македонии, и Антигону было очень легко поднять восстание в тылу у Лисимаха, когда между ними возник конфликт. Возле Херсонеса Фракийского Лисимах основал город, названный Лисимахией, что никого не удивило. Этот город заменил Кардию, которая всегда страдала от нападений фракийцев и афинян. Пока этому городу покровительствовал царь, город успешно развивался.<sup>30</sup>

Кассандр занимался основанием городов в ранний период своего правления в 316 и 315 гг. до н.э.; Лисимах только с 309 г. до н.э., между этими датами основывали города и Селевк и Антигон. Антигон был гораздо более активен в этом направлении, чем его соперники, но он был и значительно богаче, имел большие людские ресурсы и во многих отношениях больше нуждался в городских центрах на своих землях. Большая часть основанных им поселений были небольшими, в основном это были гарнизоны, и имели тенденцию получать имена, произведенные от городов Македонии — Пелла, Ихны, Бероя. У него было также несколько крупных проектов, которые можно узнать, поскольку они названы в его честь. Это Антигония в Сирии (которая не выжила), другая в Троеде возле Геллеспонта была создана с помощью синойкизма, позже она изменила свое имя на Александрию, а в постоянно готовой вос-

стать Геллеспонтской Фригии было три Антигонии. Как и Кассандр, он заново основал разрушенный город Смирну, упростив возвращение его рассеянных жителей.<sup>31</sup>

Города Антигона были сконцентрированы на северо-западе, возле Проливов, и в Ионии, где были возрождены или заново основаны Смирна, Теос, Лебедос и Колофон. Три городских центра во Фригии находились на пересечении основного маршрута север—юг с основным маршрутом восток—запад — Докимейон, Синнада и Келены, город который он использовал как свой административный центр. Докимейон был основан Докимом, скользким македонянином, который очень легко переходил с одной стороны на другую. близлежащий Темисонион был основан другим македонцем Темисоном, Антигон был, очевидно, склонен к подобной деятельности. Эти города находились в глубине его собственной территории и не имели тенденции стать независимыми княжествами. Величайший город Антигона, где он провел свои последние годы, располагался в северной части Сирии на Оронте.

Селевк не единожды вынужден был защищать Вавилон против нападения сил Антигона и способствовал его восстановлению после их бесчинств, перестраивая общественные здания города. Он также начал сооружение собственного нового города Селевкии на Тигре к северо-востоку от Вавилона и планировал, что она станет соперницей Александрии Египетской. Он был размером примерно в две трети Александрии, но в Александрии был огромный дворцовый район. Эта работа, вероятно, началась, как только Селевк возвратился в Вавилонию в 311 г. до н.э. и продолжалась в течение всей войны с Антигоном и после нее.<sup>32</sup>

Основание городов было частью соревнования, которое эти люди вели друг с другом, при этом они подражали или состязались с Александром. Использование Александрии Птолемеем в качестве столицы было недвусмысленным заявлением о том, что он принял часть мантии покойного царя. Повторное основание Фив Кассандром и его строительство городов на месте разрушенных городов Халкидики были отказом от политики Филиппа и Александра. Антигон основал большой го-

род, подобный Александрии и Селевкии, только в последние годы своей жизни. Ни Кассандр, ни Антигон не были в великом походе, поэтому они имели косвенное отношение к памяти Александра, в то время как Птолемей, стремясь выделить Египет из империи Александра, мог убедительно связывать себя с ним, он даже описал свою версию экспедиции в собственных мемуарах.

Селевк в наибольшей степени претендовал на наследие покойного царя. Между 308 и 303 гг. до н.э. он вел кампанию на востоке, где прошли самые трудные войны Александра, этой задачи избежал Антигон. Его политика была направлена непосредственно против Антигона, и его новый город Селевкия на Тигре был единственным, основанным кем-либо из них с размахом Александрии. Тем, кто видел символизм в деяниях этих властителей, к 308–307 гг. до н.э. стало понятно, что у Селевка появились амбиции восстановить единство империи Александра. Чтобы это стало совершенно ясно, были распространены определенные рассказы, что якобы он родился в один год с Александром или что он носил диадему Александра, когда спас ее из реки в Вавилоне.<sup>33</sup>

Антигон освободился от войны с Селевком к 308 г. до н.э., а восточная экспедиция Селевка означала, что он больше не является непосредственной угрозой. Антигон теперь нарушил тупиковую ситуацию на западе. В 307 г. до н.э. Деметрий во главе флота захватил Афины, объявил о восстановлении свободы города, убрал гарнизон Кассандра и изгнал Деметрия Фалерского. Афиняне осыпали и отца и сына благодарностями и почестями, а Антигон послал им деньги, продукты и лес для афинских доков.<sup>34</sup> Захват Афин создал для него прочный блок союзников в Центральной Греции.

Такое прочное политическое положение, подкрепленное гарнизонами сторонников Антигона, размещенными там, где их просили, в значительной степени блокировало любой ответ Кассандра. Антигон теперь приказал Деметрию вести флот и армию на Кипр. В качестве основной базы Птолемея он угрожал всем берегам владений Антигона от Палестины до Эгейского моря. Деметрий блестяще справился с задачей. Он оса-



дил Саламин, основной город на острове, и когда Птолемей прибыл с подкреплениями, нанес поражение его флоту и захватил в плен большую часть его армии, а затем захватил также и город. Некоторые из воинов Птолемея поступили на его службу, а захваченные корабли усилили его флот.<sup>35</sup>

Это было величайшей военной или морской победой со времен Гавгамел, казалось, что с властью и претензиями Птолемея покончено. Но ни Саламин, ни Афины не были решающими, поскольку контроль над этими пунктами не обеспечивал победы в войне. Тем не менее эти победы были крупными достижениями, и Антигон использовал Саламин как повод претендовать на империю Александра. Когда ему в Антигонию в Сирии были доставлены новости, и он и Деметрий были провозглашены царями.<sup>36</sup>

Это был политический манифест. Антигон заявлял, что теперь в результате побед своих армии и флота он стал законным преемником Филиппа и Александра. А провозгласив царем также и Деметрия, фактического победителя в Афинах и при Саламине, он основывал новую династию, заменяя Аргеадов Антигонидами. Проблема заключалась в том, что победы не означали выигрыша войны, как и захват Афин или завоевание Кипра не давали ему повсеместной власти. Провозглашение его царем не делало Антигона наследником царства Александра, а объявив себя царем Антигон фактически присоединился к Кассандру и Птолемею в отказе от восстановления империи как единого целого. Провозглашение было вызывающим жестом и одновременно признанием общего поражения.

## *Поражение Антигона, 306—298 гг. до н.э.*

Антигон был провозглашен царем в 306 г. до н.э. в результате победы при Саламине, но только за год до этого стало широко известно о смерти Александра IV, хотя слухи о ней ходили и раньше. В его смерти обвиняли болезнь, лекарства, командира его гвардии и Кассандра. Кассандр организовал ритуальную кремацию и торжественно поместил прах на царском кладбище Аргеадов в Эги, возможно в 306 г. до н.э.<sup>1</sup> Это стало одним из поводов к тому, что Антигон провозгласил себя царем, поскольку до того момента правители официально действовали как подданные Александра IV. Они все использовали его имя при датировании документов и на чеканившихся ими монетах.

Титул Антигона был личным, не территориальным, не относился он и к конкретному народу. Александр был «царем македонцев» и именно этот титул использовал в свое время Кассандр, но Антигон и Деметрий были только «царями». Если бы Антигон контролировал Македонию, он, без сомнения, предпочел бы именно этот вариант, но просто титул царя больше походил на правителей Ахеменидов. Выбор титула Антигоном, таким образом, должен был подчеркнуть его претензии на то, чтобы быть правителем всей империи Александра и наследником Кира и Дария. Эти притязания отвергали и оспаривали его соперники.

Время провозглашения определялось победой при Саламине, по поводу которой он устроил специальную демонстрацию. Деметрий направил одного из своих офицеров Аристодема из Милета с новостями Антигону, находившемуся в Антигонии в Сирии. Аристодем очень медленно направился к городу — расстояние составляло примерно 20 км. Когда Аристодем достиг дворца, там царила напряженность, которую он разорвал возгласом: «Да здравствует царь Антигон!» и рассказал о победе.

*Филои* Антигона собрались вокруг, появилась царская диадема, и Антигон стал царем. Затем он сделал царем Деметрия, послав ему вторую корону.<sup>2</sup>

Это событие подчеркивало, что монархия Антигона относится лично к нему и его семье и связана с победой. Эти аспекты стали частью процесса появления царей в течение всего оставшегося времени существования Античного мира. Даже такие совершенно далекие от войны римские императоры, как Клавдий, ощущали потребность закрепить свое восшествие на престол военной победой. В эллинистическом мире был задан образец, хотя власть и сила не зависели от побед. Соперники и современники Антигона смогли стать царями без них. Во многих отношениях было безопаснее не полагаться на военные успехи, и это показало возмездие, которое одновременно поразило и Антигона и Деметрия.

Ясно выраженные амбиции Антигона, продемонстрированные его провозглашением себя царем и его успехами в Афинах и Саламине, вновь объединили его противников, хотя им и потребовалось определенное время, чтобы прийти к реальному союзу. Антигон мог сделать свое царствование успешным. Когда Деметрий отплыл на восток, Кассандр напал на Афины, но столкнулся с единодушием города, возрожденным афинским флотом, помощью Антигона и враждебностью Этолийского союза. Некоторое время Афины одерживали победы, но Кассандр построил свои корабли и, возвратившись в 304 г. до н.э., блокировал город с суши и с моря.<sup>3</sup>

После триумфа Деметрия при Саламине и провозглашения царем Антигон начал кампанию с целью покончить с Птолемеем. Огромная армия из 88 000 человек с 83 слонами двинулась на юг вдоль побережья Сирии в сопровождении флота Деметрия из 150 кораблей и 100 транспортных судов. Но флот был потрепан приливами и не смог обеспечить высадку людей, снабжение армии ухудшилось. Птолемей держал оборону, и вторгшемуся противнику пришлось отступить.<sup>4</sup>

Деметрий предпринял нападение на Родос, который отказался ему помогать во время Кипрской кампании на том основании, что он находится в дружеских отношениях с Птоле-

меем.<sup>5</sup> Это нападение на нейтральный греческий город стало одной из величайших осад Античного мира, продолжавшейся целый год (305–304 до н.э.). Изобретательность Деметрия достигла вершины, как и упорство его воинов и жителей Родоса. Птолемей направил помощь, но его собственное поражение двумя годами раньше значительно снизило его возможности. В конце концов, не сумев захватить Родос и видя Афины в трудном положении в результате блокады Кассандра, Деметрий прекратил нападение. Родос согласился оказать ему помощь против всех, кроме Птолемея,<sup>6</sup> и он отплыл, чтобы вернуть свои потери в Греции.

Антигон продолжал вести борьбу, напав на Египет и Родос, но обе кампании закончились ставшим широко известным поражением, и после этих неудач его соперники сами приняли царские титулы. Птолемей, по-видимому, был первым, через некоторое время после удачной обороны, самое раннее в январе 304 г. до н.э., возможно несколько позже.<sup>7</sup> За ним последовал Селевк, хотя он как раз в это время находился на востоке,<sup>8</sup> то же сделал и Лисимах,<sup>9</sup> который в первый раз проявил себя как крупный игрок. Кассандр, по сообщениям, воздержался от принятия титула, но на его монетах и в надписях он назван царем.<sup>10</sup> Эти люди действовали как цари не один год, а Селевка и Птолемея называли царями их немакедонские и негреческие подданные, которых не интересовали тонкости македонской политики. Даже Афины обращались к Антигону как к царю уже в 307 г. до н.э.<sup>11</sup> Использование титула распространилось на Сицилию (Агафокл), Босфорское царство в Крыму и даже на тирана города Гераклея Понтийская.<sup>12</sup>

Возвращение Деметрия восстановило положение Антигона в Греции. Союз с этолийцами возродился, он восстановил его и с беотийцами, освободил Афины и взял Кенхры, порт Коринфа.<sup>13</sup> Но Деметрий повел себя в Афинах так высокопарно и эгоцентрично, что вызвал отвращение многих греков. Он вмешивался во внутреннюю политику Афин, сделал своей резиденцией Парфенон, где разместился со своими женщинами, чрезмерно много пил и принимал обращения, в которых величался «божественным». Но, оставаясь очень компетент-

ным полководцем, весной он быстрыми действиями с помощью внезапных замаскированных атак захватил Сикион и Коринф и получил контроль над большей частью Северного Пелопоннеса.<sup>14</sup>

Весной 302 г. до н.э. Деметрий провозгласил восстановление союза городов Греции, возрождение давно отмершего Коринфского союза Филиппа II. Версия Деметрия называлась Союз эллинов, чтобы отличить ее от оригинала.<sup>15</sup> Представительство в нем было меньше, чем в союзе Филиппа, но во всем остальном он был построен подобно своему предшественнику. Деметрий был *гегемоном* союза и главнокомандующим в военное время, и, сделав его центром Коринф, он пытался перехватить идею старого союза. Но было совершенно ясно, что это был инструмент самого Антигона, он разместил гарнизон в акрополе Коринфа и усиленно набирал воинов. Как это сработало бы во время мира, неясно, но это создавало институт власти Антигона в Греции на более формальной и возможно более доступной основе, чем что-либо, что пытались сделать Кассандр или Птолемей, и давало грекам по меньшей мере какой-то голос в делах союза.

Даже до образования нового союза Кассандр предлагал заключить мир. Антигон требовал капитуляции, по-видимому убежденный, что Деметрий сможет в любом случае покончить с Кассандром. Кассандр отказался и возобновил призывы о помощи к союзникам.<sup>16</sup> Он уже был в союзе с Птолемеем, который передал ему Коринф незадолго до этого, и оба они стали жертвами нападения Деметрия на Сикион. Нападение Деметрия угрожало также и Лисимаху. Проявления амбиций Антигона вновь объединить империю и избавиться от соперников было достаточно, чтобы привести этих западных союзников к новому объединению. Был налажен контакт с Селевком, который также присоединился к нему.<sup>17</sup> Амбиции Антигона напугали остальных, заставив их вступить в коалицию.

Деметрий вторгся в Фессалию в 302 г. до н.э., потратив много времени на инициацию в Элевсинских мистериях в Афинах (заставив афинян провести ритуал в неподходящее время года, как было удобно ему). У Деметрия была армия из 56 000 пехо-

тинцев и 1500 всадников, но он не добился тех успехов, которых должен был с учетом того факта, что его армия в два раза превосходила армию Кассандра в численности. Кассандр разместил в Ферах и Фтиотийских Фивах сильные гарнизоны и расположил свою основную армию в хорошо укрепленном окруженном рвами лагере. Деметрий был блокирован.<sup>18</sup>

То, что союзники предприняли чрезвычайные усилия, показывает их отчаяние перед лицом огромной силы Антигона и Деметрия. Кассандр направил часть своей армии присоединиться к Лисимаху, который пересек Проливы и вторгся в базу Антигона в Малой Азии;<sup>19</sup> Селевк прошел весь путь с востока через Армянское нагорье, чтобы присоединиться к нему.<sup>20</sup> Именно этим двоим — Лисимаху и Селевку, о которых было мало слышно в предыдущие пять или шесть лет, — предстояла основная борьба.

Деятельность Лисимаха в его сатрапии во Фракии не очень хорошо известна, но общие контуры можно понять из фрагментарных источников.<sup>21</sup> Он восстановил первоначальные завоевания Филиппа II и смог завоевать весь регион. Он победил одрисов, основное фракийское племя к югу от гор Гемус, и гетов на севере, установил эффективный контроль над греческими городами на северном побережье Эгейского моря, Херсонесом Фракийским и Проливами и основал свой новый город Лисимахия. Он сохранял добрые отношения с Византием, который успешно развивался в мирных условиях в глубине континента и был столь же враждебен по отношению к Антигону, как и все остальные. Усиленный 8000 воинов из армии Кассандра, он мог оставить свое царство и взять значительную армию, подготовленную и закаленную, для вторжения в анатолийские владения Антигона.

Селевк, как и Лисимах (и как и Птолемей, и Кассандр), в последние годы сконцентрировался на развитии и организации своего государства на востоке. Его достижениям там содействовало и то, что он единственный из офицеров Александра не отверг свою персидскую жену. Более того, Апана была дочерью Спитамена, великого вождя, выступавшего против Александра 20 лет назад. Селевк провел в Бактрии столько вре-

мени, сколько Александр во время своих завоеваний, его достижения не описаны, но он, возможно, добился большего в смысле умиротворения и организации своих земель, чем Александр.<sup>22</sup>

Подобно Александру, Селевк двинулся в Индию. Он встретил столь же враждебный прием. К 305 г. до н.э. Северная Индия была объединена под властью Чандрагупты Маурьи. Селевку не было необходимости сражаться с каждым племенем и городом отдельно, но прогресса он не добился. Детали войны между двумя державами неизвестны, но Селевк проиграл. В 304 г. до н.э. или в начале 303 г. до н.э. был заключен мир, и Селевк передал значительные территории Чандрагупте: долина Инда была признана принадлежащей Маурьям, а также Арахозия и Паропамисады (то есть земли к югу от Гиндукуша).<sup>23</sup>

Селевк двинулся назад на запад в 303 г. до н.э. с армией, в состав которой входила очень сильная конница — род войск, особенно полезный на Востоке. У него было также много слонов, поскольку, как одно из условий мирного договора, Чандрагупта передал ему 500 слонов. Потребовался весь год, чтобы переправить их на запад, к этому времени осталось только около 480 слонов.<sup>24</sup> В результате Селевк твердо закрепился на Востоке и смог набрать там большую армию. Таким образом, когда в 303 г. до н.э. Селевк начал обратный путь на запад, под его командованием была необычная, но мощная армия: он добрался до Восточной Анатолии со слонами, 20 000 пехоты и не меньше чем 12 000 конницы.<sup>25</sup> Для любого другого военачальника того времени это было несбалансированное войско, но в результате оно оказалось победителем в войне. У Антигона всегда было преимущество контроля над большей частью оставшейся армии Александра и доступа к основным районам вербовки в Греции и Малой Азии, что позволяло ему сохранять военное превосходство. Он также получил сохранившиеся сокровища Ахеменидов и поэтому мог оплачивать свою армию. Ни Птолемей, ни Лисимах не имели такого доступа к богатствам. Первому приходилось нанимать воинов там, где можно, отсюда частично и происходит его стремление напа-

дать на Грецию, захватывать районы в южной части Малой Азии и контролировать Кипр и Киренаику. Захват Лисимахом Фракии дал ему доступ к фракийским войнам, и большая часть армии, которую он взял в Малую Азию в 302 г. до н.э., состояла из фракийцев. Кассандр был ограничен македонским набором и теми наемниками, которых мог себе позволить. Подкрепления Селевка были решающими.

Зимой 302 г. до н.э. главным театром военных действий была Анатолия, и Антигон внезапно был вынужден перейти к обороне. Деметрий и Кассандр оказались в патовом положении в Фессалии, но Кассандр удерживал армию Деметрия, которая была намного больше его собственной. Лисимах примерно с 30 000 воинов вел кампанию в Ионии и западной части Малой Азии, а затем отступил в огромный укрепленный лагерь на севере возле Дорилея. Антигон повел свои войска на север, им навстречу, взяв с собой огромные сокровища из хранилища в Каинде в Киликии. Некоторые из его командиров в Малой Азии перешли к Лисимаху — еще один признак неспособности Антигона вызывать настоящую преданность.<sup>26</sup> Селевк двигался со своей мобильной армией через Армянское нагорье, чтобы перезимовать в Восточной Анатолии.<sup>27</sup> Никто не был готов вести кампанию во время анатолийской зимы.

Птолемей перед лицом войны в Греции и Малой Азии не мог сделать многого. Его военные силы едва восстановились после катастрофы на Кипре четыремя годами раньше, а морские силы в это же время были почти уничтожены. Это мешало его участию, хотя он, очевидно, прилагал усилия для восстановления своих сил. Присоединившись к союзу, Птолемей смог двинуться в Южную Сирию, захватывая по дороге города, как и во время предшествующих кампаний последних двух десятилетий, но казалось маловероятным, что это окажет серьезное влияние на исход основных событий.<sup>28</sup>

Зимой Антигон проявил большую активность. Деметрий и его армия пришли из Греции бороться с Лисимахом.<sup>29</sup> В Сирии распространился слух, что Антигон разбил и Лисимаха и Селевка и движется сразиться с Птолемеем со всей своей арми-



ей.<sup>30</sup> Антигон направил отряд на Вавилон.<sup>31</sup> Ни одна из этих мер не сработала. Когда слухи дошли до Птолемея, он отвел свою основную армию назад в Египет, но оставил гарнизоны во всех занятых им городах.<sup>32</sup> Позже над ним насмеялись за это отступление, но если бы армия Антигона действительно наступала, он выбрал совершенно правильную стратегию: его враг был бы связан серией осад или блокирован на Синае и на Ниле. Армии союзников в Анатолии тогда двинулись бы на юг, и силы Антигона оказались бы между их армиями и армией Птолемея где-то в Южной Сирии.

Нападение на Вавилон было предназначено в основном для того, чтобы вынудить Селевка идти в Вавилонию. Это заставило бы его отбивать нападение на Вавилонию через Месопотамию. На этом пути ему пришлось бы пройти укрепленные города, основанные в западной части Месопотамии и Северной Сирии за последние несколько лет, переправиться через Евфрат и перейти через два высоких горных хребта Аманские горы и Тавр, оба трудные для прохождения армий. Антигон мог задержать его у любого из этих переходов и переправ на неопределенное время, но особенно у Тавра, где для блокирования Киликийских ворот был нужен очень небольшой отряд.

Селевк, пройдя с севера, очевидно, избежал всего этого и проигнорировал рейд на Вавилон. Вместо этого он прошел в Анатолию через Армянское нагорье и разбил лагерь на зиму в Каппадокии. Неизвестно о каком-либо сопротивлении его вторжению со стороны мидян, армян или каппадокийцев, хотя все они фактически были независимы. Без сомнения, Селевк заранее подготовил свое продвижение с помощью дипломатических контактов. Все это были соседи Антигона и, вероятно, боялись его так же, как и все остальные.

Когда из Греции прибыл Деметрий с основной армией Антигона, Лисимах был отброшен назад. Деметрий заключил перемирие с Кассандром, но половина его армии, греческие войска, выставленные в качестве армии Эллинского союза, были оставлены позади. Они просто отправились домой, предоставив возможность Кассандру господствовать в Греции. Союз

исчез. Кассандр направил больше воинов на помощь Лисимаху, хотя многие из людей погибли во время кораблекрушений на побережье Черного моря.<sup>33</sup>

Лисимах стремился выиграть время. Он уклонялся от встречи с Антигоном, перейдя из лагеря в Дорилее в другой лагерь ближе к маршруту подхода Селевка. Антигон не хотел нести потери при нападении на какой-либо лагерь. Лисимах придерживался той же тактики, которую Кассандр применял против Деметрия, без сомнения, он и Лисимах обсуждали это заранее. Деметрий расположился на зимние квартиры возле Пропонтиды, а Антигон возле старого лагеря Лисимаха. Антигону все еще противостояли три вражеские армии, но он собрал свои основные силы. Лисимах располагался близко к Селевку, и весной они соединились.<sup>34</sup>

После нескольких маневров весной в западной части Центральной Анатолии состоялась битва при Ипсе. Силы союзников были более или менее равны соединенным силам Антигона и Деметрия, за исключением того, что у Селевка было в пять раз больше слонов и перевес в коннице. Конница Деметрия отбросила часть союзной конницы под командованием сына Селевка Антиоха, но Антиох связывал его, а слоны Селевка не позволяли Деметрию развернуться. Пехоте Антигона угрожали и оставшаяся часть кавалерии Селевка и слоны, часть фаланги сдалась, остальные были разбиты. Антигон, которому было больше 80 лет, погиб в бою. Деметрию удалось спастись.<sup>35</sup>

Война шести царей, первоначально разделенных несколькими тысячами километров, еще более необычна, чем кампании Филиппа и Александра или Антигона и Эвмена. Она многое говорит об основных участниках: изобретательности Селевка, осторожности Птолея, беззаботности Деметрия, упрямстве Лисимаха, старости и медлительности Антигона, хитрости и аккуратности Кассандра. Решимость союзников также показывает тот страх, который вызывали у них амбиции Антигона, ведь в прошлом они все нарушали подобные коалиционные соглашения и действовали прежде всего в собственных интересах. Союз не мог продолжаться после битвы:

он не продлился даже до следующего соглашения, но не было и причин для этого.

Трое из победителей были современниками и соратниками Александра, а Кассандр был более молодым. Все они сохранили воспоминания, и, возможно, очень яркие, о победителе и о захваченной им огромной империи. Антигон и Деметрий стремились восстановить эту империю, но были остановлены своими противниками. Однако Деметрий остался в живых, сохранив небольшую армию и контролируя огромный флот.<sup>36</sup> Избавившись от погони, он мог рассчитывать на приличную территорию, находящуюся все еще под его контролем — Коринф, Беотию, часть Пелопоннеса, несколько островов Эгейского моря, Кипр, Тир и Сидон в числе других; его флот господствовал на море. Однако Афины прислали сообщение, извещавшее его, что новый закон запрещает городу пускать царей в стены города и что жена Деметрия Деидамия изгнана, хотя его корабли были ему возвращены.<sup>37</sup> Поэтому у Деметрия осталось довольно разнородное царство, возникшее из пыли и смерти битвы. Такой контроль обладающего флотом царя над далеко расположенными территориями не был чем-то необычным, Птолемей находился в подобном положении в течение десяти лет.

Больше всего в результате победы выиграл Лисимах, что может быть и справедливо с учетом его отчаянного участия в войне. Он захватил западную и центральную часть Анатолии и правил, таким образом, значительной территорией от Дуная до Тавра с центром на Проливах и в его новом городе Лисимахии. Селевк завладел территориями к югу и востоку от гор, хотя они составляли всего лишь северную часть Сирии. Птолемей настаивал на том, что ему должна отойти южная часть Сирии от реки Элевтер до Газы за исключением городов Деметрия Тира и Сидона. Селевк поэтому передвинул свою западную границу только от середины Месопотамии до Сирийского побережья. Это казалось недостаточной наградой за его великий марш с востока и за обладание одержавшим победу в битве оружием — слонами и конницей. Кассандр, избавленный от давления армии Деметрия и с радостью наблюдавший распад Эллинского союза, ничего не получил для себя, но его брату

Плистарху было дано странное царство из нескольких провинций вдоль южного побережья Малой Азии от Карики до Киликии. Без сомнения, это было средством разделить Селевка и Лисимаха, но проект оказался неудачным.<sup>38</sup>

Завоевание Птолемеем южной части Сирии вызвало раздражение Селевка, который жаловался, но затем клятвенно заверил, что не будет воевать со своим старым другом. Довольно разумно посчитав это открытой угрозой, Птолемей в 300 г. до н.э. заключил союзы с помощью браков и с Кассандром и с Лисимахом. Они были направлены и против Селевка и против Деметрия, морская сила которого ущемляла интересы всех царей в Греции, в Ионии, на Кипре и в Финикии. В ответ Селевк и Деметрий, оказавшиеся в изоляции, образовали собственный союз. Селевк, персидская жена которого Апама, по видимому, умерла, женился на дочери Деметрия Стратонике. По пути на восток Деметрий захватил Киликию, часть неудачно образованного царства Плистарха.<sup>39</sup>

Возрождение Деметрия было угрозой всем остальным. Все цари стали думать об обороне. Самый соиздательный ответ дал Селевк. Его основная проблема проявилась во время закончившейся Ипсом кампании, когда прошел пересчет его армии: он пришел всего с 20 000 пехоты. Кассандр же из намного меньшего царства направил столько же воинов Лисимаху и столько же оставил в Македонии. Лисимах, новый сосед Селевка, привел для битвы армию из более чем 30 000 пехоты, а теперь мог рассчитывать на огромные людские ресурсы Западной Малой Азии. Селевк был наиболее бедным с точки зрения людских ресурсов, несмотря на конницу и слонов. Кроме того, в Северной Сирии он захватил практически незащищенный регион, через который неоднократно проходили Александр, Эвмен и Антигон. Одна из причин, по которой Птолемей всегда ограничивался южной частью Сирии и Финикией, заключалась как раз в том, что на севере не было защищенных городов, с помощью которых он мог бы закрепить свою власть. И соседи Селевка — Птолемей, Деметрий и Лисимах — едва ли были самыми дружелюбными царями, будь то по отношению к нему или друг к другу.

Селевк занялся решением этой проблемы с помощью одного грандиозного мероприятия. Он основал целую группу городов в своей новой провинции. Четыре величайших города в Восточном Средиземноморье были превращены в географический четырехугольник и были названы в честь членов его семьи – Антиохия в честь его отца, Лаодикея в честь его матери, Апамея в честь жены, Селевкия в честь его самого. Каждый город был размером почти с Александрию Египетскую, снабжен укреплениями и населен частично греческими иммигрантами, частично сирийцами с окружающих территорий. Таким образом, Селевк создал хорошо укрепленный регион, называвшийся Селевкия: два города на берегу были превращены в крупные порты и базы военного флота, два внутренних города блокировали подходы со стороны суши с юга, со стороны земель Птолемея. Население каждого из четырех городов выросло до 100 000 человек, а в Антиохии со временем в три раза больше.

Города выростали не на пустом месте. Антигон строил свою новую Антигонию вблизи того места, где была основана Антиохия. Селевк сыграл этим козырем дважды, во-первых, основав четыре города, а не один, а во-вторых, уничтожив Антигонию и включив это место в Антиохию в качестве одной из составляющих ее деревень. Возможно, он намечал в качестве главного города Селевкию: она носила его имя (как и город, который он основал в Вавилонии), она располагалась на побережье, и здесь находились захоронения династии. Расположенная в глубине Антиохия была в лучшем положении с точки зрения снабжения продовольствием с окружающих равнин и была меньше открыта нападениям с моря, поэтому она росла, а Селевкия нет.

Селевк пошел еще дальше. В Северной Сирии находилось несколько очень небольших основанных Антигоном поселений, и он превратил их в еще шесть городов. Они заняли территорию между основной группой из четырех городов и рекой Евфрат: Кирр, Халкис и Бероя были названы в честь городов Македонии, Зевгма была важнейшим пунктом переправы через Евфрат, Иераполь был местным храмовым поселением,

расширенным до статуса города, Никополь был назван в честь случившейся позже неподалеку победы Селевка, возможно над Деметрием. Эти пункты могли быть источником опасности, поскольку их греческие и македонские жители первоначально были подданными Антигона и могли испытывать лояльность по отношению к царю Деметрию. Брак со Стратоникой помогал решить эту проблему, а приход нового населения разбавлял старое.<sup>40</sup>

Потребовалось время, чтобы построить и заселить эти места, но заманчивые предложения щедрых раздач земли и нового дома в новом городе достаточно быстро привлекли людей, мы знаем о группах поселенцев из Афин, с Кипра и с Крита. Были, несомненно, и другие, о которых мы не знаем, и чем больше их приезжало, тем больше становились экономические и военные ресурсы Селевка. Большинство иммигрантов должны были быть молодыми, возможно образованными и, вероятно, военным опытом. Большинство молодых горожан-мужчин служили некоторое время в армии, а затем составляли военный резерв, или предпочитали остаться в профессиональной армии. Селевк, таким образом, бесплатно получал военный резерв. В течение 20 лет он создал достаточно большую армию, чтобы быть способным сразиться и победить Лисимаха. Потребовалось время, чтобы построить новые города, но затраченное время было меньше, чем можно было предположить — объявление о том, что города существуют, стало политическим и военным заявлением, которое могло определенным образом настроить царей и государственных деятелей. Эти укрепленные пункты теперь существовали, даже если их строительство еще не завершилось.

Реальную опасность представлял не Птолемей, он всегда хотел получить южную часть Сирии как передовую оборону для Египта, но никогда не изъявлял желания двигаться дальше. Он определенно не стремился захватить всю империю. Если бы он захотел двинуться из Южной Сирии, ему пришлось бы прежде всего устранить угрозу со стороны городов Деметрия — Тира и Сидона, — которые уже стали базой набегов Деметрия на такие удаленные объекты, как Самария в Палести-

не, возможно произошло в 298 г. до н.э.<sup>41</sup> Птолемей, по меньшей мере для Селевка, не был самой первоочередной угрозой.

Устранение Антигона, таким образом, не решило ничего. Птолемей и Кассандр все еще оставались основными препятствиями для любого из царей, желающего восстановить империю Александра. Другой угрозой был Лисимах, который никогда не проявлял желаний возродить империю. Неудовлетворенными среди царей остались Деметрий и Селевк. Первый хотел вернуть утерянные территории своего отца, последний был раздражен действиями Птолемея в Сирии, которую он считал частью своей добычи после Ипса. Он был зажат между своими соседями Птолемеем, Деметрием и Лисимахом, каждый из которых в жизненно важных вопросах был сильнее, чем он. Селевк спас Деметрия на некоторое время, но только из своих собственных соображений, и ни один из них не был предан союзу. Деметрий был еще более беспокойным персонажем, чем Селевк, и казался всем еще большей угрозой, чем был его отец.

*Новые цари Македонии, 298–291 гг. до н.э.*

Деметрий был угрозой любому царю, поскольку стремился к мести, был наследственно амбициозным, обладал большими военными способностями и владел территориями, граничащими со всеми владениями своих противников. Его города Тир и Сидон были шипами в боку у Птолемея, но они были также желанными объектами для Селевка. Его земли в Малой Азии первоначально принадлежали Плистарху и граничили с землями Селевка, в Сирии и Лисимаха. Земли были отобраны у брата Кассандра, и некоторые города Птолемея были их соседями. Его власть над Кипром создавала постоянную угрозу с моря побережью Сирии и Египта, особенно потому, что ни Селевк, ни Птолемей не могли выставить равную военно-морскую силу, а Птолемей хотел вернуть остров себе. В западной части Малой Азии Деметрий удерживал Эфес и другие города в Ионии, возможно включая Эритрею и Клазомены, это раздражало Лисимаха. Эфес находился в состоянии войны с тираном Приены, который по этой причине был на стороне Лисимаха. Ситуация была готова к дальнейшему развитию, если бы кто-либо из царей посчитал это необходимым. В Греции Деметрий удерживал Коринф и несколько других пунктов; его флот, возвращенный Афинами, когда город не позволил ему вернуться после Ипса, обеспечивал ему мобильность, а Македония Кассандра находилась рядом.

Афины все еще были самым сильным городом-государством Греции, и в 299 г. до н.э. правящий режим, отказавшийся от Деметрия, заключил мир с Кассандром, совершенно очевидно стремясь к нейтралитету. Город был политически нестабилен с внутренними конфликтами и спорами между полководцами и торговцами. Командир наемников Лахар встал во главе города в 298 г. до н.э. и принял сторону Кассандра.<sup>1</sup>



На некоторое время Афины можно было не принимать в расчет, но при этом они были неуязвимы.

Кассандр выдержал нападение Деметрия в 302 г. до н.э. более или менее без потерь, но он потерял множество воинов в ходе войны в Фессалии, в Азии и на море. После этого он был не способен оказывать значительное влияние на ход борьбы, в результате которой было уничтожено странное царство его брата в южной части Малой Азии, но его интересы никогда и не уходили далеко от Македонии и Греции. Он и Лисимах были коллегами и соседями, которые никогда не вмешивались в дела друг друга и защищали свои границы. Такое состояние сохранялось даже тогда, когда Лисимах владел Малой Азией. Когда Плистарх потерял Киликию, Лисимах выделил для него княжество в Карию.<sup>2</sup> Плистарх стал одним из нескольких правителей, в основном македонцев, которые контролировали важнейшие дороги в Малой Азии. Этих людей обычно называют «династами», и во многих случаях они передавали свои владения детям, некоторые уже занимали свои места, когда их владыкой стал Лисимах, в том числе Доким и Темисон, основавшие названные в их честь города. Кария была особенно богата такими людьми, без сомнения, из-за своей сложной и запутанной географии. Плистарх присоединился к контролировавшим ее части Асандру, Эвполему и Олимпиху. Основанная Лисием династия правила из города во Фригии; позже младший сын Селевка Никатор обосновался в Лидии. Другим примером был правитель Пергама Филетер.

Существование подобных владений превращало Малую Азию в достаточно разнородное сообщество, отличающееся от всех остальных. Эти люди были полезны царям, потому что они контролировали значительный регион, и обычно на них можно было положиться и в сфере управления и в сфере обороны. Очевидно, они были и настолько же опасны, и не один из них стремился добиться независимости и даже царствования в следующем столетии. Филетер в Пергаме был основателем династии Атталидов, потомки Олимпиха на некоторое короткое время стали независимыми. Доким легко менял стороны в ранних войнах. Малая Азия совершенно очевидно нуж-

далась в твердой, но деликатной царской власти, иначе она распалась бы на мелкие враждующие княжества.<sup>3</sup>

В Македонии Кассандр столкнулся с теми же проблемами, что и его предшественники Аргеады. Как и Филипп II, он часто вступал в конфликты с царством эпиротов и неоднократно вмешивался во внутренние дела Эпира, чтобы сменить там правителей.<sup>4</sup> Он пытался доминировать в Греции, хотя бы для того, чтобы не дать это сделать другим — Антигону, Птолемею, Деметрию, но продвинуться на юг дальше Афин оказалось трудно. Воины Кассандра оккупировали Коринф только потому, что Птолемей уступил ему город; и они с легкостью отдали его Деметрию. Кассандр в значительной степени действовал как типичный македонский правитель IV в. до н.э. с ограниченным диапазоном международных интересов.

Возвращение Деметрия в Грецию после Ипса создало беспокойное и дышащее местью состояние в сложной и запутанной ситуации. Его союз с Селевком через год предоставил ему международную поддержку, а завоевание Киликии принесло царские сокровища в Каинде — 1400 талантов. Тем не менее он не вмешивался в морские экспедиции Кассандра на остров Керкира в Ионийском море в 298 г. до н.э. — Агафокл с Сицилии не позволил захватить остров.<sup>5</sup> Но на следующий год и без того нестабильная ситуация в Греции ухудшилась в результате смерти Кассандра.

Говорили, что он умер от изнуряющей болезни, возможно от водянки или туберкулеза.<sup>6</sup> Как обычно, за его смертью последовало несколько конфликтов в царской семье, на этот раз в результате этих споров была устранена вся семья. Смена династий не изменила Македонию: регулярный коллапс был свойственен не только семье Аргеадов, это было наследственное явление в политике и обществе Македонии. Кассандр делал все что мог, чтобы избежать кризиса престолонаследия: он был успешным правителем, он ассоциировал себя с прежней царской семьей с помощью брака, и у него было три почти взрослых сына, которые могли быть наследниками; его вдова могла наблюдать за ними. Но этого было недостаточно. Сначала царство без проблем перешло к старшему сыну Кассандра Филип-

пу IV. За ним стояла его мать Фессалоника, ее происхождение определенно помогло Кассандру в его македонской карьере, оно же было и подспорьем ее детям. Но Филипп IV прожил всего четыре месяца.<sup>7</sup>

В Афинах местные противники Лахара захватили власть над Пиреем, сам он продолжал оставаться у власти в городе. Лахар был сторонником Кассандра, который, по сообщениям, и призывал его сделать этот шаг. Его смерть прекратила дальнейшую помощь со стороны Македонии. В результате Афины были парализованы, и, с учетом внезапного отсутствия царской власти в Македонии, единственным, кто мог выиграть в этой ситуации, был Деметрий.<sup>8</sup>

Кассандр вмешивался также во внутренние дела Эпира и поддерживал Неоптолема в борьбе за царство с его двоюродным братом и соперником Пирром (Неоптолем был племянником Олимпии, Пирр был внуком царя Аррибы, изгнанного Филиппом II). Побежденный в 302 г. до н.э. Пирр на некоторое время стал солдатом фортуны и неизбежно присоединился к врагам Кассандра. Сражаясь на стороне проигравших при Ипсе, он спасся и служил офицером у Деметрия до 297 г. до н.э., когда последний направил его в качестве заложника к Птолемею. Птолемей был расположен к нему, отдал ему в жены свою дочь Антигону и помог ему вернуться в Эпир в качестве царя.<sup>9</sup> Это произошло вскоре после смерти Кассандра, когда к власти пришел Филипп IV. Жена Пирра Антигона вскоре умерла, и он женился второй раз на Ланассе, дочери царя Сицилии Агафокла – еще одного врага Кассандра. В качестве приданого она принесла ему остров Керкира, тот самый остров, который Кассандр пытался захватить незадолго до смерти.<sup>10</sup> Целью Кассандра было завладеть плацдармом, с которого он мог угрожать Эпиру, для земель Пирра это было передовое укрепление.

Пирр приказал убить своего соперника Неоптолема, заявив, что ожидал аналогичной судьбы для себя.<sup>11</sup> Но основной причиной, по которой он смог утвердиться у власти в Эпире, было то, что на захват им власти не последовало реакции со стороны Македонии. Филипп IV правил до своей

смерти всего четыре месяца. В момент смерти он оказался в Элатее в Фокиде, возможно потому, что он находился в пути, чтобы начать процесс восстановления власти Македонии в Греции, без сомнения поддерживая «тиранию» Лахара в Афинах. Если это было так, то экспедиция сразу же прекратилась.

Филиппу наследовали оба младших брата — Антипатр и Александр IV, они вместе стали царями. Это было организовано Фессалоникой, которой и принадлежала реальная власть.<sup>12</sup> Старшему из них — Антипатру — было около шестнадцати лет, и это давало его матери власть регентши. Говорили, что она покровительствовала Александру, младшему мальчику, но не могла обойти Антипатра, возможно, в этом ей препятствовало собрание, которое должно было выбирать нового царя. Результатом стала парализация власти. Наследование в Македонии шло по прежним правилам. (Сходство с ситуацией в Вавилоне после смерти Александра Великого, возможно, было понятно каждому, но уроки предшествующих тридцати лет были проигнорированы.)

Выигравшим был Деметрий. Он предпринял попытку захватить Афины, когда там произошел раскол<sup>13</sup>, но успеха не добился. Он продолжал распространять свою власть на Пелопоннесе, обеспечивая безопасность своей базы в Коринфе. Деметрий вступил в конфликт с Селевком, который требовал, чтобы он отдал Киликию, Тир и Сидон; все это Селевк объявлял частью своей добычи как участника победы над отцом Деметрия.<sup>14</sup> Деметрий отказался и в 296 г. до н.э. провел некоторое время в восточной части Средиземного моря, чтобы убедиться, что его земли хорошо охраняются.

Краткая дружба Деметрия с Селевком теперь закончилась. Одним из результатов стало его новое стремление расширить свою власть в Греции, поскольку он совершенно очевидно нуждался в большей базе, если он хотел получить хоть что-нибудь. На Пелопоннесе он по какой-то причине столкнулся с мессенцами.<sup>15</sup> Затем он вновь обратил свое внимание к Афинам. Лахар теперь превратился в законченного тирана.<sup>16</sup> Это, возможно, убедило Деметрия, что у него есть хорошие шансы бы-

стро добиться успеха. Но он ошибся. Деметрий перечеркнул теплый прием, оказанный ему в Афинах много лет назад; нападение объединило против него большую часть афинян под властью Лахара.

Деметрий блокировал город, доводя его население до голода. Птолемей направил 150 судов из своего вновь отстроенного флота на помощь Афинам. Флот Деметрия из 300 кораблей блокировал его. Лахар оказался менее чем решительным предводителем и бежал, но афиняне продолжали бороться без него. Все же Деметрий одержал победу, и афиняне сдались. Он направил в город продовольствие, но поставил также и три гарнизона, чтобы установить полный контроль.<sup>17</sup>

Чтобы продемонстрировать свой успех, Деметрий устроил одно из своих театральных представлений. Было начало фестиваля Дионисия. Когда Деметрий вошел в завоеванный город, он приказал гражданам собраться в театре и окружил их своими вооруженными солдатами. Последовала пауза, достаточная, чтобы граждане были доведены до ужаса, затем Деметрий вошел в театр через сцену, как это делали трагические актеры — он действительно был одет в мантию бога. Жители испугались еще больше. После этого он объявил, что прощает афинян и дарит им зерно. Афиняне с облегчением закричали, и один из ораторов Дромоклид предложил передать Пирей и Мунихию царю в качестве баз для его гарнизонов. Поскольку Деметрий, вероятно, уже занял эти пункты, предложение Дромоклида стало просто деликатным подтверждением завоевания. Но Деметрий назначил в город своих чиновников, в том числе нового архонта-эпонима, что позволяло ему манипулировать календарем и начать новый год, чтобы отметить свое завоевание.<sup>18</sup>

Концентрация сил Деметрия в Греции и ожесточенная длительная борьба афинян делали другие его владения уязвимыми, в то время как победа приближала его к власти, а паралич власти в Македонии устранил какой бы то ни было местный баланс сил. Восточные цари вели переговоры, как ограничить возможный ущерб. Поход Птолемея в Эгейское море на помощь Афинам показал, что непрактично бороться с Деметри-

ем в Греции, поэтому они намеревались лишить его территорий, которые он мог использовать как передовые базы для нападения. Они не сомневались, что если будет возможность, Деметрий нападет.

Селевк захватил Киликию, что продвинуло вперед его границу и создало передовую линию обороны вдоль гор Тавр на случай, если у Лисимаха проявятся какие-то амбиции, и участок береговой линии с несколькими городами и портами, откуда при желании Селевк мог бы развернуть действия на море. Его новые сирийские города были теперь лучше защищены. Птолемей захватил Кипр, ему пришлось драться за него; по иронии судьбы он осаждал Саламин, где жили мать и дети Деметрия. Лисимах уничтожил удерживавшиеся Деметрием города вдоль Эгейского побережья Малой Азии от Абидоса на Геллеспонте до Эфеса. Таким образом, Деметрий захватил Афины, но потерял гораздо больше и теперь был ограничен Грецией и Эгейским морем.<sup>19</sup>

Быстрота этих завоеваний столь же замечательна, как и их координация. Только в Саламине было оказано какое-либо реальное сопротивление, возможно потому, что там находилась семья Деметрия. Другие столь же хорошо укрепленные города пали без сопротивления. Возможно, Деметрий лишил свои внешние владения войск, сделав их уязвимыми, чтобы сконцентрироваться на Греции. Без сомнения, это помогло убедить Птолемея, Селевка и Лисимаха начать совместные действия. Деметрий был захвачен врасплох, поскольку его семья была совершенно очевидно отправлена в Саламин из соображений безопасности.

Даже после того, как стали известны эти события, перед Деметрием открылись новые возможности. Нестабильная ситуация в царской семье в Македонии взорвалась. Фессалоника организовала браки обоих царей: Антипатр женился на дочери Лисимаха Эвридике, а Александр женился на дочери Птолемея Лисандре. В 294 г. до н.э. Антипатр, раздраженный недостатком власти и предпочтением, которое его мать оказывала его брату, убил ее и изгнал Александра из Пеллы, хотя и не из страны.<sup>20</sup> Александр обратился за помощью к Пирру и

Деметрию, продемонстрировав таким образом полную непригодность быть царем Македонии.

Пирр, находившийся ближе к Македонии, был первым, ценой его помощи были западные области Македонии Парония, Атинтания и македонские владения в Акарнании, включая город Амбракия, земли которого Филипп захватил за пятьдесят лет до этого. Затем он поставил царем Александра, но лишь отогнал Антипатра на восток за реку Аксию. Антипатр обратился за помощью к своему тестю Лисимаху, и тот посоветовал разделить царство. Пирр согласился. На время Македония была разделена на три части. Лисимаха не устраивала подобная нестабильность, но Пирр, без сомнения, был удовлетворен, увеличив собственное царство и ослабив Македонию. Пирр организовал примирение между братьями, а затем ушел. После этого с юга прибыл Деметрий.<sup>21</sup>

Он обнаружил, что все определенным образом успокоилось, встретился с Александром и поздравил его. Рассказ об их встрече показывает, что каждый замыслил убить другого, но успех сопутствовал Деметрию. Убийство произошло в Лариссе в Фессалии после первоначальной встречи в Дионе в Южной Македонии, поэтому у обоих было время, чтобы составить план убийства.<sup>22</sup> Чувства македонцев были ясно продемонстрированы, когда Деметрий предстал перед войсками Александра после убийства. Ему было нетрудно убедить их принять его и провозгласить царем.<sup>23</sup> Деметрий был женат на сестре Кассандра, поэтому их сын Антигон Гонат принадлежал к линии Антипатра, если это вообще считалось, а Деметрий обладал большей значимостью и более убедительной царской харизмой, чем два мальчика. Деметрий двинулся на север из Фессалии и был признан ассамблеей другой македонской армии, возможно в Пелле. Антипатр, проявив наконец некоторую рассудительность, бежал к Лисимаху.<sup>24</sup> Внезапно Деметрий, который в начале года обладал всего лишь флотом и несколькими городами, получил в свои руки Македонское царство.

На этот раз импульсивность Деметрия оказалась успешной, результатом стало быстрое восстановление международного значения Македонии. Способности Деметрия в сочета-

нии с его флотом и армией и военным потенциалом Македонии сделали это без дальнейших усилий, но оставался вопрос амбиций и намерений Деметрия. Аналогия с Филиппом II была слишком очевидной. Деметрий — царь Македонии и владыка Фессалии — контролировал большую часть Греции, все это было хорошей базой для достижения еще большей власти. В действительности же его границы и его положение в Греции были намного менее значительными и прочными, чем казалось.

Македония была существенно меньше, чем во времена правления Филиппа, и даже под властью энергичного царя ее относительная сила была не столь велика. Фракия была разделена и теперь находилась под влиянием царства Лисимаха в Малой Азии. Восточные границы Деметрия поэтому достигали сейчас только до Филипп, на западе Пирр не собирался отдавать свои недавние крупные приобретения. Кассандр сохранил царство в том виде, как им правил его отец, и господствовал в Эпире и в некоторых частях Греции. Царство Деметрия было значительно меньше.

Соседи Македонии также изменились. Лисимах был гораздо более сильным противником, чем сатрапы Малой Азии, противостоявшие Александру. За последние полвека возросли сила и значение Этолийского союза. Увеличившееся царство Пирра было более сильным, чем царство Аррибы и правителя Эпира Александра. Македония Деметрия поэтому была не только меньше, чем во времена Филиппа, но ее окружали и более могущественные соседи, которые к тому же инстинктивно опасались и Деметрия и Македонии.

Деметрий, естественно, уделял внимание всем этим регионам. Он установил хорошие отношения с Лисимахом, который предоставил убежище Антипатру, и поэтому потенциально мог создать проблемы.<sup>25</sup> Деметрий двинулся с войском в Фессалию и основал новый город Деметрию на заливе Волос вблизи от Пагас. Вероятно, это было самым долговечным из его предприятий. Наконец он добился самостоятельного царства без всякой помощи, так же как Птолемей, Селевк и Лисимах.



Перед Деметрием стояли примеры как Антипатра и Кассандра, так Филиппа и Александра, насколько по-разному можно использовать силы Македонии. Цари династии Аргеадов овладели Грецией и использовали свою военную силу для завоевания Азии. Антипатриды удовлетворились удержанием Греции и, насколько возможно, игнорировали Азию. Первая политика была славной, но ужасно дорогостоящей с точки зрения людских ресурсов Македонии. Последняя поддерживала внутренний мир в царстве и обеспечила восстановление после крайностей Александра.

Деметрий мог следовать любой из этих политик, и хотя не было сомнений, какой путь он выберет, стоило упомянуть о них. Он явно был охвачен желанием подражать Александру, с которым его сравнивали во многих отношениях, но хотел также отомстить за поражение и смерть своего отца. Его сын Антигон Гонат спустя два десятилетия оказался перед тем же выбором, он сохранил такую же лояльность своей семье и все же предпочел остаться царем Македонии. Но затем Македония прошла еще через один кризис престолонаследия, который повредил стране даже сильнее, чем прежде. Все же оба должны были выбирать, и они выбрали разный путь.

Для контроля над Грецией Деметрий должен был избавиться от враждебности со стороны Беотии, и в 294 г. до н.э. внезапным нападением, произведенным на следующий день после того, как объявление войны было доставлено на собрание беотархов, захватил ее. Это не только вызвало негодование в Беотии, но обеспокоило также и этолийцев.<sup>26</sup> Этолия — горный регион между Дельфами и Акарнанией — за предыдущие полвека развилась в хорошо организованный союз, который иногда вмешивался в дела в более широком греческом мире. Он еще не начал серьезно расширяться, поскольку находился между землями Деметрия и Пирра.

На следующий год Этолия позволила спартанскому принцу Клеониму пройти через свою территорию в Беотию. Беотийцы воспользовались его прибытием (Клеоним, возможно, привел с собой некоторые войска), чтобы выступить против власти Деметрия, но, как и Лахар, Клеоним не стал дожидать-

ся последствий своих действиях; Деметрий быстро оттеснил его. Подавленные быстротой и численностью Деметрия беотийцы снова сдались,<sup>27</sup> но попытались еще раз добиться свободы в 292 г. до н.э.<sup>28</sup> вместе с Этолийским союзом и Фокидой, образовав, таким образом, солидный блок в Центральной Греции.<sup>29</sup>

Методы управления Деметрия, очевидно, оказались неэффективными. По-видимому, он полагался на персональную харизму и щедрость по отношению к политическим оппонентам, чтобы добиться их поддержки, но в то же время размещал гарнизоны в определенных пунктах. Предводитель восстания беотийцев в 293 г. до н.э. Пейсис из Феспий был назначен *полемархом* своего родного города, видимо при встрече Деметрий добился его поддержки, но в Беотию был также назначен и губернатор. Все это, очевидно, было предназначено для умиротворения населения, но также показывает, что Деметрий не оценивал силы убежденности своих врагов. Было совершенно неэффективно завоевывать Беотию три раза за три года. Первые два завоевания были достигнуты прежде всего за счет быстроты и превосходящих сил, и ни в одном случае беотийцы не почувствовали реального поражения. В третьем случае восстание было вызвано известием, что Деметрий отплыл к Геллеспонту, когда услышал, что Лисимах испытывает трудности в борьбе на Дунае.<sup>30</sup> Поэтому у беотийцев появилась возможность подготовить новое восстание более тщательно и заключить союз с Этолией и Фокидой. На этот раз Деметрию для завоевания потребовалось два года, и ему пришлось осаждать Фивы.<sup>31</sup> Таким образом Деметрий был занят завоеванием и сохранением контроля над отдельным греческим регионом в течение пяти лет. Вряд ли это было продуктивным использованием времени, в то время как дипломатия могла гораздо проще разрешить ситуацию.

У Лисимаха были проблемы с гетами, царь которых Дромихет захватил его в конце 292 г. до н.э. Он был освобожден весной 291 г. до н.э., возможно заплатив выкуп.<sup>32</sup> В течение некоторого времени Лисимах воевал с гетами, что явилось одной из причин, по которой он не мог серьезно вмешаться в

кризис престолонаследия в Македонии. Ему не могло нравиться, что в результате кризиса восстановилась власть Деметрия. Участие в войне с гетами, которая, по-видимому, началась в 294 г. до н.э., без сомнения, заставило Лисимаха принять эту ситуацию, в то время как действия Деметрия в Беотии удерживали обоих царей на расстоянии. Когда Лисимах был захвачен в плен, Деметрий предпринял экспедицию против Херсонеса Фракийского, намереваясь захватить Лисимахию.<sup>33</sup> Ему это не удалось, а новое восстание в Беотии заставило его вернуться назад в Грецию. Никто не сомневался, что амбиции Деметрия не угасли.

Правление Лисимаха в Малой Азии не пользовалось поддержкой населения, может быть, потому, что он был еще большим автократом, чем Антигон. Лисимах ощущал постоянную угрозу со стороны Деметрия и Селевка. Ему приходилось содержать значительную армию, получая меньше налогов, чем Антигон, который контролировал также и Сирию, хотя Лисимах и захватил по меньшей мере две цитадели, хранившие сокровища Антигона. Он не смог расширить свою территорию в каком-либо направлении со времен Ипса за исключением ионийских городов Деметрия, а поражение от Дромихета фактически остановило любую экспансию на Балканах.

Народы вдоль побережья Черного моря на севере Малой Азии никогда еще не были завоеваны кем-либо из этих правителей. Пафлагония была окружена и сдалась Александру, но не похоже, чтобы это удалось кому-либо еще, а Пердикка был отвлечен в 321 г. до н.э. Вифинцы, фракийское племя, поселившееся к востоку от Босфора примерно в 297–296 гг. до н.э., по-видимому, смогли отстоять свою независимость от Лисимаха, вероятно, в это же время. Их правитель Зипоит принял титул царя, и это позже было увековечено названием новой эры. Жители побережья к востоку от Синопа образовали царство Понт под властью персидского правителя Митридата, который некоторое время был в союзе с Антигоном. Также поступили и армяне в своих трудно доступных горах, и тоже под властью персидского аристократа Оронта, потомка рода, пережившего поражение Ахеменидов и успешно сопротивляв-

шегося власти македонского сатрапа.<sup>34</sup> Расположенный между этими государствами, греческий город Гераклея Понтийская под властью семьи тиранов расширил свою власть и территорию. Нынешние тираны были сыновьями Амастрис, персиянки, которая в течение некоторого времени была замужем за Пердиккой, а во время Ипса — женой Лисимаха.

От Киликии на запад до Ликии вдоль южного побережья Малой Азии Птолемей удерживал или возрождал свою прежнюю власть. С учетом всего этого можно простить Лисимаху ощущение, что он находится в окружении, особенно после того, как Селевк получил контроль над Киликией и южными «воротами» из проходов через горы Тавр.<sup>35</sup>

Завладев тем, чего он всегда добивался — Палестиной, Финикией, Кипром, и, получив контроль над побережьем Малой Азии, Птолемей успокоился. Этого нельзя сказать о Селевке: у него было огромное царство, которым нужно было управлять, и, как и перед Лисимахом, перед ним стояли потенциальные угрозы с нескольких направлений: Птолемей мог решить расширить свои владения на север от реки Элевтер, поэтому Селевк должен был внимательно следить за севером Сирии. Огромные города, которые строил Селевк, со временем решают эту задачу, но требовалось время, чтобы построить, укрепить и заселить их. За горами Тавр ему противостоял Лисимах, больше всего Селевк должен был опасаться активного союза между Птолемеем и Лисимахом. В 298 г. до н.э. Лисимах женился на дочери Птолемея Арсиное, хотя Селевк лучше всех знал, сколь малое значение подобный брак имеет в реальности. Однако эти двое обладали потенциалом вытеснить Селевка с западных территорий без больших потерь. Приобретение Киликии продвинуло линию обороны Селевка вперед, но ценной дружбы с Деметрием. С 294 г. до н.э. Селевк оказался в международной изоляции.

Может быть, именно этот, связанный с Киликией, эпизод в конечном итоге оставил позади удивительный случай, связанный со второй женой Селевка. Первый раз он женился во время великой брачной церемонии, проведенной Александром в 324 г. до н.э., на дочери аристократа из Согдианы Спита-

мена Апаме. По сообщениям, это был единственный из тех браков, который не распался после смерти Александра. У них было два сына — Антиох и Ахей. Можно предполагать, что Селевк уже учитывал политическое значение своей жены, хотя прошли еще годы, прежде чем ее бактрийские связи оказались полезными, не следует исключать и взаимную привязанность. Установлению власти Селевка над Бактрией определенно помогло происхождение его жены.

Апама была еще жива в 299 г. до н.э., но, видимо, умерла в этом или в следующем году. В 298 г. до н.э. Селевк вновь женился — на дочери Деметрия Стратонике. (Селевкиды в отличие от Аргеадов, Птолемеев и Антигонидов не развивали традицию царской полигамии, что и позволяет предположить смерть Апамы.) У них была дочь Филадельфия. В 294 г. до н.э. или немного позже, однако, Селевк передал свою жену своему старшему сыну Антиоху. Древние историки рассматривают это как брак по любви, при котором Селевк игнорировал взаимное влечение жены и сына, пока не вмешался врач и не объяснил ему, почему его сын такой мрачный.<sup>36</sup> Однако это расставание произошло вскоре после дипломатического разрыва с отцом Стратоники Деметрием; и новобрачные Антиох и Стратоника отбыли, чтобы править восточной частью царства.<sup>37</sup> Таким образом, Селевк решал сразу несколько проблем: привязанность его сына к мачехе, которая была, видимо, взаимной, хотя историки не знают о чувствах Стратоники; напряжение внутри его семьи и, возможно, в царстве, вызванное разрывом с Деметрием; и потребность в человеке, которому он мог доверить управление восточными землями. Это было хорошее решение, которое, видимо, было выработано во время семейной встречи заранее, и оно подтверждает гибкость и политическое чутье Селевка, точно так же как и строительство городов, которые блокировали несколько потенциальных угроз его власти в Сирии, а также увеличили его военный потенциал, население и богатство его царства.

Деятельность Антиоха на Востоке известна лишь из фрагментарных источников, но она была основой консолидации греческого присутствия в Бактрии. Он правил там больше де-

сяти лет, по-видимому, ему помогали полководцы Демодам и Патрокл. Были основаны или возрождены города Александрия Эсхата, Самарканд, Александрия в Маргиане (которая стала Антиохией) и город Ай-Ханум. Патрокл исследовал Каспийское море. С империей Маурьев сохранялся мир, а вторжения кочевников с севера отражались.<sup>38</sup> Отправив Антиоха на восток, Селевк развязал себе руки и мог сконцентрироваться на проблемах на западе. И Лисимах, и Птолемей также накапливали силы в ожидании предполагаемых действий Деметрия.

Именно в этом заключается значение попытки Деметрия захватить Херсонес Фракийский. До 291 г. до н.э. он действовал во многом так же, как Кассандр и Антипатр, стремясь укрепить свою власть в царстве и в Греции. Он держался за Афины и Коринф и предпринимал серьезные попытки добиться контроля над Беотией. Его успехи были достаточны для того, чтобы убедить Пирра и Этолию создать союз против него, но без особого успеха. Но нападение на Лисимахию показало настоящего Деметрия. Он не хотел быть только царем Македонии, он собирался использовать ее силу, а также и силу Греции, чтобы попытаться восстановить царство своего отца. Он был ожившим Антигоном, а не просто другим Кассандром. Ответом на это стало возрождение того же союза, который устранил Антигона.

*Царь Деметрий и его враги, 291–285 гг. до н.э.*

Война Деметрия с Беотией рассматривалась как угроза всеми соседями. Беотийцам помогали этолийцы и Пирр, который вступил в войну, вторгшись из Эпира.<sup>1</sup>

Кассандр был удовлетворен тем, что правил только одной Македонией и постоянно сопротивлялся претензиям Антигона. Но Македония все еще оставалась колыбелью воинов, и если бы один из восточных царей смог объединить ее с более крупным царством, он бы добился подавляющего превосходства. Намерения Антигона сделать это заставили остальных объединиться и выступить против него.

Вступление на престол Деметрия ознаменовало фундаментальные изменения в геополитике Восточного Средиземноморья. Македония теперь больше не была препятствием к восстановлению империи, вместо этого она стала средством, с помощью которого это восстановление могло быть осуществлено. Намерения Деметрия стали очевидны в 294 г. до н.э., еще до его вступления на престол, когда он захватил контроль над Афинами – основным источником власти в регионе с их торговым богатством и кораблестроительными доками, внушительной репутацией и военным потенциалом. Впервые со времен Александра в Греции и Македонии появился правитель, который стремился направить могущество этих земель на реализацию программы завоевания.

И все же со времен Филиппа и Александра многое изменилось. Деметрию предстояла гораздо более трудная задача утверждения своей власти в Греции, чем любому из более ранних царей. Осада Фив заняла примерно два года, и ему оказалось очень трудно завоевать Афины. Он был известен своими осадами именно потому, что его враги отказывались сражаться с ним в открытых битвах и вместо этого предпочитали свои собственные способы борьбы. Любой правитель Македонии к

этому времени должен был понять, что завоевания греческого города недостаточно. Его необходимо было также и удерживать, устанавливая там правительство, которое можно было бы контролировать, а следовательно, не демократическое, а также размещая там гарнизоны. Чем больше городов, тем больше войск поглощали эти гарнизоны. Когда Деметрий наконец захватил Фивы, он поставил там гарнизон и губернатора, в дополнение к тем, которые уже находились в Халкиде, Афинах, Коринфе и других местах. Это была противоположность политике Филиппа и Александра.

Пирр вмешался в войну Деметрия в Беотии, вторгшись в Фессалию и, таким образом, перерезав наземные коммуникации между Македонией и Беотией. Деметрий быстро отбросил захватчиков, но ему пришлось оставить десять тысяч гоплитов и тысячу всадников в Фессалии, чтобы предотвратить повторение вторжения.<sup>2</sup> Этолийцы также приняли участие, хотя сделали это не открыто. Обычный военный набор в Македонии плюс Фессалия составлял около 30 000–35 000 человек. Деметрий использовал треть македонского военного потенциала только для того, чтобы удерживать Грецию.

Он вербовал наемников, но они стоили дорого; македонцы тоже, но их можно было мобилизовать в случае необходимости и снова быстро отправить домой. Деметрию пришлось ввести большие налоги. Это было необычно для Македонии. Филипп II полагался на контроль над ресурсами шахт и портовые сборы, но он всегда тратил все свои деньги, когда он умер, в сокровищнице ничего не осталось. Александр сталкивался с проблемой отсутствия денег в течение года после того, как отправился в свою великую кампанию. Македония даже вместе с Фессалией и даже выжимая, насколько это возможно, деньги из Греции не могла содержать большую армию ни с точки зрения численности, ни с точки зрения финансов. Разруха и проблемы предыдущих сорока лет, потери территорий, истощение людских ресурсов значительно уменьшили возможности Македонии. Оценка доступной Деметрию военной силы в 30 000–35 000 человек значительно меньше, чем могло быть в распоряжении у Александра, а Деметрий строил еще и флот.



Монетные дворы в Македонии — в Пелле и Амфиполе — и в контролируемых им греческих городах активно работали, без сомнения используя все драгоценные металлы, которые мог достать Деметрий. Наибольшая производительность была у расположенных в городах, где происходило строительство кораблей; это была очень дорогостоящая деятельность.<sup>3</sup>

Деметрий, очевидно, намеревался финансировать свою кампанию за счет военной добычи, как это делал Александр, но пока ему приходилось финансировать свою армию и свой флот за счет налогов с Македонии и тем, что он мог добыть у побежденных и возмущенных греков. Городам было приказано предоставлять большие суммы. Один из них — Эретрия на Эвбее — по призыву городского философа добился уменьшения своего взноса с 200 до 150 талантов. Эти суммы могут быть не совсем точными,<sup>4</sup> но для небольшого города даже половина этой суммы была огромной нагрузкой. Налоги с Греции, без сомнения, должны были составлять тысячи талантов.

Враг, с которым предстояло столкнуться Деметрию, также был другим. Кампания Александра по завоеванию Персидской империи была выиграна отлично тренированными, хорошо управляемыми, тактически гибкими армиями, привыкшими к кампаниям и сражениям. Противник представлял собой самоуверенную аристократию и ненадежного царя, боевые подразделения которых обладали слабой военной дисциплиной. Деметрий намеревался вести кампанию с разнородной армией, в основном состоящей из наемников, которые раньше не воевали вместе, против армий городов со сходной или равной дисциплиной и принадлежащих к той же военной традиции. Александр завоевал Персию в трех битвах и трех осадах, главной его целью было поражение Дария. После этого весь мир от Эгейского моря до Инда был открыт. Деметрию предстояло вторгнуться в несколько царств, имевших очень похожие на его собственную армии, которыми управляли цари, с равным или большим, чем у него, военным талантом. Более того, эти цари заключили союз, чтобы решительно противостоять ему. Фактически он должен был,

имея ненадежную и истощенную базу, сражаться с тремя македонскими царями, каждый из которых имел профессиональную македонскую армию. Кампания совершенно определена была бы намного сложнее, чем у Александра.

Нестабильность политического положения Деметрия была очевидна для его врагов. Александр мог полностью полагаться на лояльность Македонии и рассчитывать на Антипатра для защиты царства, удержания положения, которого он добился в Греции, и при необходимости получения подкреплений. У Деметрия ничего этого не было. Отправляясь в кампанию, он оставил управлять Грецией своего сына Антигона Гоната, но с небольшим количеством войск и без поддержки на местах. Малейшая слабость, самое незначительное поражение могли вызвать восстание среди не желающих его власти греческих подданных и дезертирство его наемников.

Ему требовалась гораздо большая армия, чем Александру. При Ипсе в 301 г. до н.э. Лисимах выставил по меньшей мере 40 000 человек, а Селевк 30 000, с тех пор оба расширили свои территории. Армия Лисимаха сейчас включала многих из тех, кто при Ипсе сражался на стороне Антигона. Селевк усердно работал, привлекая колонистов, которых можно было бы мобилизовать в армию. Птолемей, возможно, был самым слабым из троих с военной точки зрения, но у него был флот из 50 кораблей, а его царство в Египте обладало значительными географическими преимуществами с точки зрения обороны. Если эти три царя смогут объединить свои силы, они будут превосходить армию Деметрия. Даже война с каждым из них по отдельности была нерадостной перспективой.

Земли, в которые он собирался вторгнуться, были укреплены гораздо более эффективно, чем во время похода на восток Александра. Александр столкнулся с укрепленными городами только на западе (Галикарнас, Тир, Газа) и в Индии. Большинство же современных Деметрию городов были укреплены на уровне последних достижений, предназначенных для отражения атак с использованием тех машин, которые Александр привез с собой. Это было частично результатом деятельности самого Деметрия, поскольку его осады

показали, что необходимо противостоять умению и энергии, которыми он обладал. Его репутация как специалиста по осадам была основана не на количестве осад, которые завершились его победой, а на общем числе осад, под его командованием; он проигрывал так же часто, как и побеждал. Новые укрепления были очень эффективным средством обороны,<sup>5</sup> и каждая осада стоила времени, жизней, ресурсов и денег. Противостоявшие ему полководцы были профессиональными стратегами и определенно превосходили Деметрия в военном деле. Они не собирались преодолевать силу Деметрия, а намеревались использовать его слабости, и одной из них была его слабая ресурсная база. Связав армию Деметрия несколькими осадами, они быстро добились бы его поражения в войне.

Существовало, однако, несколько реальных факторов, действовавших на стороне Деметрия. Бывшие подданные его отца в Малой Азии и Сирии, возможно, испытывали ностальгию по временам его правления. Власть Лисимаха над народами Малой Азии была гораздо более жесткой. Деметрий мог ослабить силы Лисимаха, обратившись к своим старым подданным, но только в том случае, если бы начал одерживать победы. Он мог привлечь на свою сторону тех, кто знал о достижениях Александра и хотел повторить приключения своих отцов. Если бы Деметрию удалось быстро разбить армию Лисимаха, последний мог лишиться всего царства. С Селевком было бы сложнее. Сам размер его царства, его политическое чутье и стратегический ум и проверенная лояльность его людей было гораздо труднее преодолеть. Лояльность старых подданных Антигона под властью Селевка по отношению к Деметрию можно было иметь в виду, но энергичная деятельность Селевка по колонизации разбавила их, а новые колонисты были лояльны только Селевку.

Затем были сыновья царей. Сын Селевка Антиох правил в Восточной Персии от имени своего отца. Он доказал свою лояльность отцу и был способным воином. Антиох также был царем, поэтому если бы Деметрий победил Селевка, ему пришлось бы еще противостоять Антиоху, который пришел бы с

армией с востока, стремясь отомстить, а Деметрий знал все о желании отомстить за смерть отца. Старший сын Лисимаха Агафокл был столь же способным воином, как Антиох, и лучшим командиром, чем его отец, что он вскоре и доказал. Старший сын Птолемея, будущий Птолемей II, был уже взрослым и скорее администратором, чем воином, но Египетское царство хорошо укрепилось в городах Финикии, и его компетентно защищала профессиональная армия за барьером Синайской пустыни. Любая объективная оценка плана объединить империю Александра, завоевав весь мир во второй раз из Македонии, привела бы к выводу, что в 280 г. до н.э. это было невозможно.

Но случались и более странные вещи. Деметрий не был глупцом, хотя, возможно, был недалеконвидным и слишком амбициозным человеком. Он, конечно, понимал эти сложности, но, в конце концов, он вырос, наблюдая, как развивался мир вокруг него. Отказавшись от кампании по завоеванию мира, Деметрий мог стать другим Кассандром, царем македонцев только в Македонии, и периодически воевать против греков и варваров. Пройдя весь Средний Восток, он еще в меньшей степени, чем его отец, был готов удовлетвориться чем-либо, кроме всего наследия Александра. Но он не был столь же терпеливым, как его отец, потому что противостоявшие ему царства с каждым годом, потраченным им на подготовку, становились сильнее и укреплялись еще больше. Масштабы его планов соответствовали его предприятию. Он вербовал наемников по всему Средиземноморью и построил флот из 500 кораблей; даже включая уже имевшиеся у него ранее корабли, это была грандиозная программа – возможно, 200–300 судов. Флот такого размера легко мог победить флот Птолемея, единственный противостоявший ему флот подобного размера. Но такой флот потребовал бы по меньшей мере 50 000 человек, поскольку Деметрий построил много очень больших судов – по меньшей мере у одного из них на скамью гребцов приходилось 16 человек, у другого – 15, еще у многих – по 5 или 7. Помимо сухопутных войск, численность которых, по сообщениям, доходила до 98 000 пехоты

и 12 000 конницы, необходимо было огромное число людей. Существуют большие сомнения относительно точности этих цифр, и они действительно кажутся очень большими, но они вполне соответствуют той задаче, которую поставил перед собой Деметрий.<sup>6</sup>

Все это потребовало от Деметрия огромных физических затрат, он часто посещал доки, чтобы лично проверить работу.<sup>7</sup> Ему приходилось следить за сбором воинов и подготовкой продовольствия, и все его монетные дворы были очень заняты. Неизбежно не решались и другие задачи. Он стоял во главе страны, где каждый македонец рассчитывал на прямой доступ к царю, но при Деметрии они не имели этого. Его нагрузка была слишком велика, но это также было против его личных наклонностей. В этом он значительно отличался от своего отца.

Всю жизнь Деметрий был богатым, и у него выработались привычки выставляться напоказ и вести себя экстравагантно, от которых трудно было избавиться, да он никогда и не стремился этому. Македонцы предпочитали менее показной образ жизни своих царей, излишества оскорбляли их. Не привык Деметрий и иметь дело с мелкими жалобами и проблемами своих подданных. Рассказывали историю, что старая женщина, которую он отправил, сказав, что он слишком занят, чтобы уделить внимание ее петиции, крикнула ему: «Тогда перестань быть царем!» Эту же историю рассказывали о Филиппе II и императоре Адриане, поэтому она внушает сомнения во всех случаях, но Филипп и Адриан в результате удовлетворили просьбу. Так же поступил и Деметрий, но он не сделал выводов, в то время как Филипп и Адриан усвоили этот урок. Деметрий стал объектом и другой неприятной истории. Он собрал письменные петиции, которые ему подавали, положил их в карманы плаща, но затем выбросил в реку. Насколько правдивы подобные анекдоты, сказать невозможно, но их тон отражает нелюбовь его македонских подданных.<sup>8</sup>

Фивы в конце концов пали в 290 г. до н.э., но Деметрий вступил в конфликт с Пирром, в результате которого полу-

чил новую жену – Ланассу, дочь Агафокла Сицилийского – и остров Керкиру. На следующий год он вторгся в Этолию и двинулся в Эпир. Пирр привел свою армию на помощь этолийцам, но две армии прошли мимо друг друга, двигаясь в противоположных направлениях по параллельным дорогам. Пирр обнаружил, что македонская армия грабит страну, и разбил ее, захватив 5000 пленных. Во время сражения Пирр, к восторгу обеих армий, сразился на дуэли с македонским полководцем Пантавхом.<sup>9</sup> Деметрий вернулся в Македонию, где он заболел, а Пирр вторгся, но быстро был задержан армией, собранной полководцами Деметрия. Результатом стало соглашение между двумя царями сохранять мир.<sup>10</sup>

Вряд ли это было хорошей подготовкой к великой экспедиции, которую намечал Деметрий. Нападение на Этолию и Эпир, вероятно, было предназначено для того, чтобы сдерживать их на то время, пока его не будет, но для этого необходима была победа. Вновь у него был шанс стать царем только Македонии. Огромные силы, которые он собрал, могли разгромить Пирра и Этолию, обладание Керкирой давало ему прекрасную базу для экспедиции на север вдоль Адриатики или на запад, но он отказался от этой возможности.

Теперь все его враги в Греции должны были просто ждать, когда он уедет, и он не мог не понимать нестабильности своего положения.

Его враги за морем объединились. Лисимах, Селевк и Птолемей, оставаясь политическими противниками, образовали неформальный союз против него. Они должны были сделать это как средство против угрозы, которую представлял Деметрий.<sup>11</sup> Они не стали дожидаться нападения, не пришлось и его греческим противникам дожидаться его отъезда, чтобы начать борьбу за свободу. Цари обратили внимание на Пирра, у которого были контакты с Птолемеем. Лисимах, территории которого граничили с Македонией, уже подвергался угрозе со стороны Деметрия. У него были хорошие отношения с несколькими греческими городами.<sup>12</sup> Селевк мало что мог сделать в таких обстоятельствах: он находился слишком далеко и у него не было флота. Птолемей же направил свой флот в

Эгейское море.<sup>13</sup> Контроль над восточной частью Средиземного моря и союз с Родосом давали его флоту безопасные базы, и он убедил образованный Антигоном много лет назад Союз островов оставить Деметрия. В преддверии того, что должно было произойти на материке, Птолемей подорвал власть Деметрия над союзом, пообещав Совету союза автономию и уменьшение фискальных сборов, а также защиту против любой мести. Это было именно то, что хотели услышать находившиеся под властью Деметрия греки.<sup>14</sup>

Такое развитие событий еще более интересно потому, что оно соответствует взглядам и политике, которые стали нормой в следующем веке. Греческие города соглашались на защиту и покровительство царя в обмен только на внутреннюю автономию и небольшую дань. В ответ цари освобождались от необходимости применять силу. В городах или не было гарнизонов или они были незначительны. Это снижало расходы царя и освобождало войска для других целей. Дань, которую платили города, была полезным дополнением к основному налогообложению царств, которое обычно базировалось на сельских районах. Такое соглашение между царями и городами в то время действовало по всему региону Эгейского моря. Методы Деметрия сравнивали с действиями других царей, которые оказывались предпочтительнее. В этом заключается ирония, поскольку они использовали именно политику отца Деметрия предоставления «свободы», в то время как Деметрий был гораздо более жестким.<sup>15</sup>

Не такими были отношения царей и городов, которые основали сами цари. Эти города никогда не были независимыми, поэтому у них не было опыта таких выгодных условий, к которым стоило бы стремиться. Царь был их покровителем, их защитником, их финансистом, их основателем и, в конце концов, их правителем, и это давало ему огромную и постоянную власть над ними. Диапазон автономии колониальных городов был очень ограничен. Планы новых городов неизменно показывают, что в них доминировала хорошо укрепленная цитадель, где отдельно от жителей располагался царский гарнизон.<sup>16</sup>

Такие колониальные города напоминали городские центры старой Македонии, а не города Греции, и моделью послужили колониальные поселения Филиппа – Филиппы и Филиппополь. С учетом того, что их основателями были македонские военачальники Антигон, Лисимах и прежде всего Селевк, это не удивительно. У каждого города был свой высший чиновник *эпистат* (в царстве Селевкидов), который был средством связи между царем и жителями. Отношения были обычно вежливыми, царь формально просил, чтобы города сделали то или другое, а города воздавали формальное уважение царю и *эпистату*.

Это хорошо работало, и очень немногие из этих городов восставали или выступали за независимость до тех пор, пока само царство не разрушалось.

Переманивание Птолемеем Союза островов отодвинуло морской флот Деметрия назад по направлению к континенту, основная база Птолемея была организована на острове Андрос вблизи владений Деметрия на Эвбее, в Аттике и в Беотии.<sup>17</sup> Птолемей поддерживал контакты с афинской оппозицией и Пирром. Они планировали опередить нападение Деметрия, организовав собственное с нескольких направлений сразу. Это означало наступление Птолемея с моря в Эгейском море и нападение с суши Пирра и Лисимаха на оплот власти Деметрия в Македонии.

Предприятие могло быть рискованным, если бы Деметрий действительно имел 110 000 воинов и 500 кораблей и понастоящему утвердился в качестве царя Македонии. Союзники отчетливо понимали, что его картонный домик рухнет при достаточно сильном толчке. Размер его армии, возможно, преувеличен (может быть, самим Деметрием, а может быть, впоследствии его врагами), но в любом случае она была ослаблена из-за необходимости удерживать земли, где Деметрий был непопулярен: значительная часть войск была распределена в качестве гарнизонов в Греции и даже в самой Македонии. Привлечение Пирра в план союзников было действительно очень важным. Македонцам он нравился в качестве царя того типа, какой они ценили: доблестный воин, его



поединок с Пантавхом уже стали прославлять в песнях. Участие Пирра предполагало, что союзники заранее достигнут соглашения о разделе добычи. Пирр требовал в качестве своей доли саму Македонию, а этого же хотел и Лисимах. Сомнительно, что другие цари были бы рады объединению Эпира и Македонии под властью одного правителя, но у Пирра были в руках все козыри, поскольку Лисимах не мог вести наземную войну с Деметрием один, а Пирр мог остаться нейтральным. Лисимах достаточно настаивал на своих требованиях, чтобы получить часть Восточной Македонии. Возможно, Птолемей, который, вероятно, контролировал переписку, просто пообещал Македонию обоим.

После решения этого вопроса война началась, возможно, уже в 287 г. до н.э. Лисимах вторгся в Македонию с востока и осадил Амфиполь, а Пирр перешел через горы с запада. Эта кампания определенно ставила целью свержение Деметрия и была направлена против войска Деметрия в Македонии, поскольку бесчинства Лисимаха должны были вызвать возмущение македонцев, но армия Деметрия отказалась сражаться. Воины, противостоявшие Пирру, отказались воевать ради обеспечения роскошной жизни Деметрия, это стало результатом соединения всех элементов его непопулярности.<sup>18</sup>

Его жена, сестра Кассандра Филадельфия, предпочла самоубийство новым странствованиям,<sup>19</sup> но сам Деметрий отказался сдать Македонию. Он потерял Македонию, но у него все еще был его флот, большая часть его наемников и базы в греческих городах. Он удерживал Тир и Сидон в Финикии — удобные базы, из которых можно было совершать нападения на Птолемея или на Селевка, но Птолемей постепенно захватил контроль над обоими городами, а известный флотоводец царь Сидона Филокл поступил к нему на службу.<sup>20</sup> В Греции Деметрий не был в безопасности. В июне 287 г. до н.э. в Афинах разразился бунт, который поддержали высадившиеся с Андроса войска Птолемея. Деметрий смог удержать несколько фортов в округе и осадил город, который предпринял серьезные и успешные попытки собрать урожай до его прибытия. Последовали переговоры между Деметрием и представителем Птоле-

мея Состратом, советы которому давал афинянин Калий, командовавший войсками Птолемея с Андроса.

Ситуация в Аттике зашла в тупик. Деметрий был не способен вновь захватить город, афиняне не могли взять Пирей. Птолемей не был готов вести полномасштабную кампанию на таком расстоянии от Египта. Изгнание Деметрия из Македонии решило основную задачу союза, поэтому был заключен мир на условиях, что Деметрий сохранит Пирей, а Афины будут свободны от его политического вмешательства. Афинянам это не понравилось, но они не могли воевать с Деметрием без внешней помощи. Без сомнения, это не устраивало и самого Деметрия, но он мог утешить себя тем, что сохранил свои основные активы. Пирей был крупной морской базой и портом, удерживая его, Деметрий контролировал экономическую жизнь Афин.<sup>21</sup>

Этот мир ознаменовал выход Птолемея из союза, он сделал крупные приобретения и теперь доминировал в Эгейском море без серьезных потерь в войне. Основные бои вели Пирр, Лисимах и афиняне. Два царя по-дружески разделили Македонию, хотя Пирр был разочарован тем, что не получит всю территорию. При этом он также помог афинянам во время осады Деметрия, таким образом, он отдал дань союзу с Птолемеем, союзу, который Птолемей вскоре оставил.<sup>22</sup>

Урегулирование вопроса с Афинами означало мир между Деметрием и Птолемеем. В действительности афиняне послужили разменной картой в мирном договоре между двумя царями. Деметрий в дальнейшем, кажется, воспринял тактику своего отца вести переговоры отдельно с каждым из своих противников, на этот раз с определенным успехом. Когда Пирр прибыл в Афины, он тоже заключил мир с Деметрием.<sup>23</sup> Учитывая то, что Селевк пока не был в состоянии вмешиваться в события далеко на западе, Деметрий действовал против одного Лисимаха.

Он двинулся на Лисимаха из Милета. По прибытии в город его приветствовала Эвридика, бывшая жена Птолемея. Она представила Деметрию свою дочь Птолемею, с которой Деметрий был помолвлен, по меньшей мере формально, еще

в 299—298 гг. до н.э. Он воспользовался возможностью снова жениться, а затем возобновил кампанию. Деметрий назначил своего сына Антигона Гоната командовать оставшимися постами в Европе, в Коринфе, Пирее, на Эвбее, в Беотии, Фокиде, в нескольких фортах и поселениях возле этих городов и в Деметрии в Фессалии. Из Милета Деметрий захватил контроль над несколькими ионийскими городами, включая Эфес и Пирену: в одних сами жители приветствовали его, другими он овладел с помощью угроз или силой. Затем он двинулся в глубь материка, чтобы захватить Сарды. Ему помогали измены городов и переходивших на его сторону воинов Лисимаха, но сейчас он столкнулся с более сильным противником — войском под командованием сына Лисимаха Агафокла, который смог отрезать захватчика от его флота, отбивая города вдоль побережья.

По сообщениям, Деметрий намеревался достичь Армении и Мидии.<sup>24</sup> Это кажется маловероятным, поскольку у него не было опыта ведения действий в этих регионах и никаких связей там. Он определенно двинулся в глубь материка, чтобы уйти от превосходящих сил Агафокла. Агафокл осторожно отказывался вступать с ним в битву, только в стычки, но и не позволял захватчикам уйти и упорно гнал Деметрия и его армию все дальше на восток в горные районы Тавра. Лояльность бывших подданных, на которую мог рассчитывать Деметрий, не проявилась после первых побед; в военном отношении Агафокл переиграл его, его армия начала уменьшаться частично за счет дезертирства, частично в результате потерь и болезней. Большая часть наемников оставалась с ним до конца, но победить они не могли. Агафокл маневрами заставил Деметрия уйти со старых территорий его отца и через горы Тавр перейти в Киликию — на территорию Селевка.<sup>25</sup> Наконец и Селевк вступил в войну.

Деметрий обратился к Селевку как некровный родственник и в то же время завоевывал Киликию. Селевк, предположительно под действием убеждений своего полководца Патрокла (как будто его требовалось убеждать!) подозрительно относиться к сыну Антигона, постепенно занял более твердую позицию. Киликия не была серьезно защищена, хотя там,

как и с армией Агафокла, состоялось несколько стычек. И вновь ни в Киликии, ни в Сирии не произошло восстаний в его поддержку. Селевк, как и Агафокл, использовал блокаду и не рисковал вступать в сражение против такого полководца. И в самом деле, не было необходимости рисковать людьми и даже возможным поражением вследствие плохого состояния армии Деметрия, которое очень скоро стало очевидно. Армия Деметрия достигла высоких и трудно проходимых даже сейчас Аманских гор — границы Киликии и Сирии. Воины были измотаны, измучены голодом и не получали платы. Селевк понимал их физическое и психологическое состояние, он окружил их своими войсками, разжег костры, чтобы продемонстрировать свое присутствие, показав, что он здесь, но находится вне досягаемости. В горах, где расположились воины Деметрия, было мало продовольствия, но армия Селевка могла получать снабжение, а люди Деметрия голодали. Дав время оценить ситуацию, Селевк вышел вперед, встал перед воинами Деметрия, снял шлем и предложил им сдаться. Этого было достаточно. Авантюра закончилась. Они выдали Деметрия, получив обещание, что ему сохранят жизнь (так же, как за сорок лет до этого Эвмен был передан отцу Деметрия). Последним действием Деметрия перед тем, как он сдался, было послать приказы сыну и его людям в Европе подчиняться приказам Антигона.<sup>26</sup> Вскоре после этого Селевк основал еще один город в долине Кара-Су к востоку от этого места и назвал его Никополь — «Город победы».

Последнее приключение Деметрия показало, что завоевания в стиле Александра больше невозможны. Может быть, это было и романтично, хотя поступок Селевка, обратившего непосредственно к солдатам, превзошел даже это, но ненадежно с того самого времени, как Деметрий не смог привлечь на свою сторону больше трех или четырех городов. Его отвергли все цари, все города, которые могли бы поддержать, и в целом общественное мнение. Он оставил свое великое имя, но не оставил великих достижений. Его провал знаменовал конец великих приключений; и только один человек все еще полагал, что единство империи достижимо.

*Последний шанс империи, 285–281 гг. до н.э.*

Когда в 285 г. до н.э. Деметрий был захвачен в плен Селевком, три самых могущественных правителя западного мира были современниками Александра Великого, который умер сорок лет назад. В течение четырех лет все они (и Деметрий, родившийся на поколение позже) уже умерли. Как и следовало ожидать от происходивших из Македонии царей, их действия вызвали конфликты и беспорядки, но это не только их вина, и двое из них уже решили старую македонскую проблему престолонаследия.

Устранение общего врага разорвало и единственную связь, поддерживавшую союз царей. Птолемей уже заключил мир с Деметрием, а отогнав его и его армию в Киликию, то же сделал и Лисимах. Селевк не мог быть спокоен, узнав, что разрушитель мира вытеснен через горы на его территорию, но решил проблему с минимальными потерями и, таким образом, добился еще большей славы. Кроме того, разделение Македонии между Лисимахом и Пирром вряд ли было тем результатом, которого хотели македонцы, когда они избавились от царствования Деметрия. Совершенно очевидно, что ситуация была нестабильна.

Пирр утверждал, что ему была обещана вся Македония, Лисимах терпел поражения, убытки и потери и требовал компенсации. Никто из них не воспринимал аргументы другого, оба хотели всю Македонию.<sup>1</sup> Рост державы Пирра – вскоре после ухода Деметрия он захватил Фессалию у Антигона Гоната<sup>2</sup> – не обрадовал его бывших союзников, и он стал столь же угрожающим, как и Деметрий. Рост могущества Пирра не устраивал и его соседа Этолийский союз, который снова оказался окружен с трех сторон – с запада, севера и с востока – его территориями. Лисимах воспользовался этими проблемами. Он обеспечил себе расположение афинян, послав денежный

подарок во время кризиса, когда они восстали против Деметрия, и вступил в контакт с Этолией. Антигон Гонат удерживал старые владения своего отца, разбросанные вдоль Эгейского побережья Греции от северной части Пелопоннеса до Деметрии вместе с их гарнизонами и флотом, и был достаточно заметной величиной.<sup>3</sup>

Когда вскоре после пленения Деметрия Лисимах выступил против Пирра, на его стороне были или поддержка или согласие этих греческих соседей. Без слишком больших сложностей Лисимах отбросил Пирра через горы в собственное царство. Пирр заключил союз с Гонатом,<sup>4</sup> но ни один из них не мог помочь другому. К концу года Лисимах контролировал всю Македонию и Фессалию, хотя Пирр удержал свои старые приобретения в горах на границе.

Вряд ли Птолемей или Селевк хотели такого результата, когда вступили в союз с Лисимахом, чтобы победить Деметрия. Теоретически союз Македонии с Малой Азией (и Фракией) образовывал самое мощное государство, способное выставить огромную армию, оно же обладало потенциалом создания большого военного флота. Не столь важно, что Лисимах не был агрессивен по отношению к своим товарищам царям (кроме Пирра). В любом случае он представлял угрозу; он был стар, что все очень хорошо знали, но у него был компетентный и энергичный сын Агафокл. Захват Македонии сделал его врагом для всех остальных.

Одной из причин легких побед Лисимаха были события в Египте. В 285 г. до н.э. Птолемей I поставил своего сына Птолемея II соправителем. Была ли это попытка пожилого человека предотвратить споры после своей смерти, или замаскированный заговор – переворот Птолемея II. По-видимому, это следует рассматривать как одно из методических решений Птолемеем I сложной проблемы, в данном случае созданной им самим. Он был женат трижды, у него были дети от двух из его жен и несколько детей от других женщин, на которых он не был женат. Из «законных» детей трое были сыновьями дочери Антипатра Эвридики, а один или два – сыновьями Береники – внучки Антипатра, которая заменила свою тетю Эври-

дику в постели Птолемея, а позже и в качестве его жены. От обоих браков у него были дочери, которые использовались на рынке политических браков. Четыре вышли замуж за царей. В начале 280-х гг. до н.э. дочери в основном были уже выданы замуж, и при дворе оставались три сына. У Береники был еще один сын Магас от предыдущего брака.<sup>5</sup>

Сын Береники Магас был поставлен Птолемеем в качестве вице-царя в Киренаике примерно в 300 г. до н.э. Теперь она добивалась от мужа, чтобы ее сын был избран в качестве наследника всего царства.

Нет необходимости говорить, что ни Эвридика, ни ее сыновья не были согласны с этим, хотя решение, безусловно, принадлежало царю. Конфликт при дворе сейчас мало известен, но он привел к потерям, имевшим негативные последствия. Эвридика и ее сыновья покинули двор и Египет, вероятно, в 286 г. до н.э., а сын Береники Птолемей Кос был затем коронован и зимой 285/284 гг. до н.э. стал соправителем в качестве Птолемея II.<sup>6</sup>

Эвридика стремилась к мести. В 286 г. до н.э. в Милете она убедила Деметрия жениться на Птолемею, ее старший сын, другой Птолемей, по прозвищу Керавн (громовержец) направился ко двору Лисимаха, где его единокровная сестра Арсиноя (званная Арсиноя II) была женой царя, а его родная сестра Лисандра была замужем за Агафоклом. Частично в результате этого царский двор вскоре стал еще более опасным для жизни.<sup>7</sup>

Не ясно, кто реально управлял Египтом в течение двух лет совместного правления отца и сына. Возвышение Птолемея II до царского трона могло быть только формальным, а могло стать и результатом старческого слабоумия Птолемея I — к тому времени ему уже было за восемьдесят. Главное, что, несмотря на семейные распри, передача власти от отца к сыну была в целом мирной, что, безусловно, было положительным изменением обычной ситуации в царских семьях Македонии.

Проблема престолонаследия оказывала столь же разлагающее и разрушительное воздействие при дворе Лисимаха, хотя результаты оказались гибельными. В течение 284 г. до н.э. жена

Лисимаха Арсиноя II начала интриговать, чтобы ее сыновьям было оказано предпочтение перед сыновьями других более ранних жен Лисимаха. Он, как и Птолемей, был женат трижды. Его первая жена — дочь Антипатра Никсея — была матерью Агафокла, от второй жены Амастрис у него не было детей. Амастрис была невестой Кратера на брачной церемонии Александра в Сузах в 324 г. до н.э. и вскоре была брошена своим мужем, как и большинство других женщин. Позже она вышла замуж за Дионисия, тирана Гераклеи Понтийской на Черноморском побережье Вифинии, который стал царем незадолго до своей смерти в 305 г. до н.э. Амастрис происходила из древнего и известного персидского рода, она была племянницей Дария III и после смерти Дионисия правила Гераклеей в качестве регентши при своих сыновьях. Кампания Лисимаха против Антигона Одноглазого в 302 г. до н.э. привела его в большой лагерь непосредственно к югу от Гераклеи, и он заключил союз с городом, посредством которого он мог получать пищу, снаряжение и подкрепления. Его первая жена умерла, и военно-политический союз привел к браку между Лисимахом и Амастрис. По мнению одного из древних историков, это был брак по любви, хотя более циничные современники сомневались в этом. Ни один из партнеров не был молод, и их брак продолжался короткое время. Вскоре после Ипса Лисимах отказался от Амастрис и во время дипломатических перемен 299–298 гг. до н.э. женился на дочери Птолемея Арсиное. Однако он поддерживал связь с Гераклеей и продолжал уважать Амастрис и ее сыновей от первого мужа. В 284 г. до н.э. она была убита сыновьями, тогда Лисимах без усилий аннексировал это княжество.<sup>8</sup>

Арсиноя II таким образом была третьей женой Лисимаха. Она была дочерью Птолемея I и Береники и, таким образом, родной сестрой Птолемея II. Ей было 16 лет, когда она вышла замуж за Лисимаха, которому было за пятьдесят. У нее было три сына от него. Был также и другой сын, Александр, от женщины, на которой Лисимах не позаботился жениться. Арсиноя, без сомнения, хотела, чтобы один из ее сыновей стал преемником Лисимаха, но только в 284 г. до н.э., возможно, под



влиянием успеха своей матери в Египте, она начала активно интриговать, чтобы устранить Агафокла. Арсиноя была настолько убедительной, что Лисимах приказал казнить Агафокла.<sup>9</sup>

Конечно, это «романтическая» версия из той же серии, что брак Лисимаха и Амастрис был браком по любви. Если только мы не наделяем Арсиною сверхчеловеческой привлекательностью, а она была замужем за Лисимахом к этому времени уже в течение 20 лет, такое внезапное безумство вряд ли вероятно. Или Лисимах впал в слабоумие, или мы должны искать другие причины действий царя.

Очевидной причиной было нетерпение Агафокла, особенно после его успешной кампании против Деметрия. Присутствие Эвридики и ее сыновей при дворе привлекали внимание к успеху Птолемея II, пришедшего к власти в Александрии. Антиох, сын царя Селевка, правил восточными землями в течение десятилетия. Агафокл был единственным в своем поколении, кто еще не получил полного доступа к царской власти, хотя он основал город в Мизии, названной его именем.<sup>10</sup> Ни одна из древних теорий, которые мы приводим, не является полностью убедительной, и, возможно, лучше всего рассматривать кризис при дворе как внезапный взрыв эмоций, в которых все предполагаемые элементы: интриги Арсиной в пользу ее детей, присутствие Эвридики, амбиции и неудовлетворенность Агафокла, возраст Лисимаха каким-то образом сочетались. Но вернуть сделанное было невозможно, и это имело долговременные последствия.<sup>11</sup>

Жена Агафокла Лисандра была дочерью Птолемея I и Эвридики — настолько запутанным было это неприятное дело. Она бежала вместе со своим братом Птолемеем Керавном к Селевку, призывая его напасть на Лисимаха.<sup>12</sup> Лисимах теперь обнаружил, что основная поддержка его режима исчезла, а наследники его царства всего лишь дети. Старший сын Арсиной Птолемей (позже прозванный Телмесским) был лишь подростком.

Это вполне могло стать основной причиной очевидной потери поддержки режимом Лисимаха. Эти царства все еще были

хрупкими политическими образованиями. Повторяющиеся неудачи царских режимов Македонии и коллапс царства Антигона были предупреждением о том, что может случиться с другими новыми царствами. Проблемой Македонии всегда было престолонаследие, что было продемонстрировано вновь. Это было частью фона передачи политической власти Антиоху и Птоломею II их отцами, поскольку для всех современников Александра проблема царского престолонаследия в Македонии была частью базовых политических знаний. Это вечная проблема любой монархии, но македонская монархия была исключительно взрывоопасной.

Казнь Агафокла устранила основную надежду на упорядоченное престолонаследие в царстве Лисимаха. Старый царь, которому было за семьдесят, едва ли мог прожить еще долго. Передача власти подросткам, за которыми присматривала бы их мать, недавно вылилась в огромное неудовольствие в Македонии (и в Гераклее Понтийской). Для подданных Лисимаха наступило задуматься о своем будущем. Многие из них были подданными Антигона и Деметрия, поэтому можно было ожидать их перехода к какому-либо захватчику. Лисандра была не единственной, кто посматривал в сторону Селевка. Царство Лисимаха было конгломератом многих разнородных земель: Македонии, Фракии, греческих городов на Черном и Эгейском морях и бывших персидских провинций. Македонцы требовали личного внимания царя, это был один из факторов, который поддерживал их лояльность по отношению к Кассандру. Но Лисимах убил сына Кассандра Антипатра, теперь убил собственного сына, а затем казнил людей, которые возмущались убийством Агафокла.<sup>13</sup> В старых владениях Антигонидов в Малой Азии некоторые офицеры перешли к Селевку.<sup>14</sup> По меньшей мере один из высших чиновников Лисимаха, правитель Пергама и хранитель части царских сокровищ Филетер, призывал Селевка вмешаться;<sup>15</sup> без сомнения, то же делали и другие. Разрушение Лисимахии во время землетрясения в 287 г. до н.э. позже рассматривалось как предзнаменование, даже в то время оно оказало негативное воздействие.<sup>16</sup>

Селевк был дипломатически изолирован в результате подкрепленного браками союза Лисимаха и Птолемея. Получение Лисимахом Македонии превратило его в угрожающую фигуру, поэтому неурядицы при его дворе были хорошей новостью. Пленение Деметрия и присутствие при его дворе Керавна и Лисандры с ее детьми давали Селевку определенные козыри, которыми он угрожал обоим своим соперникам: он угрожал выпустить Деметрия на Лисимаха,<sup>17</sup> а Керавн претендовал на трон Птолемея, который во время передачи был уязвим. Цари были близки к войне начиная с 285 г. до н.э. Захват Деметрия обнажил скрытый конфликт между ними. Когда количество игроков сократилось до трех, вновь возникла возможность повторного объединения империи.

Селевк держал Деметрия в Апамее в Сирии в достаточно комфортных условиях, но в конце концов в 283 г. до н.э. тот пал жертвой своих излишеств и роскошной жизни. Селевк отправил его прах Антигону для захоронения,<sup>18</sup> этот дипломатический жест мог усмирить гнев Антигона. В Александрии Птолемей II оставался соправителем до конца этого года. Церемония коронации в качестве фараона состоялась в январе 282 г. до н.э. По-видимому, Птолемей I умер за несколько дней до этого.<sup>19</sup> Принятие Птолемеем II всей полноты власти в Александрии прошло достаточно гладко, но его сводный брат Магас воспользовался возможностью провозгласить себя царем в Киренаике.<sup>20</sup> Птолемей ни в коем случае не поддерживал действия Магаса, но он мало что мог сделать по этому поводу. Смерть Птолемея I положила конец существовавшим договорам, которые он заключал, поэтому любые соглашения между Птолемеем и Селевком относительно Сирии теперь были недействительны. Птолемей II не мог позволить себе направить экспедицию против Магаса, поскольку Селевк, воспользовавшись его занятостью на западе, мог вторгнуться в Сирию. Точно так же он не мог вмешаться в кризис на севере, опасаясь Магаса, амбиции которого вполне могли быть направлены на весь Египет.

Селевк, таким образом, оказался перед целым набором прекрасных возможностей: повернуть на юг, чтобы вмешаться в

престолонаследие Птолемеев с целью получить контроль над Финикией и Южной Сирией, возможно в союзе с Магасом, или на север, чтобы вмешаться в кризис в царстве Лисимаха и, возможно, захватить гораздо больше. Два потенциальных противника все еще были связаны союзом и, если бы возникла угроза одному из них, союз мог вступить в действие. Вторжение в Сирию могло позволить Лисимаху, основная проблема которого находилась внутри его семьи, двинуться на юг через проходы Тавра в Киликию, как это сделал Деметрий тремя или четырьмя годами раньше, а движение на север в Малую Азию в то время, как Птолемей II был занят укреплением своего собственного положения, можно было предпринять при малой вероятности нападения с юга. Птолемеи рассматривали Сирию и Финикию как бастионы для защиты Египта, а не как пути, через которые армии Птолемея будут вторгаться на север. Было маловероятно, что новый царь Египта будет думать о вторжении на территории своего соседа. Если бы он сделал это, Селевк мог поддержать Магаса или претензии Птолемея Керавна на трон. Селевк решил отреагировать на кризис в Малой Азии.

Были также и другие обстоятельства, которых не мог не знать Селевк. Завоевание царства Лисимаха предоставило бы ему последнюю возможность вновь объединить империю Александра. Победа позволила бы ему, как и Александру, править всей территорией от границ Индии до границ Эпира, за исключением Египта. Такая перспектива, безусловно, была очень притягательна, устоять он не смог. Селевк должен был также предвидеть и неизбежный конфликт: вскоре после этого ему придется сразиться с Птолемеем II; Птолемей также мог понимать это. Эта перспектива не порадовала бы и различных претендентов, находившихся при его дворе.

Что послужило реальным поводом к войне, неизвестно. Возможно, она началась, когда Селевк был готов к этому. По вавилонским источникам, он собрал войска и припасы в середине 282 г. до н.э.<sup>21</sup> Решающая битва при Курупедие произошла в феврале 281 г. до н.э. Селевк, видимо, пересек Малую Азию осенью 282 г. до н.э. до того, как снег блокировал проходы.

Кампания заняла несколько месяцев, но детали мало известны. Сын Лисимаха Александр, сражавшийся на стороне Селевка, завладел городом Котиэй, Селевк осадил Сарды.<sup>22</sup> Таким образом Селевк проник в западную часть Малой Азии, заставив Лисимаха сражаться дома. По меньшей мере, один город — Пергам, удерживавшийся хранителем сокровищ Лисимаха Филетером, — был обещан захватчику заранее, большинство других правителей городов ждали, кто победит. В конце концов два старика сразились в битве. Лисимах был побежден и убит. Поле битвы располагалось возле Сард, поэтому, возможно, Лисимаху пришлось вступить в бой, чтобы спасти город.<sup>23</sup>

Селевк провел еще несколько месяцев, приводя в порядок свои завоевания, без сомнения наслаждаясь своими достижениями и принимая решения о том, как распорядиться своими захватами. Лисандра была охвачена стремлением к мести, но сын Лисимаха Александр настаивал на том, чтобы его отец был надлежащим образом похоронен в Лисимахии.<sup>24</sup> Никто из членов семьи не получил царство. Вероятно, Селевк хотел обойтись с ними щедро, но не до такой степени, чтобы сделать кого-либо независимым царем. Со временем это становилось все яснее, и Птолемей Керавн к осени совершенно очевидно понял, что ничего не получит.

Птолемей II, без сомнения, был особенно обеспокоен триумфом Селевка. Селевку не надо было ничего говорить или делать. Его победа над Лисимахом говорила сама за себя. У Птолемея было много связей при дворе Селевка, и он должен был знать об амбициях и темпераменте Керавна (*Керавн — Молния*). И в этом случае именно Птолемей II получил больше всего, в отрицательном смысле, от того, что произошло дальше. Нет никаких свидетельств его непосредственного участия, но подозрения отметить не следует.

Селевк проводил административные мероприятия, чтобы управлять всем царством Лисимаха. Поначалу ему необходимо было утвердить местных чиновников, которые оставались на своих постах, или назначить при необходимости других. Филетер в Пергаме определенно остался, попытка установить

его власть над правителем Понта на севере Анатолийского побережья провалилась. В честь своей победы правитель Понта Митридат принял царский титул.<sup>25</sup> Вифинский царь также отразил нападение Селевка под командой одного из новых царских полководцев.<sup>26</sup> Ни одно из этих поражений не было достаточно серьезным, но когда к Селевку прибыла делегация из Гераклеи Понтийской, встреча закончилась к взаимному неудовольствию, что было ошибкой со стороны Селевка.<sup>27</sup> Земли северной части Малой Азии еще больше были настроены на независимость, чем ранее.

Вдова Лисимаха Арсиноя (II) бежала из Эфеса (где за ней началась охота) в Кассандрию в Македонии.<sup>28</sup> Она намеревалась потребовать провозглашения царем своего сына, но сомнительно, что кто-либо из македонцев хотел получить еще одного царя-подростка под надзором своей матери. У Арсинои не было реальных сил, кроме нескольких кораблей и воинов, но ей удалось установить контроль над городом.<sup>29</sup> Был еще один претендент на царство в лице сына Деметрия Антигона Гоната, который все еще контролировал некоторые части Греции и имел флот. Пирр также мог возобновить свои претензии. Не похоже, что кто-нибудь из них спрашивал мнение македонцев, там, без сомнения, царил такой же беспорядок, как у всех остальных.

Селевк демобилизовал большую часть своих сил. Воины, пришедшие из Сирии, были отправлены домой, но наемники и его профессиональная армия остались. Им предстояло еще много дел в Малой Азии. Воины, сражавшиеся за Лисимаха, также в большинстве могли быть отправлены по домам: одни — в различные части Малой Азии, другие — в Македонию, хотя вероятно, что последних было относительно немного. Наемники, без сомнения, вновь поступили на службу к Селевку, хотя некоторые, очевидно, остались с Арсиноей.

Селевк затем должен был установить свой контроль над Македонией. Так он предъявил бы претензии на трон, но это требовало ратификации Собранием. Никто из его соперников не сумел добиться такого согласия, и Селевк не ожидал какого-либо противодействия своим претензиям. Селевк отправил-

ся в Македонию в сопровождении бывших воинов Лисимаха, которые, вероятно, шли домой. Он и его двор, и эскорт пересекли Геллеспонт и переправились в Лисимахию в конце августа или начале сентября. Селевк ехал верхом, направляясь во Фракию по дороге в Македонию. Хотя он еще не был провозглашен царем никем из македонцев, он уже фактически стал им, несмотря на Арсиною в Кассандрии и других соперников.

Селевк был последним из офицеров Александра, после Птолемея I он был самым осторожным, но в отличие от Птолемея он сохранил в полном объеме амбиции Александра и Антигона и был близок к достижению того, к чему стремились и Антигон и Деметрий, и против чего Кассандр, Птолемей и он сам до сих пор боролись — объединения империи Александра. Было бы удивительно, если бы это желание не возникало у него не раз за прошедшие сорок лет, хотя он никогда не выдавал подобных амбиций. Но когда возможность представилась, он воспользовался ей. Теперь все, что ему оставалось сделать — достичь Македонии и установить свою власть.

В его свите находился Птолемей Керавн, который надеялся, что Селевк поможет ему получить собственное царство, возможно Египет или царство Лисимаха в Азии или в Македонии. Вся карьера Керавна указывает, что он рассчитывал стать царем собственного царства. Когда Селевк двинулся по направлению к Македонии, то Керавн наконец понял, что его амбициям не суждено сбыться. Перспектива повторного объединения империи была предметом разговора при дворе Селевка с самого начала войны с Лисимахом. Это также было ясно и Птолемею II в Александрии. Мы не знаем, была ли связь между двумя сводными братьями, но было бы неудивительно, если бы Птолемей II подстрекал Керавна нанести удар, обещая поддержку. Если бы Керавн получил собственное царство, он стал бы меньшей угрозой Птолемею. Итак, когда Селевк двигался на север из города своего недавнего врага Лисимахии, Керавн заманил его свернуть с дороги посмотреть старый алтарь под открытым небом и там, когда они, по-видимому, были одни, заколол его.<sup>30</sup>

Смерть царей редко становится решающим событием. Смерть Филиппа II не отвратила Македонию от установления контроля над Грецией и вторжения в Азию. Смерть Александра не способствовала дезинтеграции его империи, которая произошла только через несколько лет, но смерть Селевка Никатора — «Победителя» ознаменовала конец последней возможности воссоединить империю Александра. Селевк создал жизнеспособную систему правления в своем царстве за последние тридцать с лишним лет, с большей социальной справедливостью и меньшим выжиманием последних капель достатка из крестьян, чем в Египте Птолемеев. Система Селевкидов походила на систему Антигона, она относительно легко давила на согнутые плечи населения. Селевк был менее жестоким, чем Антигон, и более надежным и последовательным, чем Деметрий, в политике. И в отличие от правления Кассандра, Лисимаха или Птолемея его смерть не стала началом конфликтов внутри его семьи. Из всех преемников Александра Селевк был последним, кто стал великим правителем, и был тем, кто с наибольшей вероятностью мог создать на долгое время объединенную империю. Именно поэтому он и был убит.



*Новые цари и катастрофа, 281–277 гг. до н.э.*

У Македонии не было царя, но было множество претендентов. Арсиноя II удерживала Кассандрию, рассчитывая, что один из ее сыновей станет царем как наследник своего отца. У нее был отряд наемников, но ее власть простиралась не дальше городских ворот. Вдова Агафокла Лисандра также претендовала на трон через своих детей, хотя они находились в Азии с Селевком и, возможно, никогда не попали бы в Европу. Антиох, все еще находившийся на востоке, мог претендовать как сын своего отца. Антигон Гонат претендовал как сын Деметрия. Пирр претендовал как бывший царь. Был также внук Антипатра сын брата Кассандра, которого также звали Антипатр, теперь уже достаточно взрослый, чтобы претендовать на трон своего дяди и двоюродных братьев. Множество претендентов предвещало македонцам серьезные проблемы, это был более серьезный, чем обычно, кризис престолонаследия.

Был также Птолемей Керавн. Убив Селевка, он также стал претендентом, и, как и Антигон и молодой Антипатр, он был внуком старого Антипатра. После убийства он вернулся в Лисимахию, собирая по дороге группу своих друзей, метафорически размахивая своим окровавленным кинжалом и провозглашая себя перед гражданами и воинами мстителем за Лисимаха. Это определено было запланировано заранее. В Лисимахии, городе, основанном Лисимахом, где он жил большую часть своего правления, находилось много сторонников царя. По сообщениям, размещавшиеся там воины служили Селевку, но многие из них были бывшими воинами Лисимаха из Македонии, которых Селевк, очевидно, вел в Македонию. Убедившись в смерти Селевка, они провозгласили царем Керавна. Он отправился в Македонию чтобы установить свою власть.<sup>1</sup> Вопреки заявлениям о мести за Лисимаха, он стремился овладеть Македонией, по меньшей мере в данный момент.

Важнейшей задачей Керавна было установление контроля над Македонией, что неизбежно предполагало отражение всех его соперников. Он мог объявить о ратификации провозглашения войнами в Лисимахии, но другие претенденты могли оспорить это. Первым из них на сцене появился Антигон, который привел свой флот на север. Он встретился с Керавном в море где-то возле Херсонеса Фракийского,<sup>2</sup> Керавн одержал победу, используя флот Лисимаха, часть которого входила раньше во флот Деметрия.

Пирр готовил экспедицию в Италию и искал военной помощи — Керавн дал ему несколько тысяч воинов и 50 слонов.<sup>3</sup> Изначально это могли быть слоны и люди Лисимаха, и Керавн мог или передать людей, которым он меньше всего доверял, или же они добровольно отправились к Пирру. В результате такой сделки Пирр фактически признал Керавна царем Македонии, их соглашение предполагало и заключение брака: Пирр женился на дочери Керавна.<sup>4</sup> Керавн вступил также в контакт с Птолемеем, но, очевидно, не получил поддержки.<sup>5</sup> Все, что нужно было Птолемею, это смерть Селевка. Определенные контакты были установлены и с Антиохом, который мог искать мести, но в настоящее время он был очень занят. Он направил Патрокла упрочить свое положение в Малой Азии и совершенно очевидно не мог прибыть на запад сам.<sup>6</sup>

Керавн, таким образом, успешно нейтрализовал своих соперников: Пирр отправился в Италию, Антиох завяз в Сирии, Антигон потерпел поражение, Птолемей II не проявлял интереса, а сам Керавн получил контроль над македонской армией. Самой неотложной внутренней проблемой была Арсиноя и ее власть над Кассандрией. Керавн напал на город, но не смог взять его, а затем вернулся к дипломатии. Он предложил Арсиное брак и признание ее детей в качестве царей вместе с ним. Старший сын Арсинои Птолемей возражал против этого, а когда она настояла на согласии, уехал.<sup>7</sup> Арсиноя согласилась на брак со своим сводным братом, произошло великолепное бракосочетание и церемония признания ее царицей Собранием армии, но затем в первую же брачную

ночь муж на глазах у Арсиной убил двух ее младших сыновей. Арсиноя бежала к своему брату в Египет.<sup>8</sup> Керавн, таким образом, избавился от всех соперников внутри и вне Македонии. Он использовал различные методы — дипломатию, войну, браки, убийство — они были вполне сравнимы по разнообразию, успешности и скорости с теми, которые использовали его предшественники: методы Филиппа II и Александра упорно приходят на ум.

Один из претендентов, старший сын Арсиной Птолемей, вновь вступил в борьбу весной 280 г. до н.э., получив помощь от иллирийского царя Монуния. Вторжение провалилось, но потребовало множества боев в Македонии.<sup>9</sup> Птолемей отправился в Египет, где его дядя дал ему небольшое княжество Телмес в Ликии.<sup>10</sup> Все это заняло конец 281 г. до н.э. и первую половину 280 г. до н.э. В результате Керавн утвердился в качестве царя Македонии, но еще не добился полной безопасности.

Он не окончательно устранил всех своих соперников, поскольку Антигон, Антиох и Пирр были лишь удалены. В настоящий момент македонцы могли быть относительно удовлетворены им.

Пирр получил призыв о помощи от города Тарас в Южной Италии, и решил пойти по стопам своих спартанских и эпирских предшественников, оказав ему поддержку. Остальные были настолько рады его уходу, что предоставили ему в отряды своих войск. Именно по этой причине Керавн и передал ему значительные силы. Пирр попросил помощи также и у Антигона и Антиоха, соответственно корабли и деньги, но не получил ни того ни другого, поскольку было уже очевидно, что он и так выступит в поход.<sup>11</sup> Пирр оставался на западе пять лет, и хаос, который он создал по возвращении, полностью подтвердил целесообразность тех мер, которые были приняты, чтобы поторопить его с походом. Он отплыл в 280 г. до н.э.

Когда Антиох узнал о смерти своего отца, он мог как раз двигаться на запад. Предположительно он оставил Восток устроенным и умиротворенным, без сомнения под руководством сильного губернатора. Спустя примерно пять лет в Бактрии

совершенно определенно был сатрап, который посылал в качестве подкрепления слонов на запад, следовательно, это был человек, в распоряжении которого были войска, и, возможно, поддерживавший дипломатические контакты с Индией.<sup>12</sup>

Когда Антиох прибыл, чтобы принять свое наследство, ему предстояло многое сделать. Он был царем на Востоке более десяти лет и был мало известен на Западе, и совсем неизвестен в Малой Азии. У него имелись проблемы в Сирии, в Селевквии, регионе четырех новых больших городов. Проблемы не очень понятны, поскольку есть множество свидетельств в надписях из Илиона, упоминающих о бунтовщиках и беспорядках, но сказано также, что Антиох принес мир в регион.<sup>13</sup> Беспорядки, а также путешествие в Малую Азию весной 280 г. до н.э. должны были полностью занять его время и энергию. Беспорядки в Сирии могли сопровождаться вмешательством Птолемея II, хотя это не более чем предположение.<sup>14</sup> К тому времени, когда Антиох освободился, Керавн уже получил власть в Македонии.

Поражение Антигона Гоната от Птолемея Керавна отозвалось в Греции. Группа городов вдоль северного побережья Пелопоннеса образовала в 280 г. до н.э. Ахейский союз.<sup>15</sup> Он не представлял непосредственной угрозы Антигону, но являлся сильным государством местного значения, менее подверженным давлению. Некоторые другие города, возможно включая Аргос и Мегалополь, изгнали македонские гарнизоны, чувствительно уменьшив странное государство Антигона. Перед образованием своего союза города Ахайи могли сделать то же.<sup>16</sup> Один из спартанских царей Арей внезапно вышел из состояния отшельничества и бросил вызов и Антигону и этолийцам, возродив древний спор о землях, принадлежащих Дельфийскому храму.

Проблемы, с которым эти претенденты столкнулись в 281–280 гг. до н.э., не позволили им продолжать кампании против Керавна, который при других обстоятельствах был бы их первой целью. Это можно приписать Египту. Птолемей II, контролируя союз островов, островную базу на Косе и морские подходы к Эгейскому морю со стороны Египта, оказывал вли-

яние по всему Эгейскому бассейну. В его интересах было обеспечить поддержку Керавну, дабы нейтрализовать его серьезные претензии на трон Египта. Какое-то царство подошло бы для этой цели, желательнее на значительном расстоянии от Египта, и где он все время был бы занят: Македония подходила для этого идеально.

Птолемей не помогал Керавну слишком открыто, поскольку это привлекло бы внимание Антиоха. К весне 280 г. до н.э. проблемы Сирии были улажены, и Антиох действовал в Малой Азии, где центральные регионы, в частности вдоль побережья Черного моря, включая Гераклею Понтийскую, стремились утвердить свою независимость. Птолемей смог обеспечить контроль над несколькими пунктами на северном побережье Малой Азии — или может быть, он восстановил контроль над теми пунктами, которыми владел его отец, — но он сделал это, не спровоцировав Антиоха на враждебные действия. Даже размещение гарнизона из воинов Птолемея в Милете<sup>17</sup> не вызвало войны. Но Антиох, как и любой другой царь своего времени, мог выбирать приоритеты.

Заманчиво видеть руку Птолемея и его деньги в проблемах Антигона в Греции. Реальных подтверждений не существует, но внезапное возникновение спартанской армии под командованием Арея, образование нового Пелопоннесского союза, освобождение нескольких городов из-под контроля Антиоха, возрождение Ахейского союза, и все это одновременно, когда отвлечь Антигона означало помочь Птолемею Керавну, должно рассматриваться как указание на действие внешнего фактора. Прежде всего Арею для его странного и бесполезного предприятия понадобились бы деньги, а Птолемей был наиболее очевидным их источником.

Таким образом, от смерти и Лисимаха и Селевка больше всего выиграл Птолемей II, царственные противники которого были мертвы, угрожающий сводный брат отвлечен и полностью занят в Македонии, его соперник в Эгейском регионе Антигон значительно ослаблен, а его собственные территории расширены небольшими, но важными приобретениями. Его сосед Антиох был полностью занят в Малой Азии и поэтому

представлял меньшую угрозу, чем его отец. Птолемей также принял и предоставил убежище Арсиное II, которая, по меньшей мере поначалу, вместе со своим оставшимся в живых сыном рассматривалась как угроза Керавну или даже Антиоху. Позже он нашел для нее еще лучшее применение.

Антиох избавился от многих своих внешних врагов с относительной легкостью, частично просто игнорируя провокации Птолемея. Просьба Пирра выделить какое-то количество войск для его западной экспедиции была, вероятно, проигнорирована, когда стало известно, что Пирр в любом случае уезжает. Соглашение с Антигоном было достигнуто, возможно, после каких-то столкновений на море. Оно было подкреплено браком Антигона и Филы, дочери Селевка и Стратоники (таким образом, падчерицей и сводной сестрой Антиоха и племянницей Антигона). Это соглашение не могло быть заключено до 278 г. до н.э., но любой конфликт между двумя царями казался крайне бессмысленным, пока Керавн был царем Македонии.<sup>18</sup> Самому Керавну Антиох предложил, а Керавн принял, соглашение, которое явилось признанием его царствования, хотя, без сомнения, у Антиоха было множество внутренних возражений против этого.<sup>19</sup> Антиох в определенном смысле действовал столь же хитро, как Керавн и Птолемей, хотя и без кровожадности первого и более открыто, чем второй.

Антиох предпочел править в Малой Азии очень деликатно. Он терпел включенные в ее состав малые княжества. Филетер в Пергаме контролировал значительную часть сокровищ Лисимаха и был фактически независимым и богатым.<sup>20</sup> Он добился расположения Антиоха, вернув тело его отца из Лисимахии (нуждавшийся в деньгах Керавн потребовал выкуп за него).<sup>21</sup> Это сделало Антиоха его должником; конечной целью Филетера, как и многих других, занимавших в то время подобное положение, было получение независимости. На севере Понт и Вифиния были независимы, как и Гераклея Понтийская. Гераклея обладала ценным флотом и вместе с Византией, Халкидоном и Теосом образовала Северный союз как средство взаимной обороны. Антиох вскоре оказался в

состоянии войны и с Вифинией и с Гераклеей – продолжение их спора с Селевком.<sup>22</sup>

В начале 279 г. до н.э. было почти достигнуто состояние равновесия. Птолемей II утвердился у власти в Египте, Южной Сирии, на Кипре и на островах Эгейского моря, хотя Магас на Киренаике оставался независимым. Антиох вернул большую часть азиатского наследства своего отца под свой контроль, но у него были проблемы с северными государствами, и на данный момент он отдал Македонию и Фракию. Пирр отправился на запад. Антигон Гонат остался с несколькими греческими крепостями и своим разбитым флотом. Спартанский царь вернулся домой. В Македонии Птолемей Керавн изолировал соперников и изгнал сводную сестру и ее детей. Его принятие в качестве царя македонцами было решающим. Он защищал царство против вторжения и распространил свою власть на большую его часть, поэтому он был законным царем Македонии.

В этот момент в 279 г. до н.э. в Македонию внезапно вторглись варвары с севера, кельты, которых греки называли галатами. Во времена Александра они жили на Дунае, где он иногда встречался с ними. Варвары были столь же агрессивны, как и Александр, и отвечали ему вызывающими заявлениями.<sup>23</sup> С тех пор значительная часть их переселилась на восток, образовав заметное воинственное государство с центром в районе современного Белграда, позже ставшее царством скордисков.<sup>24</sup> Занятые своими проблемами государства Греции и Македонии не обращали серьезного внимания на эти события, даже когда известия о них и достигали Македонии, самого заинтересованного из государств на Балканах. Участие царя Иллирии Монуния в Македонской войне в 280 г. до н.э. означает, что ему в это время с севера ничто не угрожало. Кассандр за несколько лет до этого воевал с галатами к югу от гор Гемус<sup>25</sup>, а один из отрядов достиг на короткое время Фракии в конце 280-х гг. до н.э.<sup>26</sup> Прозвучало много предварительных предупреждений, но события в Македонии после смерти Кассандра настолько поглотили всех, что, вероятно, никто не уделял ни времени, ни внимания росту напряжения, которое предвеща-

ло вторжение 279 г. до н.э. Случившееся было настолько неожиданным и необычным, что предсказавшему такие события никто бы не поверил.

Галаты не только появились внезапно, само их нападение было также совершенно беспрецедентным и от этого еще более ужасным. Ранние столкновения рассматривались как обычные инциденты в пограничной зоне, если кто-либо и задумывался о них. Македония не страдала от вторжения варваров с ранних лет правления Филиппа II.

С точки зрения галатов, ситуация выглядела очень многообещающе. Кассандр и Лисимах отразили их небольшие набеги, но борьба была нелегкой. Македонцы и греки могли игнорировать большую часть того, что происходит на севере, но галаты имели ясное представление о событиях в Македонии. Распространенные в Балканском регионе монеты Филиппа II указывают на частые торговые отношения, а куда идет торговля, туда поступает и информация.<sup>27</sup> Они видели продолжающиеся беспорядки, цари неоднократно умирали или были изгнаны (в 297 — дважды, 294, 287, 286, 281 до н.э.), а в 281–280 гг. до н.э. — шла гражданская война. У Керавна не было друзей, только враги. Его власть над Македонией в начале 279 г. до н.э. казалась прочной, но он был царем всего год с небольшим, не имел наследственных прав на трон и воспринимался как убийца и нарушитель своего слова. Галатам он казался крайне уязвимым, и именно этой уязвимостью воспользовались нападавшие.

Нет необходимости говорить, что точный ход событий совершенно неизвестен, поскольку вторжения привели Македонию в полный хаос. Нападение галатов было хорошо спланированным и масштабным. Произошло три отдельных вторжения, одно под предводительством Болгия, нацеленное на западную часть Македонии через Иллирию; второе, под предводительством Бренна, было направлено на юг вдоль долины Аксия, в сторону восточной части Македонии, третье, под предводительством Кернтия, двинулось против Фракии и трибалов. Это была одновременно и миграция: воинов сопровождали их семьи.<sup>28</sup>



Керавн встретил первое вторжение под предводительством Болгия. Он был разбит, захвачен в плен и казнен, это позволило захватчикам пройти в глубь страны. Поражение и смерть Керавна стали поводом для морализаторских комментариев историков, которые вполне возможно специально изобретали неприятные способы его убийства, чтобы сделать мораль еще более устрашающе значимой. Он изображался как чрезмерно самонадеянный, что вполне могло быть правдой: стоит повторить, что вторжение было беспрецедентным.<sup>29</sup>

В течение примерно следующих двух лет известны несколько местных правителей, выбранных или самозванных: брат Керавна Мелеагр продержался два месяца, Антипатр, племянник Кассандра, — 45 дней, полководец по имени Сосфен — возможно два года; Птолемей, Арридей и Александр правили частью или всем царством неопределенные периоды. Можно расположить этих людей последовательно, но более вероятно, их правление перекрывалось, они действовали в разных частях страны, одни из них были царями, другие — претендентами.<sup>30</sup> Последовательность вторжений и имена вождей захватчиков так же запутаны, поскольку различные отряды галатов разделялись и соединялись в различных сочетаниях. Реконструкция событий не представляется возможной<sup>31</sup>. Большая часть случившегося совершенно неизвестна и не прояснится. Определенно Македония была полностью разграблена, выжжена и разорена, хотя города, по-видимому, удержались за своими стенами, заполненные беженцами и испытывая недостаток в еде. В конце концов не осталось ничего, что можно было бы украсть или сжечь, невозможно было найти пищи, и захватчики не могли захватить города. Потери македонцев, без сомнения, были ужасающими.

Болгий ушел со своей добычей назад, на север, захватив многих галатов с собой.<sup>32</sup> Бренн остался, может быть, возможно, он хотел еще больше добычи, или он и его люди искали места для расселения. Он и его отряд двинулись на юг в Фессалию, а затем дальше, большая часть Македонии была оккупирована его народом.<sup>33</sup> Царская власть или совсем исчезла или была фрагментарной, единственный успешный воин сре-

ди многих Состен отказался от царского титула, но вскоре умер; Кассандрия попала под власть человека по имени Аполлодор, который превратился в тирана, возможно это был единственный способ управлять охваченным паникой городом.<sup>34</sup> Даже после того, как орда Болгия ушла и большая часть людей Бренна переместилась в Фессалию, македонцы были совершенно неспособны возвратить захваченные земли. Если бы Бренн решил остаться в Македонии и сделать ее собственным царством, он вполне мог добиться успеха.

Орда Бренна двинулась из Фессалии, чтобы напасть на Фермопилы, где проход блокировали разнородные вооруженные контингенты: этолийцы, беотийцы, фокидяне, люди, посланные Антигоном Гонатом и Антиохом, и, без сомнения, македонцы и местные локридцы. Он повернул на запад, чтобы напасть на Дельфы, но был блокирован и разбит этолийцами и фокидянами, так и не дойдя до святилища. Орда отступила на север.<sup>35</sup> Предположительно Бренн решил, что его люди будут удовлетворены поселением в Македонии. Возможно, именно под давлением этих событий война между Антигоном Гонатом и Антиохом I в 278 г. до н.э. закончилась мирным соглашением и брачным союзом. Ни один из царей не способен был стать в Македонии преемником покойного Керавна, частично, вероятно, из-за их соперничества, но и сама перспектива необходимости сначала выбить галатов не могла быть привлекательной. Антиох решил, что это царство слишком далеко, и никогда больше не посягал на него. Он освободил дорогу Антигону, связанные с галатами события определяли действия любого другого претендента.

Бренн был убит в боях в Греции, и его орда распалась, оставшиеся в живых в основном последовали примеру Болгия и вернулись на родину со своей добычей.<sup>36</sup> В это же время или раньше другая орда под предводительством Леоннория и Лутария направилась на восток во Фракию, туда же ушла третья группа захватчиков, которой сначала предводительствовал Кернтий. В течение 277 г. до н.э. все эти силы все еще находились во Фракии, вероятно совершая набеги, объединяясь и разделяясь, как и те, что остались в Македонии, но к этому

времени они, без сомнения, уже задумывались, что делать дальше. Одна группа находилась в регионе Херсонеса Фракийского. Там по какой-то неизвестной причине, возможно озабоченный отношениями с Антиохом, расположился Антигон со своим флотом и армией. Он встретил и разбил один из отрядов галатов.<sup>37</sup>

Эта битва возле Лисимахии произошла в начале 277 г. до н.э.; соглашение Антигона с Антиохом было заключено в конце предшествующего года. В обмен на брачный союз Антиох отказывался от претензий на Македонию, а Антигон соглашался оставить Херсонес Фракийский и близлежащие города Антиоху. Это фактически делало Антигона подвластным союзником Антиоха, и когда он столкнулся с галатами и разбил их, то находился на территории Антиоха. Антигон, очевидно, намеревался использовать этот район в качестве своей базы для новой попытки захвата власти в Македонии. Его тыл был защищен союзом с Антиохом, и сейчас он обладал преимуществом победы над галатами, смывавшей пятно старого поражения Керавна.

Одним из способов избавления от галатских захватчиков был прием их на службу: они были дешевле греческих наемников. Антигон, таким образом, очистил Македонию от галатов, наняв их и используя для того, чтобы изгнать их соплеменников. Соперники Антигона также были устранены: Антипатр бежал в Египет,<sup>38</sup> Арридей исчез, Птолемей также бежал в Египет. Антигон нанял предводителя локридских пиратов, который смог освободить Кассандрию от тирании Аполлодора. Осада города продолжалась десять месяцев, что говорит о значительной внутренней поддержке, оказанной «тирану».<sup>39</sup> Галаты ушли не слишком далеко. Помимо тех, что расселились в регионе Белграда, другие осели во Фракии и образовали царство возле Византия. Они собирали дань с этого города в течение следующих 60 лет.<sup>40</sup> Северные границы Македонии были так же разрушены, как и сама страна.

Все это время (279–277 до н.э.) Антиох был вовлечен в войну против Северного союза и царя Понта Митридата. Она осложнялась одновременным кризисом в Вифинии, где престол

царя Зипонта оспаривался его сыновьями Никомедом и Зипонтом Младшим.<sup>41</sup> Вопреки отвлекавшим его событиям, в частности краткой войне с Антигоном, Антиох добивался в этом хаосе прогресса в борьбе со своими врагами. Всем также приходилось наблюдать за действиями галатов во Фракии. Два отряда под предводительством Леоннория и Лутария неоднократно предпринимали попытки переправиться в Азию, и когда Никомед в Вифинии пришел в отчаяние, он вступил в контакт с Леоннорием, нанял его отряд для борьбы со своими врагами и перевез его в Азию.<sup>42</sup> Другой отряд находился в Херсонесе Фракийском и захватил корабли у назначенного Антиохом губернатора Геллеспонтской Фригии, который попытался договориться с ними.<sup>43</sup> Оказавшись в Азии, они объединились, отбросили армию Антиоха от Вифинии и двинулись на юг в богатые земли Ионии и Лидии. Освобождение Фракии и Македонии произошло ценой масштабного грабежа в Азии.

Страдания Македонии были наибольшими, но это была ее собственная вина. Повторяющиеся споры о престолонаследии могли привести только к тому, что соседи облизывались в ожидании, когда умрет царь. Прежние споры всегда сопровождались вторжениями. Вторжение галатов было хуже обычного, но все равно чего-либо подобного и следовало ожидать. Со времен Филиппа II цари ничего не делали, чтобы решить эту проблему и устранить угрозу. Александр отправился завоевывать Азию, Кассандр иногда вел войны на северных границах, но уделял больше внимания Греции, как и его отец. Деметрий следовал за Александром. Лисимах, хотя он и завоевал Пеонию, был у власти в Македонии слишком короткое время, чтобы оказать значительное влияние.

Вновь главной проблемой Македонии было престолонаследие. К этому времени существовало множество примеров того, чего не следует делать, а что сделать необходимо — вся история Македонии показывала это. Антигон Одноглазый, Птолемей I и Селевк I показали возможность обеспечить плавное престолонаследие: назначить и поставить выбранного сына в качестве царя-соправителя до того, как умрет старый царь.

Выбранный получал доверие и опыт, старый царь мог расслабиться, и все могли привыкнуть к тому, что ожидает страну в будущем. Даже Деметрий, вряд ли самый ответственный из царей, аккуратно подготовился к передаче власти, оставив европейские земли своему сыну Антигону.

Эта процедура основывалась на том, что старший царь жил достаточно долго, чтобы родить сына, дожидаясь, когда тот станет взрослым, и подготовить его к царствованию. Обеспечение сохранения царства было одной из обязанностей царя, а урок, который дало пренебрежение Александра к этому вопросу, врезался в сознание его современников, это определено было одной из причин принятых несколькими царями мер. Без сомнения, отсутствие принятой схемы наследования в новых царствах заставляло назначать младших царей, но эта система была началом схемы. Подобие наследственной передачи власти существовало и в Македонии, где цари избирались из числа членов семьи Аргеадов, но не всегда это определялось по мужской линии. В результате смертоносной борьбы к 308 г. до н.э. семья вымерла. Получение царской власти с третьей попытки Антигоном II из династии Антигонидов, вся слава которой была связана с его предками, обещало исправить эту проблему.

Принятое Антигоном царство было разрушено. Нет возможности оценить потери, учесть материальный ущерб. По видимому, ни один из городов не был захвачен варварами, хотя Кассандрия впоследствии пережила десятидневную осаду. Многие жители сельской местности выжили, укрывшись в городах, многие погибли или были уведены в рабство, а сельская местность определенно была сильно разорена. Царство потеряло значительное число мужчин, отправленных в военные экспедиции и в качестве подкреплений на восток за два предшествующих поколения. Вряд ли потери носили разрушительный характер, поскольку Кассандр и Деметрий могли выставить почти столь же значительное число воинов, сколько взял с собой Александр. Но это определенно ослабило страну, а нашествие галатов усилило это. В результате Македония была настолько ослаблена, что в течение следующего поколе-

ния ей пришлось укрываться под крылом Селевкидов, по меньшей мере пока правили Антиох I и Антигон Гонат.

Кажется вероятным, что еще одним результатом было разрушение всех существующих правительственных институтов. Антигон столкнулся с проблемами разрушенной страны и общества, где в течение долгого времени он не мог даже собрать значительной македонской армии и полагался на наемников. Он занялся созданием новой системы управления, до некоторой степени бюрократической, но построенной на самостоятельности, продемонстрированной городами во время вторжения. Старая аристократия, если ей и удалось пережить более ранний режим и эмиграцию, должна была непропорционально пострадать в войне с галатами. Функцией знати было воевать, а они со всей очевидностью потерпели поражение, потеряв и свои жизни, и свое имущество. Антигон получил первую возможность за столетия все начать более или менее сначала, и он, похоже, воспользовался ей.<sup>44</sup>

Все это явилось настолько же результатом экспедиции Александра, как и вторжения галатов. Александр увел значительную часть мужского населения Македонии и не оставил наследника мужского пола. Но прежде всего в стремлении завоевать империю он не уделял внимания безопасности самой Македонии. Вторжение галатов в 279–277 гг. до н.э. стало прямым следствием действий Александра, но не Филиппа, который крайне аккуратно относился к расширению и контролю над своей северной границей. В то же время тысячи македонцев и греков, в основном потомков участников авантюры Александра, были теперь рассеяны по завоеванным Александром территориям, и в результате переселения их жизнь стала значительно богаче, а их дети жили еще лучше.

*Новый мир, 277–272 гг. до н.э.*

К концу 277 г. до н.э. захватчики покинули Македонию, двинувшись на север или во Фракию, или через нее в Малую Азию. Те, кто остался в Европе, были перегружены награбленным и расселились в относительно стабильных царствах на некотором расстоянии от Македонии. Отправившиеся в Азию еще одно десятилетие провели, грабя азиатские земли. Со временем, начиная примерно с 270 г. до н.э., они были вынуждены поселиться в глубине материка, но в течение следующих 50 и более лет различные отряды еще вырывались наружу. Одной из характеристик успешного царя или правителя в Азии в течение III в. до н.э. была способность похвастаться тем, что он разбил отправившийся в набег отряд галатов.

Как и в Македонии, города в Малой Азии находились в безопасности за своими стенами, но сельская местность, поля, деревни, небнесенные стенами городки, загородные поместья и все, кто оказался за пределами городов, находились в опасности. Кизик пережил разграбление своих земель,<sup>1</sup> лишенный стен Илион был захвачен, разграблен и разрушен; Фиатира, Пергам, Эфес, Эритрея, Дидим, Милет, Приена, Темисонион, Келены подверглись нападению и получили повреждения.<sup>2</sup> Местные укрепления иногда оказывались эффективными, а некоторые города платили выкуп, но основная ответственность в борьбе с набегами лежала на царе Антиохе. Его Галатийская война продолжалась несколько лет, возможно примерно до 270 г. до н.э. Решающее сражение — «битва слонов» — произошло между 275 и 270 гг. до н.э.<sup>3</sup>

Результатом вторжения галатов стало полное прекращение какой-либо дальнейшей экспансии государства Селевкидов. Антиох был полностью занят в течение 270-х гг. до н.э. улаживанием дел в Малой Азии. В этот период Антигон решал те же проблемы в качестве царя Македонии. Птолемея II меньше

беспокоили внутренние проблемы, он был в большей степени удовлетворен своим международным положением и в 275 г. до н.э. экстравагантно отпраздновал годовщину своего царствования грандиозным парадом в Александрии.<sup>4</sup> Таким образом, вторжения галатов оказались решающим фактором в окончательном формировании международного эллинистического мира. До их вторжения повторное объединение империи Александра от Македонии до Индии было еще возможно. Ущерб, который они нанесли Македонии и Малой Азии, заставил противостоявших им царей сосредоточиться на собственных делах. Галаты настолько уменьшили богатство и силу своих жертв, что никто не был способен вновь замыслить подобное предприятие.

Тот факт, что цари, которые вступили на трон между 282 и 277 гг. до н.э., принадлежали к следующему поколению за современниками Александра, был решающим. Отцы – Селевк, Птолемей, Лисимах – все родились с разницей в несколько лет с Александром и учились политическому искусству во времена Филиппа II и Александра, сначала при дворе Филиппа, а затем как командиры с Александром. Даже Деметрий и Пирр, очевидно, находились в плену памяти об Александре и его достижениях. Эти люди ничего не могли с собой поделать, ими владела навязчивая идея о возможности возрождения Македонской империи, которая существовала между 325 и 319 гг. до н.э., и их политика была направлена или на достижение такого объединения, или на противодействие ему. Их сыновья, родившиеся после смерти Александра, не имели непосредственных личных воспоминаний о таком политическом единстве, их ранняя политическая память была связана с тем временем, когда их отцы правили в качестве царей.

Птолемей II, царь самого надежно сформировавшегося царства, не продемонстрировал желания расширить царство своего отца, за исключением действий и районов, предназначенных для того, чтобы отвратить его противников или укрепить собственную оборону. Антигон Гонат, несмотря на амбиции деда и отца и собственный ранний опыт при дворе деда (он родился около 319 до н.э.), никогда не демонстрировал каких-



либо амбиций, кроме сохранения контроля над Македонией и Грецией. Это касается даже его жизни до смерти Деметрия, а состояние Македонии после разрушений останавливало любые авантурные проекты. Антиох оставил все претензии на Македонию после смерти Птолемея Керавна. Всем трем царям предстояла трудная задача удержать то, что они имели. Поэтому даже если они и хотели завоевать новые земли, у них вряд ли были время или возможности сделать это.

Деление империи на три царства не было запланировано. Государство, которым Лисимах правил в течение двух десятилетий, было стабильным почти до последнего года своего существования, а западная часть Малой Азии была географической базой для длинной серии государств от позднего бронзового века до Византийской империи. Царство Селевкидов Селевка I и Антиоха I всегда было склонно утратить контроль над Малой Азией. Со временем оно стало отдельным царством Атталидов. Одной из постоянных задач царей династии Селевкидов было удержать или вернуть себе Малую Азию, и в конце концов это оказалось выше их сил. Столь же тщетно они пытались удержаться на Востоке. Бактрия была частью царства лишь короткое время при Селевке и Антиохе I. Примерно к 260 г. до н.э. она фактически стала независимым государством. Точно так же Кипр или Киренаика или оба региона в любой момент могли отделиться от царства Птолемеев и образовать независимые государства. Магас в Киренаике был независимым царем на протяжении всего правления Птолемея II.

Эти царства были относительно большими, но ни одно из них не было столь сильным, как казалось. Одной из основных причин этого были людские ресурсы. Прошло еще много десятилетий, прежде чем государство Селевкидов или Птолемеев в значительной степени вовлекли «туземное» население в свои дела, хотя и то и другое шли своим путем к умиротворению наиболее сильных из своих подданных. В Вавилонии многие вавилоняне становились правителями города или даже губернаторами,<sup>5</sup> в Египте местных жрецов поощряли и подарками, и должностями,<sup>6</sup> но эти меры не были предназначены

для вовлечения местной элиты в дела, а скорее для того, чтобы удержать ее в стороне от политических и военных вопросов. Селевк I набрал персидскую конницу — это был единственный возможный источник крупных сил всадников, которые он привел для кампании при Ипсе — но они после победы были отправлены домой, и Селевкиды никогда больше не имели такой значительной конной силы.

В качестве гражданских администраторов и для службы в армии все три царства полагались на греков и македонцев, а также на тех представителей местного населения, которые могли сойти за греков. (Это предполагало знание греческого языка и, по меньшей мере, хоть какое-то греческое образование.) Для Македонии это было нетрудно, но небольшая территория Македонии ограничивала и ее население и, следовательно, людские и военные ресурсы. Царства Птолемеев и Селевкидов полагались на иммиграцию и естественный рост численности потомков этих иммигрантов. К 217 г. до н.э. оба царства могли выставить армию в 70 000 человек, хотя, чтобы сделать это обоим, приходилось обращаться к местному населению и набирать из него — они надеялись, что сделать это придется только в самом крайнем случае.<sup>7</sup>

Этот комплекс проблем, связанный с ограниченным доступом к человеческим ресурсам, был частью нового мира даже при жизни Александра. Царство Селевкидов было серьезно затронуто этой проблемой. Македония и Египет Птолемеев были компактными государствами, которые было относительно легко защищать благодаря их положению и границам, но это государство раскинулось от Индии до Ионии и сталкивалось с проблемами повсеместно. Уже в царствование Селевка I фрагменты царства стали независимыми или полунезависимыми. Он признал эту проблему, когда сделал своего сына царем Востока, но были и другие, менее важные или менее доступные области, отделение которых он игнорировал.

В Северной Персии один из персидских сатрапов Александра Атропат основал царство Мидия Атропатена,<sup>8</sup> соседняя горная область Армения стала независимой под властью династии сатрапов/царей, основанной Оронтом, бывшим губер-

натором Ахеменидов.<sup>9</sup> Соглашение Селевка I с Чандрагуптой Маурья передало Арахозию индийскому правителю, и это предоставило Карманию и Гедрозию самим себе. По контрасту Вавилония, экономическое сердце царства, всегда была лояльной. Когда распространились известия о смерти Селевка I, царство почти развалилось. Антиох был занят, отвоевывая свое наследство, в частности в Малой Азии, и именно из Вавилонии он брал большую часть средств, которые были ему нужны для финансирования войн.<sup>10</sup> Произошедший примерно в то же время пожар в Персеполе, возможно, был связан с местными волнениями, и есть сообщения о вооруженных восстаниях, подавленных сатрапами. Власть некоторых царей Селевкидов над Персидой была непрочной.<sup>11</sup> Они удержали Сузиану, следующую провинцию к западу, но при, по меньшей мере, частично независимой Персиде было мало шансов добиться успеха в провинциях дальше на востоке.

Поэтому уже в 280 г. до н.э. царство Селевкидов в Персии фактически уменьшилось до Сузианы, Персиды и Центральной Мидии, земель вдоль старой царской дороги из Вавилона в Бактрию. Сконцентрировавшись на своих владениях на западе, Селевкиды потеряли контроль над большей частью Востока. Бактрия и весь Восток стали полностью независимыми к 260 г. до н.э., сначала под властью сатрапов Диодота I и его сына Диодота II, а затем под властью следовавших друг за другом царей.<sup>12</sup> Были предприняты решительные усилия укрепить власть над остальными землями Персии путем создания колоний с центром вокруг Экбатаны, но этот район, очевидно, стоял после Бактрии и Сирии (и Малой Азии) в качестве предпочтительного места для колонистов.

В Малой Азии Антиоху противостояли несколько мелких, но решительно настроенных государств вдоль его северной границы и орды галатов, и ему пришлось вести долгую войну, чтобы отразить захватчиков. Он вынужденно принял независимость Вифинии и Северный союз городов и царств. К этому можно добавить Каппадокию, история которой неизвестна в период от войны с Антигоном и до середины третьего столетия. Со временем на части ее расселились галаты, а

оставшаяся часть позже образовала независимое государство. Царская власть в нем оказалась в руках еще одной семьи — потомка аристократов Ахеменидов, — по-видимому, в ответ на угрожающее присутствие галатов: местная эра начинается в 225 г. до н.э.,<sup>13</sup> что указывает на решающее событие в истории страны в этом году.

Основными причинами того, что царство Селевкидов не смогло удержать множество окраинных территорий, заключалось, во-первых, в недостатке воинов, а во-вторых, в постоянном давлении врагов, особенно Птолемея из Египта. Приходилось постоянно следить за границей с Птолемеями, которая могла почти по любому поводу стать ареной военных действий. Поэтому помимо нехватки войск существовала потребность большую их часть постоянно держать в Сирии, оставив меньшую часть для использования в других местах.

Птолемей II обнаружил, что, предоставив убежище своей сестре Арсиное II, вдове Лисимаха и Птолемея Керавна, получил больше того, на что рассчитывал. Говорили, что в Александрии она пыталась стать почти правителем Египта в качестве компенсации за потерю Азии и Македонии. Птолемей был уже женат на ее падчерице Арсиное (I), которая была вскоре изгнана из дворца, и Арсиное II вышла замуж за своего брата.<sup>14</sup> Способности матери к интригам, очевидно, перешли к Арсиное, династия Птолемея таким образом встала на путь повторяющихся кровнородственных браков.

Считается, что этого брака добились обладавшая сильной волей Арсиное. Греки были шокированы, сохранились едкие комментарии поэтов и рассказчиков,<sup>15</sup> которых Птолемей называл, если добирался до них. Но чтобы вступить в брак, требуется два человека, и Птолемей знал, что он делает. Его сестра в результате предыдущих браков обладала гораздо большими познаниями о современном мире, чем он. Она могла дать свежий взгляд на события, взгляд, незамутненный лестью, которой уже были окружены Птолемеи, и которая неизбежно искажала их представление о происходящем вне страны. Прежде всего Арсиное могла дать советы по поводу событий в Македонии.

Брак также был связан с проблемой престолонаследия. Военная и семейная карьера Птолемея I предопределила сложную семейную ситуацию: три вдовы и множество детей. Птолемей II был сыном третьей жены, и его сводные братья могли посчитать, что у них больше прав на трон. Керавн был мертв, но Магас был независимым правителем в Киренаике. Птолемей II должен был объединить семью. Он предоставил убежище сыну Арсинои Птолемею, но держал его под контролем. Он предоставил убежище самой Арсиное и поставил ее под контроль, вступив с ней в брак, который, в данной интерпретации, был его идеей. Двое из его сводных братьев или родных братьев были казнены в 270 г. до н.э. У него были свои дети от первого брака, и Арсиноя II усыновила их, когда вступила в брак со своим братом. У Птолемея была и другая сестра Филотера, которая, по-видимому, не выходила замуж, она была полностью интегрирована в семейную систему и дала свое имя по меньшей мере трем городам царства.<sup>16</sup>

Брак брата и сестры рассматривался как скандал, но его также широко рекламировали и отмечали. Арсиноя появилась на монетах или сама или со своим братом-мужем. Оба взяли одну фамилию Филадельф, и в Александрии, Афинах и других местах были построены посвященные им храмы. После смерти Арсиноя была увековечена и ей были отданы почести, но Филодора получила такие же почести. Весь процесс был осознанным возвеличиванием Птолемеем II своей основной семьи по сравнению с боковыми ветвями, чтобы другие ветви не могли достаточно убедительно претендовать на трон. Это было еще одним решением вопроса о престолонаследии, помимо тех, что использовали Селевк I, Кассандр и Аргеады.

Антигон Гонат получил власть над Македонией и Фессалией – всем царством своего отца, но сделал это с помощью греческих и галатских наемников. Его претензии на власть были основаны на наследственных правах и, что еще более убедительно, на мире, который он принес на разоренную землю. Провозглашение его македонской армией было невозможно и, вероятно, не имело места, и македонцы некоторое время не оказывали ему формальной поддержки. Антигону приходилось

зарабатывать свое царство, но чем дольше он оставался царем, тем прочнее становился его трон.

Краткосрочная опасность возникла в 274 г. до н.э. Пирр возвратился из своей экспедиции на запад и был решительно настроен на восстановление своих прежних позиций в Эпире и Греции. Он предъявил претензии на трон Македонии, имевшие место еще после свержения Деметрия, и вторгся в Македонию. Между ним и царем состоялась одна битва в месте, называвшемся «Теснины», расположение которого неясно: войска Пирра победили галатов Антигона, а затем македонская фаланга распалась и бежала. Пирр дошел до Эги, древней столицы царства.<sup>17</sup> Цари ждали реакции македонцев, македонцы тем временем ожидали, кто одержит победу. Антигон удерживал прибрежные поселения, включая основные города, и свой флот. Тупиковая ситуация разрешилась, когда Пирр позволил своим галатским наемникам разграбить царские гробницы в Эги, поплатившись за это расположением македонцев. У него не было желания осаждать города, которые могли легко снабжаться с моря, и он отступил, оставив командовать своего сына Птолемея. Антигон, стараясь вести как можно меньше боевых действий, спокойно возвратил все, что потерял. Во второй раз царство спасли города, а не сельские аристократы. Македонское общество совершенно явно изменилось после событий 270-х гг. до н.э.

Пирр двинулся на Пелопоннес, чтобы напасть на Спарту в поддержку своего друга Клеонима, претендента на спартанский трон. Царь Арей и спартанская армия вели кампанию на Крите, и, без сомнения, Пирр знал об этом. И все же нападение Пирра на город Спарту потерпело поражение в результате решимости тех спартанцев, кто оставался там: стариков, женщин и мальчиков в решающем сражении. Гонат двинул свои подкрепления по морю, чтобы блокировать отступление Пирра. Отброшенный от Спарты македонскими войсками и прибытием Арея и его армии, он попытался захватить Аргос. Один из его слонов застрял в узких воротах и протрубил тревогу, а во время уличных боев на следующий день он был сбит с коня черепицей, брошенной в него сидев-

шей на крыше старой женщиной, один из воинов Антигона добил его.<sup>18</sup> Пирр был противоположностью Антигона, бросаясь из одной битвы в другую, в то время как Антигон умышленно избегал сражений; он создавал врагов со всех сторон, в то время как Антигон упорно стремился только к Македонии и добившись цели держался за нее.

Это был последний серьезный противник Антигона в борьбе за Македонию. Антигон набрал наемников, чтобы изгнать галатов, и избегал сражаться с Пирром, когда это было возможно, избавив таким образом Македонию от дальнейшего напряжения. Его союз с царством Селевкидов защищал его на международной арене, а его флот дал ему частичный контроль над Эгейским морем. Его политические интересы были ограничены Македонией и ее ближайшими соседями, и он действовал как традиционный македонский царь, а не стал, как могли опасаться некоторые, еще одним Деметрием. Антигон был скорее политическим наследником Кассандра, чем своих отца или деда — он был внуком Антипатра по матери.

Антигон смог восстановить свое доминирующее положение в Греции на основе контроля над Коринфом, Пиреем, Халкидой и Деметрией, но уменьшил гарнизоны и предпочитал поддерживать дружественные режимы в городах, а не размещать непопулярные гарнизоны. Он оставил в покое Беотию и воздерживался от противостояния с этолийцами.

Этолийский союз, бывший средством спасения святилища в Дельфах от галатов, получил контроль над Амфикицией. Это было средство, с помощью которого многие, включая Филиппа II, пытались доминировать в Центральной Греции. Собрав множество мелких имевших право голоса сообществ в собственный союз, этолийцам удалось это лучше, чем Филиппу. Их экспансия была осторожной, относительно медленной и осуществлялась средствами убеждения и согласия, но к 250 г. до н.э. привела к образованию компактного государства. Они преуспели в этом благодаря истощению Македонии, и со временем двум государствам пришлось бы столкнуться. До восстановления Македонии оба относились друг к другу настороженно.<sup>19</sup>

Более отдаленным противником Антигона был Птолемей II, который мог финансировать нападение на него Пирра в 274.<sup>20</sup> Враждебность Птолемея была основана на морском соперничестве в Эгейском море и на союзе Антигона с Антиохом. Женитьба Антигона на Филе и предшествующее соглашение, по которому между территориями и зонами влияния двух царств была установлена четкая граница, решила все их взаимные проблемы, что было важной основой продолжения союза, поскольку ни у одной стороны не было планов захвата земель другой.<sup>21</sup> В дополнение оба царя в 270-х гг. до н.э. были заняты другими проблемами, Антигон в Македонии с Пирром и в Греции, а Антиох в Малой Азии.

Антиоху приходилось сражаться с отрядами галатов повсюду, где он только мог их найти. Требовалось время, чтобы найти и поймать их, а одержать победу над ними было нелегко. Иногда он сталкивался со значительными силами галатов в битвах, в которых основным победоносным оружием были слоны. Это могло быть уже в 275 или в конце 270-х гг. до н.э.<sup>22</sup> Принятие ответственности за борьбу с этими отрядами царем династии Селевкидов интересно: он унаследовал Малую Азию от своего отца, который овладел ею всего за несколько месяцев до смерти. Антиох был решительно настроен удержать эту часть своего наследства, но задача была нелегкой и стоила неоправданно дорого.

Кампании были сумбурными и запутанными, как раз тот тип ситуации, которым умело пользовался Птолемей II, но, похоже, что в этом случае его опередили. Его сводный брат Магас, царь Киренаики, женился на дочери Антиоха и Стратоники Апаме, знак того, что цари вступили в союз. Это произошло в 274 г. до н.э., даже во время войны с галатами Антиох активно вел антиптотемеевскую дипломатию. Теперь он оказался в союзе с Антигоном и Магасом. В ответ Птолемей вполне мог поддержать Пирра в нападении на Антигона в 274 г. до н.э. В 275 г. до н.э. Магас предпринял попытку захватить власть в Египте, начав поход на Александрию из Кирены, но восстание местных ливийцев заставило его повернуть назад.<sup>23</sup> Птолемей обвинял в войне Антиоха, но восстание его наемников-



галатов не позволило ему двинуться ни против Магаса, ни против Антиоха. Подавив восстание, Птолемей объявил победу над варварами равносильной победе над Антигоном или Антиохом.<sup>24</sup>

Ситуация переросла в войну в Сирии между Птолемеем и Антиохом, которая началась, вероятно, в 274 г. до н.э. В результате Магас в Киренаике и галатийцы в Малой Азии в основном были оставлены в покое. Антиох совершил несколько завоеваний в Сирии, и Птолемею пришлось вести ожесточенную борьбу, чтобы вернуть свои потери. Цари заключили мир в 271 г. до н.э. без серьезных территориальных изменений, Антиох повернул на север и еще раз разбил галатов — победу с помощью слонов он одержал в конце 270-х гг. до н.э.

Вторжение галатов в Малую Азию защитило новые царства вдоль северного побережья Анатолии от подчинения Антиоху и косвенно помогло Магасу сохранить свою независимость в качестве царя Киренаики. Внутри Малой Азии по-новому проявили себя другие местные силы, включая македонских аристократов: Филетер из Пергама помог в борьбе против захватчиков, и это подняло его положение до почти полной независимости;<sup>25</sup> брат Антиоха Ахей расположился в Малой Азии и достиг положения местного властителя, позже его потомки добивались положения местных царей.<sup>26</sup> Тем временем галаты расселились в части Каппадокии с центром в таких древних городах, как Анкира и Гордион. Таким образом, продолжался медленный процесс дезинтеграции великих царств, который к концу I в. до н.э. закончился поглощением их Римом или Парфией. На месте двух царств 335 г. до н.э. Македонии и Персии в 270 г. до н.э. существовало по меньшей мере девять государств: Македония, царства Селевкидов и Птолемеев, Вифиния, Северный союз, Понт, Армения, Атропатена, галаты, а вскоре независимой стала и Бактрия, и это было только начало процесса.

Внутри великих царств усиливались попытки привлечь местное население. В Вавилонии местные жители работали в администрации. В Египте Птолемей проявлял щедрость по отношению к храмам и объявил о своей победе в войне с Анти-

оком, сообщив, что статуи богов, похищенные его врагами, возвращены — чисто египетская формулировка.<sup>27</sup> В Азии греческие города воздавали почести Антиоху за его усилия защитить их от набегов галатов. В Бактрии правители Селевкидов, продолжавшие работу Антиоха между 292 и 281 гг. до н.э., объединили греков и бактрийцев против набегов кочевников. В Македонии правление Антигона способствовало постепенному принятию новой династии македонцами. Это партнерство продлилось еще на столетие. Три великих царства, возникшие из развалин и беспорядков империи Александра, теперь утвердились, каждое обладало собственным характером, у каждого была действующая система управления, хотя македонской версии потребуется еще время для развития, все они казались достаточно прочными, по меньшей мере в обозримом будущем. Новое поколение царей имело собственные амбиции, но они были гораздо менее разрушительными, чем у их отцов. И такие амбиции были менее вредоносными для благополучия их подданных, хотя это явилось скорее следствием оценки ограниченности ресурсов, чем чего-либо еще.

Череда войн, начавшаяся с попытки Магаса захватить трон Птолемея в 275 г. до н.э. и закончившаяся мирным соглашением между Антиохом I и Птолемеем II в 271 г. до н.э., продемонстрировала пределы возможностей царств: ни одно из них больше не было способно нанести серьезный вред другим. Союз Антиоха II с Магасом особенно значителен и показывает, что дипломатическое маневрирование было столь же важным элементом ведения дел, как и военные приготовления. Если намечалось нападение, то предполагаемая жертва обладала множеством дипломатических ресурсов, чтобы отвлечь агрессора. Таким образом, в Восточном Средиземноморье сложился теперь баланс сил, точно так же, как это было в Греции перед вмешательством Македонии в дела городов-государств. Как и при любом балансе сил, выживание зависело от готовности и вызывало постоянные войны, и со временем кто-то должен был стать победителем. В течение двух последующих веков не было признаков, чтобы кто-либо из царей всерьез ставил целью восстановить краткое единство империи Алексан-

дра, за возможным исключением Антиоха III. Все три царства своими собственными способами избавились от проклятья Македонии, кризиса после смерти царей, и их династии стали центрами упорядоченной администрации, сохранявшими внутренний мир.

Объединение империи Александра было частью политических дискуссий в течение почти 50 лет, начиная с возвращения Александра из Индии и до смерти Селевка Никатора. Добиться этого единства оказалось невозможным, за исключением краткого периода между 325 г. до н.э. и смертью Антипатра в 319 г. до н.э., несмотря на новые достижения Антигона и Селевка. Неудача идеи объединения была связана поначалу с недостатком воображения двух ведущих персонажей Антипатра и Антигона, а это прежде всего было следствием того, что они не сопровождали Александра в великие кампании в Бактрии и Индии. Эти люди задали политическую повестку дня на последующие 20 лет: у Антигона, по-видимому, были подобные намерения, но, как и Антипатр, он был слишком стар. Однако остановил его не возраст, поскольку амбиции Селевка сохранялись до самой смерти, когда ему было далеко за семьдесят. Не препятствовали объединению и менее значительные амбиции Кассандра, Птолея и Антигона Гоната. В конце концов оно было заблокировано неспособностью македонского царства и народа возвыситься до решения этой задачи. Повторяющийся отказ македонцев принять имперскую роль был подлинным препятствием к объединению. Амбиции Александра были слишком велики для его народа.

## *Обзор мира III: 272 г. до н.э.*

В Греции 272 г. до н.э. ознаменовался гибелью в битве при Аргосе царя Пирра, после чего события стали гораздо менее бурными и волнующими. Гарнизон Пирра в Тарасе в том же году сдался римлянам, в результате римляне захватили город, который они называли Тарент.<sup>1</sup> Это стало первой вехой в объединении Италии Римом, тем самым моментом, когда на геополитической сцене Средиземноморья появилась другая великая держава, которая объединила Египет Птолемеев, Македонию, империю Селевкидов и, как оказалось, Карфаген. Фактическое объединение Италии было все еще в зародыше, за предшествующие 70 лет имели место всего лишь несколько аннексий, союзов и более или менее жестоких завоеваний, но они дали Риму контроль над Центральной и Южной Италией на следующие два столетия.

Новые политические условия в Италии были осознаны за год до этого. Когда Птолемей II начал дипломатические контакты с Римом,<sup>2</sup> Римская держава уже росла в течение некоторого времени, но поразительно, как быстро город расширял свою конфедерацию — менее чем за столетие она превратилась в великую державу и меньше чем за еще одно столетие стала величайшей державой Средиземноморья.

Успех Рима был частично связан с повторяющимися падениями и возрождениями греческого государства на Сицилии. Трижды греческие города на острове объединялись в сильное государство, в третий раз под властью Агафокла между 313 и 289 гг. до н.э., и трижды это с трудом достигнутое единство не переживало смерти правителя. Если бы Сицилия продолжала доминировать в Южной Италии, как это было при Дионисии I и II и при Агафокле, кажется маловероятным, чтобы Рим смог проникнуть на юг дальше Кампании.

Успех Рима был частично также и следствием крушения империи Александра. Если бы Александр осуществил плани-

ровавшуюся им экспедицию на запад, одной из основных задач его было бы установление контроля над Сицилией, опережая образование государства Агафокла. Остров был важнейшей базой могущества в Западном Средиземноморье, что Рим и Карфаген полностью сознавали во время их грандиозного конфликта между 264 и 202 г. до н.э. Первая и Вторая Пунические войны были во многом войнами за Сицилию, и победа Рима была решающей для его будущего могущества. Римское посольство в Вавилон в 323 г. до н.э. отправилось домой с вестями о смерти Александра, и Рим сразу начал расширять свою власть. Эти два события могли не быть так непосредственно связаны, но смерть Александра должна была стать облегчением для тех людей в Риме, кто обладал стратегическим мышлением и мог оценить его амбиции. Развал его империи переадресовал экспансию в западном направлении от Старой Греции эфиротам и спартамцам. Царь Эпира Александр почти добился успеха, Пирр тоже сделал все что мог. Но интервенция никогда не была достаточно масштабной, а местное население и экономическая база в Южной Италии не могли обеспечить наступление в северном направлении. Между греческими городами существовали взаимные подозрения, они неизбежно возникали и между спасенными и спасителями. Экспедиция Пирра между 280 и 275 г. до н.э. только ускорила римское завоевание, как лучшее средство предотвратить любые другие военные экспедиции.

Пирр сталкивался также и с Карфагеном, и его карьера подчеркнула продолжающуюся катастрофу греческой Сицилии. Агафокл стал царем во время подъема после «самопровозглашения» Антигона<sup>3</sup>, и после его смерти царство разрушилось. От вероятного карфагенского завоевания десять лет спустя греков на острове пришлось спасать Пирру.<sup>4</sup> Политическая история Сицилии была скорее подобна македонской: в конце одного режима или царя наступал коллапс, после которого приходилось пройти через болезненное восстановление.

Со времени последнего обзора мира 319 г. до н.э. Запад коренным образом изменился. Сила и единство греческого центра на Сицилии оказались слишком хрупкими, а в Южной

Италии — слишком слабыми. Карфаген выстоял, пережив даже вторжение в Африку Агафокла, а сила Рима значительно выросла. Гибель Греческой Сицилии создала слишком привлекательный регион, сочетавший богатство, слабость и вакуум власти, что неизбежно манило его соседей: была подготовлена сцена для полностью поглотившего Рим и Карфаген конфликта, который почти на столетие будет удерживать обе державы вдали от Восточного Средиземноморья.

Подобные проблемы, связанные с внутренними конфликтами, не имели места в Индии. В 272 г. до н.э. трон занял новый император Индии Ашока, хотя ему и пришлось преодолеть соперничество своих братьев и прошло некоторое время, прежде чем он почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы формально короноваться.<sup>5</sup> Ашока был третьим императором династии Маурьев: основатель империи Чандрагупта захватил власть над царством Магадха и вел энергичную экспансию в долине Инда после похода Александра, а затем отразил попытку Селевка восстановить контроль. В 297 г. до н.э. ему наследовал его сын Биндусара, который расширил империю на юг настолько, что только южная оконечность полуострова и регион Ориссы, называвшийся Калинга, остались вне пределов империи, их завоевал Ашока.

Ашока не был старшим сыном своего отца-императора — не только у македонцев были проблемы престолонаследия. Проблема наверху не оказала серьезного влияния на другие сферы жизни, но Ашока чувствовал потребность продемонстрировать военные достижения, завоевав Калингу. Затем он смог начать долгое мирное правление, во время которого он пытался обратить свой народ в буддизм. Введение единой религии в качестве вспомогательного средства политического объединения было проблемой, с которой не пришлось сталкиваться преемникам Александра.

Таким образом, западные и восточные соседи распавшейся империи Александра во время македонских войн сами превратились в могущественные державы. В значительной степени это было реакцией на карьеру Александра-завоевателя и имевших место жестокостей. Римские завоевания и объеди-

нение Италии были, без сомнения, вызваны сохраняющейся угрозой — если Италия останется разделенной, то с востока придет завоеватель, чтобы выполнить эту работу за них. Особенно подчеркивается, что Чандрагупта Маурья «вдохновлялся» карьерой Александра. Перспектива еще одного македонского вторжения в долину Инда было бы достаточно убедительным аргументом, чтобы стимулировать разоренные общества предпочесть правление Чандрагупты власти пришельцев с запада. Очень вероятно, что завершающим фактором укрепления его империи стали угрожавшие еще большими жестокостями и разрушениями вторжение Селевка и успешная оборона Чандрагупты.

В Китае продолжался рост государства Цинь, самого западного из числа Воюющих царств. Оно было обязано своим успехом эффективной системе управления, своему приграничному положению, которое позволяло царству расширяться и давало армии значительный боевой опыт при осознанной безжалостности его правителей. Политика Цинь была сходна с македонской, но правители Цинь были вынуждены выработать эффективную бюрократическую систему из-за интенсивной конкуренции со стороны равных противников. В то время когда Рим установил первоначальную гегемонию в Италии, Цинь сделало то же в Китае. Между 311 и 293 гг. до н.э. были аннексированы несколько мелких государств в центре, три более крупных были побеждены в войне. В 288 г. до н.э. правители Цинь и Ци договорились, что каждый из них будет называться императором. Ци уступило враждебному союзу через четыре года, и Цинь одно осталось как самое могущественное государство в системе Китая. Однако Цинь непосредственно контролировало только часть Центрального Китая, и потребовалось еще полвека усилий, чтобы привести разрозненную страну к единству.<sup>6</sup> Эффективность правительства во всех китайских царствах проявилась в их способности строить протяженные защитные укрепления для предотвращения нападения соседей и регулярной мобилизации значительной части населения в свои армии. В 272 г. до н.э. было невозможно предсказать будущее направление истории Китая. Гибель Ци в 284 г.

до н.э. могло повторить и Цинь. Определенно было только то, что война будет продолжаться. Подобно Риму в Италии осталась только одна великая держава, если бы она выжила, она стала бы объединителем и миротворцем.

Распад империи Александра завершил македонскую экспансию и начал процесс сокращения территорий под управлением македонских царей, в ходе которого приграничные территории утверждали свою независимость. Это началось с индийских земель еще до смерти Александра, а некоторые районы Персии и Анатолии никогда и не были частями империи: они оформились в независимые царства. На западе некоторые из завоеваний Филиппа II для Македонии были потеряны в пользу Эпира в 290-х гг. до н.э. Затем вторжение галатов устранило остатки власти Македонии во Фракии, и когда галаты расселились, они захватили значительную часть Анатолии, прикрыв новые царства Анатолии к северу и востоку за собой.

Объединение Индии и Италии и потенциальное объединение Китая резко контрастировали с крушением империи Александра. Разница заключалась в том, что деятельность Александра была поверхностной, в то время как процессы в других странах были медленными, обдуманными и тщательными. Попытки Александра привлечь персов на свою сторону предполагают, что он понимал необходимость примирения своих новых подданных и сотрудничества с ними. Движение многих регионов Персии к независимости показало, что он правильно оценивал это. Но он не смог убедить других. Как строитель империи Александр потерпел полное поражение.



## Заключение

В течение двух столетий начиная с 550 г. до н.э. от Бенгальского залива до Атлантического океана доминировала империя Ахеменидов. Политическое влияние империи выходило далеко за ее пределы, в Грецию и Западное Средиземноморье, далеко в глубь Индии и влияло на жизнь и перемещения кочевников Евразийских степей. Ее экономическое воздействие было столь же всепроникающим, а может быть, и еще большим. Это был настоящий центр цивилизованного мира, а все за пределами ее границ были варварами. Сюда входили не только кочевники и арабы пустыни, но и греки и македонцы, италийцы и индийцы — хотя они и не обязательно согласились бы с такой классификацией.

Вторжение Александра для персов и многих из их подданных было вторжением варваров, разрушительным, смертоносным и святотатственным. В Индии это было очевидно даже для македонских воинов, но вавилоняне, персы и бактрийцы всегда воспринимали это именно так. Немногие приветствовали вторжение Александра: ионийские греки, египтяне, возможно, некоторые из вавилонян. Для всех остальных его карьера была в том или ином отношении катастрофой. Пострадала и Македония.

Стоит рассматривать события, изложенные в этой книге, с точки зрения жертв, поскольку обычное восприятие предполагает, что Александр был героем, военным гением, что греки и македонцы были жертвами агрессии Ахеменидов и что результаты его завоевательной карьеры были благотворны. Это точка зрения победителей и их политических и эмоциональных наследников в Европе. Если принять точку зрения персов, ситуация выглядит совсем по-другому.<sup>1</sup>

Всегда было трудно отделить наследие государства Ахеменидов. Определенные элементы в административной системе царства Селевкидов можно проследить, но они в основ-

ном состоят из названий провинций и границ, их административные системы были различны. Местные династии на Ближнем Востоке — в Понте, Армении, Коммагене, Атропатене — стремились проследить свое происхождение к временам Ахеменидов, но их претензии часто не имеют документальных подтверждений. А есть еще и приграничные области, и некоторые из них вообще едва ли являлись частью государства Ахеменидов. Подлинная реакция бывших подданных империи проявилась в разделении земель Персии и Анатолии на независимые государства: это началось, как только Александр умер, или даже раньше, и через 50 лет его македонские преемники контролировали немногим больше, чем половину Персии и меньше, чем половину Анатолии. Независимость государств на севере от Вифинии до Атропатены показала, что они отвергали македонское правление. В течение десятилетия после 272 г. до н.э. Бактрия также стала независимой — предвестником этого было еще ее упорное сопротивление во время вторжения Александра.

Следует сделать вывод, что для бывших подданных империи Ахеменидов македонское завоевание стало катастрофой. Они стремились избавиться от македонского правления как можно быстрее. Есть некоторые указания, что определенное количество персов покинули свою страну, в частности направившись в Индию, но не приняли македонское правление. Это касается таких аристократов, как Барсаент, сатрап Арахозии, и ремесленников, чье мастерство не было нужно греческим и македонским правителям. Они перенесли свое искусство и художественные традиции на восток, и элементы персидского искусства можно обнаружить в более поздних индийских зданиях.<sup>2</sup> Антипатию к македонскому правлению разделяли не все. Египтяне, по-видимому, были в течение определенного времени в общем довольны правлением царей династии Птолемеев. У них было мало поводов для возмущения, но когда случай представился, произошло колоссальное восстание, целью которого была независимость. Вавилоняне никогда не были особенно довольны властью Ахеменидов. Когда Селевкиды показали, что готовы уважать их обычаи и их богов и щедро

платить на содержание их храмов и городов, они в общем остались удовлетворены и даже оказали значительную поддержку во время ранних войн Селевка и Антиоха.<sup>3</sup> Это произошло, когда они приобрели альтернативный опыт правления Антигона.

Другой жертвой карьеры Александра было его собственное царство — Македония, к которой мы должны добавить и Грецию. Экспедиция Александра оставила Македонию значительно ослабленной, а географическое положение сделало ее уязвимой к вторжению с севера. Она неоднократно переживала это за предшествующие два столетия, и только во время правления Филиппа II царство было организовано и управлялось таким образом, что его сопротивление вторжениям неизменно оказывалось успешным. Но ценой импортирования военного искусства греков, как это сделал Филипп, было также внедрение греческих идей и предрассудков. Филипп воспринял греческую концепцию мести за персидские вторжения, хотя эти вторжения принесли Македонии большую пользу. Следование этой идее означало искажение истории его царства и всеобщее восприятие греческого взгляда на прошлое.

Намерений Филиппа при вторжении в империю Ахеменидов мы не можем знать, но Александр намеревался завоевать весь мир. Естественно, ему это не удалось. Ему не удалось также достаточно позаботиться о своем царстве, за которое он прежде всего и отвечал. То, что он не оставил наследника, было осложнено выкачиванием людских ресурсов из царства. Оба эти фактора усугублялись его беззаботностью, приведшей к ранней смерти. Его доктора знали, что с ним не так, но он отказывался следовать их предписаниям.

Он умер в разгар попыток обеспечить свою власть над империей, еще одна задача, которую он слишком долго игнорировал. Даже в этом он был безответственным, планируя отправиться в новую экспедицию прежде, чем административная работа была должным образом выполнена. Он был неспособен делегировать работу и ответственность, несмотря на то, что история последующих 40 лет показывает — он командовал

группой офицеров выдающихся способностей. По-видимому, Александр понимал, что это ему не по плечу, и бежал от проблем. Маловероятно, что его империя выжила бы во время его отсутствия в Аравии: она прожила всего несколько лет после его смерти.

Македония вернулась к своим прежним привычкам. Правители царства оставили попытки доминировать на Балканах. Они грубо вмешивались в дела Греции, где и Филипп и Александр использовали дипломатию и минимум силы. Начинаясь объединение Греции, представленное Коринфским союзом было отвергнуто в пользу военного господства Македонии, это было в пределах сил Македонии, но требовало постоянной войны.

Для Греции результат был столь же нерадостным, как и для Персии. Греческие города Фивы, Афины, Коринф, Спарта, Аргос неоднократно подвергались нападениям и осадам, их захватывали и грабили. В них размещались македонские гарнизоны и наемники, большая часть их энергии уходила на оплату своих завоевателей и на поиск путей избавиться от них. Постоянная борьба поглощала и растрачивала энергию всех, и греков и македонцев.

Конец наступил с приходом галатов, которые ворвались и разорили Македонию с пугающей легкостью. Аграрное царство перестало существовать за исключением разбросанных групп населения, нашедших спасение в городах. Царская власть возродилась, только когда Антигон Гонат нанял пиратов и галатов, чтобы изгнать других галатов. Военное государство, подобное Македонии, не могло опуститься ниже. Это был конечный результат экспедиции Александра, который означал, что его родина не способна защитить себя.

Я предпочел подчеркнуть негативные аспекты великой экспедиции, поскольку она часто описывается как время возбуждения и достижений с Александром в качестве героя. Эта точка зрения основана на интерпретации, принятой в античных источниках, но есть и другие точки зрения. Если отвлечься от Александра, это изменяет угол зрения и парадоксально подчеркивает роль отдельных личностей. Отсутствие Антипатра и

Антигона (и Деметрия) в ходе кампаний, которые Александр вел в Бактрии и Индии, стало очень важным для их представления об империи. Это были самые трудные, наиболее дорогостоящие и ужасные из всех войн Александра, и никто из участников не избежал влияния этих событий. Оставленные Александром в Бактрии греческие гарнизоны и колонисты дважды пытались бежать из страны, где он их поселил. Последовавшие кампании в Индии показали худшие стороны ведения войн греко-македонцами, частично в результате трудностей войны в Бактрии. Но для многих из участников они стали и определенным стимулом. Индия долгое время оставалась бесконечно привлекательной страной для греков из-за своей экзотичности. Бактрия обладала большой притягательностью, став домом для многих тысяч греческих колонистов, которые преобразовали ее в страну городов. Выражение «Тысяча городов Бактрии» стало поговоркой.

Некоторые из македонских военачальников, наследовавшие Александру, продемонстрировали такую же оценку перспектив этих восточных земель. Одним из них, очевидно, был Селевк, но отметим также Стасанора, сатрапа Бактрии, Пейтона, сатрапа Мидии, который стремился к роли высшего правителя над всем Востоком, и сатрапов востока, которые имели тенденцию долго оставаться в должности. В Бактрии, единственной сатрапии, было несколько губернаторов. Стасанор был сатрапом с 320 г. до н.э. не менее чем до 315 г. до н.э. (будучи сатрапом Арей-Дрангианы с 329 по 320 до н.э.). Сын Селевка Антиох правил ей с 294 по 281 гг. до н.э. Диодот и его сын были следовавшими друг за другом сатрапами в течение, вероятно, 40 лет, начав при Антиохе I, и в конце концов привели страну к независимости. Эти долгие периоды правления способствовали стабильности и были одной из причин миграции греков.

Таким образом, из трех человек, политика которых была направлена на сохранение или возрождение единства империи Александра, только Селевк имел непосредственный опыт Востока. Это позволило ему набрать конницу и слонов, которыми была выиграна битва при Ипсе. С этого времени, с

301 г. до н.э., он также контролировал весь путь на восток от побережья Сирии до Бактрии, вдоль которого должны были двигаться эмигранты. Он основал или увеличил десять городов в Сирии и полдюжины в Персии, не говоря уже о великой Селевкии на Тигре. Колонизация этих городов и земель греками и македонцами была основной частью его общей политики. Конечно, это было сделано для решения его собственных задач: создать надежное и значительное греко-македонское население, из которого он мог набирать армию и гражданских служащих. Но чтобы добиться этого, он должен был основывать города, раздавать земли, помогать семенами, давать налоговые льготы и т.д. По закону непредвиденных последствий в будущем эта политика привела к другим результатам.

Восстановление единства империи после смерти Антипатра требовало наличия решительно взявшегося за выполнение этой задачи человека, который должен был командовать значительной армией и обладать достаточными средствами, но он также должен был иметь опыт и поддержку во всех частях империи. Это означало помимо центра (Бактрия, Вавилония и Малая Азия) и Македонии также и Восток. Вследствие своих людских ресурсов и поскольку титул «царь Македонии» все еще сохранял мистический заряд, решающей была Македония, но Восток был также необходим. Контроль над людскими ресурсами Востока дал Селевку его огромную силу. Но ни Антипатр, ни Антигон не проявили интереса. Антипатр просто игнорировал этот регион. Антигон мог черпать из этого источника силы и, если бы он сделал это, у Селевка не было бы шансов, но он удовлетворился победой над Эвменом.

Настоящим препятствием к объединению империи была прежде всего семья Антипатра: и он сам, не заинтересованный ни в чем за пределами Македонии, и Кассандр, который в этом, как и во всем остальном, следовал за своим отцом; а во-вторых, семья Антигона, никто из представителей которой не видел потенциала Востока. Потенциал Македонии даже после Александра продемонстрировала проведенная Деметрием мобилизация; при этом он так испугал всех остальных, в том числе

и народ Македонии, что они объединились против него. Но даже сохраняя поддержку Македонии, он не смог бы противостоять всем ресурсам Азии и Востока.

Антипатр и Кассандр отражали в своей политике предрассудки и предпочтения македонцев. Их реакция на планы Деметрия и их более ранняя неприязнь к Антигону показали их общую антипатию к авантюрам за морем. У них не было идеологического стимула для восстановления империи, которую завоевал их царь. Политика Кассандра сопротивления Антигону была таким образом хорошо рассчитанным выражением требований его подданных. Селевк, по-видимому, мог бы объединить империю в 282–281 гг. до н.э., но его медлительность во время похода в Македонию предполагает скорее, что он знал о предстоящих трудностях.

Решающими факторами, предотвратившими объединение, были частично упрямое сопротивление Птолемея в Египте, а частично нежелание македонцев прилагать усилия для достижения этой цели, но основной проблемой было престолонаследие в Македонии. Нелишне будет повторить, что приход Александра к власти после убийства его отца в 336 г. до н.э. был первым за два столетия случаем, когда при передаче царской власти в Македонии не началась гражданская война и не произошло распада государства, или не случилось и то и другое. Но даже тогда Александру пришлось отражать агрессоров и прибегнуть к нескольким убийствам для обеспечения мира. Вряд ли удивительно, что смерть самого Александра привела к гражданской войне и политическому коллапсу. Проблема повторялась после смерти Антипатра, Кассандра, сыновей Кассандра, Деметрия и Селевка. Только ужасные события во время вторжения галатов и осторожные действия и нововведения Антигона Гоната обеспечили успешное преодоление его династией этой проблемы в течение следующего столетия.

Эту опасность ясно понимали и другие: Селевк и Птолемей тщательно организовали престолонаследие, задолго до своей смерти Антигон Одноглазый назначил своего сына царем, как только принял этот титул сам, и Антигон Гонат естественным образом стал царем после смерти своего отца. Ди-

настическая катастрофа Лисимаха была наглядным примером для всех. Проблема заключалась в македонцах. Кассандр пытался назначить преемника, но вмешалась его вдова. Те македонцы, которыми правил Кассандр, не бывали за морем, были сторонниками традиций и не любили новшеств. Только пережитое ими нашествие галатов — еще один процесс очищения — наконец заставил их отказаться от своего снисходительного отношения к спорам по вопросу престолонаследия. Тем временем они из-за своего эгоцентризма и упрямства фактически разрушили собственную империю.





## Примечания

### Аббревиатуры:

Austin	M. M. Austin, <i>The Hellenistic World from Alexander to the Roman Conquest</i> , Cambridge 1981
BCH	<i>Bulletin de Correspondance Hellenique</i>
CAH	<i>Cambridge Ancient History</i>
CQ	<i>Classical Quarterly</i>
FGrH	P. Jacoby, <i>Die Fragmente der Griechischen Historiker</i> , Berlin, from 1923
IG	<i>Inscriptiones Graecae</i>
JHS	<i>Journal of Hellenic Studies</i>
Macedonia	N. G. L. Hammond et al., <i>A History of Macedonia</i> , Oxford 1972–1978
OGIS	W. Dittenberger, (ed.) <i>Orientalis Graeci Inscriptones Selectae</i> , Leipzig, 1903–1905
REA	<i>Кумэу des Etudes Anciennes</i>
SVA	<i>Die Staatsverträge des Altertums</i> , vol. 2 ed. H. Bengtson, vol. 3 by H. H. Schmitt, Munich 1962 and 1969
Tod, GHI	M. N. Tod, <i>A Selection of Greek Historical Inscriptions</i> , Oxford 1948

### Введение

- 1 См. Cartledge (2004), 295–316.
- 2 Источники по Александру: Diodoros, bk 17, Curtius, Plutarch, *Alexander*, Arrian and Justin.
- 3 Toynbee (1969), 421–86.

*Глава 1. Македония в 370–359 гг. до н.э.: слабеющее государство*

- 1 Hammond, Griffith and Walbank (1972), *A History of Macedonia* vol. 1, описываются события вплоть до 550 г. до н.э.; также Borza (1990), chs 1 to 4.
- 2 *Ibid.*, vol. 1; Hammond (1989), chs 1 and 2.
- 3 Boardman (1964), 236–39; Isaac (1986).
- 4 Информация по македонской армии до реформ Филиппа; Borza (1990), 125–6.
- 5 Для Верхней Македонии, cf. Borza (1990), 31–8.
- 6 Hammond в *Macedonia* 2.58–60 (по Аминте; основной источник Herodotos, *Histories*, 5.17–20); и 2.98–102 (по Александру I); также Errington (1990), 8–13; Borza (1990), 98–115.
- 7 Herodotos 5.22; Roos (1985), 162–8.
- 8 Strabo 7.326 and 9.434, based on Hekataios (VI в. до н.э.), описывает территорию как Epirotis; Thucydides (конец V в.) называет ее Macedonian.
- 9 Hammond in *Macedonia* 1.436–39.
- 10 Thucydides 2.99.2–4.
- 11 По социальному устройству Македонии см. Hammond in *Macedonia* 2.150; Errington (1990), 1–8.
- 12 Thucydides 1.98.1; Herodotos 7.107; Plutarch, *Kimon* 7.2–8.3; Isaac (1986), 19–26.
- 13 Meiggs (1972); Hammond in *Macedonia* 2.102–3 and 115–19; Errington (1990), 13–15.
- 14 Нет никаких указаний ни в одну эпоху на «конституцию» Македонии; царство управлялось сложившимися обычаями и царем.
- 15 Thucydides 1.57.3; Aelian, *Varia Historia* 2.41; Plato, *Gorgias* 471 a–b; Hammond in *Macedonia* 2.115.
- 16 О Собрании см. Hammond in *Macedonia*, 2.160–2 and Hatzopoulos (1996).
- 17 Thucydides 2.99.2–100.3; I.G. I(3), 89; Hammond in *Macedonia* 2.115; Borza (1990), 135.
- 18 Hammond in *Macedonia* 2.115–36.
- 19 Hammond in *Macedonia* 2.137–41; Borza (1990), 161–6.

- 20 Hammond in *Macedonia* 2.146–7.
- 21 Borza (1990), 166–71.
- 22 Diodoros 14.7.6 (несчастный случай на охоте); Aristotle, *Politics* 1311b 8–35 (заговор при дворе).
- 23 Hammond in *Macedonia* 2.167–72; Errington (1990), 28–30; Borza (1990), 177–9.
- 24 Diodoros 14.92.3.
- 25 Hammond in *Macedonia* 2.172–6; Borza (1990), 182 and 296–7.
- 26 Ellis (1969), 1–8.
- 27 Xenophon, *Hellenica* 5.2.12–14.
- 28 Hammond in *Macedonia* 2.144–50.
- 29 Pausanias 7.25.6.
- 30 Thucydides, 1.114.3; Theopompus, *FGrH* 115, F 384.
- 31 Diodoros 15.9.2–3; иногда это рассматривается как повторение вторжения 10 годами ранее, но в этот раз Аминта смог восстановить свое положение царя собственными усилиями, в отличие от 393/391 гг.; Hammond in *Macedonia* 2.174–6.
- 32 Diodoros 15.19.2–5; Xenophon, *Hellenica* 5.2.12–22.
- 33 Diodoros 15.20.3–23.3; Xenophon, *Hellenica* 5.2.37–3.9 and 3.14–3.26.
- 34 Tod, *GHI* 129, союз датируется серединой 370-х гг.; Xenophon, *Hellenica* 6.1.11; Borza (1987), 32–52.
- 35 Errington (1990), 222–3.
- 36 Xenophon, *Hellenica* 5.3.1., 5.2.15; Diodoros 15.19.3.
- 37 Thucydides 2.100.
- 38 Tod, *GHI* 129.
- 39 Diodoros 16.2.2; Justin 7.9.1.
- 40 Diodoros 16.61.3–5.
- 41 Diodoros 15.67; Plutarch, *Pelopidas* 26.
- 42 Diodoros 15.71.1.
- 43 Hammond in *Macedonia* 2.192.
- 44 Aeschines 2.26–9; Diodoros 16.2.6; Nepos, *Iphikrates* 3.2.
- 45 Plutarch, *Pelopidas* 27.2–4.
- 46 Hammond in *Macedonia* 2.178.
- 47 Diodoros 15.77.5 and 16.2.4.

- 48 Justin 7.5.3, Филипп три года был заложником; Borza (1987); Roesch (1984), 45–60; см. также Hatzopoulos (1985), 247–57.
- 49 Diodoros 15.81.6; Demosthenes, *First Philippic* 4.4–5; Tod, *GHI* 149.
- 50 Demosthenes 2.14; Polyainos, 3.10.7 and 14.
- 51 Aeschines 2.30; Polyainos, 3.10.8.
- 52 Pseudo-Aristotle, *Oeconomicus* 2.22.
- 53 Polyainos 4.10.1.
- 54 Frontinus 2.5.19.
- 55 Diodoros 16.2.4–5.
- 56 Diodoros 16.2.4–6; Griffith in *Macedonia* 2.207–8.
- 57 Justin 7.4.5 and 8.3.10; Theopompus, *FGrH* 115, F 27.
- 58 Griffith in *Macedonia*, appendix 2.
- 59 Justin 7.5.6–9; *IG* II.3055; здесь приводится указание на то, что Филипп правил 22 года (а фактически 24), поскольку предполагается, что 2 года он был регентом при Аминте; Ellis (1971), 15–25; Griffith in *Macedonia* 2.702–4.

*Обзор мира I: 360 г. до н.э.*

- 1 Ryder (1965).
- 2 Caven (1990); Sanders (1987).
- 3 Warmington (1964); Picard (1987).
- 4 Cunliffe (1988), chs 2 and 3.
- 5 Huergon (1973); Toynbee (1965); Cornell (1995).
- 6 Huergon (1973), 176–86; Cornell (1995), ch. 13.
- 7 Diodoros 16.69.1; Livy, *per.* 13 – мирный договор датируется примерно 348 г. до н.э.
- 8 Livy 7.23–6.
- 9 Herakleides Pontikos, in Plutarch, *Camillus* 22.
- 10 Cook (1983); Weischofer (1996), part I; Olmstead (1948).
- 11 Vogelsang (1990), 93–110.
- 12 Cawkwell (2005), ch. 8.
- 13 *Ibid.*, 1–29.
- 14 Cook (1983), 220–3; Weiskopf (1989); Moysey (1991).
- 15 Thapar (1966), ch. 3; Raychaudhuri (1996), part II, ch. 2.
- 16 Loewe and Shaughnessy (1999), 967–1032.

*Глава 2. Безопасность Македонии, 359–354 гг. до н.э.*

- 1 Биографии Филиппа: Cloche (1955), Cawkwell (1978), Ellis (1976) and Hammond (1994); Griffith in *Macedonia*, 2.203–721.
- 2 Justin 7.5.1; этот момент постоянно упускают из внимания, за исключением Griffith in *Macedonia* 2.181; также Diodoros 16.2.2.
- 3 Plutarch, *Pelopidas* 26; Diodoros 15.67; Aymard (1954), 15–36.
- 4 Athenaios 11.506f (a letter of Karystos of Pergamon).
- 5 Diodoros 16.3.3–4.
- 6 Diodoros 16.3.5–4.1; Heskell (1996), 37–56.
- 7 Diodoros 16.2.6; Griffith, *Macedonia* 211.
- 8 Diodoros 16.3.4.
- 9 В Griffith in *Macedonia* 2.210 указывается на «неспособность» Филиппа найти финансы для подобных излишеств, однако он всегда был щедр и в случае чего не боялся опустошать казну, так что возможно, Пердикка оставил ее достаточно полной.
- 10 Diodoros 16.4.3.
- 11 Diodoros 17.17.4–5; Milns (1966), 167–9.
- 12 Griffith in *Macedonia* 2.404–14; Hammond (1994), ch. 3; Cawkwell (1978), 30–5.
- 13 См. Griffith in *Macedonia* 2, appendix 1.
- 14 e.g. Diodoros 16.4.3.
- 15 Andronicos (1970), 91–107.
- 16 Лучшие рассуждения на эту тему Griffith in *Macedonia* 2.404–31.
- 17 Marsden (1969), 58–60, здесь утверждается, что осадные орудия появились в Македонии в правление Филиппа.
- 18 Diodoros 16.4.2.
- 19 Diodoros 16.4.4.
- 20 Diodoros 16.4.5–7.
- 21 Основной источник Satyros, *Life of Philip*, цитируется Athenaios 11.557a–b; см. Tronson (1984), 116–26.
- 22 Satyros in Athenaios 11.557a; Justin 9.8.2 and 13.2.11: здесь

- приводятся несколько описаний Филинны, матери будущего царя Филиппа III Арридея.
- 23 Diodoros 16.8.2; Demosthenes 1.8.
- 24 Источники по этому вопросу сложны, преимущественно это более поздние домыслы афинских ораторов, незаинтересованных в достоверности: Griffith in *Macedonia*, 2.236–44; см. также Ellis (1976), 63–4.
- 25 Tod, *GHI*, 158; Diodoros 16.2.3–4.
- 26 Diodoros 16.8.6–7; Griffith in *Macedonia* 2.246–50.
- 27 Diodoros 16.8.5; Griffith in *Macedonia* 2.244–6, 250–1.
- 28 Diodoros 16.22.3; Tod, *GHI* 157; Plutarch, *Alexander* 3.
- 29 Griffith in *Macedonia* 2.251, предполагается, что Липей в будущем имел дело с Филиппом.
- 30 Griffith in *Macedonia* 2.252: считается, что Филипп вел свою армию вдоль Фракийского побережья, однако подтверждений этому нет.
- 31 Diodoros 16.34.4–5; Justin 7.6.13–16; Strabo 7, frag. 22.
- 32 Diodoros 16.31.6, о падении Метоны в 354 г. до н.э., о наемных войсках в 355 г. до н.э. Griffith in *Macedonia* 2.220–30 and Ellis (1976), 74.
- 33 Collart(1937).
- 34 Strabo 7, frag. 37; Skymnos, *Geographi Graeci Minores* 1.221; Griffith in *Macedonia* 2.363.
- 35 Tod, *GH*/159.

### Глава 3. Защита царства, 354–346 гг. до н.э.

- 1 Griffith, in *Macedonia* 2.650–1; Bosworth (1971), 93–105.
- 2 Hatzopoulos (1996), 327f, неубедительно.
- 3 Hammond in *Macedonia* 2.156–7.
- 4 Ps.-Aristotle, *Oeconomikos* 2.22; государственные доходы Пердикки от сбора налогов в результате нововведений Каллистрата выросли с 20 до 40 талантов, трогательно малая сумма для такого крупного государства, указывающая на неразвитость экономики.
- 5 Griffith in *Macedonia* 2.392–5.
- 6 Theagenes, *FGrH* 74 F 3; Hammond (1989), 157.

- 7 Stephanus of Byzantion, sv Herakleia.
- 8 Diodoros 8.44; Strabo 7, frag. 36; Pliny, *NH* 4.41.
- 9 Дворец (Ps. — Skylax 66) и сокровищница (Strabo 7, frag. 20) располагались именно там; даже до начала правления Филиппа это был крупнейший город к царстве (Xenophon, *Hellenica* 5.2.13).
- 10 Justin 8.2.7–6.2.
- 11 e.g. Hatzopoulos (1996), vol. 2, nos 56–7, and 73 (Beroia).
- 12 Diodoros 16.35.1.
- 13 Diodoros 16.34.1; Demosthenes 21.183.
- 14 Polyainos 4.2.2.
- 15 Diodoros 16.35.1.
- 16 Diodoros 16.35.2; Polyainos, 2.38.2.
- 17 Diodoros 16.35.3–6; Justin 8.2.3–4; Griffith in *Macedonia* 2.273–7.
- 18 Diodoros 16.37.3; 38.1–2; Westlake (1935), chs 7 and 8; Griffith in *Macedonia* 2.278–9 and 285–95.
- 19 Theopompos, *FGrH* 115, F 81; Westlake (1935), 179–80.
- 20 Diodoros 16.38.1.
- 21 Theopompos, *FGrH* 115, F 249; Diodoros 16.34.3; Demosthenes 23.14.
- 22 Demosthenes 3.4; Griffith in *Macedonia* 2.281–5.
- 23 Еще в 352 г. до н.э. Демосфен называл Олинф «нашим другом», так что с 353 г. до н.э. дипломатическая ситуация видимо изменилась; Demosthenes 23.107–9; Griffith in *Macedonia*, 2.296–8.
- 24 cf. Griffith in *Macedonia* 2.298–304; Cawkwell (1962), 122–40.
- 25 Buckler (1996), 77–97.
- 26 Isocrates, *Philip*.
- 27 Ellis (1976), 92; см. также Fredericksmeier (1982), 85–98.
- 28 cf. Griffith in *Macedonia* 2.484–9.
- 29 Demosthenes 1.13; Justin 8.6.5–6; Hammond (1967), 543–4.
- 30 Diodoros 16.52.9 and 53.2.
- 31 Philochoros, *FGrH* 328, F 49.
- 32 Plutarch, *Phokion* 12–14; Aeschines 3.84–6; Demosthenes 21.162 and 39.16; Cawkwell (1962); Brunt (1969), 245–65; Carter (1971), 418–29.



- 33 Diodoros 16.52.9; один из бывших тиранов, Пифолай, вернулся и получил афинское гражданство (Aristotle, *Rhetoric* 1.1410a).
- 34 Diodoros 16.52.9.
- 35 Diodoros 16.53.2–3.
- 36 Aeschines 2.12–4.
- 37 Ibid.
- 38 Афины начали осознавать просыпавшуюся силу Филиппа, возможно, благодаря Олинфу: cf. Ellis and Milns (1970).
- 39 Strabo 7 F 55; Demosthenes 18.70.
- 40 Demosthenes 19. 163.
- 41 Diodoros 16.58.4–6; Pausanias 10.2.5–3.2.
- 42 Aeschines 2.79; Demosthenes 19.10.
- 43 Aeschines 2.132–5.
- 44 Aeschines 2.18.
- 45 Aeschines 2.82–4.
- 46 Ellis (1976), 114–16.
- 47 Aeschines 2.137.
- 48 Данный термин взят из более поздних речей афинских ораторов: Griffith in *Macedonia* 2.338–41.
- 49 Markle(1974).
- 50 Aeschines 2.137.
- 51 Diodoros 16.59.3.
- 52 Aeschines 2.141.
- 53 Diodoros 6.60; Justin 8.5; Aeschines 2.142–4; Demosthenes 19.64–5.
- 54 Aeschines 2.140–2; Pausanias 10.2.2; Griffith in *Macedonia* 2.347, note 1, «Решение Филиппа ... решало все», однако обсуждение все же велось.

*Глава 4. «Холодная война», 346–340 гг. до н.э.*

- 1 Aeschines 2.139; Demosthenes 19.86–7.
- 2 Diodoros 16.69.7; Hammond (1966), 73–85.
- 3 Demosthenes 19.320; Westlake (1935), 190–1.
- 4 Griffith in *Macedonia* 2.523–7; Westlake (1935), 191–2.
- 5 Westlake (1935), 201–4; подобное объединение могло су-

ществовать между 344 и 342 гг. до н.э.; Griffith in *Macedonia* 2.528–53 утверждается, что союз никогда не существовал, а даже если и был, то полностью эфемерный.

- 6 Diodoros 16.72.1; Justin 8.6.4–5.
- 7 [Demosthenes] 7.32.
- 8 Demosthenes 9.34 and 4.24–6.
- 9 Demosthenes 9.34.
- 10 Demosthenes 6.15–25.
- 11 Diodoros 16.44.1; Demosthenes 7 and 18, 136; Cawkwell (1978), 123–5.
- 12 Elis, Pausanias 4.28.4 and 5.4.9; Demosthenes 19.294–60; Megara, Plutarch, *Phokion* 15.
- 13 Demosthenes 19.87; Brunt, 1969.
- 14 Philochoros, *FGrH* 328 F 158.
- 15 Cook (1983), 223–4; Olmstead (1948), 436–41.
- 16 Diodoros 16.44.1–2; Philochoros, *FGrH* 328 F 157.
- 17 Diodoros 16.52.2.
- 18 Diodoros 16.71.1–2; Griffith in *Macedonia* 2.554–66; Hammond (1994), 122–5; Ellis (1976), 166–8.
- 19 Satyrus in Athenaios 11.557a–b.
- 20 Diodoros 16.8.6.
- 21 Michel (1957), 389–91.
- 22 Demosthenes 8.50, 9.35, 10.60.
- 23 [Demosthenes] 7.2; Griffith in *Macedonia* 2.510–12.
- 24 [Demosthenes] 7.2.
- 25 Brunt (1969).
- 26 Aeschines 3.95–9; Griffith in *Macedonia* 2.549, note 3.
- 27 Demosthenes 12.12–15; Hypereides F 6–6; Plutarch, *Vita X Or.* 850a.
- 28 Aristotle, *Rhetoric* 2.1386 a 13.
- 29 Justin 9.1.2.
- 30 [Demosthenes] 12.3.
- 31 [Demosthenes] 12.16.
- 32 Demosthenes 12 (возможно, не совсем достоверно).
- 33 Diodoros 16.74.1–76.3, 77.1; Justin 9.1.2–7.
- 34 Детали утратились, но письмо Филиппа (Demosthenes 12) указывало на неизбежность войны, и Собрание согласи-

лось. Точное время начала неизвестно, поскольку конфликт длился годами.

*Глава 5. Завоевание Греции, 340–334 гг. до н.э.*

- 1 Frontinus, *Stratagems*, 1.4.13.
- 2 Diodoros 16.77.3 is suggestive; Ellis (1976), 184–5; Griffith in *Macedonia* 2.580.
- 3 Justin 9.2.1–16; Frontinus, *Stratagems* 2.8.14.
- 4 Diodoros 16.60.2; see Ellis (1976), 123.
- 5 Demosthenes 6.22; Didymus, *In Demosthenis* 11.26–47; Philochoros, *FGrH* 328 F 56.6.
- 6 Главный источник Aeschines 3; Griffith in *Macedonia* 2.585–7 and 717–19 приводит более полные сведения.
- 7 Aeschines 3.129; Demosthenes 18.151–2.
- 8 Diodoros 16.84.2; Demosthenes 18.169–71.
- 9 Demosthenes 18.213–14; Aeschines 3.124–44; Justin 9.35; Diodoros 16.85.1; Plutarch, *Demosthenes* 18.3–4.
- 10 Aeschines 3.146.
- 11 Demosthenes 18.156–8.
- 12 Polyainos 4.2.8.
- 13 Diodoros 16.86.1–6; Polyainos, 4.2.2; Justin 9.3.9–10; Hammond (1938), 186–218; Pritchett (1958), 307–11.
- 14 Justin 9.4.6–7; Diodoros 16.87.3; Pausanias 9.18 and 9.65; Roebuck (1948), 73–91; Larsen (1968), 175–8.
- 15 *SVA* 402; Diodoros 18.56.7; Plutarch, *Alexander* 28.2; Pausanias 1.5.3 and 1.34.1; cf. Roebuck (1948).
- 16 Plutarch, *Aratos* 23 (Corinth); Diodoros 17.3.3 (Ambrakia).
- 17 Polybios 9.28.7; Pausanias 8.35.4; Livy 38.34.3; Theopompos *FGrH* 115 F 328; cf. Roebuck (1948); Griffith in *Macedonia* 2.615–18.
- 18 *SVA* 403; Tod, *GHI* 177; Diodoros 16.69.3; Justin 9.5.2–4; Larsen (1968); Roebuck (1948); Griffith in *Macedonia* 2.623–8.
- 19 Justin 9.5.5; Diodoros 16.89.2–3.
- 20 Diodoros 17.5.3–6.2; Cook (1983), 224–5; Olmstead (1948), 489–90.

- 21 Athenaios 13.557d (Satyros); Plutarch, *Alexander* 9.3–12.
- 22 Diodoros 16.93.6.
- 23 Diodoros 16.91.2; Justin 9.5.8–9.
- 24 Tod *GHI* 191 (Eresos); Arrian 1.17.10–11 (Ephesos).
- 25 Pausanias 5.20.9; Griffith in *Macedonia* 2.393–694.
- 26 Fredericksmeier (1982), 85–98.
- 27 Aelian Aristides 38.715D.
- 28 Diodoros 16.93.1–94.4; Justin 9.6; Aristotle, *Politics*, 5.131 lb.
- 29 Bosworth(1971).
- 30 Badian (1963), 244–50. Все биографии Филиппа и Александра приходят к разным выводам.
- 31 Ps. – Kallisthenesl.26.
- 32 Hammond in *Macedonia* 3.1–9.
- 33 Justin 9.7.12; Pausanias 8.7.7; можно проигнорировать кровавые подробности (возможно, додуманные позднее) и просто считать Олимпию виноватой.
- 34 Diodoros 17.5.1–2; Curtius 7.13; Justin 12.6.14.
- 35 Justin 12.6.14; Green (1974), ch. 4; Bosworth (1988), 26–8.
- 36 Diodoros 17.4.1; Justin 11.3.1–2.
- 37 SVA 403 II; Diodoros 17.4.2–6; Justin 11.2.5; Plutarch, *Alexander* 14.1.
- 38 Arrian, 1.1.4.6–5.5; Diodoros 17.8.1.
- 39 Arrian 1.5.6–6.11.
- 40 Fuller (1958), 219–29.
- 41 Aeschines 3.239; Dinarchos 1.10 and 18.
- 42 Justin 11.2.8.
- 43 Diodoros 17.8.5–6.
- 44 Arrian 1.7.4–7; Diodoros 17.8.2; Hammond (1981), 57–62.
- 45 Diodoros 17.8.3–12.5; Arrian 1.7.7–8.7.
- 46 Arrian 1.9.9; Justin 11.3.8–10.
- 47 Diodoros 17.17.3–3; Green (1974), 156–9; см. также Bosworth (1988), 259–66.
- 48 Diodoros 17.16.2.
- 49 Arrian 1.12.8–10; цифры весьма приблизительные.
- 50 Arrian 1.11.6–12.1; Justin 11.5.10–12; Diodoros 17.16.4; *Plutarch, Alexander* 15.
- 51 Arrian 1.12.9–10; Diodoros 17.18.2.

- 52 Arrian 1.14.1–16.7; Diodoros 17.19.1–21.6; Justin 11.6.8–13; Plutarch, *Alexander* 16; неточность древних источников мешать доподлинно восстановить картинку: Bosworth (1988), 40–4; Fuller (1958), 147–54; Green (1974), 174–80; and Hammond (1981), 70–6 – все эти источники утверждают разное..
- 53 Arrian 1.17.1–2.
- 54 Sardis: Arrian 1.17.3; Diodoros 17.21.7; Plutarch, *Alexander* 17.1; Asander: Arrian 1.17.7.
- 55 Arrian 1.17.10–12.
- 56 Diodoros 17.22.1–4; Plutarch, *Alexander* 17.1; Arrian 1.18.3–19.6.
- 57 Arrian 1.20.1; Diodoros 22.5–22.1.
- 58 Arrian 1.20.5–23.5; Diodoros 17.24.4–25.5.
- 59 Badian (1966), 37–69, утверждает, что они не входили в союз; Bosworth (1988), 250–8, соглашается с этим, что считает, что «ситуация была аномальной».

*Глава 6. Великая кампания, 334–325 гг. до н.э.*

- 1 Diodoros 17.24.2–3; Arrian 1.23.8; только в Карию.
- 2 Sardis, Arrian 1.17.7.
- 3 Cawkwell (2005), 1–29, отмечается, что ни один грек ничего не знал о Персии за пределами Сузы.
- 4 Arrian 1.24.4 and 26.1–7; Nearchos, Arrian 3.6.6.
- 5 Arrian 1.29.1–5 and 2.1–3; Curtius 3.1.1–8.
- 6 Arrian 2.4.1–2.
- 7 Arrian 2.4.2; это мог быть и Абистамен (Plutarch, *Alexander* 18.3).
- 8 Diodoros 17.27.5–6, 29.1–3 and 31.3–4; Arrian 1.19.8 and 2.1.1–3; Tod, *GHI* 192; Badian (1966).
- 9 Arrian 2.7.3–11.10; Diodoros 17.33.1–34.7; Justin 11.9.1–10; see Fuller (1958), 154–62, especially.
- 10 Diodoros 17.48.2–5; Curtius 4.7.1–2, 27–33; Arrian 2.13.2–3.
- 11 Curtius 4.1.34–40; Burn (1952).
- 12 Arrian 2.20.1 (Arados) and 3 (Cyprus).

- 13 Curtius 4.1.35; Anson (1988), 471–7; Briant (1973), 47–71; Billows (1990).
- 14 Arrian 2.15.24.5; Curtius 4.2.1–4.21; Plutarch, *Alexander* 24–5; Diodoros 17.40.2–46.5; Justin 11.10.10–14.
- 15 1-e – Arrian, 2.14.1–9; Curtius 4.1.7–14; 2-e – Arrian 2.25.2–3; Curtius 5.1–3; источники расходятся.
- 16 Arrian 2.25.4–27.7; Curtius 4.5.10–6.31; Plutarch, *Alexander* 25; Diodoros 17.48.7–49.1; Romane (1988).
- 17 Соля: Curtius 3.7.2; близ Иссы: Curtius 3.7.7.
- 18 Bosworth (1974).
- 19 Arrian 2.20.5; Curtius 4.3.11.
- 20 Администрация: Arrian 3.5.2–7; Curtius 4.8.5; Александрия: Arrian 3.1.5–22; Diodoros 17.52.1–5; Strabo 17.1.1.10; Vitruvius, 2 *praef*; Аммон: Arrian 3.4.4–5; Curtius 4.7.5–32; Callisthenes F 15; Strabo 15.1.35; Plutarch, *Alexander* 27.3; Diodoros 17.49.1–51.4.
- 21 Diodoros 17.62.5–6.
- 22 Arrian 2.13.5–6; Curtius 4.1. 39; Diodoros 17.48.1 and 62.6–63.4; Justin 12.1.4–11; Plutarch, *Agis* 3.
- 23 Arrian 3.8.1–15.6; Curtius 4.12.1–16.33; Justin 11.13–14; Diodoros 17.55.3–61.3; Plutarch, *Alexander* 31–3; Marsden (1964).
- 24 Engels (1979), app. 5.
- 25 Сузы: Diodoros 17.66.1–2; Justin 11.14.8; Plutarch, *Alexander* 36.1; Arrian 3.16.6–7; Curtius 5.2.8–10; Персеполь: Diodoros 17.71.1–72.6; Curtius 5.6.9.
- 26 Arrian 3.16.10.
- 27 Diodoros 17.63.1.
- 28 Arrian 3.6.2–6; Curtius 4.8.15.
- 29 Diodoros 17.63.1–3; Plutarch, *Agis* 3; Curtius 6.1.1–16; Justin 12.1.4–11.
- 30 Arrian 3.19.5–8; Curtius 5.7.12.
- 31 Curtius 6.1.20.
- 32 Arrian 3.21.1–10; Justin 11.15.1–15; Curtius 5.9.2–12.25.
- 33 Первым был Мазай, сатрап Вавилона.
- 34 Филот и Парменион: Arrian 3.26–27; Curtius 6.7.1–7.2.32; Diodoros 17.77–83; Plutarch, *Alexander* 48–9; Justin 17.5.1–

- 8; Strabo 724; Клит: Arrian 4.8.1–9; Curtius 8.19–21; Plutarch, *Alexander* 51; Каллисфен: Arrian 4.14; Plutarch, *Alexander* 55; Curtius 8.6.24; Badian (2000); Cartledge (2004), 67–75; Worthington (2003), 273–95.
- 35 Curtius 8.1.5–9; Diodoros 17.80.2. На протяжении всей кампании Александр брал в плен греков и македонцев, сражавшихся на стороне Персии. Его кампания в Азии стала частью целой серии войн, которые он и его отец вели в Греции.
- 36 Ehrenburg (1938), 52–61.
- 37 Arrian 3.25.3; Curtius 6.6.12–13.
- 38 Arrian bk 4; Curtius bk 7; Bosworth (1996); Holt (1989) and (2005).
- 39 Holt (2005), 107, предполагает, что до 120 000; конечно, точно мы не знаем.
- 40 11 200 пехоты and 600 кавалерии было рекрутировано в Арахосии, 19 400 пехоты and 2600 кавалерии в Бактре: Curtius 7.3.4–5 and 10.11–12; Arrian 5.11.3 and 4.16.7; гарнизон: Arrian 4.22.3.
- 41 Fraser(1996).
- 42 Vogelsang (1990).
- 43 Arrian 5.25.1–29.3; Curtius 9.2.11–3.19; Plutarch, *Alexander*, 62; Diodoros 17.94.5.
- 44 Arrian 6.27.3; Curtius 9.10.19.
- 45 Arrian 6.9.11; Curtius 9.4.26–5.19; Plutarch, *Alexander*, 63; Diodoros 17.98.3–99.4; Justin 12.9.5–11; Plutarch, *Moralia* 327B, 343D–344D.
- 46 Arrian *Indica*; Narain (1965), 155–65.
- 47 Nearchos: Arrian, *Indica* 20–42; Leonnatos: Curtius 9.10.2 and 19; Arrian, *Indica* 23.5–6.
- 48 Путешествие: Arrian 6.22–6; Curtius 9.10.8–16; Plutarch, *Alexander*, 66; Diodoros 17.105.3–106.3; Arrian 5.25.1–29.3; празднование: Curtius 9.10.23–9; Plutarch, *Alexander*, 67 Diodoros 17.106.1; Arrian 6.28.1–2.
- 49 Lock (1977), 91–107.

*Глава 7. Объединенная империя 325–319 гг. до н.э.*

- 1 Curtius 9.10.21 and 29.
- 2 Arrian 6.27.3–5; Curtius 10.1.1–8.
- 3 Arrian 7.4.1; Plutarch, *Alexander* 68.7.
- 4 Политика Александра в Персии – см. Bosworth (1980) and Hamilton (1987), 467–86.
- 5 Curtius 9.10.7; Arrian 6.27.3 and 6.
- 6 Arrian 4.18.3; Curtius 8.3.17.
- 7 Arrian 6.29.2 and 30.1–2.
- 8 Curtius 10.1.22–38.
- 9 Diodoros 17.108.6; Curtius 10.2.1; Badian (1961), 16–43.
- 10 Justin 13.4.11; Arrian 7.23.6 and 8; *OGIS* 570; повышение Клеомена не удостоверено.
- 11 Diodoros 17.106.3; Артаксеркс III поступил точно также после восстания сатрапов.
- 12 Diodoros 17.99.5–6; Curtius 9.7.1–11; Holt (2005), 111–12.
- 13 Arrian 6.27.3; Curtius 9.10.19 and 10.1.9.
- 14 Arrian 7.6.3–5; Bosworth (1980).
- 15 Arrian 7.6.2.
- 16 Arrian 7.4.4–8; Diodoros 17.107.6; Plutarch, *Alexander* 70; Chares, *FGrH* 125 F 4.
- 17 Diodoros 17.108.3.
- 18 Arrian 7.6.5.
- 19 Arrian 7.5.1–3.
- 20 Arrian 7.6.1; это было сделано перед индийской кампанией. Эти войска тренировались на протяжении двух лет: Curtius 8.5.1, Plutarch, *Alexander* 47.3; Diodoros 17.108.1.
- 21 Arrian 7.12.4; Justin 2.17.9; Curtius 10.10.15; Heckel (1988).
- 22 Fraser (1996) было сделано заключение, что Александр основал всего пять городов (один из которых сомнителен); просто по всей Азии он оставил множество гарнизонов, поэтому в источниках и встречается столько «Александрий».
- 23 Diodoros 17.109.1; Curtius 10.2.4–7; Justin 13.5.2–5. Причина отказа неясна; некоторые предполагают, что причиной стало размещение слишком большого числа солдат



- (Green (1974), 451) или сторонников македонского владычества в городах (Bickerman, 1940).
- 24 Nuyereides, *Epitaphios* 8. Демосфен продемонстрировал свое презрение, однако Афины основали культ и весной 323 г. до н.э. отправили гонца в Вавилон, который короновал царя золотой короной и воздал ему божественные почести.
- 25 Heckel (2006), 388.
- 26 Badian (1961).
- 27 Arrian 7.14.1–15.3; Diodoros 17.110.8, 111.5, 114.1–115.6; Justin 17.12.11–12; Plutarch, *Alexander* 72.
- 28 Arrian 7.19.6–20.2.
- 29 Arrian 7.24.4; Plutarch, *Alexander* 76; Diodoros 17.117.1–15; Justin 17.13.7.
- 30 Bosworth (1971), 112–36, заканчивается предложением: ‘Полностью доказать это невозможно, но вероятнее всего Александр был убит; также Doherty (2004) and Philips (2004). См. Heckel (1988) других романистов, Wolohojian (1969) and Stoneman (1991).
- 31 Хотя это и не было неотъемлемой частью его жизни, несмотря на утверждения некоторых историков; O’Brien (1992).
- 32 Arrian 7.26.3.
- 33 Diodoros 20.20.1; Justin 11.10.3; Plutarch, *Eumenes* 1.7.
- 34 Metz Epitome 70.
- 35 Plutarch, *Alexander*, 77.6.
- 36 Arrian, *Succ.* F 1; Curtius 10.6.1–7.9; Diodoros 18.2.1–4; Bosworth (2002), ch. 2; Errington (1970), 49–77.
- 37 Diodoros 18.3.1–3; Justin 13.4.10–23; Curtius 10.10.1–4; Arrian, *Succ.* 1.5–7; Dexippos, *FGrH* 100 F 8; Plutarch, *Alexander* 77.6.
- 38 Diodoros 18.4.8 and 7.1.9
- 39 Diodoros 18.4.8 and 7.1–9; Holt (2005), 116–17.
- 40 Diodoros 18.8.7–9.4.
- 41 Diodoros 18.11.1–12.4; Plutarch, *Phokion* 23; id., *Demosthenes* 27.
- 42 Diodoros 18.15.1–7; Justin 13.5.15–16; Arrian, *Succ.* 1.9.

- 43 Leonnatos: Plutarch, *Eumenes* 2.4–10; Diodoros 18.21.1 and 14.4–5; Justin 13.5.14.
- 44 Kleitos and the naval war: *IG* II (2), 398 and 493; Marmor Parium, *FGrH* 239, В 9 (Austin 21).
- 45 Arrian, *Succ.* 1.12; Plutarch, *Demosthenes* 28.2; id., *Phokion* 26.1; Diodoros 18.17.
- 46 *SVA* 415; Diodoros 18.18.3; Plutarch, *Phokion* 26–8.
- 47 Diodoros 18.24.1–25.3; Grainger (1999).
- 48 Diodoros 18.16.1–3; Arrian, *Succ.* F 1.11.
- 49 Diodoros 18.23.3–4; Arrian, *Succ.* F 1.20 and 24; Plutarch, *Eumenes* 3.4–5.
- 50 Diodoros 18.25.6, 28, 2–6, 33.1–36.5; Arrian, *Succ.* F 1.25, 28–9; Justin 13.8.10; Pausanias 1.6.3; Strabo 17.1.8; Hauben (1977), 95–120.
- 51 Diodoros 18.29.1–32.4; Arrian, *Succ.* F 1, 26–27; Justin 13.8.1–9; Plutarch, *Eumenes* 4–7.
- 52 Arrian, *Succ.* F 1.34–38; Diodoros 19.29.3.
- 53 Arrian, *Succ.* F 1.52; Diodoros 19.39.5–7.
- 54 Diodoros 18.48.

*Обзор мира II: 319 г. до н.э.*

- 1 Arrian 7.1–2; Curtius 10.1.17–19; Diodoros 18.4.1–6.
- 2 Diodoros 18.4.6.
- 3 Diodoros 18.16.1–3.
- 4 Arrian 7.15.5.
- 5 Toynbee (1965), 88–93; Morley (1996).
- 6 Архидам: Plutarch, *Agis* 3.2; Diodoros 16.62.4 and 63.2; Theopompus; *FGrH* 259, 261; Александр I Эпирский: Livy 8.3.6, 17.9 and 24.4; Diodoros 16.5 and 18.90.2; Justin 12.2; Strabo 6.34.13–20.
- 7 Plutarch, *Timoleon*; Diodoros book 16; Talbert (1974).
- 8 Tillyard (1908); Finley (1969), 100–1; Meister, *САН* VII.1, 384–411; см. также Lewis (2000).
- 9 Arrian, *Succ.*, F 9.
- 10 Justin 15.4.
- 11 Raychaudhuri (1996), 234–40 and 591–3.

- 12 Suetonius, *Augustus* 18; Dio Cassius 51.16.  
 13 Loewe and Shaughnessy (1999).

*Глава 8. Антигон Одноглазый, 319–311 гг. до н.э.*

- 1 Diodoros 18.48.1–3; Plutarch, *Phokion* 31.1 and *Alexander* 3.130. Hammond (1989), 255.  
 2 Errington(1977).  
 3 Diodoros 18.45.2–3.  
 4 Diodoros 18.52.5–8.  
 5 Diodoros 18.49.1–3; Plutarch, *Eumenes* 12.  
 6 Diodoros 18.61.1–3; Polyainos 4.8.2; Plutarch, *Eumenes* 13.2–4; Briant (1972).  
 7 Diodoros 18.4.1 and 1.6–9; Arrian, *Succ.* F 9.17–18; Pausanias 1.6.3.  
 8 Diodoros 18.26.49; Pausanias 1.6.3.  
 9 Diodoros 18.31.6; Arrian, *Succ.* F 9.28–9.  
 10 Diodoros 18.43; Appian, *Syrian Wars* 52.264; Arrian, *Succ.* 10.6; Wheatley (1995).  
 11 Diodoros 18.62.1–2.  
 12 Diodoros 19.12.2; 17.2.  
 13 Diodoros 19.14.1–8.  
 14 Diodoros 19.13.5.  
 15 Diodoros 19.18–34 and 37–44; Plutarch, *Eumenes* 14–17; Polyainos 4.6.13; Bosworth (2002), ch. 4; Billows (1990), ch. 3; Habicht (1997), 467–51.  
 16 *SVA* 403 III; Diodoros 18.56.1–57.1.  
 17 *SVA* 421; Diodoros 18.74.2–3.  
 18 Diodoros 18.75.1–2.  
 19 Justin 14.5.1–4.; Diodoros 19.11.1.  
 20 Diodoros 19.11.2.  
 21 Diodoros 19.11.4–9.  
 22 Diodoros 19.36.1–6 and 49.1–51.5.  
 23 Diodoros 19.52.4.  
 24 Diodoros 19.52.1.  
 25 Diodoros 19.44.1.  
 26 Diodoros 19.46.1–4.

- 27 Diodoros 19.48.1–4; Cloche (1955).
- 28 Diodoros 19.56.2–6; Grainger (1990b), 48–50.
- 29 Diodoros 19.56.1–3.
- 30 Diodoros 19.56.3.
- 31 Diodoros 19.48.8 and 56.5; Антигон взял еще 10 000 талантов из сокровищницы в Киликии.
- 32 Diodoros 19.57.1–2.
- 33 Это следует из того факта, что она находилась в оккупации, когда вернулся Антигон.
- 34 Diodoros 19.58.1–5.
- 35 Diodoros 19.61.1–5; Simpson (1959).
- 36 Diodoros 19.60.1–61.3; Billows (1990), 114–16.
- 37 Diodoros 19.60.3–4 and 62.3–7.
- 38 Errington (1977) and Hauben (1973).
- 39 Diodoros 19.64.8.
- 40 Diodoros 19.64.3–6; Billows (1990), 461.
- 41 *JG* XI.4.1036 and XI.2.154a; Tarn (1913), appendix 5; Merker (1970), 141–60; Billows (1990), 220–5.
- 42 Diodoros 19.64.1–2.
- 43 Diodoros 19.77.2–4.
- 44 Holbl (2001), 26 (and references therein); Will (1964).
- 45 Diodoros 19.77.7.
- 46 Diodoros 19.79.6–7 and 80.3.
- 47 Diodoros 19.80.3–84.8.
- 48 Diodoros 19.85.5.
- 49 Diodoros 19.86.1–2.
- 50 Diodoros 19.5.2–4.
- 51 Diodoros 19.91.1–4; Grainger (1990b), 72–5.
- 52 Diodoros 19.93.4–7.
- 53 Diodoros 19.87.1–3.
- 54 Diodoros 19.92.1–4.
- 55 Diodoros 19.100.3–7.
- 56 Diodoros 19.105.1–4; *SVA* 428; *OGIS* 5 (Austin 31).
- 57 Это главная тема статьи Simpson (note 35).
- 58 Bosworth (2002), ch. 3, делается заключение, что людские ресурсы были истощены; также Bosworth (1986), 1–12; and Adams (1996).

*Глава 9. Новый царь, 311–306 гг. до н.э.*

- 1 Diodoros 20.19.2.
- 2 Diodoros 20.19.5.
- 3 Diodoros 20.20.—4 and 28.1–4; Billows (1990), 140–1.
- 4 Diodoros 20.21.1–3.
- 5 Launey (1949–1950).
- 6 Diodoros 20.27.1–3.
- 7 Diodoros 20.37.1–2.
- 8 Александр IV: Diodoros 20.105.2 (Kassander put the blame on the jailer); Геракл: Diodoros 20.28.3; Клеопатра: Diodoros 20.37.3–6; Whitehorne (1996), ch. 5.
- 9 Так утверждают вавилонские хроники (Austin 158) и египетские папирусы.
- 10 Diodoros 19.92.5
- 11 Plutarch, *Demetrius* 7.2.
- 12 Polyainos 4.9.1.
- 13 Grainger (1990b).
- 14 например, *SVF* 433 между Птолемеем и Антигоном и 434 между Птолемеем и Кассандром.
- 15 Billows (1990), appendix 3, no. 106.
- 16 Justin 41.4.1; Billows (1990), appendix 3, no. 136.
- 17 Pliny, *NH* 6.18.
- 18 Sherwin-White and Kuhrt (1993); *Торoi* 4, 1994; Holt (1989) and (1999).
- 19 Diodoros 18.21.7–9 and 20.40.1–42.5; Will (1964).
- 20 Holbl (2001), 25–7.
- 21 Hatzopoulos (1996); рассуждения об административной системе государства при царях династии Антигонидов после 270 г. до н.э.: см. Borza (1999), 44–8. Кассандр использовал неформальную систему управления, унаследованную от отца.
- 22 Администрация Птолемея хорошо изучена благодаря обилию информации, Bagnall and Derow (2004), 285–8.
- 23 Billows (1990), ch. 7.
- 24 Holbl (2001), 26–7; on Alexandria, Fraser (1972).
- 25 Fraser (1996).

- 26 Tarn and Griffith (1952), 145–50; Avi-Yonah (1978).
- 27 Информацию по Вавилонии см. Kuhrt and Sherwin-White (1994) с дополнениями в издании 1993.
- 28 Фивы: Diodoros 19.53.2; Kassandrea: Diodoros 19.52.2; Фессалоники: Strabo 7 frags 21, 24, 25, 27.
- 29 Strabo 7 frag. 51; Pliny, *NH* 4.10.37.
- 30 Diodoros 20.9.1; Pausanias 1.9.8.
- 31 Антигония в Сирии: Diodoros 20.47.5; Антигония в Малой Азии, cf. Billows (1990), 296–8; Смирна: Strabo 14.1.37.
- 32 Appian, *Syrian Wars* 57–8; дата основания города не установлена; он упоминается в вавилонских источниках как «город царства», но это весьма сомнительно.
- 33 Eusebius, *Chronographia* 1.249; Appian 7.2.9 and 2.5; см. Eddy (1961) для интересных подробностей этих рассказов.
- 34 Plutarch, *Demetrios* 8.3–12; Diodoros 20.45.1–46.4; Polyainos 4.7.6; Habicht (1997), 65–73.
- 35 Diodoros 20.46.4–52.6; Polyainos 4.7.7; Plutarch, *Demetrios* 16–17.
- 36 Diodoros 20.53.1–2; Plutarch, *Demetrios* 17–18; Billows (1990), 157–60; Gruen (1985), 253–7.

*Глава 10. Поражение Антигона, 306–298 гг. до н.э.*

- 1 Считается, что Александр IV был жив вплоть до 307/306 г. до н.э., как сообщают местные вавилонские хроники (S. Smith, 1924), однако это означает лишь то, что составитель просто не знал о его кончине. Гробница III в Вергине (в древности Эги) содержит кремированные останки ребенка в возрасте от 11 до 14 лет, которые соотносят с Александром (Hammond, 1982), однако это невозможно из-за даты погребения: 306 г. до н.э.
- 2 Plutarch, *Demetrios* 17; Diodoros 20.53.1–2.
- 3 Pausanias 1.15.1 and 1.26.3; Habicht (1997), 74–5.
- 4 Plutarch, *Demetrios* 19; Diodoros 20.73.1–76.7; Hauben (1975/6).
- 5 Hauben (1977).
- 6 *SVF* 442; Plutarch, *Demetrios* 21–2; Diodoros 20.81–8 and 91–100.

- 7 Holbl (2001), 20, датирует 306 г. до н.э. — до нападения Антигона; Billows (1990), 59, начало 304 г. до н.э.
- 8 В 305/304 г. до н.э., согласно вавилонской хронике.
- 9 Lund (1992), 156–7, приводит 304 г. до н.э.; cf. Gruen (1985).
- 10 Hammond in *Macedonia* 3.174.
- 11 Plutarch, *Demetrios* 10.3.
- 12 Gruen (1985); Burstein (1974), 80.
- 13 Plutarch, *Demetrios* 23; Diodoros 20.100.5–6.
- 14 Деметрий в Афинах: Plutarch, *Demetrios* 24; в Пелопоннесе: Plutarch, *Demetrios* 25; Diodoros 20.102.1–7; союз между Афинами и Сикионом стал результатом деятельности Деметрия: *SVA* 445.
- 15 Plutarch, *Demetrios* 25; Diodoros 20.46.5; Robert (1946), 15–23; этот союз активно обсуждается; *SVA* 446.
- 16 Diodoros 20.106.1–2.
- 17 *SVA* 447; Diodoros 20.106.3–5; Plutarch, *Demetrios* 28.2; Justin 15.2.15–17.
- 18 Diodoros 20.110.2–6.
- 19 Diodoros 20.10.1–2.
- 20 Diodoros 20.109.1–2.
- 21 Lund (1992).
- 22 Holt (1999), 21–9.
- 23 *SVA* 441; Strabo 15.2.9; Justin 15.4.20; Tarn (1951).
- 24 Grainger (1990b), chs 6 and 7; цифры сомнительны, но у Селевки явно было больше слонов, чем у Антигона, имевшего 83 особи in 306 г. до н.э. и возможно чуть меньше в 301 г. до н.э.
- 25 Strabo 15, 724 and 16.752; Plutarch, *Alexander* 52; Plutarch, *Demetrios* 28; Bar-Kochva (1976), 76–7.
- 26 Billows (1990), 175–77; Diodoros 20.107.2–5.
- 27 Diodoros 20.113.4.
- 28 Diodoros 20.113.1.
- 29 Diodoros 20.111.1–2.
- 30 Diodoros 20.113.1–2.
- 31 Billows (1990), 178.
- 32 Diodoros 20.113.2.
- 33 Diodoros 20.112.1–4.

- 34 См. карту Billows (1990), 464.
- 35 Plutarch, *Demetrios* 28–9; Bar-Kochva (1976), 106–7; Billows (1990), 181–2.
- 36 Plutarch, *Demetrios* 30.
- 37 Plutarch, *Demetrios* 20.2–4.
- 38 Diodoros 21.1.5; Justin 15.4.21–22; Plutarch, *Demetrios*, 28–31.
- 39 Plutarch, *Demetrios* 31; Robert (1945), no. 44; Seibert (1967).
- 40 Based on Grainger (1990a).
- 41 Eusebius, *Chronographia* 2.119.

*Глава 11. Новые цари Македонии, 298–291 гг. до н.э.*

- 1 Habicht(1997), 81–5.
- 2 Robert (1945), no 44.
- 3 Billows (1995), 81–109.
- 4 Errington (1990), 134–7.
- 5 Diodoros 21.2.1–3.
- 6 Pausanias 9.7.2; Eusebius, *Chronographia* 1.231.
- 7 Porphyry, *FGrH* 260 F 3.5.
- 8 Habicht( 1997), 85–7.
- 9 Plutarch, *Pyrrhos* 4.6–5.1; Pausanias 1.11.5.
- 10 Plutarch, *Pyrrhos* 9.2; Diodoros 21.4.
- 11 Plutarch, *Pyrrhos* 5.1–14.
- 12 Plutarch, *Demetrios* 33.
- 13 Plutarch, *Demetrios* 32.
- 14 Plutarch, *Demetrios* 35.
- 15 Plutarch, *Demetrios* 33.
- 16 Habicht (1997), 85–7.
- 17 Habicht (1997), 86–7; Plutarch, *Demetrios* 33; Polyainos 4.7.5 and 3.7.1.
- 18 Plutarch, *Demetrios* 34; Thonemann (2005).
- 19 Plutarch, *Demetrios* 35; SIG 368.
- 20 Plutarch, *Demetrios* 36 and *Pyrrhos* 6; Pausanias 5.7.3; Diodoros 21.7.
- 21 Plutarch, *Pyrrhos* 6; Hammond in *Macedonia* 3.214–215; Justin 10.1.8.



- 22 Plutarch, *Demetrios* 36.4–37.15.
- 23 Plutarch, *Demetrios* 37.2. Это один из лучших примеров роли Собрания и еще одно подтверждение его существования.
- 24 Plutarch, *Demetrios* 37; Justin 16.2.4.
- 25 *SVA* 460.
- 26 Plutarch, *Demetrios* 39; Polyainos 4.7.11.
- 27 Plutarch, *Demetrios* 39.
- 28 *Ibid.*
- 29 *SVA* 463.
- 30 Plutarch, *Demetrios* 39.
- 31 *Ibid*; Diodoros 21.14.
- 32 Plutarch, *Pyrrhos* 6; Justin 16.1.9; Porphyry *FGrH* 260 F 3.3; Lund (1992), 45–9.
- 33 Plutarch, *Demetrios* 39.
- 34 Lund (1992), 82; Bursteirr(1974).
- 35 О ситуации с Лисимхом см. Lund (1992), 91–5.
- 36 Plutarch, *Demetrios* 38; Appian, *Syrian Wars* 59–61.
- 37 Дата назначения Антиоха находилась в пределах между 294 и 291 гг. до н.э.; связь с браком и с завоеванием Киликии предполагает более ранний период: Holt (1999), notes 12 and 13.
- 38 Holt (1999), 26–9; вторжение кочевников изучено Tarn (1951), 116–18, и J. Wolski нескольких работах.

*Глава 12. Царь Деметрий и его враги, 291–285 гг. до н.э.*

- 1 Plutarch, *Demetrios* 40.1–2, and *Pyrrhos* 7.3.
- 2 Plutarch, *Demetrios* 40.1.
- 3 Newell (1927); Hammond in *Macedonia* 3.226–7.
- 4 Diogenes Laertius 2.140
- 5 McNicoll(1997).
- 6 Plutarch, *Demetrios* 43.2–7 and *Pyrrhos* 10.3; эти сведения принимаются Walbank in *Macedonia* 3.226, игнорируются Errington (1990) and Will, *CAH* VII, 1, ch.4.
- 7 Plutarch, *Demetrios* 43.2.
- 8 Plutarch, *Demetrios* 42.
- 9 Plutarch, *Demetrios* 41.2 and *Pyrrhos* 7.4–10.
- 10 Plutarch, *Demetrios* 42.3 and *Pyrrhos* 10.1–4.

- 11 Этот союз был необходим в связи со сложившейся ситуацией и событиями последующих лет.
- 12 Lund (1992), 96–8.
- 13 Plutarch, *Pyrrhos* 11.1.
- 14 Plutarch, *Demetrios* 44.3; IC 12.7.50b (Austin 219).
- 15 Shipley (2000), ch. 3.
- 16 См. примеры в Grainger (1990a); это относится к Малой Азии, Персии, Бактрии и Сирии.
- 17 Shear (1978); историки приходят к выводу, что восстание имело место в 287 г. до н.э.; cf. Osborne (1979), 181–94.
- 18 Polyainos 4.12.2; Plutarch, *Demetrios* 44 and *Pyrrhos* 11; Trogus, *Prologue*, 16; Justin 16.2.1–2; Pausanias 1.10.2.
- 19 Plutarch, *Demetrios* 45.1.
- 20 Seibert (1970), 337–51.
- 21 Shear (1978); Habicht (1997).
- 22 Plutarch, *Pyrrhos* 12.1.
- 23 Shear (1978); Plutarch, *Pyrrhos* 12.8.
- 24 Plutarch, *Demetrios* 46.
- 25 Plutarch, *Demetrios* 46–7.
- 26 Plutarch, *Demetrios* 47–9.

*Глава 13. Последний шанс империи, 285–281 гг. до н.э.*

- 1 Plutarch, *Pyrrhos* 12.
- 2 Plutarch, *Pyrrhos* 12.8
- 3 Силы Антигона до конца не ясны, вероятнее всего несколько тысяч солдат и десятки кораблей; его проблема, согласно Tarn (1913), 113, была не столько в людских ресурсах, сколько в финансах для обеспечения войск.
- 4 Plutarch, *Pyrrhos* 12.9–2; Justin 16.3.1–2; Pausanias 1.10.2.
- 5 Seibert (1967), 72–7.
- 6 Hazzard (1967), 140–58.
- 7 Appian, *Syrian Wars* 63.
- 8 Burstein (1974); Lund (1992), 75, 88, 98.
- 9 Plutarch, *Demetrios* 46; Justin 17.1.1–4; Trogus, *Prologue* 17; Strabo 13.4.1–2; Memnon, *FGrH* 434, F 5.6; Pausanias 1.10.3.
- 10 Robert (1959), 172–9.

- 11 Lund (1992), 181–98.
- 12 Memnon, *FGrH* 434, F 5.7; Justin 17.1.7; Pausanias 1.1.3.
- 13 Justin 17.1.6.
- 14 Justin 17.1.7.
- 15 Strabo 13.4.1 C 623; Pausanias 1.8.1; Memnon, *FGrH* 434, F 5.1.6.
- 16 Justin 17.1.1–4.
- 17 Plutarch, *Demetrios* 51.
- 18 Plutarch, *Demetrios* 52–53.
- 19 Holbl (2001), 27, датирует его смерть «зимой 283/282 г. до н.э.»; коронация Птолемея II состоялась 7 января 282 г. до н.э.: Holbl (2001), 35.
- 20 282 г. до н.э. — единственная возможная дата; Holbl (2001), 36, implies 282.
- 21 Polyainos 6.12.
- 22 Ibid, 4.9.4.
- 23 Keil(1902).
- 24 Pausanias 1.10.5.
- 25 Trogus, *Prologue* 17.
- 26 Memnon, *FGrH* 227a, 9–14.
- 27 Memnon, *FGrH* 226a, 14–22.
- 28 Justin 24.2.
- 29 Ibid; Memnon, *FGrH* 226b, 14–33.
- 30 Memnon, *FGrH* 226b, 1–14.

*Глава 14. Новые цари и катастрофа, 281–277 гг. до н.э.*

- 1 Memnon, *FGrH* 226.6.1–14.
- 2 Memnon, *FGrH* 434 F 8.4–6; Justin 24.1.8–2.1.
- 3 Justin 17.2.14.
- 4 Justin 17.2.15 and 24.1.8; Seibert (1967), 102; это был пятый брак Пирра; имена матери и дочери неизвестны.
- 5 Justin 17.2.9–10.
- 6 Memnon, *FGrH* 227a.4–6.
- 7 Trogus, *Prologue* 24; Justin 24.2–5.
- 8 Justin 17.2.4–8 and 24.2.1–3.10; Heinen (1972), 81–3; Walbank in *Macedonia* 3.247–8.

- 9 Trogus, *Prologue*, 24.
- 10 *OGIS* 55 (Austin 270).
- 11 Justin 17.2.1.
- 12 Smith (1924), 150–9.
- 13 *OGIS* 219 (Austin 162).
- 14 H. Heinen, *CAM* (3) VII, 1, 415–16; Grainger (1990b), 196–7.
- 15 Polybius 2.4.1.
- 16 Justin 24.1.
- 17 Austin 259, 1. *Didyma* 12.
- 18 Justin 25.1.1.
- 19 Justin 24.1.8.
- 20 Strabo 12.3.8; Allen (1983), 14.
- 21 Appian, *Syrian Wars* 63.
- 22 *SVA* 465; толчок к созданию союза дала ссора с Селевком: Memnon, *FGrH* 226a. 14–22.
- 23 Arrian 1.4.6; Strabo 310.
- 24 Justin 32.3.8.
- 25 Pliny, *HN* 31.53.
- 26 Pausanias 1.19.4.
- 27 Nachtergaele (1977), 8, n. 7.
- 28 Pausanias 10.19.6–7.
- 29 Justin 24.4.6–11; Memnon, *FGrH* 434 F 8.8; Diodoros 22.3.
- 30 Eusebius, *Chronographia* 1.235; cf. Walbank in *Macedonia* 3, appendix 3.
- 31 Nachtergaele (1977).
- 32 Justin 24.5.12.
- 33 Justin 25.1.2.
- 34 Diodoros 22.51–52; Trogus, *Prologue* 25; Polyainos 2.29.1; Fuks (1974), 51–81.
- 35 Justin 24.6.1–4; Diodoros 22.9.1; Pausanias 10.23.11–14.
- 36 Appian, *Illyrian Wars* 3.
- 37 Trogus, *Prologue* 25; Justin 25.1–2; *SIG* 207.
- 38 Walbank in *Macedonia* 3.257.
- 39 Polyainos 4.6.18.
- 40 Polybius 4.46.
- 41 Memnon, *FGrH* 434 F 11.
- 42 *SVA* 469.

- 43 Livy 38.16.6–7.
- 44 Hatzopoulos (1996), vol. 2, приводит доказательства существования администрации, однако большинство из них восходит к периоду Антигонидов; из более ранних большинство относится к городам, таким как Амфиполь, вряд ли типичное македонское поселение.

*Глава 15. Новый мир, 277–272 гг. до н.э.*

- 1 Launey (1944), 217–36.
- 2 Mitchell (1993), 13–20; also Grainger (1990b), 205; о поселениях галатов в Каппадокии см. Moraux (1957), 56–75, and H. Heinen, *САH VII*, 1, 423.
- 3 Worrle (1975) указывает на 270, а не 275 г. до н.э. Bar-Kochva (1973), 1–8, пришел к заключению, что это было «вскоре после апреля 272 г. до н.э.».
- 4 Rice (1983), теперь датируется 275 г. до н.э. Foertmeyer (1988), 90–104.
- 5 Sherwin-White and Kuhrt (1993), 147–61; число рекрутов-вавилонцев однако всегда было мало.
- 6 Holbl (2001), ch. 3.
- 7 Polybius 5.65–79; Bar-Kochva (1976), 128–41.
- 8 Strabo 11.13.1; Schottky (1989).
- 9 Diodoros 19.23.3 and 31.19.5; Sherwin-White and Kuhrt (1993), 15 and 192–4.
- 10 Smith (1924), 150–9 (Austin 141).
- 11 Sherwin-White and Kuhrt (1993), 29–30 and 76–7.
- 12 Holt (1999).
- 13 Heinen, *САH CII*, 1, 426.
- 14 Theokritos XVII. 131; Pausanais 1.7.1; Memnon, *FGrH* 434, F 8.7; Seibert (1967), 81–5.
- 15 Sotades in Athenaios 14.621a–b, например.
- 16 Burstein (1982), 197–212.
- 17 Plutarch, *Pyrrhos*, 26.5–9; Pausanias 1.13.2; Justin 25.3.5; Diodoros 22.11.1.
- 18 Plutarch, *Pyrrhos* 26–34.
- 19 Grainger (1999); Scholten (2000).

- 20 Tarn (1913), 263–4 and 444–5, не самая распространенная точка зрения; однако Птолемей мог многое получить, Пирр давно контактировал с Птолемеем, и последний был заинтересован в снижении силы Антигона.
- 21 *Vita Aratoi*; Diogenes Laertius 7.1.8; Grainger (1990b), 207–8.
- 22 См. примечание 3.
- 23 Pausanias 1.7.1–21; Polybius 2.28.1–2.
- 24 Pausanias 1.7.2; Callimachos 4.185–7; Laubscher (1987).
- 25 *OGIS* 798 (Austin 231); cf. Launey (1944).
- 26 Worrle (1975) (Austin 168).
- 27 Smith (1924), 150–9 (Austin 141).

*Обзор мира III: 272 г. до н.э.*

- 1 Zonaras 8.6.13.
- 2 Livy *per.* 14; Dionysios of Halicarnassus 20.14; Dio Cassius 10, frag. 4; Justin 18.2.9.
- 3 Diodoros 20.54.1; K. Meister, *САН VII*, 1, 405.
- 4 Plutarch, *Pyrrhos* 22–27.
- 5 Thapar (1997), 25–8.
- 6 Loewe and Shaughnessy (1999), 632–41.

*Заключение*

- 1 Cawkwell (2005) о V и IV вв. до н.э.
- 2 Wheeler (1968).
- 3 Smith (1924) (Austin 163): вавилоняне были недовольны, но виду не подавали.

## Библиография

- Adams, W. L. (1996) 'In the wake of Alexander the Great: the impact of conquest on the Aegean world', *Ancient World* 27, 29–37.
- Adams, W. L. and Borza, E. N. (eds) (1982) *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*, Washington DC.
- Alexandre le Grand, Image et Réalité* (1976) Fondation Hardt, Geneva.
- Allen, R. E. (1983) *The Attalid Kingdom*, Oxford.
- Andronicos, M. (1970) 'Sarisa', *BCH*, 94, 91–107.
- Anson, E. M. (1988) 'Antigonos, Satrap of Phrygia', *Historia* 37, 471–7.
- Ashley, J. R. (1998) *The Macedonian Empire, The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*, Jefferson NC.
- Avi-Yonah, M. (1978) *Hellenism in the East*, Jerusalem.
- Aymard, A. (1954) 'Philippe de Macedoine ôtage à Thèbes', *REA* 5, 15–36.
- Badian, E. (1958) 'Alexander the Great and the unity of mankind', *Historia* 7, 425–44.
- (1961) 'Harpalus', *JHS* 81, 16–43.
- (1963) 'The Death of Philip II', *Phoenix* 17, 244–50.
- (1966) 'Alexander the Great and the Greeks of Asia', in Badian, E. (ed.), *Ancient Society and Institutions, Studies Presented to Victor Ehrenburg on his 75th Birthday*, Oxford, pp. 37–69.
- (2000) 'Conspiracies', in Bosworth, A. B. and Baynham, E. J. *Alexander the Great in Fact and Fiction*, Oxford.
- Bagnall, R. S. (1976) *The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt*, Leiden.
- Bagnall, R. S. and Derow, P. (2004) *The Hellenistic Period: Historical sources in Translation*, 2nd edn, Oxford.
- Bar-Kochva, B. (1973) 'On the sources and chronology of Antiochos I's battle against the Galatians', *Proceedings of the Cambridge Philosophical Society* 119, 1–8.

- (1976) *The Seleucid Army*, Cambridge.
- Baynham, E. J. (1998) *Alexander the Great*, Ann Arbor MI.
- Bellinger, A. R. (1963) *Essays in the Coinage of Alexander the Great*, New York.
- Bernard, P. (1967) 'Ai Khanum on the Oxus: a Hellenistic city in Central Asia', *Proceedings of the British Academy* 53, 71–95.
- (1994) 'L'Asie centrale et l'empire séleucide', *Topoi* 4, 473–511.
- Bevan, E. R. (1902) *The House of Seleucus*, vol. 1, London.
- (1927) *History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*, London.
- Bickerman, E. (1938) *Institutions des Seleucides*, Paris.
- (1940) 'La lettre d'Alexandre le Grand aux bannus grecs', *REA*, 53, 25–35.
- Billows, R. A. (1990) *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*, Berkeley and Los Angeles CA.
- (1995) *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*, Leiden.
- Boardman, J. (1964) *The Greeks Overseas*, Harmondsworth.
- Borza, E. N. (1987) 'Timber and politics in the ancient world: Macedon and the Greeks', *Proceedings of the American Philosophical Association*, 131, 32–52.
- Borza, E. N. (1990) *In the Shadow of Olympos, the Emergence of Macedon*, Princeton NJ.
- (1999) *Before Alexander, Constructing Early Macedonia*, Claremont CA.
- Bosworth, A. B. (1971) 'Philip II and Upper Macedon', *CQ*, NS 21, 93–105.
- (1971) 'The Death of Alexander the Great: rumour and propaganda', *CQ* NS 21, 112–36.
- (1974) 'The Government of Syria under Alexander the Great', *CQ* NS 24, 46–64.
- (1980) 'Alexander and the Iranians', *JHS* 100 1–21.
- (1986) 'Alexander the Great and the decline of Macedon', *JHS* 106, 1–12.
- (1988) *Conquest and Empire*, Cambridge.
- (1996) *Alexander and the East*, Oxford.
- (2002) *The Legacy of Alexander*, Oxford.



- Bosworth, A. B. and Baynham, E. J. (eds) (2000) *Alexander the Great in Fact and Fiction*, Oxford.
- Bouche-Leclercq, A. (1903–1907) *Histoire des Lagides*, 4 vols, Paris.  
— (1913–1914) *Histoire des Séleucides*, 2 vols, Paris.
- Briant, P. (1972) 'D'Alexandre le Grand aux Diadoques: le Cas d'Eumènes de Kardia', *REA* 74, 32–73 and 73, 43–81.  
— (1973) *Antigone le Borgne*, Paris.  
— (1978) 'Colonisation hellénistiques et populations indigènes; la phase d'installation', *Klio* 60, 57–98.
- Brunt, P. A. (1969) 'Euboea in the Time of Philip II', *CQ*, NS 19, 245–65.
- Buckler, J. (1996) 'Philip II's designs on Greece', in Wallace, R. W. and Harris, E. M. *Transitions to Empire, Essays in Greco-Roman History 360–146 BC in Honor of E. Badian*, Norman OK, 77–98.
- Burn, A. R. (1952) 'Notes on Alexander's Campaigns 332–330', *JHS* 72, 81–4.
- Burstein, S. M. (1974) *Outpost of Hellenism, the Emergence of Heraclea on the Black Sea*, Berkeley and Los Angeles CA.  
— (1982) 'Arsinoe II Philadelphos: a revisionist view', in Adams, W. L. and Borza, E. N. (eds) (1982) *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*, Washington, DC, pp. 197–212.
- Cantor, N. (2005) *Alexander the Great, Journey to the End of the Earth*, New York.
- Carter, J. M. (1971) 'Athens, Euboea and Olynthos', *Historia* 20, 418–29.
- Cartledge, P. (2004) *Alexander the Great, the Hunt for a New Past*, London.
- Cartledge P. and Spawforth, A. (1989) *Hellenistic and Roman Sparta, a Tale of Two Cities*, London.
- Gary, M. (1951) *A History of the Greek World, 323–146 BC*, 2nd edn, London.
- Caven, B. (1990) *Dionysios I, War-Lord of Sicily*, New Haven CT.
- Cawkwell, G. L. (1962) 'The Defence of Olynthos', *CQ*, NS 12, 122–40.  
— (1978) *Philip of Macedon*, London.  
— (2005) *The Greek Wars*, Oxford.
- Chamoux, F. (1956) 'Le roi Magas', *Revue Historique* 216, 18–34.

- Chanotis, A. (2005) *War in the Hellenistic World*, Oxford.
- Cloche, P. (1955) *Un Fondateur d'Empire*, St Etienne.
- (1957) *Demosthènes et la fin de la démocratie athénienne*, Paris.
- Collart, P. (1937) *Philippe, Ville de Macedoine*, Paris.
- Cook, J. M. (1983) *The Persian Empire*, London.
- Cornell, T. J. (1995) *The Beginnings of Rome*, London.
- Cunliffe, B. (1988) *Greeks, Romans and Barbarians, Spheres of Interaction*, London.
- David, E. (1981) *Sparta between Empire and Revolution (404–243 BC)*, Salem NH.
- Davis, N. and Kraay, C. (1973) *The Hellenistic Kingdoms: Portrait Coins and History*, London.
- Dodge, T. A. (1890) *Alexander*, Boston.
- Doherty, P. (2004) *Alexander, Death of a God*, London.
- Eddy, S. K. (1961) *The King is Dead*, Lincoln NB.
- Edson, C. (1958) 'Imperium Macedonicum: the Seleucid Empire and the literary evidence', *Classical Philology* 53, 153–70.
- Ehrenburg, V. (1938) 'Pothos', in *Alexander and the Greeks*, Oxford, pp. 52–61.
- Ellis, J. R. (1969) 'Amyntas III, Illyria and Olynthos, 383/2–380/379', *Makedonika* 9, 1–8.
- (1971) 'Amyntas Perdikka, Philip II, and Alexander the Great', *JHS* 91, 15–25.
- (1976) *Philip II and Macedonian Imperialism*, London.
- Ellis, J. R. and Milns, R. D. (1970) *The Spectre of Philip*, Sydney.
- Engel, R. (c.1978) *Untersuchungen zum Machtaufstieg des Antigonos I Monophthalmos*, Kallmunz.
- Engels, D. W. (1979) *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*, Berkeley and Los Angeles CA.
- Errington, R. M. (1970) 'From Babylon to Triparadeisos: 323–320 BC', *JHS* 90, 49–77.
- (1977) 'Diodorus Siculus and the chronology of the early Diadochoi, 320–311 BC', *Hermes* 105, 478–504.
- (1990) *A History of Macedonia*, Berkeley and Los Angeles CA.
- Ferguson, W. S. (1911) *Hellenistic Athens, an Historical Essay*, London.
- Finley, M. I. (1969) *Ancient Sicily to the Arab Conquest*, London.

- Flower, M. A. (1994) *Theopompos of Chios, History and Rhetoric in the Fourth Century BC*, Oxford.
- Foertmeyer, V. (1988) 'The dating of the Pompe of Ptolemy II Philadelphia', *Historic* 37, 90–104.
- Fontana, M. J. (1960) *Le lotte per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 315*, Palermo.
- Fox, R. L. (1973) *Alexander the Great*, London.
- Fraser, P. M. (1972) *Ptolemaic Alexandria*, 3 vols, Oxford.
- (1996) *Cities of Alexander the Great*, Oxford.
- Fredericksmeyer, E. A. (1982) 'On the final aims of Philip II' in Adams, W. L. and Borza, E. N. (eds) *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*, Washington DC, pp. 85–98.
- Fuks, A. (1974) 'Patterns and types of social-economic revolution in Greece from the fourth to the second century BC', *Ancient Society* 5, 51–81.
- Fuller, J. F. C. (1958) *The Generalship of Alexander the Great*, London.
- Funck, B. (1974) 'Zur Innenpolitik des Seleukos Nikator', *Acta Antiqua academiae scientiarum Hungaricae* 22, 505–20.
- Garland, R. (1987) *The Piraeus from the Fifth to the First Century BC*, Ithaca NY.
- Grainger, J. D. (1990a) *The Cities of Seleukid Syria*, Oxford.
- (1990b) *Seleukos Nikator*, London.
- (1999) *The League of the Aitolians*, Leiden.
- Grant, M. (1990) *The Hellenistic Greeks from Alexander to Cleopatra*, new edn, London.
- Grayson, A. K. (1975) *Assyrian and Babylonian Chronicles*, Locust Valley NY.
- Green, P. (1974) *Alexander of Macedon*, Harmondsworth.
- (1990) *Alexander to Actium*, Berkeley and Los Angeles CA.
- Griffith, G. T. (1935) *The Mercenaries of the Hellenistic World*, Cambridge.
- Griffith, G. T. (ed.) (1996) *Alexander the Great, the Main Problems*, Cambridge.
- Grimal, P., Bengtson, H., Caskel, W., Derchain, P. and Smith, M. (1968) *Hellenism and the Rise of Rome*, London.
- Gruen, E. S. (1985) 'The Coronation of the Diadochoi', in Eadie,

- J. H. and Ober, J. (eds), *The Craft of the Ancient Historian, Essays in Honor of Chester G. Starr*, Lanham MD, pp. 253–71.
- Habicht, C. (1997) *Athens from Alexander to Antony* (trans. C. L. Schneider), Cambridge MA.
- Hadley, R. A. (1974) 'Royal propaganda of Seleucus I and Lysimachus', *JHS* 94, 50–65.
- Hamilton, J. R. (1973) *Alexander the Great*, London.
- (1987) 'Alexander's Iranian policy', in Will, W. and Heinrichs, J. (eds), *Zu Alexander der Grosse, Festschrift G. Wirth*, Amsterdam, pp. 467–86.
- Hammond, N. G. L. (1938) 'The two battles of Chaeronea (338 BC and 86 BC)', *Klio* 3, 186–218.
- (1966) 'The kingdoms in Illyria, c.400–167 BC', *Annual of the British School at Athens* 61, 73–85.
- (1967) *Epirus*, Oxford.
- (1981) *Alexander the Great*, London.
- (1982) 'The evidence for the identity of the royal tombs at Vergina', in Adams, W. L. and Borza, E. N. (eds) (1982) *Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage*, Washington DC.
- (1983) *Three Historians of Alexander the Great*, Cambridge.
- (1989) *The Macedonian State, its Origins, Institutions, and History*, Oxford.
- (1994) *Philip of Macedon*, London.
- Hammond, N. G. L., Griffith, G. T. and Walbank, F. M. (1972, 1976, 1988) *A History of Macedonia*, 3 vols, Oxford.
- Hatzopoulos, M. B. (1985) 'La Béotie et la Macedoine à l'époque de l'hégémonie thébaine: le point de vue macedonien', in *La Béotie Antique*, Paris, 247–57.
- (1996) *Macedonian Institutions under the Kings, Meletemata* 22, Athens.
- Hauben, H. (1973) 'On the chronology of the years 313–311 BC', *American Journal of Philology*, 4, 256–67.
- (1975/6) 'Antigonos' invasion plan for his attack on Egypt in 306 BC', *Orientalia Lovaniensia Periodica* 6/7, 267–71.
- (1977) 'Rhodes, Alexander, and the Diadochi from 333/2 to 304 BC', *Historia* 26, 307–39.
- (1977) 'The first war of the Successors (321 BC)', *Ancient Society* 8, 85–120.

- Hazard, M. A. (1967) 'The regnal years of Ptolemy II Philadelphus', *Phoenix* 41, 140–58.
- Heckel, W. (1988) *The Last Days and Testament of Alexander the Great*, *Historia Einzelschriften* 56, Stuttgart.
- (2006) *Who's Who in the Age of Alexander the Great*, London.
- Heinen, H. (1972) *Untersuchungen zur Geschichte des 3. Jahrhunderts v. chr. Zur Geschichte der Zeit des Ptolemaios Keraunos und zur Chremonidischen Krieg*, *Historia Einzelschriften* 20, Wiesbaden.
- Heisserer, A. J. (1980) *Alexander the Great and the Greeks, the Epigraphic Evidence*, Norman OK.
- Heskel, J. (1996) 'Philip II and Argaios: a pretender's story', in Wallace, R. W. and Harris, E. M., *Transitions to Empire, Essays in Greco-Roman History 360–146 BC in Honor of E. Badian*, Norman OK, pp. 37–56.
- Holbl, G. (2001) *A History of the Ptolemaic Empire*, London.
- Holt, F. L. (1989) *Alexander the Great and Bactria*, Leiden.
- (1999) *Thundering Zeus*, Berkeley and Los Angeles CA.
- (2003) *Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions*, Berkeley and Los Angeles CA.
- (2005) *Into the Land of Bones*, Berkeley and Los Angeles CA.
- Huergon, J. (1973) *The Rise of Rome to 264 BC*, London.
- Isaac, B. (1986) *Greek Settlements in Thrace*, London.
- Karttunen, K. (1997) *India and the Hellenistic World*, Helsinki.
- Keil, B. (1902) 'Korou Pedion', *Revue de Philologie* 26, 257–9.
- Kuhrt, A. and Sherwin-White, S. (eds) (1987) *Hellenism in the East: the Interaction of Greek and non-Greek Civilisation from Syria to Central Asia after Alexander*, Berkeley and Los Angeles CA.
- Kuhrt, A. and Sherwin-White, S. (1994) 'The transition from Achaemenid to Seleucid rule in Babylonia: revolution or evolution?', *Topoi* 4, 311–27.
- Larsen, J. A. O. (1968) *Greek Federal States*, Oxford.
- Laubscher, H. P. (1987) 'Ein ptolemaischer Gallierdenkmal', *Antike Kunst* 30, 131–54.
- Launey, M. (1944) 'Un épisode oublié de l'invasion galate en Asie Mineure (278/7 av. J.-C.)', *REA* 46, 217–36.
- (1949–1950) *Recherches sur les Armées Hellénistiques*, Paris.

- Leveque, P. (1957) *Pyrrhos*, Paris.
- Lewis, S. (2000) 'The tyrant's myth', in Smith, C. and Servanti, J. *Sicily from Aeneas to Augustus*, Edinburgh, pp. 93–106.
- Lock, R. (1977) 'The Macedonian army assembly in the time of Alexander the Great', *Classical Philology* 72, 91–107.
- Loewe, M. and Shaughnessy, E. L. (eds) (1999) *The Cambridge History of Ancient China, from the Origins of Civilisation to 220 BC*, Cambridge.
- Longega, G. (1968) *Arsinoe II*, Rome.
- Lund, H. S. (1992) *Lysimachos, a Study in Hellenistic Kingship*, London.
- McNicoll, A. (1997) *Hellenistic Fortifications from the Aegean to the Euphrates*, rev. N. P. Milner, Oxford.
- Markle, M. M. (1974) 'The strategy of Philip II in 346 BC', *CQ*, NS 24, 253–68.
- Marsden, E. W. (1964) *The Campaign of Gaugamela*, Liverpool.
- (1969) *Greek and Roman Artillery, Historical Development*, Oxford.
- May, M. F. (1939) *The Coinage of Damastion*, Oxford.
- Mehl, A. (1986) *Seleukos Nikator und sein Reich*, Louvain.
- Meiggs, R. (1972) *The Athenian Empire*, Oxford.
- Marker, I. L. (1970) 'The Ptolemaic officials and the League of the Islanders', *Historia* 9, 141–60.
- Michel, H. (1957) *The Economics of Ancient Greece*, Cambridge.
- Milns, R. D. (1966) 'Alexander's Macedonian cavalry and Diodoros XVII, 17, 4', *JHS* 86, 167–80.
- Mitchell, S. (1993) *Anatolia, Land, Men, and Gods in Asia Minor*, Oxford.
- Moraux, P. (1957) 'L'établissement des galates en Asie Mineure', *Istanbul Mitteilungen*, 56–73.
- Morkholm, O. (1991) *Early Hellenistic Coinage*, Cambridge.
- Morley, N. G. G. (1996) *Metropolis and Hinterland, the City of Rome and the Italian Economy 200 BC-AD 200*, Cambridge.
- Mossé, C. (1973) *Athens in Decline, 404–86 BC* (trans. J. Stewart), London.
- (2004) *Alexander, Destiny and Myth* (trans. J. Lloyd), Edinburgh.
- Moysey, R. A. (1991) 'Diodoros, the satraps and the decline of the Persian Empire', *Ancient History Bulletin* 5, 111–20.

- Muller, O. (1973) *Antigonos Monophthalmos und 'das Jahre des Könige'*, Bonn.
- Nachtergaeel, G. (1977) *Les Galates en Grèce et les Sotéria de Delphes*, Brussels.
- Narain, A. K. (1957) *The Indo-Greeks*, Cambridge.
- (1965) 'Alexander and India', *Greece and Rome*, 2nd series, 12, 155–65.
- Newell, E. T. (1927) *The Coinages of Demetrius Poliorcetes*, Oxford.
- O'Brien, J. M. (1992) *Alexander the Great, the Invisible Enemy*, London.
- Olmstead, A. T. (1948) *History of the Persian Empire*, Chicago IL.
- Osborne, M. J. (1979) 'Kallias, Phaidros and the revolt of Athens in 287 BC', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 25, 181–94.
- Pearson, L. (1983) *The Lost Histories of Alexander the Great*, Chico CL.
- Perlman, S. (ed.) (1973) *Philip and Athens*, Cambridge.
- Philips, G. (2004) *Alexander the Great, Murder in Babylon*, London.
- Picard, G. C. and Picard, C. (1987) *Carthage* (trans. D. Collon), London.
- Préaux, C. (1987) *Le Monde Hellénistique*, 2 vols, 2nd edn, Paris.
- Price, M. J. (1991) *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaios*, London.
- Pritchett, W. K. (1958) 'Observations on Chaeronea', *American Journal of Archaeology* 62, 307–11.
- Raychaudhuri, H. (1996) *Political History of Ancient India*, with a commentary by B. N. Mukherji, Oxford.
- Rice, E. E. (1983) *The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*, Oxford.
- Robert, L. (1945) *Le sanctuaire de Sinuri près de Mylasa: I Les inscriptions grecques*, Paris.
- (1946) *Hellenica, Recueil d'épigraphie de numismatique et d'antiquités grecques*, 2nd edn, Paris.
- (1959) 'Les inscriptions grecques de Bulgarie', *Revue de Philologie* 38, 172–9.
- Roebuck, C. (1948) 'The settlements of Philip II with the Greek states in 338 BC', *Classical Philology* 3, 73–91.

- Roesch, P. (1984) 'Un décret inédit de la Ligue Thébaine et le flotte d'Epaminondas', *Revue des Etudes Grecques*, 97, 45–60.
- Romane, P. (1988) 'Alexander's siege of Gaza', *Ancient World* 18, 21–30.
- Roos, P. (1985) 'Alexander I in Olympia', *Eranos* 83, 162–8.
- Ryder, T. T. B. (1965) *Koine Eirene*, Oxford.
- Sachs, A. J. and Wiseman, D. J. (1954) 'A Babylonian king list of the Hellenistic period', *Iraq* 16, 202–12.
- Sanders, L. J. (1987) *Dionysios I of Sicily and Greek Tyranny*, Beckenham.
- Savill, A. (1990) *Alexander the Great and his Time*, 2nd edn, New York.
- Schlumberger, D. (1969) 'Triparadisos', *Bulletin du Musée de Beyrouth* 22, 147–9.
- Schober, L. (1981) *Untersuchungen zur Geschichte babyloniens und der oberen Satrapien von 323–303 V. Chr.*, Frankfurt.
- Scholten, J. B. (2000) *The Politics of Plunder*, Berkeley and Los Angeles CA.
- Schottky, F. F. (1989) *Media Atropatene und Gross Armenien in hellenistischer Zeit*, Bonn.
- Schwenk, C. J. (1985) *Athens in the Age of Alexander*, Chicago IL.
- Sedlar, J. W. (1980) *India and the Greek World*, Totowa NJ.
- Seibert, J. (1967) *Historische Beiträge zu den dynastischen verbindungen in hellenistischer Zeit*, *Historia Einzelschriften* 10, Wiesbaden.
- (1970) 'Philokles, Sohn des Apollodoros, König der Sidonier', *Historia* 19, 337–51.
- Seyrig, H. (1988) 'Seleucus I and the foundation of Hellenistic Syria', in Ward, W. A. (ed.), *The Role of the Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilisations*, Beirut, pp. 53–63.
- Shear, T. L. (1978) *Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 BC*, *Hesperia* Supplement 17, Princeton NJ.
- Sherwin-White, S. and Kuhrt, A. (1993) *From Samarkhand to Sardis*, London.
- Shipley, G. (2000) *The Greek World after Alexander 323–30 BC*, London.
- Simpson, R. H. (1954) 'The historical circumstances of the peace of 311 BC', *JHS* 74, 25–31.



- (1959) 'Antigonos the One-Eyed and the Greeks', *Historia* 8, 385–409.
- Smith, L. C. (1961) 'The chronology of Books 18–22 of Diodorus Siculus', *American Journal of Philology* 82, 283–90.
- Smith, S. (1924) *Babylonian Historical Texts*, London.
- Stark, E (1958) *Alexander's Path*, London.
- Stoneman, R. (ed.) (1991) *The Greek Alexander Romance*, London.
- Talbert, R. J. A. (1974) *Timoleon and the Revival of Greek Sicily, 344–317 BC*, Cambridge.
- Tarn, W. W. (1913) *Antigonos Gonatas*, Oxford.
- (1951) *The Greeks in Bactria and India*, 2nd edn, Cambridge.
- Tarn, W. W. and Griffith, G. T. (1952) *Hellenistic Civilisation*, 3rd edn, London.
- Thapar, R. (1966) *A History of India*, vol. 1, Harmondsworth.
- (1997) *Asoka and the Decline of the Mauryas*, 2nd edn, Oxford.
- Thompson, D. (1988) *Memphis under the Ptolemies*, Princeton NJ.
- Thonemann, P. (2005) 'The tragic king: Demetrios Poliorketes and the city of Athens', in Hekster, O. and Fowler, R. (eds), *Imaginary Kings*, Stuttgart, pp. 63–85.
- Tillyard, H. J. W. (1908) *Agathocles*, Cambridge.
- Toynbee, A. J. (1965) *Hannibal's Legacy*, vol. 1, Oxford.
- (1969) *Some Problems of Greek History*, Oxford.
- Tronson, A. (1984) 'Satyros the Peripatetic and the marriages of Philip II', *JHS* 104, 116–26.
- Vogelsang, W. (1987) 'Some remarks on Eastern Iran in the late Achaemenid Period', in Sancisi-Weedenberg, H. (ed.), *Achaemenid History I, Sources, Structure and Synthesis*, Leiden.
- (1990) 'The Achaemenids and India', in Sancisi-Weedenberg, H. (ed.), *Achaemenid History IV, Centre and Periphery*, Leiden, pp. 93–110.
- Vogt, J. (1971) 'Kleomenes von Naukratis, Herr von Agypten', *Chiron* 1, 153–7.
- Walbank, E W. (1981) *The Hellenistic World*, London.
- Warmington, B. H. (1964) *Carthage*, Harmondsworth.
- Wehrli, C. (1969) *Antigone et Démétrios*, Geneva.
- Weischofer, J. (1996) *Ancient Persia* (trans. A. Azodi), London.

- Weiskopf, M. (1989) 'The so-called "Satraps Revolt", 366–360 BC', in *Historia Einzelschriften*, Stuttgart.
- Westlake, H. D. (1935) *Thessaly in the Fourth Century B.C.*, London.
- Wheatley, P. (1995) 'Ptolemy Soter's annexation of Syria 320 BC', *CQ*, NS 45, 433–40.
- Wheeler, M. (1968) *Flames over Persepolis: Turning Point in History*, London.
- Whitehorne, J. (1996) *Cleopatras*, London.
- Wilcken, U. (1967) *Alexander the Great* (trans. G. C. Richards), New York.
- Will, E. (1964) 'Ophellas, Ptolémée, Cassandre et la chronologie', *REA* 66, 320–33.
- (1967) 'La Cyrenaïque et les partages successifs de l'empire d'Alexandre', *Antiquité classique* 29, 369–90.
- (1979) *Histoire politique du Monde Hellénistique*, 2nd edn, Nancy.
- Wolohojian, A. M. (1969) *The Romance of Alexander the Great by Pseudo-Callisthenes*, New York.
- Wood, M. (1997) *In the Footsteps of Alexander the Great*, London.
- Worrie, M. (1975) 'Antiochos I, Achaïos der Altere und die Galater', *Chiron* 5, 59–87.
- Worthington, I. (2003) *Alexander the Great, a Reader*, London.

*Указатель***А**

- Абдера 72  
Абидос 121, 219  
Абулит, сатрап Сузианы 142  
Август Гай Юлий Цезарь Октавиан, римский император 163  
Агатон, полководец 142  
Агафокл, правитель Фессалии 75  
Агафокл, тиран Сиракуз, царь Сицилии 161, 163, 187, 201, 215, 216, 235, 240, 241, 243, 245–247, 254, 281–283  
Агесилай, царь Спарты 78  
Агис III, царь Спарты 131–133  
Ада, царица Карики 125  
Адриан, император Древнего Рима 234  
Аероп 29, 42  
Азия 252–254, 265, 273, 279  
Ай-Ханум 227  
Акарнания 89, 90, 91, 96, 98, 99, 106, 107, 220, 222  
Аксий, река 27, 28, 37, 220  
Александр I, царь Македонии 24–27, 29, 31, 32, 34, 47, 59  
Александр II, царь Македонии 35, 36, 38, 40, 41  
Александр III Великий, царь Македонии 17–20, 44, 50, 57, 69, 79, 108, 112–167, 169, 170, 177, 179, 181–183, 188–190, 192, 194–198, 203, 204, 207–209, 212, 217, 222, 224, 226, 228–231, 233, 242, 245, 252, 253, 256, 260, 265–267, 269, 271, 279, 280, 282, 283, 285, 286, 289, 290  
Александр IV, царь Македонии 170, 174, 175, 181, 185, 188, 199, 217  
Александр V, царь Македонии 219, 220  
Александр, сын Лисимаха 250  
Александр, тиран Фер 63, 65  
Александр, царь Молоссии 113  
Александр, царь Эпира 150, 161, 221, 282  
Александрия в Маргиане (Антиохия) 227  
Александрия Египетская 137, 156, 163, 176, 188, 192, 194, 196, 197, 210, 248, 252, 269, 273, 274  
Александрия Кандагарская 193  
Александрия Эсхата 193, 227  
Александрополь 94  
Алкет, полководец, сын Александра I 27, 28, 165, 168, 169  
Алора 37  
Альмопия 22, 37  
Амадок, царь Фракии 72, 75  
Аманские горы 206, 241  
Амастрис, супруга Пердикки, затем Лисимаха 225, 245  
Амбракия 89, 90, 91, 98, 109, 220

- Аминта I, царь Македонии 27  
Аминта II Малый, царь Македонии 29, 35  
Аминта III, царь Македонии 21, 29–36, 38, 41, 52  
Аминта, сын Пердикки III 42, 79, 116  
Амис 175  
Аморгос, битва при (322 до н.э.) 154  
Амфаксий 27  
Амфиполь 28, 39, 40, 54, 62–68, 70, 72, 86, 91, 97, 113, 170, 230, 238  
Амфиса 105–107  
Анатолия 126, 128, 174–176, 187, 49, 204–208, 285, 287  
Андрос, остров 237–239  
Анкира 278  
Анталкидов («Царский») мир (387 до н.э.) 49, 110  
Антеи 37  
Антиген, сатрап Сузианы 157  
Антигон I Одноглазый, полководец, основатель династии Антиго-  
нидов 19, 126, 128, 155–158, 165–169, 171–181, 183–185, 188–191, 195–  
200, 201–203, 205–209, 211, 212, 215, 216, 245, 265, 270, 292  
Антигон II Гонат 220, 224, 227, 228, 231, 232, 236, 237, 240–243, 247,  
248, 251–259, 260, 263–266, 267, 269, 272, 274–280, 282, 288–292  
Антигона, супруга Пирра I 216  
Антигонидов династия 226, 266  
Антигония 198, 210  
Антиох II, царь Сирии 110, 279  
Антиох III, царь Сирии 280  
Антиох I Сотер, царь Сирии 193, 207, 226, 227, 232, 233, 246, 255–259,  
263–265, 267, 268, 270, 272, 277–279, 288, 290  
Антиохия 193, 210  
Антипатр II, царь Македонии 247  
Антипатр, внук Антипатра, племянник Кассандра 254, 262  
Антипатр, полководец 19, 114, 116, 120, 130–133, 145–149, 151–159,  
162, 165–171, 181, 188, 217, 220, 222, 227, 254, 276, 280, 291, 292  
Антипатридов династия 222  
Антропат, персидский сатрап 271  
Антропатен 287  
Апама, дочь Антиоха I и Стратоники, супруга Магаса 277  
Апама, супруга Селевка I 209, 225, 226  
Апамея 193, 210  
Апана 203  
Апеннинский полуостров 46  
Аполлодор, тиран Кассандрии 264  
Аполлония 66, 95  
Апомей 248  
Аравия 289  
Арад 127  
Арахозия 137, 138, 141, 144, 169, 173, 186, 204, 272, 287  
Аргеадов (Теменидов) династия 21, 26, 27, 215, 222, 226, 266, 274

- Аргей, царь Македонии 30, 37, 41, 54, 55, 60, 62, 65  
Арголида 119  
Аргос 21, 90, 92, 93, 106, 109, 257, 275, 281, 289  
Арей, царь Спарты 257, 275  
Арея 173, 258  
Арея-Дрангиана 290  
Аристодем, восначальник 199  
Аркадия 45, 82, 92, 106, 109, 118, 119, 131, 153  
Армения 240, 271, 278, 287  
Армянское нагорье 203, 205, 206  
Арно, река 46  
Арриб, царь Эпира 79, 89, 216, 221  
Арридей, брат Филиппа II 41, 77  
Арридей, сын Филиппа II, см Филипп III Арридей  
Арсам, сатрап Киликии 121  
Арсиноя I, супруга Птолемея II Филадельфа 273  
Арсиноя II, дочь Птолемея I Сотера и Береники I 225, 244–246, 251, 252, 254–256, 259, 273, 274  
Арсит, сатрап Фригии 101, 121, 122  
Артабаз, сатрап Фригии 71, 72, 93, 94  
Артаксеркс II, царь Персии 49–50  
Артаксеркс III Ох, царь Персии 50, 72, 93, 94, 111, 145, 150  
Артаксеркс IV, царь Персии 111  
Архелай, царь Македонии 28–30, 34, 37, 41, 48, 53  
Архидам, царь Спарты 83, 160, 161  
Асандр, сатрап Кари и Лидии 123, 174–176, 214  
Асклепидор, царь Сирии 175  
Астасп, сатрап Кармании 142  
Атинтания 220  
Атлантический океан 286  
Атос, полуостров 195  
Атропат, сатрап Мидии 143, 152  
Атропатена 278  
Атталидов династия 214  
Атталидов царство 270  
Аттика 237, 239  
Аудата, иллирийская принцесса 60–62, 150  
Афганистан 138  
Афины 26, 28, 33, 38–40, 45, 51, 53, 54, 56, 61–64, 66, 69–71, 75–77, 79–81, 83–87, 90, 91–99, 101–104, 106–111, 118–121, 124, 131, 146–148, 153, 154, 170, 176, 180, 197, 198, 200–202, 208, 211, 213–218, 227–229, 238, 239, 274, 289  
Африка 45, 47, 46, 283  
Ахайя 99, 106, 107, 131, 257  
Ахей, царь в Малой Азии, сын Селевка I Никатора 226, 278  
Ахейский союз 257  
Ахеменидов империя 51, 137, 190, 286, 288

Ахемениды, персидская династия 49, 68, 143, 190, 204, 224, 272, 273, 287  
Ашока Великий, правитель империи Маурьев 283

**Б**

Багой, евнух, визирь Артаксеркса III 111, 112  
Багой, евнух, фаворит Александра III 143  
Бактрия 133–137, 141, 144, 152–154, 162, 169, 171, 173, 186, 193, 203, 226, 256, 270, 272, 278, 279, 280, 287, 290, 291  
Балакр, полководец 128  
Балеарские острова 46  
Балканы 23, 120, 224, 260, 289  
Балла 70  
Бардалис, царь Иллирии 38, 40, 41, 43, 47, 52, 55, 58, 60–63, 65, 86  
Барсаент, сатрап Арахозии 137, 287  
Барсина, супруга Мемнона Родосского 150, 183  
Бенгальский залив 286  
Беотийский союз 105, 108  
Беотия 42, 71, 91, 92, 104–107, 109, 118, 119, 176, 208, 222–224, 227–229, 237, 240, 276  
Береника I, супруга Птолемея I, внучка Антипатра 243, 244  
Берисад 54  
Бероя 195, 210  
Бесс, сатрап Бактрии 134, 136, 137  
Бизалтия 28, 33, 39  
Биндусара, правитель империи Маурьев 283  
Ближний Восток 20, 287  
Болгий, предводитель галатов 261–263  
Босфор, пролив 93, 224  
Босфорское царство 201  
Боттиэя 22  
Бренн, предводитель галатов 261–263  
Букефалия 137

**В**

Вавилон 49, 127, 132, 134, 135, 146, 149, 151–153, 155, 157, 162, 169, 171, 173, 177–179, 182, 185, 193, 194, 196, 197, 206, 217, 270, 272, 278, 291  
Византий 75, 99, 100, 101, 103, 105, 176, 203, 264  
Византия 259  
Вифиния 245, 259, 260, 264, 265, 272, 278  
Волос, залив 221  
Всеобщий мир (360 до н.э.) 119  
Второй Афинский союз 70, 80, 81, 99  
Вэй, царство в Китае 163

**Г**

Габиена 169  
Габиена, битва при (316 до н.э.) 169

- Гавгамелы 133, 162, 198  
Гавгамелы, битва при (331 до н.э.) 133, 162  
Газа 129, 162, 177–179, 182, 187, 208, 231  
Газа, битва при (312 до н.э.) 177, 178, 182  
Галепс 66  
Галиакмон, река 28  
Галикарнас 123–125, 162, 231  
Галис, река 135  
Галлия 48  
Галонес 96, 97  
Галос 82, 83  
Ганг, река 50, 159, 162, 163  
Гарпал, сподвижник Александра III 143, 147, 153  
Гегесипп, афинский государственный деятель 91  
Гедрозия 162, 272  
Гекатомпил 193  
Геллеспонт 72, 75, 93, 95, 100, 104, 121, 122, 153, 154, 162, 171, 176, 190, 195, 196, 219, 223, 252  
Геллеспонтская Фригия 265  
Гемус (Балканские) горы 94, 104, 203, 260  
Герайон-Тихос 76, 99  
Геракл, сын Александра III 21, 150, 183, 185  
Гераклея Понтийская 70, 201, 225, 245, 247, 251, 258–260  
Геркон, полководец 142  
Гестиея 31  
Гефестион, сподвижник Александра III 148, 149  
Гибралтарский пролив 49  
Гигея 35, 41  
Гиндукуш, горы 204  
Гифас, река 138  
Гонат 243  
Гордион 126, 127, 129, 278  
Граб, царь Иллирии 64  
Граник, битва при (334 до н.э.) 123, 126, 134, 162  
Граник, река 122–124, 126, 129, 134, 162  
Греция 19, 20, 24, 31, 32, 37, 39, 45, 47–51, 53, 143, 144, 146, 147, 152, 155, 159, 170, 171, 174–176, 179, 181, 183, 187, 188, 194, 197, 201, 202, 204–206, 209, 213–215, 217–219, 221–224, 227–231, 235, 237, 238, 243, 253, 257, 258, 260, 263, 265, 270, 275–277, 279, 281, 286, 288, 289
- Д**  
Дамастион 68, 70  
Дарий III, царь Персии 112, 127–134, 137, 140, 145, 150, 199, 230, 245  
Даскилей 122, 125  
Деять дорог, поселение 26, 28

Дедра 38

Деидамия, супруга Деметрия I Полиоркета 208

Делосский союз 26

Дельфийская Амфиктиония 84, 85, 104, 105, 117

Дельфы 71, 74, 81, 83, 85, 86, 106, 222, 263, 276

Деметрий I Полиоркет, царь Македонии 177–179, 183, 185, 197–203, 205–209, 211–234, 236–240, 242, 243, 247–249, 251, 253–255, 265, 266, 269, 270, 275, 276, 290–292

Деметрий Фалерский, философ, тиран Афин 170, 176, 180, 197

Демир Капу, проход 28, 41

Демодам, полководец 186, 227

Демосфен, оратор, политический деятель 84, 90, 91, 92, 97–100, 106, 118

Дерда 29, 62

Дидим 268

Диодор, историк 61

Диодот I, сатрап Бактрии 272, 290

Диодот II, сатрап Бактрии 272, 290

Дион 22, 27, 47, 220

Дионисий I Старший, тиран Сиракуз 281

Дионисий II, тиран Сиракуз 45, 47, 160, 161, 281

Дионисий, тиран Гераклеи Понтийской 245

Диопейт 96, 98–100, 111

Доким 214

Докимейон 196

Дорилей 205, 207

Дромихет, царь гетов 223, 224

Дромоклид, оратор 218

Дунай, река 23, 48, 104, 208, 223, 260

Дура-Европос 186

## Е

Еврипид, древнегреческий драматург 48

Европа 240, 241, 254, 268

Евфрат, река 48, 129, 135, 186, 193, 201, 206, 210, 211, 213

Египет 49, 51, 93, 94, 121, 127–130, 135, 143, 148, 155–157, 167–169, 172, 174, 175, 178, 179, 187–189, 192, 193, 197, 231, 239, 244, 246, 248, 249, 252, 253, 256, 258, 260, 264, 270, 271, 273, 278, 281

## Ж

Желтая река (Хуанхэ) 50

## З

Зариасп, персидский чиновник 144

Зевгама 210

Зипоит Младший, сын Зипоита 265

Зипоит, царь Вифинии 265



**И**

- Иераполь 210  
Илион 122, 257, 268  
Иллирия 37, 38, 48, 60, 64, 81, 87, 88, 112, 116, 118, 119, 122, 260, 261  
Инд, река 49, 135, 137–139, 152, 159, 162, 204, 230, 283, 284  
Индия 19, 49–51, 137, 139, 141, 143, 144, 147, 151, 152, 161, 162, 171, 173, 186, 193, 204, 231, 249, 257, 269, 280, 283, 285, 286  
Ионийское (Ионическое) море 81, 215  
Иония 125, 196, 209, 213, 265  
Ипс 207, 209, 212, 213, 215, 216, 224, 225, 231, 245, 271, 290  
Исократ, оратор, политический деятель 124, 146  
Испания 46  
Исс 129, 131, 162, 181  
Исс, битва при (333 до н.э.) 162  
Истрос 95  
Италия 20, 45, 47, 48, 50, 51, 160, 255, 256, 281, 283, 284, 285  
Итанос 184  
Ификрат, афинский военачальник 37  
Ихны 186, 195

**К**

- Кабила 94, 98  
Каинда 205, 215  
Калас, сатрап Фригии 122, 126, 128, 147  
Калий, командующий войсками Птолемея 239  
Калинга 283  
Каллий, тиран Халкиды 80, 98, 99  
Каллистрат, афинский оратор, государственный деятель 40, 55, 65  
Каллисфен, историк 134  
Кампания 46, 160, 161  
Каппадокия 126, 153–155, 159, 165, 175, 206, 272  
Кара-Су, долина 241  
Кардия 96, 100, 195  
Кария 125, 174–176, 183, 209, 214  
Кармания 139, 141–144, 169, 272  
Карры 178, 186  
Карфаген 45–47, 159, 161, 162, 187, 281–283  
Каспийское море 227  
Кассандр, царь Македонии 12, 165–168, 170–172, 174–177, 179–181, 183, 184, 188, 189, 191, 194–203, 205–208, 213, 215, 216, 222, 227, 233, 238, 247, 253, 260, 261, 265, 266, 274, 276, 280, 291–293  
Кассандрия 251, 252, 254, 263, 264  
Каунос 184  
Келены 126, 175, 196, 268  
Кенхры 201  
Керкира, остров 215, 216, 235  
Кернтий, предводитель галатов 261, 263

- Керсobleпт, царь Фракии 64, 72, 75, 76, 79, 82, 83, 94, 95  
Кетрипор, царь Фракии 64, 65, 72  
Кефис 107  
Кизик 268  
Киликия 121, 127–129, 153, 154, 166, 176, 183, 205, 209, 214, 215, 217, 219, 225, 240, 241, 242, 249  
Кинана, дочь Филиппа II 116, 150  
Кипр, остров 93, 127, 128, 168, 174, 176, 184, 186, 197, 198, 205, 208, 209, 211, 213, 219, 225, 260, 270  
Кир II Великий, царь Персии 199  
Кирена 176, 277  
Киренаика 167, 184, 187, 205, 244, 248, 260, 270, 274, 277, 278  
Кири 210  
Китай 20, 50, 51, 284, 285  
Клазомены 213  
Клеандр, полководец 142  
Клейт, сатрап Лидии 165, 166  
Клеомен, сатрап Египта 143, 144, 148, 167, 192  
Клеоним, принц Спарты 222, 275  
Клеопатра, дочь Филиппа II 114, 150, 154, 156, 185  
Клеопатра, супруга Филиппа II 112, 116, 120  
Клит Черный, полководец, сподвижник Александра III 134  
Колофон 196  
Коммаген 287  
Конкобар 193  
Коракесион 184  
Коринф 47, 90, 91, 107, 109, 155, 160, 161, 180, 183, 184, 186, 201, 202, 208, 213, 215, 217, 227, 229, 240, 276, 289  
Коринфский (Эллинский) союз 110, 119, 153, 155, 202, 206, 208, 289  
Короня 85  
Корсея 85  
Кос, остров 126, 184  
Коса 257  
Котис, царь Фракии 41, 54  
Котизей 250  
Краннон 35  
Краннон, битва при (322 до н.э.) 154, 155  
Кратер, полководец 138–141, 144–146, 151–156, 166, 181, 245  
Кратир 155  
Крениды, см. Филиппы  
Крит, остров 124, 126, 132, 184, 187, 211, 275  
Крокусово поле, битва на (352 до н.э.) 86  
Крым 201  
Ксантос 184  
Ксенофонт, историк, писатель, военный 77  
Курупедия 249

**Л**

- Ламийская война (323–322 до н.э.) 157, 166  
Ламия 153, 154  
Ланасса, супруга Деметрия Полеоркет 235  
Ланасса, супруга Пирра I 216  
Лаодикея 193 210  
Лаомедон, сатрап Милитены 168, 169  
Ларисса 35, 63, 65, 79, 88, 117, 220  
Латинский союз 160  
Лахар, афинский демагог 216–218, 222, 213  
Лациум 47, 160  
Лебадеи 42  
Лебедос 196  
Левктры 32  
Леоннат, полководец, сатрап Фригии 139, 153–155  
Леоннорий, предводитель галатов 263, 265  
Леосфен, полководец 153, 154  
Лесбос, остров 113, 126  
Лидия 123, 125, 126, 165, 174, 214, 265  
Ликия 225  
Ликофрон, тиран Фер 73, 74  
Ликург, государственный деятель Спарты 95  
Линкестиды 22, 30, 35, 38, 60, 62, 67, 70  
Липей, царь Пеонии 64, 65  
Лисандра, дочь Птолемея I и Эвридики 219, 244, 246–248, 254  
Лисий 214  
Лисимах, царь Фракии, царь Македонии 19, 172, 176, 179, 180, 195, 201–209, 212–214, 219–221, 223–225, 227, 231–233, 235, 237–240, 242–255, 258, 259, 261, 269, 270, 273, 293  
Лисимахия 195, 203, 224, 227, 247, 252, 255, 259, 264  
Лициний, римский народный трибун 47  
Локрида 104  
Лутарий, предводитель галатов 263, 265

**М**

- Мааре 193  
Магадха, государство в Индии 50, 138, 162, 283  
Магас, царь Киренаики 244, 248, 249, 260, 274, 277–279  
Магнесия 74, 88, 113  
Мазак, персидский губернатор 127  
Макиавелли Никколо, итальянский мыслитель, политический деятель 67  
Малая Азия 49, 123, 124, 128, 129, 156, 157, 159, 165, 168, 171, 184, 186, 203–205, 209, 213, 214, 219, 221, 224, 225, 232, 243, 249–251, 255, 257–259, 268–270, 272, 277, 278, 291  
Малида 104  
Мантиния 39  
Маргиана 193

- Маронея 72  
Массалия 46  
Маурьев династия 204, 283  
Маурьев империя 227  
Мегалополь 131, 132, 257  
Мегара 92, 96, 98, 99, 106, 107  
Мекиберна 81  
Мелеагр, царь Македонии 151, 262  
Мемнон Родосский, полководец, правитель Фракии 72, 113, 121, 123, 126, 127, 130, 150  
Мемфис 176  
Менелай, брат Филиппа II, правитель Кипра 27, 29, 41, 77, 184, 187  
Менон, сатрап Сирии 129  
Ментор, полководец 94  
Месембрия 95  
Месопотамия 132, 178, 185, 186, 194, 206, 208  
Мессения 45, 90, 92, 106, 109, 131, 153  
Метона 22, 38, 54, 62, 65, 66, 72  
Мидия 133, 135, 143, 152, 169, 173, 179, 185, 193, 240, 271, 272, 290  
Микены 31  
Милет 123, 126, 180, 199, 239, 240, 244, 258, 268  
Миндос 184  
Митилена 124, 126, 168  
Митридат I, царь Понта 224, 251, 264  
Молоссия 62, 79, 89, 113, 160  
Монголия 50  
Монуний, царь Иллирии 256, 260  
Мунихия 218

**Н**

- Навкратис 130, 143  
Навпракос 90  
Нанды, династия Магадха 50, 162, 163  
Неаполь 66, 72, 75, 76  
Неарх, полководец 126, 139  
Неоптолем 216  
Никанор, сатрап Мидии 173, 179, 185, 193  
Никесиполида, супруга Филиппа II 75, 150, 170  
Никея 104–106  
Никея, дочь Антипатра, супруга Лисимаха 156, 245  
Никомед I, царь Вифинии 265  
Никополь 211, 241  
Нил, река 130, 156, 206  
Нисибис 186

**О**

- Одессос 95

Ойсиме 66

Оксатр, сатрап Паретакены 142

Оксиарт, военачальник, отец Роксаны 152, 162

Олимп, гора 22, 37

Олимпия, область в Греции 120, 179

Олимпия, супруга Филиппа II 62, 79, 112–114, 116, 154, 170, 216

Олиф 23, 30–32, 64, 76, 77, 79–81

Ономарх, полководец 73, 75

Ордан, персидский чиновник 144

Орей 98

Орест 29, 30, 42

Орестида 22, 28, 38, 60, 62, 67

Орксин, персидский аристократ 143

Оронт, персидский аристократ, сатрап Мисии 196, 224, 271

Офелл, правитель Киренаики 187

Охромент 85

## П

Павсаний, убийца Филиппа II 29, 37, 41, 54, 115, 116

Пагасы 74, 88, 221

Палестина 129, 197, 211, 225

Паммен, полководец 47, 53, 71–73, 78, 84

Памфилия 126, 184

Пангей, гора 26, 28

Пантавх, македонский полководец 235, 238

Паравея 79

Паретакена 142

Парисат, супруга Александра III 150

Парменион, полководец 64, 112–115, 118, 121, 123, 125, 126, 129, 134, 140, 142

Паронея 220

Паропамисады 152, 162, 173, 185, 204

Парфенон 201

Парфия 143, 173, 278

Паталипутра 50

Патара 184

Патрокл, полководец Селевка 179, 227, 240

Пафлагония 126, 159, 224

Певкест, сатрап Персии 171

Пейсис, предводитель восстания беотийцев 223

Пейтон, сатрап Мидии 152, 157, 165, 169, 171, 290

Пейтон, сын Агенора, сатрап Индии 173, 178

Пелагония 22, 24, 39

Пелла 28, 29, 31, 34, 38, 70, 72, 79, 195, 219, 230

Пелопид из Фив, военачальник 32, 36, 37, 39, 45

Пелопоннес 32, 51, 202, 208, 217, 243, 275

Пелопоннесская война (431–404 до н.э.) 28

- Пелузий 156  
Пенджаб 162, 163  
Пеония 55, 60, 265  
Пергам 214, 247, 250, 259, 268, 278  
Пердикка I, царь Македонии 27, 28  
Пердикка II, царь Македонии 27, 29, 31, 33, 34  
Пердикка III, царь Македонии 21, 37–42, 48, 53, 56, 60, 65, 79, 116  
Пердикка, телохранитель и полководец Александра Македонского, один из диадохов, регент Македонии после смерти Александра 151–159, 163, 167, 168, 171, 172, 224, 225  
Перебия 75  
Перинф 75, 76, 99–101, 103, 105, 111  
Персеполь 51, 99, 100, 121, 132, 172, 272  
Персида 173, 272  
Персидская империя 19, 24, 49–51  
Персидские войны (500–494 до н.э.) 24, 26  
Персия 72, 93, 94, 111, 119, 124, 125, 134–139, 141, 143, 159, 162, 169, 171, 180, 182, 185, 190, 193, 230, 232, 271, 272, 278, 285, 287, 289, 291  
Пидна 22, 28, 38, 62, 63, 65, 66, 72, 170  
Пиерия 22, 27, 70  
Пирей 155, 216, 218, 239, 240, 276  
Пирена 240  
Пирр I, царь Эпира и Македонии 216, 219–222, 227, 228, 234, 235, 237–239, 242, 243, 254–256, 259, 260, 269, 275–277, 281, 282  
Писидия 184  
Питеон 70  
Пифолай, тиран Фер 74  
Плеврий, царь Иллирии 112  
Плистарх, брат Кассандра 209, 213, 214  
По, река 46  
Полемей, военачальник, племянник Антигона 174–177, 179, 183  
Полиперхон, военачальник 166, 168, 170, 171, 174, 180, 183–185  
Понт, царство 224, 251, 259, 264, 278, 287  
Пор, индийский царь 162, 163  
Портмос 92  
Потидея 23, 39, 64, 65, 77, 97, 194, 195  
Приена 213, 268  
Пропонтида 76, 81, 93, 99, 100, 104  
Птолемида 192  
Птолемея династия 226, 249, 253, 273  
Птолемея царство 270, 271, 278  
Птолемей I Алорит, царь Македонии 35–38, 41, 42, 53, 156  
Птолемей II Керавн, царь Македонии 244, 246, 248–250, 252, 254–253, 270, 273, 274  
Птолемей II Филадельф, царь Египта 233, 243, 244, 246, 247–250, 252, 255, 257, 258, 260, 268–270, 273, 274, 277–281

- Птолемей Кос, соправитель Птолемея II Филадельфа 244  
Птолемей Телмесский, сын Лисимаха 246  
Птолемей Филоксен, сын Пилопида из Фив 37  
Птолемей I Сотер, царь Египта 19, 156, 157, 165, 167–169, 172, 174–178, 180, 183–185, 187–189, 191–193, 196–198, 200–213, 215, 218, 219, 221, 225, 227, 233, 235, 237–239, 242–245, 248, 252, 253, 265, 274, 292  
Птолемей, сын Пирра I 275  
Птолемея, дочь Эвридики 23945,1, 244  
Пуническая Вторая война (264–241 до н.э.) 282  
Пуническая Первая война (218–201 до н.э.) 282

## Р

- Раги 193  
Ретион 121  
Рим 20, 47, 51, 160–164, 194, 278, 281, 282, 283, 285  
Родос, остров 72, 99, 104, 180, 200, 201  
Роксана, супруга Александра III 136, 145, 150–152, 162, 170, 174  
Рона, река 46

## С

- Саламин, битва при (480 до н.э.) 199  
Саламин, остров 198–200, 219  
Самария 211  
Самарканд 227  
Самос, остров 124, 126, 147, 154  
Сардиния 46  
Сарды 123, 125, 128, 130, 185, 240, 250  
Священная война 3-я, см. Фокейская война  
Северный союз 259, 264, 272, 278  
Секстий, римский консул 47  
Селевк I Никатор, полководец, сирийский царь 19, 152, 156, 157, 169, 171–175, 177–180, 183, 185–187, 192, 194, 195, 197, 201–207, 209–213, 215, 217, 219, 221, 224–227, 231, 232, 235, 237–243, 246–255, 258, 260, 265, 269–272, 274, 280, 283, 284, 288, 290, 292  
Селевкидов династия 226, 237, 253, 271, 272, 273, 287  
Селевкидов империя 193, 270, 276, 278, 279, 281, 286  
Селевкия 193, 194, 196, 197, 210, 291  
Селимбрия 99, 101  
Сест 93  
Сибиртий, сатрап Арахозии 186  
Сива 130  
Сидон 93, 127, 208, 211, 213, 217, 238  
Сикион 183, 184, 186, 202  
Синай 206  
Синнада 196  
Синоп 224  
Сиракузы 45–47, 160–162, 187

- Сирия 49, 127, 129, 156, 168, 169, 174, 175, 177–179, 186, 193, 195, 196, 198–200, 205, 206, 208–213, 224, 225, 232, 241, 248, 249, 251, 255, 258, 260, 272, 273, 278, 291
- Ситалк, полководец 142
- Сицилия 45, 46, 51, 161, 163, 201, 215, 281–283
- Смирна 196
- Согдиана 136, 162, 173, 186, 225
- Соля 129
- Состен 263
- Сострат, представитель Птолемея 239
- Сосфен, полководец 262
- Союз городов Халкидики 62, 64
- Спарта 28, 32, 39, 44, 45, 71, 75, 82, 83, 86, 90–93, 106, 109–111, 120, 121, 124, 128, 131–133, 144, 153, 160, 161, 275, 289
- Спитамен, полководец 136, 203, 225, 226
- Спитридат, сатрап Лидии-Ионии 121
- Средиземное море 46, 48, 49, 194
- Стасанор, сатрап Бактрии и Согдианы 186, 290
- Статира, супруга Александра III 150
- Стратоника, дочь Деметрия, супруга Селевка I 209, 211, 226, 277
- Стримон, река 26, 28, 76, 94
- Сузиана 142, 157, 171, 173, 185, 193, 272
- Сузы 49, 100, 132, 152, 169, 172, 245
- Сянь, правитель эпохи Цинь 163
- Сяо, правитель эпохи Цинь 163

**Т**

- Тавр, горы 206, 208, 219, 225, 240
- Таксил, индийский царь 162, 163
- Тапсак (Зегма) 186
- Тарас 256, 281
- Тарент 160, 281
- Тасос 65
- Телесфор, полководец, племянник Антигона I 176, 179, 180
- Темен 21
- Темисон 214
- Темисонион 196, 268
- Теос 196, 259
- Терес, царь Фракии 94
- Терма 23
- Термейский залив 22, 28, 62, 194
- Термоссос 165
- Тибр, река 46
- Тигр, река 179, 194, 196, 197, 291
- Тимoleon, государственный деятель 161
- Тимофей 38, 39
- Тимфея, афинский полководец 22



Тир 128, 129, 162, 174, 178, 180, 208, 211, 213, 217, 231, 238  
Трипарадиз 156–158, 162, 165, 171, 172  
Триполи 127  
Троада 195  
Трога 42  
Троя 121  
Тулуза 46

## У

Уранополис 195

## Ф

Фазелис 184

Фаил, полководец 73

Фалек, полководец 82–85

Фарнабаз, полководец 126, 128, 131

Фарсал, правитель Галоса 82

Фермопилы 75, 76, 83, 85, 104, 117, 153, 263

Феры 45, 63, 65, 71, 73–75, 88, 203

Феспии 223

Фессалийский союз 74

Фессалия 30, 35, 36, 40, 45, 62, 63, 65, 66, 71, 73–77, 81, 82, 86–89, 91, 98, 104, 105, 111, 117, 119, 154, 176, 181, 189, 202, 205, 214, 220, 221, 229, 240, 242, 243, 262, 263, 274

Фессалоника, дочь Филиппа II 150, 170, 188, 194, 195, 216, 217

Фиатира 268

Фивы 35–39, 45, 47, 53, 69, 71, 72, 79, 83, 84, 86, 87, 93, 105, 107–110, 117–121, 153, 176, 194–196, 223, 228, 229, 234, 289

Фивы Фтиотийские 203

Фила, дочь Антипатра, супруга Деметрия I 238

Фила, дочь Селевка I и Стратоники, супруга Антигона II Гоната 226, 259, 277

Филетер, правитель Пергама 214, 247, 250, 278

Филина, супруга Филиппа II 63, 79

Филипп II, царь Македонии 17–19, 27, 41–44, 47, 50–101, 103–116, 119–121, 124, 128, 133, 140, 147, 151, 157, 160, 161, 170, 173, 188, 190–192, 195, 196, 198, 202, 203, 207, 215, 216, 220–222, 228, 229, 234, 237, 253, 256, 261, 265, 267, 269, 276, 285, 288, 289

Филипп IV, царь Македонии 215–217

Филипп III Арридей, царь Македонии, сын Филиппа II 79, 150, 151, 165, 167, 168, 170, 264

Филипп, сатрап Бактрии 152

Филипп, сатрап Индии 147

Филиппополь 94, 146, 237

Филиппы 64–68, 70, 86, 95, 146, 221, 237

Филодора 274

Филокл, царь Сидона 238

Филотера, сестра Птолемея II Филадельфа 274  
Финикия 168, 174, 175, 184, 209, 225, 233, 238, 249  
Фокейская война (3-я Священная война; 356–346 до н.э.) 71, 75, 87  
Фокида 71, 74, 82–85, 88, 91, 104, 106, 177, 217, 223, 223, 240  
Фракии 26, 48, 54, 55, 55, 64, 70, 72, 75–77, 83, 87, 94, 95, 98–100, 103, 111, 117–119, 130, 131, 172, 176, 181, 195, 203, 205, 243, 247, 252, 260, 261, 264, 265, 268, 285  
Фрасаорт, сатрап Персии 143  
Фратрферн, сатрап Парфии 143, 152  
Фригия 71, 121, 125, 126, 147, 153, 155, 157, 165, 175, 183, 190, 196, 214  
Фукидид, греческий историк 25

## Х

Хайбер, перевал 138, 163  
Халкида 22, 80, 98, 229, 276  
Халкидика 22, 26, 28, 30–33, 37, 39, 62, 64, 70, 86, 191, 194, 196  
Халкидон 259  
Халкидский союз 31, 32, 37, 42, 76, 79, 195  
Халкис 210  
Харес, полководец 72, 74, 75, 80, 100  
Харидем, полководец 80  
Херонея 107, 110  
Херсонес 75, 76, 82, 83, 96–98, 100, 101, 146, 195  
Херсонес Фракийский 203, 224, 227, 255, 264, 265  
Хиос, остров 99, 104, 124, 126

## Ц

Царская дорога 128  
«Царский мир», см. Анталкидов мир  
Центральная Азия 50  
Ци, династия в Китае 163, 284  
Цинь, династия в Китае 284, 285  
Цинь, царство в Китае 163, 164

## Ч

Чандрагупта Маурья, правитель Северной Индии 162, 163, 204, 272, 283, 284  
Черное море 49, 207, 224, 247, 258

## Э

Эвбея, остров 22, 31, 76, 80, 81, 92, 96, 98, 99, 106, 176, 230, 237, 240  
Эвбул, афинский оратор, политик 95  
Эвмен, сатрап Каппадокии 155, 156, 165, 166, 168, 169, 171–174, 181, 207, 209, 241  
Эвполем 214  
Эвридика I, дочь Антипатра, супруга Птолемея I Сотера 166, 239, 243, 244, 246

- Эвридика, дочь Лисимаха, супруга Антипатра I 219  
Эвридика, дочь Филиппа II, супруга Филиппа III 170  
Эвридика, супруга Аминты III 35, 36, 38  
Эврония 35  
Эгейское море 24, 39, 49, 247, 120, 121, 123, 128, 129, 154, 175–177, 182, 184, 197, 203, 208, 218, 219, 230, 236, 237, 239, 257, 260, 276, 277  
Эги 27–29, 38, 54, 55, 65, 114, 156, 167, 199, 275  
Эдесса 186  
Эдония 28  
Эйон 26  
Экбатана 133, 142, 172, 193, 272  
Экрегма 175  
Элатея 217  
Элевтер, река 208, 225  
Элида 92, 96, 109, 119, 131  
Элимея 22, 28, 38, 62, 67, 75, 122, 147  
Эллинский союз, см. Коринфский союз  
Эматия 22  
Эордея 22  
Эпаминонд 32, 39, 45  
Эпир 40, 79, 89, 114, 116, 150, 161, 170, 215, 216, 221, 228, 235, 249, 275, 285  
«Эпоха воюющих царств» (Китай) 164  
Эретрия 92, 98, 230  
Эригон 70  
Эритрея 213, 268  
Этолийский союз 90, 181, 200, 221, 223, 242, 276  
Этолия 118, 119, 146, 153, 154, 222, 223, 227, 235, 243  
Эфес 112, 113, 123, 180, 213, 219, 240, 251, 268

## Ю

Юстин, Марк Юниан, римский историк 42

## Я

Яксарт, река 186  
Ясон, тиран Фер 45, 63, 65, 75, 78

*Империя Александра Великого протянулась на три континента, а его достижения изменили весь Древний мир. Но Джон Грэйнджер утверждает, что, несмотря на всю свою воинскую доблесть и успехи завоевателя, он был одним из величайших неудачников в истории.*

*Надменность Александра в значительной степени стала причиной его преждевременной кончины, и именно он сам был виновен в крахе своей империи. Ведь Александр правил обществом, где царь был важнейшей фигурой для благополучия всего народа в целом.*

*Если царь терпел неудачу, то это отражалось на всем государстве. Подобное случалось в каждом поколении македонских царей в течение двух столетий до Александра и снова произошло, когда он умер. Ради блага своего народа Александру нужен был взрослый наследник, но детей у него не было, а соперников он устранял. Это была безответственность крайне интровертного человека, последствием ее стали 50 лет войн после смерти Александра и разрушение его империи.*

[www.elkniga.ru](http://www.elkniga.ru)

ISBN 978-5-17-063297-8



9 785170 632978